

БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД

Дмитрий
Филиппов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Битва за Ленинград — самое продолжительное сражение Второй мировой войны, длившееся с 10 июля 1941 года по 9 августа 1944 года. Через призму биографий как прославленных полководцев, так и неизвестных героев автор вырисовывает масштабную картину обороны Ленинграда. Акцент в книге сделан на действиях войск Ленинградского фронта, сражавшихся изнутри блокадного кольца.

Голод — самое страшное и безжалостное испытание, которое может выпасть на долю человека. Голод стирает тысячелетия цивилизации, низводя людей до первобытного состояния. И только любовь, вера и понимание общей беды позволяют сохранить человеческое достоинство. Генералы и офицеры, солдаты и мирные жители — все оказались связаны голодом и единой судьбой. На страницах этой книги сам Город из места действия превращается в главного героя, на метафизическом уровне приближая Победу.

Основываясь на архивных выписках, журналах боевых действий полков и дивизий, автор показывает, в каких условиях полководцам приходилось планировать операции, а солдатам — атаковать хорошо укрепленные немецкие позиции. Отдельные материалы, связанные с биографиями В. Е. Ломакина и М. А. Нефедова, публикуются впервые.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей России и Великой Отечественной войны.

[Адаптировано для AIReader]

-
-
-
-
-
-
-
-

- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [Дмитрий Филиппов](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [comments](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)

- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)

- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)

- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)

- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)

- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)

- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)

- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)

- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)

- [417](#)
  - [418](#)
  - [419](#)
  - [420](#)
  - [421](#)
  - [422](#)
  - [423](#)
  - [424](#)
  - [425](#)
  - [426](#)
  - [427](#)
  - [428](#)
  - [429](#)
  - [430](#)
  - [431](#)
  - [432](#)
  - [433](#)
  - [434](#)
  - [435](#)
  - [436](#)
  - [437](#)
  - [438](#)
  - [439](#)
  - [440](#)
  - [441](#)
  - [442](#)
  - [443](#)
  - [444](#)
  - [445](#)
  - [446](#)
  - [447](#)
  - [448](#)
  - [449](#)
  - [450](#)
  - [451](#)
-

Дмитрий Филиппов

БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

---

*

Автор выражает благодарность за помощь в сборе материала во время работы над книгой Вячеславу Викторовичу Тарасову, Константину Степанову, Александру Константиновичу Гедримовичу, Ирине Смирновой, Алексею Говорову.

Без вас эта книга была бы неполной.

© Филиппов Д. С., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

*Лидии Родионовне Афанасьевой и
Петру Георгиевичу Гончарову, моим
бабушке и дедушке, прошедшим Блокаду,
посвящается*

ПЕРЕД БЛОКАДОЙ

Перед входом на Пискарёвское мемориальное кладбище установлена памятная мраморная доска с надписью: «С 8 сентября 1941 года по 22 января 1944 года на город было сброшено 107 158 авиабомб, выпущено 148 478 снарядов, убито 16 744 человек, ранено 33 782, умерло от голода 641 803 человек». От Вечного огня к главной стеле мемориала ведет аллея протяженностью 480 метров. Нет никакого сакрального и тайного смысла в этой цифре 480. Просто справа и слева от аллеи — братские могилы, череда холмиков, уходящих вглубь. И надо пройти полкилометра, чтобы миновать братские захоронения умерших в блокаду ленинградцев и погибших бойцов Ленинградского фронта. Полкилометра ям с телами. Вдумайтесь в эту цифру. Полкилометра.

На гранитной стене, расположенной позади монумента «Родина-мать», высечены строки Ольги Берггольц:

Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имен благородных мы здесь перечислить не
сможем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.

Таков итог самой продолжительной битвы в истории Великой Отечественной войны — Битвы за Ленинград!

Ночь на 22 июня 1941 года была в Ленинграде теплой, тихой и светлой, как и положено белым ночам. Тишину нарушали лишь веселые компании вчерашних школьников, гулявших вдоль Невы после выпускного вечера. Девушки в белых платьях и юноши гуляли, взявшись за руки, смеялись, целовались украдкой, еще не зная, что вермахт уже перешел государственную границу СССР, что уже идут бои на подступах к Бресту, что эксперты люфтваффе уже бомбят Киев, Севастополь, Каунас, Житомир и другие советские города. Вечером на стадионе им. В. И. Ленина^[1] должен был состояться футбольный матч между ленинградской «Красной звездой» и московским «Динамо». К 8 утра далеко за Балтийским заводом, за Академией художеств, Кунсткамерой и дальше, над ломкими силуэтами крыш Петроградской стороны повисли черные точки — аэростаты заграждения.

Ночью на подступах к Ленинграду произошли первые воздушные бои. В 3.20 летчики А. Шавров и Н. Бойко вступили в бой со звеном «Мессершмиттов» Vf. ПО. В 4 часа 20 немецких самолетов предприняли попытку минирования фарватера в Финском заливе, а около 5 утра разведчики люфтваффе появились под Кронштадтом и Выборгом, где были встречены огнем зениток.

В третьем часу ночи 2-й секретарь Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Алексей Александрович Кузнецов, замещавший находившегося в отпуске 1-го секретаря А. А. Жданова и бывший на тот момент фактически первым должностным лицом в городе, вызвал к себе в Смольный 1-х секретарей райкомов. Он довел до их сведения телеграмму за подписью наркома обороны СССР, полученную в штабе Ленинградского военного округа. В ней говорилось о возможном

нападении 22 или 23 июня. А в пятом часу А. А. Кузнецова из его кабинета, где шло совещание, пригласили к аппарату прямой связи с Москвой. Вскоре он вернулся и коротко объявил: война!

Но основная масса жителей Ленинграда узнала о начале войны только в 12.15, когда по радио прозвучала знаменитая речь заместителя председателя СНК СССР и наркома иностранных дел В. М. Молотова. Слушая запись этого обращения сегодня, невольно режут слух дефекты дикции и нарушения орфоэпических норм языка, вот эти вот «граждане и гражданки», «договор», смягчение звонких согласных. Но нам сложно представить, что творилось в душе наркома, когда в 12.05 он вышел из кабинета И. В. Сталина с текстом выступления и направился на Центральный телеграф, откуда осуществлялась прямая трансляция. Люди замерли на площадях и улицах, везде, где застал их этот исторический момент. Замерли и слушали. Лица спокойные, напряженные. Никакой паники, ни тени страха. Именно тогда, в речи Молотова впервые звучит словосочетание «Отечественная война»: сравнивая войну с Наполеоном 1812 года с нынешним нападением фашистской Германии, нарком иностранных дел прямо говорит, что враг также будет разбит и изгнан с территории нашей Родины. Еще никто не догадывался тогда, что фраза «Отечественная война», произнесенная Молотовым по радио, станет точной, верной и невообразимо кровавой; никто представить себе не мог, что начался кошмар, который продлится долгих четыре года.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года среди других территорий СССР, объявленных на военном положении, были названы «город Ленинград и Ленинградская область». Это означало, что отныне все функции

государственной власти в деле обороны передаются Военному совету Ленинградского военного округа.

Около 15.00 закрылись сберкассы — закончилась наличность: люди стремились снять свои скромные сбережения. В продуктовые магазины выстроились очереди. И вместе с этим на заводах и предприятиях начались стихийные митинги, а очереди добровольцев у военкоматов были не короче очередей в магазины. Как это всегда бывает в минуты опасности, обнажается нутро человека, его оголенная суть, и это не спрятать, не изменить. Ты можешь маскироваться, как хамелеон, и быть своим в доску парнем, или не быть им, угрюмо отталкивая окружающих, но в минуту опасности твое нутряное вырвется наружу, и вся твоя суть станет видна, как на ладони: затариться продуктами или бежать в военкомат? Это, на самом деле, очень простой и внятный выбор. Но как же меняет он всю твою жизнь!

В первую же военную ночь на улицах появились военные патрули, вооруженные винтовками, а у подъездов домов — дежурные с противогазными сумками через плечо. Следили, чтобы не осталось ни одного освещенного окна. Светомаскировка. В первую же ночь зазвучали сирены, извещая об угрозе воздушного нападения. Тревога оказалась ложной. Но вряд ли кто смог спокойно заснуть в эту первую военную ночь. Жизнь кардинально разделилась на две половины, и это было уже не изменить, не переиначить.

По решению Ставки Главного командования Вооруженных сил СССР с 24 июня 1941 года Ленинградский военный округ преобразовывался в Северный фронт. Он просуществует два месяца, а 26–27 августа его войска разделят между вновь созданными Ленинградским и Карельским фронтами. Еще никто даже не думает об окружении. Еще в помине нет Волховского фронта. Нет «Невского пяточка» и героической обороны крепости Орешек. Война уже идет,

но для большинства ленинградцев пока еще остается умозрительной категорией.

Вот как вспоминает те дни Николай Никулин, курсант школы радиоспециалистов: «Война тем временем где-то шла. Первое представление о ней мы получили, когда на территорию школы прибыла с фронта для пополнения и приведения в порядок разбитая дивизия. Всех удивило, что фронтовики жадно едят в огромных количествах перловую кашу, остававшуюся в столовой. Курсанты радиошколы были недавно из дома, еще изнежены и разборчивы в еде... Солдаты с фронта были тихие, замкнутые. Старались общаться только друг с другом, словно их связывала общая тайна. В один прекрасный день дивизию выстроили на плацу перед казармой, а нам приказали построиться рядом. Мы шутили, болтали, гадали, что будет. Скомандовали смирно и привели двоих, без ремней. Потом капитан стал читать бумагу: эти двое за дезертирство были приговорены к смертной казни. И тут же, сразу, мы еще не успели ничего понять, автоматчики застрелили обоих. Просто, без церемоний... Фигурки подергались и застыли. Врач констатировал смерть... Именно тогда в нашем сознании произошел сдвиг: впервые нам стало понятно, что война — дело нешуточное, и что она нас тоже коснется»^{1}.

Но были и другие примеры.

Уже 27 июня было принято решение о создании народного ополчения. 30-го началась запись добровольцев на предприятиях Ленинграда. Кировский и Московский заводы, Металлический, «Арсенал», «Прогресс», «Красный выборжец», станкостроительный им. Я. М. Свердлова, «Экономайзер»... В первый же день записалось 10 890 бойцов, к концу пятого дня эта цифра выросла до 77 413.

На «Красный выборжец» пришла жена рабочего Рыбина и сказала: «Я проводила мужа в армию и теперь

хочу трудиться в его цехе». В этот же день Анну Устиновну зачислили на работу.

В Государственном институте физической культуры им. П. Ф. Лесгафта 280 студентов и преподавателей решили уйти партизанами. Вскоре отряды лесгафтовцев отправятся в псковские леса...

Ленинградцы постепенно привыкали к равномерному стуку метронома. В перерывах между передачами он звучит размеренно, напоминая о постоянной опасности воздушного нападения, а во время тревоги ритм его становится учащенным. Еще никто не знал, что этот неторопливый стук, напоминающий шаги в гулких пустых залах Эрмитажа, совсем скоро станет единственной надеждой, когда лежишь в холодной квартире, закутавшись в ворох одеял, умирая от голода, не имея сил выйти на улицу. Этот звук станет единственным доказательством, что город еще не пал, что он жив и сражается, а значит, и ты сам жив, пока слышишь эту неторопливую поступь города.

Менялся и облик Ленинграда. Уже нельзя было увидеть блеска золота на куполе Исаакиевского собора, на шпилях Петропавловской крепости и Инженерного замка — они покрашены нейтральной краской зеленого цвета. На Адмиралтейскую иглу решено натянуть сшитый из мешковины чехол. Крупнейшие предприятия, многие мосты, водопроводные и электрические станции тщательно замаскированы. Район Смольного, если смотреть на него сверху, превращен в лесопарковую зону. Еще на дальних подступах к зданию натянуты гигантские маскировочные сети с темнозелеными лоскутами, изображающими деревья.

Еще одна примета тех дней. На Невском и Литейном проспектах, на других улицах прямо на тротуарах были расставлены столы с книгами, еще пахнущими свежей типографской краской. Такой литературный всплеск объяснялся просто: из-за перегрузки железных дорог

было невозможно вывозить полиграфическую продукцию, печатавшуюся в ленинградских типографиях. Поэтому решили сбывать книги на местном рынке. Импровизированный книжный базар на Невском проспекте раскинулся прямо перед гастрономом № 1 — знаменитым Елисеевским. Серые мешки с песком наглухо закрывали зеркальные витрины, а рядом яркие краски на обложках.

А немецкие войска продолжали развивать наступление. Вот что записал в дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер 8 июля 1941 года: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще»^{2}.

Псков пал 8 июля. Отступление частей регулярной армии, бегство гражданского населения, обозы, нескончаемый поток спасающихся от войны людей. К тому времени после тяжелых боев был оставлен Остров, и две немецкие танковые дивизии стремительно продвигались вперед: одна на Псков, другая на Порхов. Прибывающие со стороны Ленинграда эшелоны с 235-й стрелковой дивизией с ходу вступали в бой, но в условиях паники и неразберихи, недостаточно четкого управления войсками имели место случаи самовольного оставления позиций. Дороги были забиты отступающими, поэтому подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия был крайне затруднен.

Вот как вспоминает эти дни начальник Инженерного управления Северного фронта генерал-лейтенант

инженерных войск Б. В. Бычевский: «Семьи, оставшиеся без крова, горящие дома, плачущие на руках у матерей дети, страдающие от жары и жажды. Тут и там вперемешку с беженцами бредут разрозненные группы бойцов. Нескончаем поток машин, всевозможных тележек. И над всем этим пестрым водоворотом стоит угнетающий гул, в воздухе висит едкая пыль... Над шоссе только что пронесся на бреющем полете «Мессершмитт». Пулеметная очередь скосила двух девочек и трех женщин»^{3}.

В ночь с 7 на 8 июля части 1-й танковой дивизии вермахта отбросили наши войска на южную окраину Пскова. Создалась угроза выхода немецких танков в тыл 118-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Н. М. Головацкий. Командование 41-го стрелкового корпуса по результатам доклада комдива Головацкого дало устный приказ на отход дивизии за реку Великая. Но в условиях общей дезорганизации и потери управления войсками был преждевременно взорван мост через реку, когда еще не было прямой угрозы со стороны немцев. Это привело к беспорядочному отступлению частей 118-й, 111-й стрелковых дивизий. Бойцы бросали тяжелое вооружение и пересекали реку вплавь.

До сих пор сложно установить, что же именно тогда происходило под Псковом. Память об этом хранит Великая — древняя русская река, но она никому не откроет своих тайн.

Генерал-майор Н. М. Головацкий за оставление Пскова и потерю частей 118-й дивизии был осужден судом Военного трибунала и приговорен к высшей мере наказания. Генерал был расстрелян 3 августа 1941 года, а определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 декабря 1958 года реабилитирован за отсутствием состава преступления. Командира 41-го стрелкового корпуса генерал-майора И. С. Кособуцкого

приговорили к 10 годам заключения (освобожден в 1942 году, войну закончил в звании генерал-лейтенанта). Головацкий во время следствия ссылался на устный приказ комкора, а также на невозможность получить письменный приказ в тех условиях. И. С. Кособуцкий на суде факт устного приказа не подтвердил. Также в июле 1941-го по приговору трибунала Северо-Западного фронта был расстрелян начальник инженерной службы 41-го стрелкового корпуса военинженер 2-го ранга Головлев.

Дорога на Ленинград была практически открыта. На пути немецкой группы армий «Север» остался только Лужский рубеж.

В это время школьники Ленинграда по всему городу собирают пустые бутылки. Нет, никто не искал легкого заработка. Это ленинградские предприятия получили задания ежедневно поставлять в войска 9 тысяч бутылок с горючей смесью для поджога танков противника. С 10 июля началось массовое изготовление этих стеклянных гранат на предприятиях города и в мастерских высших учебных заведений: Педагогическом им. А. И. Герцена, Текстильном им. С. М. Кирова, Электротехническом институте связи им. М. А. Бонч-Бруевича и других ленинградских институтах.

В саду возле Института холодильной промышленности (ЛИХП) и в Апраксином Дворе проходил обучение личный состав 3-й дивизии народного ополчения. Вчерашние рабочие, студенты, инженеры выполняли приемы строевой подготовки, учились колоть штыком чучела из мешковины. Все это походило на плохо поставленный спектакль, но ленинградцам не до смеха. 12 июля на ипподроме, где совсем недавно проходили скачки, дивизии будет вручено Красное знамя, вскоре она примет участие в боях на Олонецком направлении. 2-й Приморский полк

дивизии будет отправлен на Лужский рубеж. А на месте ипподрома после войны построят Театр юного зрителя.

Человек, впервые взявший в руки оружие две недели назад, еще не готов убивать. В глубине души он не верит, что винтовка, оттягивающая плечо, будет стрелять. И так же в то, что будут стрелять в него. Вот стоят эти люди на ипподроме, переминаются. Греет солнце. Скрипит песок под ногами. Очень хочется жить. Многие из них скоро погибнут, защищая свой город, свою страну. Но сейчас, вот в этот самый день 12 июля 1941 года они все еще живы, в каждом скрывается непостижимый мир — целая непознанная вселенная. И их невстреченные возлюбленные, их неродившиеся дети пока еще с ними...

Бои за Лужский рубеж 12 июля 1941 года начинаются... Так же, как в мирное время, сберкассы выплачивают выигрыши. Только за один этот день по шестому тиражу Государственного займа Третьей пятилетки сберкассы Ленинграда выплатили 6200 выигрышей на общую сумму свыше 800 тысяч рублей.

Восемнадцатого июля погибают дети Ленинграда.

Накануне вечером на станцию Лычково Демянского района Новгородской области прибыл эвакуационный поезд, вывозивший из Ленинграда детей, а также сопровождавших их педагогов и медицинских работников. Всего около двух тысяч человек. На станции поезд отвели на запасной путь, ожидая подхода новых групп детей из Демянска, которые и прибыли во второй половине дня 18 июля. Примерно в эти же часы на соседний путь прибыл санитарный поезд с ранеными красноармейцами. И в этот момент появляется немецкий бомбардировщик.

Вот как вспоминает последствия налета очевидец, а впоследствии писатель Валентин Динабургский: «Фрагменты детских тел висели на телеграфных проводах, на ветвях деревьев, на кустарниках. Стаи

ворон, чуя поживу, с гвалтом кружили над местом трагедии. Солдаты собирали изуродованные тела, быстро начавшие разлагаться под влиянием жары. От смрада тошнило и кружилась голова.

Через пару дней на Лычково нахлынули матери несчастных жертв. Простоволосые, растрепанные, они металась между путей, искореженных взрывами бомб. Они незряче бродили по лесу, не обращая внимания на минные поля, и подрывались на них... Неудивительно, что некоторые тронулись разумом. Меня одна женщина, улыбаясь, спрашивала: не встречал ли я ее Вовочку? Она только сейчас вела его в детсадик и оставила вот здесь... Зрелище страшное: истерики, вопли, обезумевшие глаза, растерянность, безысходность...»{4}

Из вагонов выбегают дети в белых панамках, плачут от ужаса, пытаются спрятаться в поле, не понимая, что белые панамки прекрасно видны с высоты на зеленом фоне. Отбомбившись, летчик делает второй круг. Он видит, что перед ним маленькие дети. Он все прекрасно видит. И продолжает методично расстреливать их из пулемета. Ориентир — белые панамки.

Этот немецкий летчик... Я пытаюсь представить, какой он, как выглядит, о чем думает, злой ли он человек? Или он обычный светловолосый парень, улыбчивый, белозубый, с красивыми и правильными чертами лица, любящий свою мать, пишущий нежные письма жене о том, как уничтожил в течение минуты... не детей, нет, недочеловеческих личинок. Как он рассказывает об этом случае в полку и его друзья, его боевые товарищи Фрицы, Гансы, Густавы весело смеются. Я не знаю, погиб ли этот летчик во время войны или, наоборот, прожил долгую счастливую жизнь, растил детей, нянчил внуков. Но я точно знаю, что советский солдат — самый милосердный солдат в мире. Потому что после Лычково у него появилось полное

моральное право уничтожать немцев, как нацию. Но советский солдат не стал этого делать.

Ирина Алексеевна Зимнева помнит хронику тех событий лишь по рассказам старших товарищей. Жизнь ей, трехлетней крохе, спасла кукла — памятный подарок мамы, врученный на перроне перед самым отправлением рокового эшелона. Торчащая из груды детских тел игрушечная рука привлекла внимание тринадцатилетнего Лычковского мальчишки Алеши Осокина. Он потянулся за ней, услышал душераздирающий детский плач и понял — здесь лежит живой ребенок. Семья Алеши приняла девочку как родную, но вскоре нашлись родственники и Ирина вернулась обратно в Ленинград, прямиком в кольцо блокады. В 1984 году Ирина Алексеевна вернулась в эти земли — вместе с мужем они купили в соседнем поселке дачу, решили обустроить хозяйство; перво-наперво — построить баньку, для чего и пригласили местного плотника. По завершении работы супруги разговорились с мастером. И вдруг он начинает описывать события того дня: разбомбленный фашистами поезд, кукла, маленькая девочка... Плотником оказался Алексей Осокин.

От Кингисеппа до Луги, от Балтики до озера Ильмень протянулась линия обороны. Немецкая группа армий «Север» впервые с начала войны завязла в районе Луги, не в силах прорвать оборону советских войск. Сводки боев второй половины июля похожи на книгу славы, что ни день, то подвиг и чудеса самоотверженности.

Вот балтийский летчик старший лейтенант Н. И. Митин. Идет на таран и сбивает немецкий самолет PZL P.24, корректировавший огонь артиллерии по Ленинграду. Самолет Митина загорелся и начал падать, но сам он успел выпрыгнуть с парашютом над территорией, уже занятой противником. Его уже

считали погибшим, но через три дня Митин перешел линию фронта и вернулся в полк.

А вот неизвестный солдат. Два кубаря. Лейтенант. В районе Сольцов его взвод залег под огнем немецкого пулемета. Немец долбит яростно, страшно. Головы не поднять. Жара. Липкий пот пропитал гимнастерку. Пить хочется. Жить хочется. Лицо в траве, душисто пахнет осокой. Жучок ползет по травинке. А подняться надо. Зачем? Зачем подниматься, когда так хочется жить? На этот вопрос не может быть внятного, не вызывающего сомнений ответа. Позади Ленинград, Родина. Да, но ведь жить хочется... Как же страшно вставать... Жена, дочь. Смотрят откуда-то ему в глаза. Откуда они смотрят? Отчего так обжигает их взгляд? Эх, надо вставать... Поднимается лейтенант, успеваает заорать во всю грудь: «За мной, мужики!» Делает шаг и ловит пулю на вздохе. Но взвод уже поднялся, уже бежит вперед. Десять метров до врага, пять, три... Врукопашную, штыком в брюхо, саперной лопаткой под кадык. Бой яростный и короткий. Все. Сольцы отбили. 8-я немецкая танковая дивизия отрезана от основных сил. Лейтенант лежит на поле. Взгляд его стеклянен и светел. Жучок переползает с травинки на лицо.

Группа армий «Север» прекращает наступление на Ленинград 19 июля. В приказе Гитлера об этом говорилось: «Продвижение в направлении Ленинграда возобновить лишь после того, как 18-я армия войдет в соприкосновение с 4-й танковой группой, а ее восточный фланг будет обеспечен силами 16-й армии»^[5]. Неизвестный лейтенант и тысячи таких, как он, подарили Ленинграду еще один месяц.

Двадцать второе июля — ровно месяц с начала войны. «Ленинградский горком ВКП(б) дал указание секретарям райкомов в трехдневный срок подобрать для каждого домохозяйства политорганизатора. В его обязанность входит массово-политическая работа среди

населения, повышение бдительности и укрепление противовоздушной защиты дома. Одним словом, бороться за превращение каждого дома в крепость... по примеру Москвы с 12 часов 23 июля на крышах и чердаках вводятся круглосуточные дежурства для тушения зажигательных бомб [...]

И еще 27 июля 10 815 ленинградцев ушли из города. Ушли, чтобы занять уже оборудованные позиции. Это были бойцы только что сформированной 1-й гвардейской дивизии народного ополчения»^{6}. Это уже пятая по счету дивизия народного ополчения.

В этот же день солдат 324-го немецкого пехотного полка Фриц Курт, воевавший под Свирью, пишет в своем дневнике: *«Сегодня мы шли в атаку. Русские подпустили нас поближе, а потом открыли такой огонь, что из нашего отделения унесли ноги только я да Ганс. Когда все это кончится?»*^{7} 28 июля Фриц Курт был убит.

Идут жестокие бои в районе Сабека. 36-я немецкая мотопехотная дивизия захватила плацдарм на правом берегу Луги. Не хватает вооружения, боеприпасов, людей. Линия обороны на этом рубеже напоминает тонкую нить. В Ленинграде мастерские Института киноинженеров (ЛИКИ) переделывают учебные винтовки и пулеметы в боевые. В этом коротком предложении весь ужас нависшей катастрофы.

Профессор Горного института А. Н. Кузнецов разрабатывает рецептуру взрывчатой смеси, которую можно производить в Ленинграде из имеющихся в городе реагентов. Новое взрывчатое вещество — синал — оказалось вполне пригодным для снаряжения ручных гранат, противотанковых мин и осколочных авиабомб. Выпускать его начали предприятия, также не имеющие никакого отношения к военной промышленности: суперфосфатный завод, завод «Автоген», кирпичный завод № 1, Аллюминиево-магниевый и Горный институты.

Все окна в городе заклеены бумажными лентами, но при бомбежках стекла все равно вылетают. 31 июля штаб Местной ПВО настоятельно рекомендовал жителям города по сигналу воздушной тревоги открывать окна. Это помогло сохранить стекла до наступления холодов.

«Уходит июль. В течение этого месяца город дал фронту около 250 танков и бронемашин, 200 орудий для дотов, 185 — для танков, 300 полковых минометов, много пушек, винтовок, снайперских прицелов. Только предприятия местной промышленности отправили на фронт в этом месяце 710 тысяч противопехотных мин»^{8}.

На Карельском направлении тяжелые бои 3 августа идут в районе поселка Хийтола. Высоту обороняет 6-я рота 14-го мотострелкового полка внутренних войск НКВД СССР. Это к вопросу о бытующем мифе, что чекисты якобы служили только в заградотрядах, в атаку не ходили и расстреливали штрафников пачками. В этот день в 6-ю роту прибывает пропагандист полка старший политрук Николай Руденко. Но в роте не до бесед, не до политинформации. Идет бой. Убивают пулеметчика и Руденко ложится за пулемет. К исходу дня он остается единственным, кто еще в состоянии удерживать высоту. Остальные бойцы тяжело ранены или убиты. После эвакуации раненых к нему присоединился санинструктор Анатолий Кокорин. Финны сражаются яростно. Еще год назад это была их земля, и они намерены ее вернуть, дойти до старой границы у реки Сестры. Руденко приказал Кокорину держаться в стороне и все время менять позиции, чтобы у противника создалось впечатление, будто высоту обороняет большое количество солдат. «Сгущались сумерки. Бой не затихал ни на минуту. Во время одной из атак вражеским солдатам удается окружить Кокорина. Они хотели захватить его в плен. Тогда санинструктор достал гранату и с криком: «Чекисты в

плен не сдаются» — взорвал себя и окруживших его врагов»^{9}. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

Руденко в этом бою получил три тяжелых ранения и потерял сознание. Ночью того же дня он пришел в себя и похоронил Кокорина, насколько мог это сделать, будучи израненным. В настоящее время место могилы героя неизвестно.

А в Ленинграде вечером 3 августа в Театре драмы им. А. С. Пушкина^[2] нет свободных мест. В программе «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева с народной артистки СССР В. А. Мичуриной-Самойловой в роли Марии Дмитриевны. Людно и в саду Госнардома (Александровский парк). На всеобщее обозрение выставлен вражеский самолет, пытавшийся прорваться к Ленинграду, но сбитый нашими зенитчиками. Его собрали из кусков и показали людям. Дико и омерзительно смотрелись черные кресты в Ленинграде.

«В ночь на 8 августа дальние бомбардировщики 1-го минно-торпедного полка во главе с полковником Е. Н. Преображенским совершают налет на военные объекты Берлина. Это был наш первый удар по фашистскому логову. Гитлеровцы не допускали и мысли, что над Берлином были советские самолеты. Утром немецкое радио сообщило, что минувшей ночью английская авиация совершила налет на Берлин и что при этом было сбито шесть самолетов противника. В этот же день британское командование официально объявило, что в ночь на 8 августа ни один английский самолет не появлялся над Берлином. Ложью было и то, что над Берлином сбито шесть самолетов. Все наши самолеты, бомбившие военные объекты Берлина, вернулись на свою базу»^{10}.

Днем 11 августа началось массированное наступление немецких войск на флангах Лужского рубежа обороны: со стороны Кингисеппа и на

Новгородско-Чудовском направлении. Бои идут за каждую пядь земли. В прямом смысле этого слова. Слева противник прорвался к реке Оредеж, а справа — на трассу Кингисепп — Ленинград. Лужской группировке войск грозит окружение.

К 13 августа противнику все-таки удалось прорвать Лужский оборонительный рубеж с двух сторон. Советские войска нанесли контрудар во фланг наступающей группировке в районе Старой Руссы. Контрудар под Старой Руссой до сих пор недостаточно изучен историками. Бои в этом направлении продолжались до 25 августа и задержали наступление группы армий «Север» на Ленинград. Готовящийся к обороне город выиграл еще несколько недель.

Шестнадцатого августа противник обошел Кингисепп с востока и захватил город. Командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов приказал командующему отходившей с боями из Эстонии 8-й армией генерал-лейтенанту П. С. Пшенникову выбить немцев из город. 20 августа 11-я стрелковая дивизия 8-й армии пошла на штурм Кингисеппа с запада и всего за один день боев освободила его. Однако ровно через сутки под напором наступающих немецких войск город вновь пришлось оставить. Пшенников привлек к боям за город 191-ю стрелковую дивизию, занимавшую до этого оборону между дотами укрепрайона. Это позволило немцам блокировать доты и дзоты.

Вечером 22 августа командир 152-го батальона старший лейтенант А. М. Королев донес в штаб укрепрайона, что гарнизоны трех дотов ведут бой в полном окружении. Он также сообщил, что видит, как саперы противника закладывают взрывчатку под доты № 7 и 9. Это было его последнее донесение. Из окружения удалось прорваться только одному человеку

— 23 августа санитары подобрали тяжелораненого и обожженного сержанта Иванова.

Дот № 17, где размещался командный пункт 263-го батальона, отбил 15 атак и выдержал сотни прямых попаданий артиллерии противника. Он продолжал сопротивляться даже после того, как все наши полевые войска переправляются через реку Лугу и взрывают за собой мост. Гарнизон дота обречен^[11].

Контрудар в районе Старой Руссы развития не получил. Основные силы советских войск — 34-я армия Северо-Западного фронта под командованием генерал-майора К. М. Качанова — были к середине августа рассечены надвое и частично отброшены к реке Локоть, частично были взяты в плен или были уничтожены. Командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб оценивал обстановку как чрезвычайно серьезную. Он был вынужден перебросить с Новгородского направления дивизию СС «Мертвая голова», затем 3-ю мотопехотную дивизию, управление LVI моторизованного корпуса. Более того, А. Гитлер приказал приостановить наступление на Москву и дополнительно передал В. фон Леебу из состава 3-й танковой группы армий «Центр» части XXXIX моторизованного корпуса. Командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Герман Гот впоследствии писал в своих мемуарах: «Таким образом, в то время как ОКХ еще предавалось надежде в конце августа нанести решающий удар по Москве, Гитлер снова под влиянием одной неудачи группы армий «Север», имевшей местный характер, 15 августа принял решение: 'Труппе армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву прекратить. Из состава 3-й танковой группы немедленно передать группе армий «Север» один танковый корпус (одну танковую и две моторизованные дивизии)^[3], так как наступление там грозит захлебнуться». Что же

послужило причиной так неблагоприятно оценивать обстановку в группе армий «Север»?

Один из двух корпусов 16-й армии, продвигавшихся южнее озера Ильмень на восток, а именно X армейский корпус, был атакован значительно превосходящими силами русских (восемью дивизиями 34-й армии) и оттеснен на север к озеру. В ответ командование группы армий «Север», стремясь облегчить весьма тяжелое положение X армейского корпуса, решило выделить для нанесения контрудара одну дивизию СС и одну моторизованную дивизию, которые до этого принимали участие в боевых действиях под Лугой и в районе озера Ильмень... Сейчас же группа армий «Центр» была ослаблена на половину танковой группы, и это в момент, когда оставалось сделать последний шаг к достижению цели операции, то есть к овладению Москвой»^{12}.

Возможно, именно этих соединений немцам не хватило в начале декабря под Москвой. Итоги контрудара под Старой Руссой были неутешительные. Советские войска потерпели поражение, окончательно определившее окружение Лужской группировки войск. 23 августа командующий Северо-Западным фронтом генерал-майор П. П. Собенников был отстранен от своего поста.

11 сентября в деревне Заборовье по решению уполномоченных ГКО СССР армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса и генерала армии К. А. Мерецкова «во внесудебном порядке за дезорганизацию в управлении артиллерией армии и личную трусость» был расстрелян перед строем личного состава штаба 34-й армии начальник артиллерии армии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров. На следующий день Мехлис подписал приказ № 057: «За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта, за непринятие мер для спасения

материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боев армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании Приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии»^{13}. Приказ был составлен уже после расстрела. Вот как описывает эти события Ю. В. Рубцов в книге «Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л. З. Мехлиса» со ссылкой на очевидца этого события, полковника в отставке В. П. Савельева: «По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошел вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: «Где пушки?» Гончаров неопределенно махнул рукой в направлении, где были окружены наши части. «Где, я вас спрашиваю?» — вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: «В соответствии с приказом наркома обороны СССР № 270...» Для исполнения «приговора» он вызвал правофлангового — рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызывать отделение солдат...»^{14}.

Под Старой Руссой немцы впервые захватили образец РСЗО «Катюша».

Тем не менее, как пишет А. В. Исаев, контрудар 34-й армии «сыграл важнейшую роль в начальной фазе сражения за Ленинград. Этим ударом были оттянуты от Лужского рубежа подвижные соединения как 4-й (LVI корпус), так и 3-й (LVII корпус) танковых групп вермахта. Были лишены эшелона развития успеха в лице моторизованных дивизий как группа «Луга», так и группа «Шимск», нацеленные на Лужский рубеж. В условиях крайне жестких сроков, в рамках которых было возможно использование подвижных соединений в группе армий «Север» до их рокировки в сентябре

1941 г. на московское направление, даже минимальные задержки давали переход из количества в качество. С этой точки зрения роль контрудара под Старой Руссой в сражении за Ленинград трудно переоценить»^{15}.

Двадцать седьмого августа «в Ленинград прибыл последний поезд. По железной дороге подвоз продовольствия и всего остального, необходимого городу, прекратился»^{16}.

В этот же день начинается перевод Балтийского флота из Таллина в Кронштадт, получивший в историографии название Таллинского перехода. Его история является одной из трагичных, но и героических страниц обороны Ленинграда. Итоги его высвечивают как недалёковидность главнокомандующего войсками Северо-Западного направления маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, так и героизм балтийских моряков, командиров кораблей, самоотверженность экипажей минных тральщиков.

Отсутствие достаточной поддержки со стороны советской береговой авиации, недостаток тральщиков, малое количество зенитных корабельных орудий и, самое главное, поздно отданный приказ на переход предопределили катастрофу. Из 225 кораблей до Кронштадта дошли 163. Из них 132 военных корабля, 29 вспомогательных судов, 2 транспорта, а также неустановленное число малотоннажных гражданских судов и плавсредств, не подчиненных Военному совету флота. Во время перехода погибли 62 корабля и судна (19 боевых кораблей и катеров, 25 вспомогательных судов, 18 транспортов).

Точный список жертв Таллинского перехода, видимо, никогда не будет составлен, поскольку никакого учета эвакуируемых, тем более поименных списков, никто не вел. На мемориальной доске в память погибших участников Таллинского перехода указано 10 903

погибших... Но четкого подтверждения столь точной цифре в архивах нет.

И тем не менее Балтийский флот был сохранен как боеспособная единица. В будущем корабельная артиллерия окажет неоценимую помощь обороняющемуся городу во время Блокады.

Первого сентября школы Ленинграда не открыли свои двери для детей. Город усиленно готовится к обороне. Только на строительстве Красносельского сектора работало 75 тысяч человек. Идут работы в зданиях города, в спешном порядке делают амбразуры, улицы перекрывают колючей проволокой, надолбами, насыпями с песком. А враг подошел к станции Мга, с ходу овладел ею и в один день прервал железнодорожную связь с Большой землей.

На следующий день, 2 сентября, «в Ленинграде произведено первое снижение норм продажи хлеба населению. Рабочие и инженерно-технические работники будут получать теперь по 600 граммов хлеба вместо 800, установленных 18 июля в связи с введением в стране продовольственных карточек. На 200 граммов снижена норма выдачи хлеба служащим: вместо 600 граммов — 400. Иждивенцам и детям до 12 лет, получавшим по 400 граммов хлеба в день, теперь будет выдаваться по 300»^{17}.

События сентябрьских дней 1941 года, нашедшие отражение в сводках, директивах, дневниках и воспоминаниях жителей, солдат, советских и немецких офицеров, выстраиваются через призму цифр. Сформировано столько-то добровольческих батальонов, уничтожено столько-то танков и самолетов противника, взято в плен, пройдено, учтено, выписано, выверено, расстреляно, потрачено... А за каждой цифрой стоит живой человек. А за каждым донесением страх, боль, надежда. Город находится в огненном кольце, которое вот-вот замкнется окончательно. Город готовится к

уличным боям. Создан штаб внутренней обороны города. Командный пункт фронта окончательно перемещается в Смольный.

Ситуация обостряется стремительно. 3 сентября немецкие войска подошли к городу на расстояние выстрела дальнобойной артиллерии. На улицах Ленинграда начинают рваться снаряды. Гибнут дети. Д. Д. Шостакович дописывает 1-ю часть 7-й симфонии, которую позже будут называть Ленинградской.

«Чтобы растянуть менее чем скромные, а если говорить точнее, ничтожные запасы муки, решением Ленгорисполкома от 4 сентября предложено примешивать к ней 12 процентов солодовой, соевой и овсяной муки, 2,5 процента размолотых жмыхов и 1,5 процента отрубей»^{18}.

В сентябре вдруг стало ясно, что угроза захвата города войсками противника вполне реальна. Что бои могут идти в Летнем саду, что Московский проспект может превратиться в кровоточащую артерию, по которой немецкие танки будут прорываться в центр города. Бои разгораются уже в пригородах, линия Пушкин — Ям-Ижора — Колпино превращается в слоеный пирог. Например, на одном участке немцы прорываются силами батальона и уходят вперед: впереди наши войска, потом немцы, потом опять наши. В ряде подразделений отсутствует не то что взаимодействие — нет элементарной связи. Поэтому, к примеру, 402-й полк 168-й стрелковой дивизии думает, что у него фланг прикрыт, а там уже полдня хозяйничают немцы, а полк воюет в полуокружении. И такая картина повсеместно, на всем участке фронта.

В городе первые взрывы. Первые жертвы.

Впервые линию советской ПВО бомбардировщики люфтваффе смогли преодолеть 6 сентября. Теперь на улицы Ленинграда, в том числе и на Невский проспект, падают бомбы. Обстреливает город и немецкая

артиллерия, подошедшая на расстояние прямого выстрела. Вот документальное свидетельство того, что натворил только один вражеский снаряд в этот день. Акт, позже заверенный Ленинградской комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов и представленный на Нюрнбергском процессе, был составлен врачом 4-го батальона МП ВО Берлином и медицинской сестрой Тверской: «6 сентября 1941 года снаряд разорвался на улице. На панели с распростертыми руками лежит убитая женщина. Рядом валяется корзина с продуктами. Деревянный забор скошен и обагрен кровью. На нем налипли куски разможенного человеческого тела, петли кишок, окровавленные осколки костей, куски мозга. На панели — разорванный пополам труп беременной женщины: виден труп почти доношенного младенца. Во дворе 5 трупиков девочек в возрасте 5-7 лет. Они лежат полукругом, в том же порядке, как стояли тут до момента смерти, играя в мяч»^{19}.

На северно-восточном направлении корпуса 16-й немецкой армии в двухдневных изнурительных боях выбили из-под Мги 1-ю стрелковую дивизию НКВД полковника С. И. Донскова. Обозначилась угроза форсирования немцами Невы, но они продолжили движение вдоль ее левого берега. Их целью был «Ключ-город» — Шлиссельбург. Он пал 8 сентября. Именно эту дату принято считать началом полной блокады Ленинграда. **8 сентября 1941 года.** В городе на этот момент находится 2 миллиона 544 тысяч жителей. Из них 649 тысяч не доживут до освобождения города. Но 8 сентября они этого еще не знают. Эта цифра официально была озвучена на Нюрнбергском процессе. При этом от артобстрелов и бомбардировок погибло 16 747 человек. 632 253 человека умерли от голода^{20}. Этот день воистину является черным не только на фактическом театре военных действий, когда

захлопывается узкое бутылочное горлышко в районе Шлиссельбурга от правого берега реки к левому. 8 сентября — предвестник страшного голода на уровне понятийном, смысловом. В этот день массивной бомбардировке подверглись знаменитые Бадаевские склады. Огонь здесь полыхал около пяти часов. В огне погибло 3 тысячи тонн муки и 2,5 тысячи тонны сахара^[4]. По оценкам историков, этих запасов продовольствия на складах хватило бы городу на 2-3 недели, и определяющей роли они не играли. Но в ледяном январе 1942-го даже две недели это тысячи жизней. Тысячи оставшихся в живых. Пять часов горели склады, горячие сахарные ручейки стекали в канавы, люди обступили место пожара и наблюдали, как горят их жизни и текут по улицам их души сладкими ручейками...

Относительно планов А. Гитлера в отношении города. Нет никаких сомнений, что фюрер собирался стереть его с лица земли, но директив за его личной подписью на этот счет нет. Знаменитая «директива Гитлера № 1601 от 22 сентября 1941 года» на самом деле таковой не является. Это реальный документ, он был приведен в качестве доказательства на Нюрнбергском процессе и нет оснований сомневаться в его подлинности. Но называется он иначе: Директива начальника штаба ВМФ 1а 1601 от 22 сентября 1941 года^{21}. Вот ее полный текст:

«Будущее города Петербурга

1. Чтобы иметь ясность о мероприятиях кригсмарине в случае захвата или сдачи Петербурга, начальником Штаба руководства морской войной был поднят вопрос перед ОКБ о дальнейших военных мерах против этого города.

Настоящим доводятся до сведения результаты.

2. Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее

существование этого крупнейшего населенного пункта не представляет никакого интереса. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в существовании этого города непосредственно у ее новых границ.

3. Прежние требования кригсмарине о сохранении судостроительных, портовых и навигационных сооружений известны ОКБ, однако удовлетворение их не представляется возможным ввиду общей линии, принятой в отношении Петербурга.

4. Предполагается окружить город сплошным кольцом и стереть его с лица земли огнем из артиллерийских орудий всех калибров и непрерывными воздушными налетами.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения.

5. Верховное командование кригсмарине в ближайшее время разработает и издаст директиву о связанных с предстоящим уничтожением Петербурга изменениях в уже проводимых или подготовленных организационных мероприятиях и мероприятиях по личному составу.

Если командование группы армий имеет по этому поводу какие-либо предложения, их следует как можно скорее направить в Штаб руководства морской войной».

Документ подписан начальником Штаба руководства морской войной вице-адмиралом Куртом Фрике.

В ходе Нюрнбергского процесса подсудимый, бывший главнокомандующий ВМС гросс-адмирал Эрих Редер был допрошен относительно этого документа. Вот его показания: «Я просил Гитлера, когда я услышал, что

он намерен в ходе войны обстреливать Ленинград, что он должен сохранить порт и доки, потому что они будут полезны для нас, так как мы хотим переместить наши базы дальше на восток по причине британских воздушных атак в Прибалтике. Незадолго до даты, о которой Вы упомянули, адмирал Фрике был в штаб-квартире Фюрера — я не знаю по какой причине — и там говорил с фюрером в мое отсутствие. Фюрер объяснил ему, что планируют обстреливать Ленинград, особенно с самолетов, и он использовал эти весьма преувеличенные слова, которые затем были написаны в документе. ВМФ не имел абсолютно ничего общего с обстрелом Ленинграда. Мы не получали приказов об этом. Мы были заинтересованы только в одной вещи, что следует сохранить верфи и портовые сооружения.

Фюрер проинформировал Фрике, что, к сожалению, он был не в состоянии сделать это, потому что попадания, особенно если с самолета, не могут быть направлены так точно. Все, что мы могли бы сделать — это сообщить генерал-адмиралу Карльсу, что Ленинград в случае захвата не может использоваться в качестве базы и генерал-адмиралу Карльсу придется остановить приготовления, которые он уже начал: выделение немецких рабочих и, вероятно, техники, которая была предназначена для использования в Ленинграде позже. Карльс должен был знать об этом, и так называемый Департамент интендантства ВМФ должен был знать об этом, и именно поэтому адмирал Фрике написал эту бумагу. К сожалению, он включил в этот документ выражения, используемые Гитлером, которые никак не связаны с делом, поскольку мы были обеспокоены, потому что ничего не делается с обстрелом. Тем самым он не берет на себя в любом случае ответственность, в том смысле, что он одобрил его. Он считал только, что он должен был включить формулировку Гитлера в документ. Военно-морской флот не имел ничего общего

с этим вопросом. Не было бы необходимо издавать его, и, к сожалению, и очень неуклюже, выражение, используемое Гитлером, было введено в этот документ»^{22}.

Редеру можно не доверять, но его слова подтверждаются выписками из журнала боевых действий группы армий «Север», в которых первые данные о решении заблокировать город встречаются 28 августа 1941 года. Далее день ото дня данные сбивчиво и неуверенно подтверждаются с небольшими вариациями и деталями. Вариации, понятное дело, вносят защитники Ленинграда. Поэтому достоверно сказать, когда именно Гитлер принял решение заморить Ленинград голодом, неизвестно. Рискну предположить, что решение об отмене штурма Ленинграда было принято в последний момент, Гитлер и сам не знал, что ему делать. Основной целью была Москва, и войска ему нужны были на центральном направлении. Блокировав Ленинград, можно было перебросить часть войск (особенно танковые корпуса) на Москву. С другой стороны, имеющихся у В. фон Лееба сил было явно недостаточно для штурма. Каждый сентябрьский день стоил немцам огромных усилий. Продвижение давалось все труднее. Защитники города дрались насмерть. В конце концов 25 сентября В. фон Лееб написал в ОКХ: «Группа армий «Север» с оставшимися у нее силами более не в состоянии в полной мере продолжать наступление на Ленинград. Тем самым отпадает и систематический артиллерийский обстрел города. Чтобы вынудить город к сдаче, остаются только бомбардировка и измор»^{23}.

Поэтому разговоры о том, что город был открыт для врага и Гитлер-де сам не захотел его брать (а именно так представляет ситуацию писатель-фронтовик Д. А. Гранин в своем романе «Мой лейтенант»), полностью не соответствуют действительности.

Советские войска остановили врага на подступах к городу. Ценой огромных потерь и проявлений массового героизма. Остановили. Сами. Без всяких директив Гитлера. Через несколько месяцев фон Лееб будет отстранен от должности командующего группой армий «Север».

Блокада началась. Впереди была смена командования Ленинградского фронта. 14 сентября в критические для города дни командование принял генерал армии Г. К. Жуков. Судьба города будет решаться в этот короткий промежуток: с 14 по 21 сентября. В городе заминировали мосты, здания, будут разработаны план-схемы ведения боев в городской черте. О сдаче никто и не помышлял. Город готов биться за каждый дом, за каждый канал, за каждый кирпич и камень. Но это все впереди.

Как показывают сводки боевых действий в районе Пулковских высот, в районе Стрельны и Петергофа, со стороны Колпина, на Дудергофских высотах — враг всеми силами рвался в город. Если бы ему это удалось — не было бы никакой блокады, все решения и фантазии Гитлера были только на словах в общении со своими генералами. Пора назвать вещи своими именами: генерал-фельдмаршал фон Лееб просто не смог сломить сопротивление ленинградцев.

Впереди были героическая оборона крепости Орешек и трагическая гибель Петергофского десанта, попытки прорыва блокады в 1942 году и Дорога жизни, спасшая сотни тысяч ленинградцев, окружение 2-й ударной армии генерал-лейтенанта А. А. Власова и подвиг советских бойцов в страшной мясорубке Невского пятачка. И, конечно же, голод, страшный голод первой блокадной зимы.

Иногда ночью мне снится сон. Снятся незнакомые мне люди, которых я никогда не видел, не знал, но чье присутствие, чья твердая поступь будоражат слух,

вспарывают пласты глубинной памяти и открываются неведомые эпохи. Из глубины столетий на меня смотрят мои предки. Ни о чем не спрашивают, не говорят — просто смотрят. Отдавшие жизнь за Родину, ушедшие с небесным воинством защищать Россию на небесах, присматривать за мной, далеким и бестолковым потомком. Кости их давно сгнили в земле, легенды и были не сохранили их рабоче-крестьянских имен. Грубые, словно выточенные из камня, мягкие, как глина, мощные, как платяные шкафы, и худые, жилистые, — не люди, а промасленные канаты... Добрые, злые, гулящие, разухабистые, крикливые, спокойные... Разные. Настоящие. Погибшие в бесчисленных боях за Отечество. И если я чувствую их боль, слышу их голоса из своего сегодняшнего настоящего, то это значит, что через двести лет кто-то также будет чувствовать меня. Кровь моя не сгинет бесследно. Это и есть чувство родной земли, каким его может сформулировать для себя русский человек. Кровь и плоть наших предков сделали эту землю живой, жирной и родящей. И все, что мы можем сделать для своих потомков — сохранить ее в том виде, в котором получили от своих дедов и прадедов, а если понадобится — удобрить ее словом, делом и собственной плотью. Ибо плоть тленна, а душа человеческая вечна. Мертвые сраму не имут.

Чаще других мне снится вихрастый семнадцатилетний парень, задира и хулиган ленинградских окраин. Его зовут Алимпий Афанасьев, старший брат моей бабушки. В ноябре 1941 года он будет ползти по ночам на совхозные поля в районе Пулковских высот. Поля эти расположены на нейтральной территории, заминированы, обстреливаются немцами и нашими. Пулю можно поймать с любой стороны. На этих полях когда-то росла капуста. В ноябре 1941 года капуста сгнила под ненастной осенней хлябью, но остались кочерыжки. Их-

то и собирал этот парень, набивая тугой холщовый мешок. Моя прабабушка сварит щи из этих кочерыжек и победит смерть еще на несколько дней.

Тогда же в ноябре этот парень будет собирать землю на месте сгоревших Бадаевских складов. Вся семья будет эту землю перебирать, отделяя уголь от крупинки сахара. Смерть где-то рядом, но пока этот чубатый белокурый парень улыбается ей нахальным голодным оскалом — ей нечего делать в моей семье.

Еще помогла профессия моего прадеда: он был столяр-краснодеревщик. В наших комнатах в коммунальной квартире хранились внушительные запасы столярного клея. Раньше клей делали на муке, поэтому его можно было варить и есть. Вместе с гнилыми кочерыжками. Так мои предки выжили в первую блокадную зиму. Весной бабушку эвакуировали на Большую землю, а вот Алимпий к этому моменту будет уже мертв. В январе 1942 года его призовут в армию, и он почти сразу же погибнет на Невском пятачке. Погибнет для того, чтобы жили его сестры и мать, его страна, чтобы много десятилетий спустя я появился на свет и написал эту книгу.

МАРШАЛ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПОБЕДЫ

Леонид Александрович Говоров,

маршал Советского Союза,

командующий Ленинградским фронтом

Петербург город особый, мистический. Построенный на костях, возведенный непреклонной волей одного человека, в месте, которое словно бы самой природой было не предназначено для жизни, он хранит в себе множество тайн, трагедий, предательств и подвигов, сомнений и героических поступков. Город-осень, город-свинцовое небо, город-перевертыш. Мрачный и волшебный одновременно, сырой и свежий, любящий и любимый. Этот город каждого приезжего пробует на зуб, но не присматривается. Он либо сразу принимает тебя всего без остатка, либо не принимает совсем. И приговор этот окончательный, обжалованию не подлежит.

Построенный на болотах в насмешку над природой, во имя утверждения человеческой воли и твердости. Петербург — Петроград — Ленинград — Петербург... Величайший преступник в мировой истории желал стереть этот город с лица земли, заморить его голодом и взорвать со всеми потрохами, тайнами, со всей многовековой историей. На его пути встали солдаты, горожане, поэты, композиторы. Они умирали сотнями

тысяч, но не сдавались. И был еще один человек, который отменил смерть в Ленинграде.

В апреле 1946 года командующий войсками Ленинградского военного округа, маршал Советского Союза, Герой Советского Союза Леонид Александрович Говоров был переведен в Москву на должность главного инспектора Сухопутных войск. Водитель забрал его из квартиры на Петроградской стороне^[5], чтобы отвезти на Московский вокзал. Дорога известная. Через Троицкий мост, мимо Марсова поля, по Садовой, напрямик на Невский проспект. А там до вокзала рукой подать. Но вдруг на Троицком мосту Говоров попросил водителя проехать по набережной. Черная «Волга» свернула направо и двинулась вдоль Невы, мимо Эрмитажа... Машина сделала круг и вновь заехала на набережную со стороны Исаакия, мимо Медного всадника, вдоль Адмиралтейства...

Верно, что-то чувствуя, Говоров прощался с городом, сыгравшим важнейшую роль в его судьбе. А город прощался с военачальником, которого помнил генералом, до этого — подпоручиком, а раньше — студентом Петроградского политехнического института, а еще раньше — степенным, сдержанным юношей, впервые ступившим в столицу (еще не Северную, а просто столицу) со ступеней поезда на Николаевском вокзале. Знал ли город, что этот неразговорчивый молодой человек однажды спасет его жителей от голодной смерти, а безмолвные гранитные набережные — от полного уничтожения? В 1916 году много молодых людей приезжали покорять столицу. Но большинство иллюзий разбивалось о гранитные камни, а сфинксы у Академии художеств умеют хранить тайны. Наверное, город и не заметил сперва этого юношу. Лишь потому, что Леня Говоров, выпускник Елабужского реального училища, не собирался никого покорять. Он просто приехал учиться. Но судьба распорядилась иначе.

Леонид Говоров родился 10 февраля (по старому стилю) 1897 года в деревне Бутырки Иранского уезда Вятской губернии в семье обычного крестьянина. Леонид был старшим, а всего в семье Говоровых было четыре сына. Чтобы прокормить семью, отец будущего маршала, Александр Григорьевич Говоров, много работал: сначала крестьянствовал, потом бурлачил, затем служил матросом на судах частной паровой компании купцов Стахеевых. Александр Григорьевич, от природы обладая пытливым умом и тягой к знаниям, самостоятельно выучился грамоте, устроился письмоводителем реального училища в Елабуге. Говоря современным языком, он был секретарем, вел делопроизводство. Должность не самая завидная и почетная, но после тяжелого физического труда бывшего крестьянина устраивало такое положение вещей. Но не будем преувеличивать эффективность социальных лифтов в предреволюционной Российской империи. Случай Александра Григорьевича является скорее исключением из правил.

Понимая, что только образование может вытащить его детей из нищеты, отец не жалел сил и старался, с одной стороны, лучше устроить своих сыновей, пользуясь определенными возможностями служебного положения, с другой стороны — прививал им тягу к самообразованию, формировал пыливость ума, широкий, основательный взгляд на мир. К слову сказать, возможностей у Александра Григорьевича было не много. Должность письмоводителя позволяла лишь бесплатно устроить своих детей на учебу.

После окончания четырехклассного ремесленного училища в Яранске Леонид Говоров поступил в Елабужское реальное училище. Все семь лет учебы в училище Леонид был первым учеником в классе (вторым по успеваемости был его брат Николай). Занимался

целеустремленно и систематически, много читал. Увлекался математикой и физикой.

Чтобы яснее видеть путь, которым следовал Леонид Говоров, надо понимать, что из себя представляла Елабуга в начале XX века. Это был достаточно крупный город в Вятской губернии (современный Татарстан), в котором проживало более десяти тысяч жителей. Из 600 купцов было 12 миллионеров, для уездного города это был серьезный процент богачей. При том что остальные жители существовали более чем скромно.

Сословное неравенство ощущалось достаточно остро, даже спустя много лет Леонид Александрович так вспоминал годы учебы: «Тогда я впервые, даже в отношении детей между собой, заметил и почувствовал, какое превосходство этим детям давало привилегированное положение их родителей. Я решил завоевывать свое положение и достичь превосходства над ними трудом и знаниями. И, поставив эту цель, упорно и настойчиво стремился к ней»^{24}.

«В документах переписи населения России царским чиновником в 1904 г. записано: «Граждане города славятся благотворительностью. Трудно указать другой уездный город, где бы благотворительность проявлялась в таких широких размерах, как в Елабуге. Елабужское купечество, исстари отличавшееся благотворительностью, строило на свои средства храмы как в городе, так и в других местах империи...» В Елабуге с 70-х годов XIX века и до 1917 года существовал особый «Благотворительный граждан И. И. и Д. И. Стахеевых комитет», огромные средства которого направлялись исключительно на помощь людям. Кроме стахеевского благотворительного комитета, на счетах которого в 1904 году было более 2 млн рублей, существовал еще и созданный по аналогии комитет купца Чернова, также владевший значительными капиталами, на проценты от которых строились храмы в

различных приходах»^{25}. Все это, конечно же, не спасло заводы, фабрики и пароходства, принадлежавшие благотворителям, от национализации в 1918 году.

Чтобы состояться в жизни, необходимо было вырваться из этого городка. И Леонид по окончании реального училища отправился в Петроград. В его аттестате о среднем образовании было указано: «Дано сие ученику дополнительного класса Елабугинского реального училища, сыну чиновника Леониду Александровичу Говорову, православного вероисповедания, родившемуся в тысяча восемьсот девяносто седьмом году февраля девятого дня [так в цитате. — *Ред.*], в том, что он... при отличном поведении освобожден от испытаний. За время обучения в дополнительном классе показал следующие успехи: в Законе Божьем — отличные, русский язык — отличные, немецкий язык — отличные, французский язык — отличные, арифметика — отличные, алгебра — отличные, тригонометрия — отличные, специальные курсы (основания аналитической геометрии, анализа бесконечно малых) — отличные, история — отличные, естествознание — отличные, физика — отличные, математическая география — отличные, рисование — отличные, законоведение — отличные»^{26}. С таким аттестатом он без труда поступил на кораблестроительное отделение Императорского Петроградского политехнического института. Брат Николай поступил в Петроградский лесной институт.

Никакого намерения сделать военную карьеру. Леонид Говоров не бредит сражениями, подвигами, его не прельщает «эскадрон гусар летучих», не привлекает все это мальчишеское, романтическое и восторженное. Напротив, он дальновидно и осмотрительно выбирает мирную специальность, с которой не пропадешь. Быть инженером, проектировать и строить корабли — вот его мечта, его синица в руках.

К сожалению, человек не выбирает время, в которое ему суждено родиться. Шел 1916 год. Первая мировая война была в самом разгаре. Всего лишь семь месяцев Говоров проучился на факультете. «Уже в декабре 1916 г. был объявлен призыв студентов. Леонида и Николая мобилизуют в царскую армию и направляют на учебу в Константиновское артиллерийское училище. Леонид с головой погружается в изучение военных дисциплин. «Если нам суждено попасть на фронт, то нужно хорошо научиться воевать», — говорит он брату Николаю»^{27}. И это можно назвать его жизненным ориентиром, символом веры: за что бы ты ни брался — делай это хорошо, лучше всех, иначе вовсе не берись. Здоровый максимализм русского человека, присущий настоящим мужчинам.

После Февральской революции обстановка на фронте стала резко ухудшаться и в канун Июньского наступления 1917 года был произведен досрочный выпуск: юнкерам, в том числе Леониду и Николаю Говорову, присваивают воинское звание прапорщика. Но окопы Первой мировой миновали несостоявшегося кораблестроителя. Незадолго до выпуска Леонида вызвал начальник учебной части полковник Б. И. Иванов и предложил ему, как отличному офицеру, остаться служить в училище.

В столице — неустойчивое двоевластие, где с одной стороны Петросовет, находившийся под контролем меньшевиков и эсеров, с другой — Временное правительство во главе с министром-председателем князем Г. Е. Львовым. По Невскому проспекту в июне проходят большевистские демонстрации, город кипит. Поражения на фронте следуют одно за другим. Повальное дезертирство из армии. Боеспособность некогда сильной армии стремительно падает. Апрельские тезисы вернувшегося из эмиграции В. И. Ленина всколыхнули рабочих. Страна находилась в

глубочайшем кризисе. Через месяц провалом закончилось выступление большевиков, дошло до вооруженного противостояния демонстрантов с войсками, началась открытая борьба за власть.

Перспектива остаться в Петрограде была не слишком заманчивой. Идти на фронт, где тебя могут убить как немцы, так и вышедшие из повиновения собственные солдаты, тоже решение не из лучших. Леонид Говоров отклонил предложение остаться в столице. Впрочем, на фронт он тоже не попал. Для прохождения службы его направили в Томск, младшим офицером Отдельной Сибирской запасной мортирной артиллерийской батареи.

Судьба словно играет с будущим маршалом в кошки-мышки. То подталкивает к военной карьере, то поворачивается спиной. Захватив в октябре 1917-го власть, большевистское правительство уже в декабре начинает принимать меры по демобилизации армии. Солдаты сами начинают выбирать командиров. Пользовавшегося определенным авторитетом у солдат Леонида Говорова хотят сделать командиром батареи, но он принимает неожиданное решение: покидает армию и уезжает к родным в Елабугу, где устраивается на работу... делопроизводителем в местную Потребкооперацию. То есть сознательно отказывается от офицерской должности ради работы секретарем, обычным клерком. Что это, если не попытка обмануть судьбу?

Если вдуматься, то перед нами уникальный случай. Человек, сделавший все, чтобы не быть военным, офицером, абсолютно аполитичный, бывший офицер царской армии становится маршалом Советского Союза, спасает Ленинград от уничтожения и делает оглушительную военную карьеру.

Можно считать совпадением, что Леонид Говоров попал именно в Константиновское артиллерийское

училище. Это определило его дальнейшую судьбу и бытие, как артиллериста. Не просто талантливое, а артиллериста от Бога, как бы двусмысленно это ни звучало.

В октябре 1918 года Гражданская война дошла и до Елабуги, в город вступили войска адмирала А. В. Колчака. Нет достоверной информации о том, добровольно или по принуждению Леонид Говоров вместе с братом Николаем поступил в белогвардейскую армию, но факт остается фактом. Возможно, сыграла роль та жестокость, с которой части Красной армии, вступившие в Елабугу в апреле 1918 года, расправлялись с представителями «эксплуататорских классов». В основном пострадали купцы и офицерство: их расстреливали, топили в реке Томке. Было убито около 500 человек. Практически год Говоров воевал против красных в рядах Белой армии, и воевал успешно. Как офицер-артиллерист, он был зачислен в отряд другого выпускника Елабужского реального училища подполковника (будущего генерал-майора Белой армии) Викторина Михайловича Молчанова. Отряд Молчанова вошел в состав 8-й Камской стрелковой дивизии, одной из лучших дивизий армии Колчака. Подпоручики Говоровы участвовали в Весеннем наступлении колчаковских войск, в Челябинской и Уфимской операциях, в боях против Красной армии под Златоустом и на Тоболе. Все четыре военные операции закончились поражением Белой армии. С этим периодом связана и еще одна шутка судьбы: подпоручик Говоров принимал участие в боях против 5-й армии РККА, а в октябре 1941 года под Москвой, будучи генералом, он станет командующим вновь сформированной 5-й армией.

Сейчас сложно сказать, что побудило Леонида Говорова вместе с братом перейти на сторону большевиков. Гражданская война в России прошла по семьям, раскалывая их на части. РККА сражалась

отчаянно, уничтожая ненавистный царизм, расплодилось множество атаманов, от «зеленых» до анархистов, которые воевали или за себя, или за какую-то свою, только им ведомую правду. Правды сталкивались, крошились, гибли люди, ломались судьбы. Выходец из народа, Говоров никогда не был своим в офицерской среде белогвардейцев. Хруст французской булки — это не про него. А зверства колчаковской контрразведки не могли оставить равнодушным сына крестьянина.

Белый террор, который устраивали казачьи атаманы Б. В. Анненков, А. И. Дутов, Г. М. Семёнов, И. П. Калмыков в Сибири и на Урале, не поддается описанию. Тысячи повешенных, замученных, расстрелянных, зарубленных. «Нам нет никаких запрещений! С нами Бог и атаман Анненков, руби направо и налево!» — с таким девизом казаки врывались в села и деревни. Атаман Семёнов лично держал под контролем пытки в застенках, в ходе которых было убито до 6500 человек.

Наивысшего размаха Белый террор достиг в Сибири именно в отношении крестьян в ходе карательных акций частей адмирала Колчака. Член ЦК Партии правых эсеров Д. Ф. Раков сумел переправить из тюрьмы за границу письмо, которое было опубликовано в 1920 году в виде брошюры с названием «В застенках Колчака. Голос из Сибири». В нем он писал, в частности, следующее: «Омск просто замер от ужаса. В то время, когда жены убитых товарищей день и ночь разыскивали в сибирских снегах их трупы, я продолжал мучительное свое сидение, не ведая, какой ужас творится за стенами гауптвахты. Убитых... было бесконечное множество, во всяком случае, не меньше 2500 человек. Целые возы трупов провозили по городу, как возят зимой бараньи и свиные туши. Пострадали главным образом солдаты местного гарнизона и рабочие...»[\[28\]](#).

Все это происходило при содействии солдат и офицеров Чехословацкого корпуса. Поэтому выбор Говорова не просто оправдан и естествен, он крайне прост: Россия там, где ее народ. Если народ убивают и расстреливают ради «белых» идеалов, то пусть горят в огне эти идеалы.

В октябре 1919 года Леонид Говоров бежал из Белой армии вместе с частью солдат своей батареи. Вместе с ним бежал и его брат Николай. Скрываясь, они стали пробираться в Томск. Большую помощь в этом беглым подпоручикам оказал их родной дядя Алексей Григорьевич Говоров. Он в 1917–1918 годах возглавлял Совет депутатов поселка Юрга и пользовался большим авторитетом у местных жителей. В 1918 году он был арестован белыми, освобожден красными партизанами и в 1919-м уже воевал в партизанском отряде. В Томске Леонид и Николай сразу же оказались в гуще революционных событий. Большевистские лозунги о свободе и равенстве захватили братьев, и они примкнули к революционному движению. В декабре 1919-го они приняли участие в восстании против белых, при этом Леонид стал помощником начальника боевой рабочей дружины. Ему на тот момент исполнилось 22 года.

Также есть версия, что Говоров не добровольно перешел на сторону Красной армии, а банально попал в плен, и только острая необходимость красноармейцев в военспецах уберегла его от расстрела. «Говоров был исполнительным служакой, военным до мозга костей. Он беспрекословно выполнял приказы, инициативы предпочитая не проявлять. Поэтому побег, дезертирство были не характерны для самой его личности. Призвали его в Белую армию — Говоров отправился служить. Попал в плен к красным, был мобилизован как полезный специалист — начал карьеру в Советской России. Эти черты — исполнительность, покорность — позже и

привлекли к себе внимание И. В. Сталина, который прекрасно знал всю «подноготную» полководца и считал его не способным на заговор», — пишет в своем исследовании С. Е. Лазарев^{29}. Многие в этой версии вызывает сомнения. Во-первых, маловероятно, чтобы он попал в плен одновременно с братом. Во-вторых, в Томске Говоров начал с боевой рабочей дружины и только потом оказался под началом В. К. Блюхера. В-третьих, если вначале ситуация с военспецами в РККА была не однозначной, то к 1919 году выработался единый подход к бывшим царским офицерам. В первый год Гражданской войны им не доверяли, а в партии шли жесточайшие дискуссии на тему их привлечения и использования в рядах Красной армии. Но уже 19 марта 1918 года Совет народных комиссаров принял решение о широком привлечении в РККА военспецов, а 26 марта Высший военный совет издал приказ об отмене выборного начала в армии, что открыло доступ в ряды Красной армии бывших генералов и офицеров. Так что к декабрю 1919 года вовсе не обязательно было попадать в плен, чтобы стать военспецом в РККА. К тому же Особый отдел ВЧК тщательно проверял всех бывших царских офицеров и вызывающих малейшее сомнение на командные должности не назначали, оставляя советниками, а Говорову практически сразу поручают сформировать и затем возглавить артиллерийский дивизион. Ну, и самое главное, версия плена не подкреплена ни одним документальным свидетельством, нет упоминаний об этом и в воспоминаниях других офицеров и генералов. А через ряды Белой армии все-таки прошло большое количество военспецов. Уже к сентябрю 1919 года в ряды Красной армии было зачислено 35,5 тысячи офицеров и генералов и около 4 тысяч военных чиновников. До конца Гражданской войны всего было призвано в ряды РККА 48,5 тысячи офицеров и генералов, а также 10,3

тысячи военных чиновников и около 14 тысяч военных врачей. Одних генералов было 388 человек, подавляющее большинство из них вступили в ряды Красной армии добровольно. Некоторые царские офицеры стали впоследствии выдающимися советскими полководцами, настоящими патриотами своей Родины. Среди самых известных можно вспомнить таких, как Б. М. Шапошников, Д. М. Карбышев, И. Х. Баграмян. И, конечно же, Леонид Александрович Говоров.

Части Красной армии вступили в Томск 22 декабря 1919 года, а уже в январе 1920-го Говоров был зачислен в 51-ю стрелковую дивизию В. К. Блюхера, находившуюся в тот момент на отдыхе и переформировании.

А генерал-майор В. М. Молчанов, в отряде которого Говоров начинал служить на стороне белых, до самого конца будет воевать с большевиками, вплоть до 1922 года, в Приморье — последнем оплоте Белой гвардии. Потом Молчанов через Маньчжурию и Японию эмигрирует в США, напишет книгу воспоминаний «Борьба на Востоке России и в Сибири», проживет долгую жизнь и скончается в январе 1975 года в Сан-Франциско. Родину он больше никогда не увидит.

Блюхер, быстро оценивший организаторские способности молодого подпоручика^[6], и поручил ему формирование 3-го артиллерийского дивизиона. Вместе с Леонидом в ту же дивизию поступил на службу и его брат Николай, но он остался в РККА только до конца Гражданской войны и в 1923-м демобилизовался по состоянию здоровья. Дальше боги или демоны войны вели лишь одного брата — Леонида. Он уже больше не пытался бросить доставшийся ему крест, а нес его с честью, следуя собственному внутреннему девизу: чем бы ты ни занимался — будь лучшим в своей области.

Что из себя представляла зимой 1920 года 51-я стрелковая дивизия, получившая в 1921 году гордое

почетное наименование Перекопская, прекрасно видно из воспоминаний ветеранов дивизии: «К 1 февраля было зарегистрировано 1280 членов РКП и 733 сочувствующих. Культ-просветработа выразилась в открытии школ и постановках спектаклей. За январь было открыто 60 школ с общим количеством 2100 учащихся. Функционировало: 80 библиотек, поставлено 69 спектаклей, организовано 343 научные лекции. Крестьянская секция подива^[7] обслуживала Ишимский, Тюкалинский и Н.-Николаевский уезды. Из-за сильной эпидемии тифа работа, в общем, развивалась слабо.

Пленные, оставляемые белыми, мобилизованные и принятые в дивизию, заражали красноармейцев. Ни одного дома здесь не было без больных. Все свободные дома были полны тифозными. Их клали по три на две койки, по два на одну и просто на пол на тонкой соломенной подстилке. Света обыкновенно не было. Врачи, сестры ходили, спотыкаясь через больных, не спали круглые сутки. С верхних нар падали на голову вши.

Выздоровливало мало: умирали каждый день, каждую ночь. В полках заболеваемость достигла 100 человек в день. Гражданская власть, еще не сформированная, бессильна была оказать войскам помощь в борьбе с эпидемией. Требовалось громадное напряжение сил. И надо отдать справедливость — работали не покладая рук. Один солону тащил, другой чашки, ложки, продовольствие.

В результате и на этом фронте борьбы дивизия одержала победу. К 23 февраля эпидемия в частях сократилась настолько, что части 26 февраля уже могли выступить пешим порядком для сосредоточения вглубь Сибири»^{30}.

После укомплектования артиллерийский дивизион Говорова был переброшен на Южный фронт, против Русской армии барона П. Н. Врангеля. Там он был

дважды ранен. «В боях под Каховкой и на Перекопе Леонид Александрович проявил себя как вдумчивый, энергичный и волевой командир-артиллерист. За успешное применение артиллерии против танков и кавалерии Врангеля он был удостоен первой боевой награды — ордена Красного Знамени»^{31}(№ 2511). В частности, на Каховском плацдарме в августе 1920-го части Красной армии подверглись атаке 12 белых танков. Боевые машины британского производства типа Mk V и Mk A Whippet, носящие такие звонкие имена, как «Верный», «Генерал Слащёв», «Великая Россия», «Генерал Кутепов», «Фельдмаршал Кутузов», пытались сбросить красноармейцев в Днепр. Четыре танка после артиллерийского обстрела батарей Говорова остались гореть в полях Малороссии. Остальные были захвачены красными.

Надо сказать, что это был первый опыт артиллериста Говорова в противостоянии с танками вообще. Данный вид оружия был принципиально новым для того времени, никто с ним раньше не сталкивался. Вот как описывает этот бой Н. Кондратьев: «Батареи командира 3-го легкого артиллерийского дивизиона Леонида Говорова стояли в садах за хутором Терны. Танк «За Русь Святую», прорвав три ряда колючей проволоки, перевалил через окопы. Говоров приказал командиру 1-й батареи Сергею Крюкову уничтожить танк. Артиллеристы выкатили орудия на открытые позиции и сосредоточили огонь на покачивающейся черной глыбе. Одно орудие и два пулемета на танке заглохли. Команда не выдержала, повернула машину назад. Снаряд врезался под днище, оборвал гусеницы. Офицеры выскочили из танка и принялись исправлять повреждение. Шрапнель накрыла их.

Второй танк, «Кутузов», не успел дойти до окопов. Говоров обрушил на него огонь всех орудий. Взорвался

бензиновый бак. Жаркое пламя взметнулось над железным чудищем»^[32].

В книге под названием «Пятьдесят первая Перекопская дивизия», изданной небольшим тиражом в 1925 году, можно увидеть фотографию молодого Говорова в разделе, посвященном Каховской операции и отражению атаки 12 танков. Командир артдивизиона Говоров отмечен как отличившийся в сражении. Тем ценнее это свидетельство, что в 1925 году, на момент выхода книги, Говоров был вообще никому не известен. На фотографии на нас глядит собранный, сдержанный молодой мужчина. Знаменитые «го-воровские» усы на тот момент уже наличествуют.

Надо сказать, что Говорову повезло с командиром. Начартдив Василий Арсеньевич Будилович, сам «из бывших», по воспоминаниям, был «дисциплинированный, начитанный и культурный».

В составе Перекопской ударной группы (15, 51 и 52-я стрелковые дивизии) Говоров участвовал в форсировании Сиваша. Он делал то, что получается у него лучше всего, то, для чего он появился на свет — командовал войсками. И еще одна ремарка. В соответствии с существовавшим положением о военспецах офицер, награжденный орденом Красного Знамени, автоматически снимался с учета бывших белых офицеров, который штаб РККА осуществлял совместно с органами государственной безопасности. Это был знак серьезного доверия, которое необходимо было заслужить кровью, потом и самоотверженностью. Поэтому все разговоры о вынужденном переходе на сторону красных безосновательны. Впрочем, факт службы в Белой армии потом долго будет сказываться на карьере талантливого артиллериста.

После окончания Гражданской войны Говоров продолжил службу в 51-й стрелковой дивизии^[8]. С окончанием боев начинается учеба. Летом 1921 года

дивизия переукомплектовывается, приводит в порядок материальную и техническую части, принимает участие в военных играх в районе Одесса — Овидиополь, отрабатывает маневры. Создается машинная рота, расширяется школьная подготовка, активно ведется работа по политической части, прорабатывают тактические вопросы с учетом опыта Гражданской войны.

С 1921 года Говоров — командир 153-го дивизиона. «Хорошая подготовка была отмечена 9 сентября 1921 года Предреввоенсовета Республики тов. Троцким (приказ по артиллерии за № 160). После осмотра тов. Троцкий вызвал перед фронтом командира 153-го дивизиона тов. Говорова, поцеловал его и выразил уверенность в дальнейшей мощи артиллерии»^{33}. К этому моменту в Харьковском военном округе завершилась территориальная реорганизация войск и 51-я Перекопская стрелковая дивизия вошла в состав Харьковского военного округа. В апреле 1922 года Харьковский и Киевский военные округа были объединены в Юго-Западный военный округ. 1 мая воины дивизии приняли военную присягу. Это торжественное мероприятие проводилось в первый раз после окончания Гражданской войны. 27 мая Юго-Западный военный округ получил новое название — Украинский (УкрВО).

В 1922 году изменилась организация стрелковой дивизии, количество стрелковых полков в дивизии сократилось с девяти до трех. В мае в УкрВО начал формироваться 6-й стрелковый корпус, в состав которого была передана 51-я стрелковая дивизия. В том же году состоялся первый «нормальный призыв» в РККА. Опять же, смотря что подразумевать под словом «нормальный». Пополнение 1901 года рождения начало прибывать в октябре. На тот момент штат дивизии, справившей свою 2-ю годовщину, был укомплектован на

50 %. «Новобранцы, пережившие голодный год, прибывали в дивизию полураздетыми, грязными, завшивевшими... Санитарная обработка проводилась на местах, всех обтирали керосином и сулемой, одежду пропускали через дезинфекционные камеры... По окончании санобработки части приступили к занятиям. С первых же дней обучения посещаемость занятий определилась в довольно устойчивой цифре — 50 % состава. Сразу же пришлось выбраковать 20 % из числа прибывших, как непригодных к несению службы; они составили кадры так называемых «комиссионных». Остальные 30 % отсутствовавших на занятиях — были босые и раздетые»^{34}.

В октябре 1923 года Говоров получил новое назначение — помощником начальника артиллерии своей дивизии. Работы было много. К слову сказать, в 1922 году в дивизию прибыло 17 % неграмотных новобранцев, малограмотных — 43 %. Демобилизованных неграмотных солдат нет. Таким образом, на деревню после службы в армии все попадали грамотные или малограмотные. В этих условиях Говоров не забывал и о самообразовании. Он установил для себя строжайший режим. Штудировал уставы артиллерии, пехоты, кавалерии, броневых сил, «Тактику артиллерии» Н. С. Сапожникова. Он выработал собственное понимание тактических приемов исходя из полученного боевого опыта. Ему было недостаточно устаревших методичек: новая армия, новые войны требуют принципиального пересмотра роли и места артиллерии в войсках.

Определяющим на всю дальнейшую жизнь для Говорова стал 1923 год. В марте управление 6-го стрелкового корпуса было переведено в Одессу. Что представлял из себя город в 1923 году, прекрасно показано в рассказах И. Э. Бабея: Молдаванка, воровские «малины», Мишка Япончик и пахнущий

барабулькой рынок с крикливыми одесситами. В конце года на спектакле Одесского оперного театра Леонид Александрович познакомился со своей будущей женой Лидией Ивановной, ставшей его верной спутницей на всю оставшуюся жизнь.

Шла опера Л. Делиба «Лакме», действие которой «происходило в конце XIX века в британской Индии. Многие индусы вынуждены верить в своих богов тайно. Джеральд, английский офицер, случайно набредает на священный храм брахман. Он встречает Лакме (ее имя происходит от санскритского Лакшми), дочь верховного жреца Нилаканты. Молодые люди влюбляются друг в друга»^{35}. Но жрец призывает убить святотатца. Конечно, романтический сюжет оперы сыграл лишь опосредованную роль в том, что молодые люди полюбили друг друга, но эта история только еще раз подтверждает, что в жизни мелочей не бывает. События наслаиваются одно на другое таким образом, что каждое из них становится небольшой ступенькой к судьбоносному решению. Лидия Говорова впоследствии признавалась, что больше всего ее поразили в молодом офицере не внешность, не внутренняя сдержанность, не статная фигура и волевой подбородок, а... красные революционные шаровары.

Фактически, реальный факт биографии маршала предвосхищает сюжет знаменитого фильма «Офицеры», когда сначала на заснеженном плацу кавалерийского училища курсанту Алексею Трофимову за отличную стрельбу, рабоче-крестьянскую дисциплину и преданность делу мировой революции вручают красные революционные шаровары, а затем Трофимов всюду щеголяет в модных галифе. В них же он совершает мужественный поступок — спасает девушку от бандитов, и девушка конечно же становится супругой будущего офицера.

Будущий маршал от бандитов девушку Лиду не спасал, хотя бандитов в Одессе-маме хватало, но красные штаны сыграли свою необходимую роль, впечатление было произведено.

Красные революционные шаровары — это не выдумка сценаристов и не случайность. В период становления Красной армии вопрос награды отличившихся бойцов и офицеров стоял достаточно остро. Система орденов и медалей только начинала разрабатываться, а бойцам зачастую были необходимы абсолютно практичные вещи: новые штаны, сапоги, седла, рубахи, отрезы сукна. Поэтому красными галифе награждали за доблесть и проявленное в бою мужество. Этот знак отличия был в порядке вещей, а поскольку революция любит красный цвет, нет ничего удивительного, что отличившиеся бойцы и офицеры щеголяли в революционных шароварах и кружили головы молодым девушкам. Из-за этих же штанов Лидия Ивановна долго не решалась познакомиться с родителями своего избранника. Семья у нее была интеллигентная, отец до революции служил управляющим у помещика и к новой власти относился, мягко скажем, с недоверием. Но судьба уже закрутила свое колесо. Через двадцать лет верная и преданная женщина, несмотря на запреты мужа, будет добираться к нему по Дороге жизни в блокадный Ленинград: лишь бы быть рядом с любимым человеком. А тогда в Одессе все развивалось стремительно. Меньше чем через год, 18 октября 1924 года в молодой семье пополнение: родился первый сын, которого назвали Владимиром. Старший сын полководца также станет артиллеристом, будет воевать в Великую Отечественную, не прячась за спиной отца — командуя фронтом: станет командиром взвода, затем батареи, будет ранен и впоследствии завершит военную службу генералом армии и Героем Советского Союза...

Вспоминая жизнь и быт в Одесском гарнизоне, Лидия Ивановна Говорова рассказывала: «...Действительно, некоторым муж казался очень сухим. Я-то была общительна, любила бывать среди подруг и знакомых по гарнизону, но затащить Леонида Александровича в нашу компанию редко удавалось. Подруги даже шутили: как ты с таким молчуном уживаешься? Но мы жили с ним в большой и хорошей дружбе. Ведь в действительности он очень внимателен во всем... А вот захочешь взять его под руку на прогулке — обязательно уклоняется: не умею, мол, так ходить. Или придут гости: он вначале посидит вместе, а едва начнется обычный легкий разговор — встанет, скажет, что пошел работать, и уйдет. Конечно, кое-кто даже обижался. Признаюсь, и мне иной раз всплакнуть в таких случаях хотелось, а он заметит — чуть улыбнется: «Глупости все это...» И верно, глупости. Он просто не умел и не хотел так просто «поболтать», как мы говорили»^{36}.

История донесла до нас и такой отзыв о творческих способностях Л. А. Говорова. «Однажды, — вспоминал командир полка 51-й дивизии Г. Н. Дегтярев, — случилось такое, что всех нас удивило. Руководить сбором командного состава назначили командира артполка Перекопской дивизии Леонида Говорова, равного по положению всем нам. Некоторые участники сбора, не стесняясь, вслух выражали скептическое отношение к новому руководителю. Через несколько дней превратное отношение к Говорову резко изменилось. «Перекопец» оказался с завидной начинкой.

Командиры артполков, словно зачарованные, слушали содержательные лекции Говорова, отличавшиеся глубиной и ясностью мыслей, новизной высказываний по теории и практике артиллерийского дела»^{37}.

Документы, хранящиеся в личном деле Л. А. Говорова, скупы, но совершенно точно

характеризуют его деловые и политические качества. Вот отдельные выдержки из них.

1925 год. «По должности помощника командира легкого артиллерийского полка Пятьдесят первой стрелковой дивизии^[9] показал себя — по строевой части — во всех отношениях весьма способным командиром. Обладает сильной волей, энергией, инициативой. Техническая подготовка как артиллериста безукоризненна. Дисциплинирован и умеет поддерживать дисциплину у себя в полку. Общеобразовательная подготовка отличная».

1925-1926 годы. «По должности командира артиллерийского полка^[10]: К проходимому теоретическому курсу относится с полным вниманием, усваивает его хорошо. В тактическом отношении является отлично подготовленным и во всякой обстановке умеет разобраться. Склонен к самостоятельному принятию решений без боязни ответственности. Политработу может вести самостоятельно... Характер ровный, спокойный, серьезный. Наиболее склонен к строевой артиллерийской работе. Для старшего общевойскового начальника явится надежным сотрудником и ценным помощником <...>

[1927 год:] Развита хорошо. В тактическом отношении подготовлен отлично и во всякой обстановке умеет разобраться. Склонен к самостоятельному принятию решений, без боязни ответственности... Наиболее подготовлен к строевой артиллерийской работе. Для старшего общевойскового начальника явится надежным сотрудником и ценным помощником. <...>

[1931-1932 годы:] По должности начальника артиллерии укрепленного района... показал практические и теоретические знания артиллерии и общей тактики отличные. Отлично знает огневое дело и

методы точной стрельбы... Требователен к подчиненным, но вместе с тем чуток и внимателен. Хороший организатор. Беспартийный, но политически развит хорошо, активен в марксистско-ленинской самоподготовке. В общественной работе был образцом»^{38}.

Беспартийность Говорова являлась следствием его службы в рядах Белой армии с одной стороны, а с другой — результат прямолинейности, открытости, абсолютной честности. В 20-х годах на вопрос о том, почему он решил подать заявление в партию, Говоров со всей прямоотой ответил: «Чтобы овладеть современной военной наукой, надо учиться. Я решил поступить в военную академию, но я беспартийный...» Такой ответ не понравился членам парторганизации. «Что значит — я решил, я хочу?» «Плохо еще понимает товарищ Говоров, — записано в протоколе одного из выступлений, — для чего существует партия. Надо воздержаться пока от приема. Пусть разберется во всем, а мы поможем»^{39}. Отказ этот больно ударил по самолюбию молодого командира. И вместе с тем этот эпизод свидетельствует о гордости и чувстве собственного достоинства. Вплоть до 1942 года Говоров больше не подавал заявления о приеме в члены ВКП(б). И «лишь в блокадном Ленинграде, будучи командующим фронтом, генерал обратится в штабную парторганизацию с просьбой принять его в партийные ряды. Приняли, как предписывал устав, кандидатом. А через двое суток решением ЦК (точнее, лично И. В. Сталина) командующий был переведен в члены партии без прохождения кандидатского стажа — для того времени исключительный случай»^{40}.

С 1923 по 1929 год Говорова постоянно избирали депутатом Одесского горсовета, в 1928 году он даже был членом Одесского окружного исполкома. Дважды, в 1927 и 1928 годах, командование округа и Реввоенсовет

награждали Говорова золотыми часами за отличную артиллерийскую подготовку дивизии. Может показаться странным, но в этом не было проявлений карьеризма со стороны будущего маршала. Должность депутата была скорее обузой. К тому же надо понимать, что из себя представляла Одесса в 20-е годы. «Одесса-мама продолжала наводить страх на любопытных туристов, пополняла свой неповторимый жаргон, а по содержанию блатных песен становилось очевидным, что громкие убийства, ночные налеты, поножовщина в портах и финансовые аферы по-прежнему процветали в городе. [...] С приходом советской власти уклад прежней жизни одесситов ломался, изменялся и криминальный мир. Дети рабочих предместий, чьи родители были заняты на работе, были предоставлены сами себе. В перенаселенных окраинных кварталах всем заправляли уголовники. [...] На рынках тогда распевали: «Пролетарии всех стран, берегите ваш карман». [...] На Молдаванке по улице Виноградной была создана специальная школа, где шло обучение криминальному искусству»^{41}. И в этих, мягко говоря, некомфортных условиях должность депутата была скорее расстрельной, нежели приносящей какие-то дивиденды. Но Говоров брался за все, что ему поручали, и любое дело доводил до конца.

Военная карьера Леонида Александровича развивается ровно, без резких взлетов и падений, но при этом крепко и основательно, как и всё в его жизни. Спокойный, немногословный, даже замкнутый, непьющий и некурящий (что было в те годы завидным и для многих непонятным исключением), не мизантроп, но и не рубаха парень, Говоров был из той породы людей, что не распахивают никого локтями, не лезут наверх, но тихо, без особого шума делают свое дело, делают на совесть, потому что по-другому не умеют.

С должности командира полка Л. А. Говоров в мае 1931 года был назначен начальником артиллерии Рыбницкого укрепрайона. В июле 1934-го он стал начальником артиллерии сначала 14-го, а затем 15-го стрелковых корпусов, а в феврале-октябре 1936 года возглавлял 1-е отделение Артиллерийского отдела Киевского военного округа. Параллельно со службой Говоров постоянно повышает уровень своих знаний. Он окончил Артиллерийские курсы усовершенствования командного состава в Пушкине (в 1926 году), Высшие академические курсы при Военной академии им. М. В. Фрунзе (в 1930 года). «В 1933 г. Говоров заочно заканчивает полный курс этой академии, а потом проходит дополнительное обучение на ее оперативном факультете. Говоров самостоятельно изучил немецкий язык и сдал экзамен на военного переводчика, что позволило ему в дальнейшем самостоятельно допрашивать пленных немецких генералов. В 1936 г. Говорову присваивается звание «комбриг»^[11] и в том же году он становится слушателем первого (его еще часто называют «золотого», потому что в нем было много будущих полководцев) набора Академии Генерального штаба»^{42}.

Б. В. Бычевский пишет: «Нельзя не дать... хотя бы самого сжатого представления об академии. Воспользуемся воспоминаниями одного из бывших слушателей, впоследствии видного советского военачальника генерал-полковника Л. М. Сандалова. «... Трудно переоценить значение этого нового высшего военно-учебного заведения, созданного незадолго до войны, — писал он. — Только из числа слушателей первого набора в годы Великой Отечественной войны занимали в разное время посты начальника Генерального штаба — А. М. Василевский и А. И. Антонов; командовали фронтами— И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватулин, Л. А. Говоров, П. А. Курочкин; возглавляли

штабы фронта — А. Н. Боголюбов, М. В. Захаров, В. М. Злобин, В. Е. Климовских, В. В. Курасов, Г. К. Маландин, Ф. П. Озеров, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов».

Мы не приводим дальнейший большой перечень командармов, начальников штабов крупных объединений всех родов войск. Очевидно одно: Леонид Александрович Говоров, как и многие другие командиры, получил то, к чему стремился, — возможность глубоко изучать проблемы современного оперативного искусства»^{43}.

В это же время с 1937 года началась печально известная «чистка» в армейских рядах. Многие слушатели первого выпуска Академии были впоследствии репрессированы.

Возможно, жизнь Говорову во время репрессий 30-х годов спасли черты его характера: спокойствие, любовь к труду, полное отсутствие честолюбия. Доносов на него не могло не быть. Бывший колчаковский офицер, служивший у репрессированного В. К. Блюхера, получивший красные революционные шаровары из рук Л. Д. Троцкого, общавшийся с И. Э. Якиром, Говоров, вне всякого сомнения, был «на карандаше». Да еще не член партии... А так ли предан делу революции товарищ Говоров? «В 1937 г. на Говорова тоже было заведено дело. Был даже сделан вывод о его политической неблагонадежности. Обычно это означало скорый арест»^{44}.

Лидия Ивановна вспоминала такой случай. Во время учебы в Академии они жили в общежитии. Как-то возвращаясь из магазина с покупками, она увидела, как около их двери остановились трое военных: два красноармейца с винтовками и примкнутыми к ним штыками и офицер в фуражке с характерным синим околышем. Офицер достал из планшета какую-то

бумагу, посмотрел сначала в документ, потом сверился с номером квартиры. Две секунды ему понадобилось, чтобы понять ошибку, но как долго тянулись в вечности эти две секунды. Наконец сотрудник НКВД махнул рукой, и группа двинулась дальше по коридору. Что испытала бедная женщина за эти две секунды, остается только догадываться.

«Однако в это время в жизни Говорова происходит крутой поворот. В марте 1938 года, за два месяца до защиты дипломного проекта, Леонида Александровича досрочно выпускают из академии и назначают старшим преподавателем тактики в Артиллерийскую академию РККА имени Ф. Э. Дзержинского. Конечно, это была не та должность, на которую мог рассчитывать выпускник Академии Генерального штаба, но это обстоятельство, без сомнения, спасло ему жизнь»^{45}. Словно бы кто-то невидимой рукой спрятал его за пазуху, подальше от всевидящего ока НКВД. Документальных свидетельств, объясняющих причины такого кадрового решения, нет, поэтому будем считать это Провидением Божьим, спасшим полководца для Ленинграда, для Родины.

Генерал-полковник Л. М. Сандалов так характеризует Говорова в период его преподавательской работы в Академии: «Высокого роста, темный шатен с волевым лицом, серьезный, всегда подтянутый и безупречно одетый, Леонид Александрович Говоров пользовался у нас большим авторитетом. Он держался несколько особняком, в разговорах на бытовые, повседневные темы участия не принимал, и даже его присутствие при таких разговорах несколько стесняло собеседников. [...] Однако неразговорчивый Говоров мгновенно преображался, когда разговор заходил на военные или военно-политические темы. Он буквально чеканил фразы своим несколько глуховатым голосом. Его суждения часто

были резки, но всегда отличались железной логикой»^{46}.

В эти, как позже стало ясно, предвоенные годы Говоров становится все более замкнутым, неразговорчивым. Возвращаясь из Академии, он до глубокой ночи занимался в своем кабинете: листал подшивки газет, прорабатывал вопросы тактики, писал научную работу по использованию артиллерии при атаке укрепрайонов. Он пытался найти ответы на мучающие его вопросы: почему его не арестовывают? Когда начнется война? В том, что война на пороге, Говоров не сомневается. Но это всё дома, на глазах жены. В Академии слушатели видели совсем другого Говорова. Когда он начинал читать лекцию, пропадала его привычная замкнутость, взгляд его загорался, голос был твердым, громким и уверенным. За кафедрой всегда стоял блестящий оратор с внятным стилем изложения материала. В конце 1938 года комбригу Говорову было присвоено ученое звание доцента.

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года: в этот день немецкие войска вторглись на территорию Польши. А через три месяца — 30 ноября — развернулись военные действия на советско-финляндской границе. Именно в этой зимней кампании впервые проявился талант Говорова, как полководца. Все то, что он наработал и обобщил в своем научном труде по прорыву укрепрайонов, он применил в лесах Карельского перешейка при штурме укреплений линии Маннергейма.

Начиная с 1990-х годов в отечественной историографии было признаком хорошего тона признавать захватнический характер «развязанной И. В. Сталиным войны». Однако беспристрастный взгляд на историю карельской земли, на контекст времени, на причины и предшествовавшие войне переговоры с финским правительством позволяют рассматривать

Советско-финскую войну как вынужденную меру по защите Ленинграда и его рубежей. Причины неизбежного военного конфликта кроются все в той же надвигающейся угрозе большой европейской войны. СССР, все больше осознавая ее неизбежность, вынужден был искать возможность отодвинуть государственную границу как можно дальше от одного из самых стратегически важных городов — Ленинграда. Учитывая это, советское руководство вступило в переговоры с финнами, предложив своим соседям обмен территориями. При этом финнам предлагалась территория, практически в два раза большая, чем планировал получить взамен СССР. Но от финского правительства последовал категоричный отказ. На тот момент линия укреплений на Карельском перешейке вдоль границы с Ленинградом, получившая название «линия Маннергейма», считалась неприступной цитаделью. Финны, с одной стороны, были уверены в ее непреодолимости, с другой — считали Карельский перешеек исконно финской территорией, забыв, видимо, что в состав Финляндского княжества территория Выборгского и Кексгольмского уездов вошла в 1811 году по указу императора Александра I. Сделано это было для удобства управления и сбора налогов. Примерно так, как в 1953 году Крым перешел в состав Украинской ССР. А если копнуть в глубь веков, то это были исконные земли Новгородского княжества.

Начиная военные действия, советское командование рассчитывало на быструю и победоносную войну с минимальными потерями. Однако финны не собирались сдаваться на милость большому соседу. Для Красной армии война началась с тяжелых боев. Первый ее этап в историографии принято датировать 30 ноября 1939 года — 10 февраля 1940 года, он стал самым кровопролитным для наступающих советских войск.

В этот период оборону финнов пытались взломать лобовыми атаками. Сооружения линии Маннергейма изначально возводились с учетом рельефа местности, образуя вместе с естественными преградами единую систему обороны. Дзоты с толщиной стен до 1,5 метра, двухэтажные доты и укрытия для личного состава были соединены между собой, образуя, таким образом, обособленные узлы сопротивления. Пространство перед полосой укреплений было пристрелено. Минные поля, ряды противотанковых надолб, рвов и проволочных заграждений затрудняли подступы к ней. А подготовка и снабжение советских войск не всегда были на должном уровне. Были случаи, когда бойцам не хватало патронов и рукавиц, от обморожений людей погибло не меньше, чем от пуль. Кровь застывала на сорокаградусном морозе, превращаясь в красные сосульки. В этих условиях советские войска подошли к линии Маннергейма, но взломать ее никак не могли.

«В январе 1940 г. Наркомат обороны СССР направляет Говорова, как ценного специалиста, имевшего фундаментальные знания в области боевого применения артиллерии и прорыва укрепленных районов противника, в действующую армию. [...] Комбрига Л. А. Говорова... назначают на должность начальника штаба артиллерии 7-й армии Северо-Западного фронта. 7-й армии (командарм 2-го ранга К. А. Мерецков) отводилась основная роль в действиях на Карельском перешейке, ее задачей было осуществить прорыв финской обороны на главном, Выборгском, направлении»^{47}. И именно с Мерецковым судьба столкнет Говорова во время битвы за Ленинград...

План прорыва железобетонного пояса разрабатывался уже в ходе боев, что называется, на ходу. Основная роль по предложению Говорова была отведена крупнокалиберной артиллерии. Говоров предложил рискованный, но оправдавший себя маневр:

выкатить пушки на передовую, на расстояние прямой наводки, чтобы увеличить поражающую мощность артиллерийского огня. Этому предшествовала долгая, кропотливая работа по изучению системы обороны противника. Финскую линию обороны можно сравнить с абсолютно глухим человеком, а Говорову надо было написать симфонию, придумать и исполнить на имеющихся инструментах такой концерт, чтобы пробить глухоту, достучаться, заполнить звуками, снарядами, крошевом, взрывами ту невероятной плотности стену из холода и бетона.

О знакомстве с Говоровым во время Советско-финской войны вспоминал бывший начальник разведотдела штаба 7-й армии, в ту пору комбриг, П. П. Евстигнеев: «...Его скрупулезность при изучении разведданных по каждому доту и на всем участке прорыва могла утомить даже нас, разведчиков. (...) Настойчив он был дьявольски. Сидел часами с луной, сравнивал с аэрофотоснимками все фотографии дотов, полученные ранее от войсковой разведки; потом побывал на многих передовых наблюдательных пунктах перед самыми дотами, определяя их сектор огня из амбразур; выбирал оптимально выгодное место огневой позиции для тяжелых орудий.

Он и был одним из инициаторов разрушения железобетонных дотов огнем орудий самых крупных калибров с максимально близких дистанций — прямой наводкой, чтобы расчистить путь атаке пехоты. Мы вместе с ним составили и подписали разведывательную карту линии Маннергейма и докладывали ее К. А. Мерецкову и А. А. Жданову, как члену Политбюро и секретарю обкома партии. Тогда Жданов и познакомился с Говоровым. Помню, Говоров стоял в стороне, молчал. Докладывал начальник штаба 7-й армии комбриг Иссерсон. В ту пору он слыл в военных

кругах одним из знатоков планирования современных боевых операций»^{48}.

Не для славы, не для денег, не для должностей и званий. Просто максимально хорошо выполнить поставленную задачу — вот награда. И сберечь жизни солдат. Пусть другой доложит, не привыкать.

План был утвержден. Казавшаяся неприступной линия Маннергейма — прорвана. А Говоров, как и другие командиры, прибывшие из Москвы, вернулся на преподавательскую работу. За прорыв линии Маннергейма начальник артиллерии 7-й армии комдив М. А. Парсегов получил звезду Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», в тот же день ему было присвоено воинское звание комкора. Говоров же получил орден Красной Звезды (15 января 1940 года) и звание комдива (21 марта 1940 года). Наверное, есть в этом определенная несправедливость, но так уж устроено, что операции разрабатывает начальник штаба, а высшие награды получает командир, поскольку несет всю полноту ответственности за принятые решения. На связку Парсегов — Говоров обратили внимание в Наркомате обороны.

Советская-финская война наглядно продемонстрировала неготовность практически всех родов войск Красной армии к предстоящей войне с Германией. А то, что эта война начнется, ни у кого в 1940 году не было никаких сомнений. Отставали виды вооружений, хромало взаимодействие между родами войск, слабо работала войсковая разведка. Наркомат обороны понимал, что армии необходимо поставить новые, отвечающие вызовам времени задачи. 14-17 апреля 1940 года состоялось Сопещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта военных действий против Финляндии. Были высказаны серьезные замечания действиям разведки и уровню подготовки

офицеров запаса. Все понимали, что армия нуждается в серьезном реформировании, но после «чистки» 37-го выходить с подобными предложениями было просто небезопасно.

В июле 1940-го маршал Советского Союза Тимошенко, всего два с половиной месяца как занявший пост наркома обороны СССР, назначил М. А. Парсегова генерал-инспектором артиллерии РККА. Заместителем ему нарком подобрал Говорова. В эти же дни — 4 июня 1940 года — при переаттестации Леониду Александровичу было присвоено звание генерал-майора артиллерии.

Уже в мае 1941 года Тимошенко назначил Говорова начальником Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского. Череда этих назначений не случайна. Тимошенко высоко ценил артиллерийский талант Говорова, а войскам в срочном порядке были необходимы талантливые офицеры-артиллеристы. Плюс опыт педагогической деятельности на кафедре тактики в академии сыграл свою роль. Но в этой должности Говоров пробыл всего три недели: началась Великая Отечественная война и судьба будущего маршала накрепко переплелась сначала с Москвой, затем с Ленинградом, а потом с Победой советского народа. В июле Леонид Александрович был направлен на фронт. 10 июля главкомом Западного направления был назначен С. К. Тимошенко, а он, в свою очередь, на должность начальника артиллерии пригласил Говорова.

Семен Константинович сыграл важную роль в судьбе будущего маршала. Спас его от доноса, лично заступившись перед И. В. Сталиным в 1940 году, временно «спрятал» в Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского, взял к себе начальником артиллерии. Безусловно, не за красивые глаза. Тимошенко понимал, что без таких военачальников, как Говоров, войны нам не выиграть.

Судьба Западного фронта в первые дни и даже месяцы войны была трагичной. По сути, фронт перестал существовать, как боевая единица, штаб утратил управление с войсками, целые армии попали в окружение. Фронт был сформирован на основе войск Западного военного округа. Командующим войсками фронта был назначен генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов. Судьба его и вина в разгроме первых дней войны до сих пор не выяснены окончательно. 22 июля 1941 года Леонид Александрович вступил в должность начальника артиллерии Западного направления. Главкомом направления был маршал С. К. Тимошенко, и ему на тот момент подчинялись Западный фронт и Пинская военная флотилия, а впоследствии Западный, Центральный и Резервный фронты. Артиллерия Западного фронта к июлю была практически полностью уничтожена или досталась противнику в результате окружения. Начальник артиллерии Западного фронта генерал-лейтенант Н. А. Клич был приговорен к расстрелу. В этих условиях наладить работу артиллерии фронта было крайне непростой задачей. Но именно с этого момента начинается трудный рост Говорова, как полководца, путь к звезде маршала Советского Союза, путь в Ленинград.

В конце июля Западный фронт растянулся от Гомеля до Полоцка и под ударами фашистских дивизий откатывался все дальше на восток. Развал в войсках, массовые окружения, полнейшая дезорганизация. Обстановка на всем театре военных действий была настолько критической, что 28 июля 1941 года вышел приказ № 227 наркома обороны СССР И. В. Сталина «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», известный в народе как «Ни шагу назад!». Лишь к концу августа обстановка на Западном фронте

условно стабилизировалась, железной рукой главком Западного направления С. К. Тимошенко навел порядок в войсках.

В плачевном состоянии была артиллерия Западного фронта. Практически все орудия, находившиеся на открытых площадках Брестской крепости, включая неприкосновенный запас, хранившийся на складах, были уничтожены. Погибли почти все лошади артиллерийских и минометных частей и подразделений 6-й и 42-й стрелковых дивизий. На Белостокском направлении 4-й гаубичный артиллерийский полк 4-й танковой дивизии после авиаудара разбежался, не сделав по противнику ни единого выстрела. 7-й гаубичный артполк 7-й танковой дивизии был разбит на марше немецкой авиацией.

Но были эпизоды мужества, героизма и отличной боевой выучки командиров. Слаженно повел себя 2-й дивизион 383-го гаубичного полка 86-й стрелковой дивизии. «Командир 3-й батареи старший лейтенант Степанов развернул своих два орудия прямо на дороге... Три танка Степанов разбил, остальные отошли. Через некоторое время дивизион остановился: кончилось горючее. Начальник штаба уехал на его поиски, снова были развернуты в боевое положение две гаубицы, как оказалось, не зря. Группа немецких мотоциклистов, наткнувшись на колонну, была встречена огнем. (...) Когда вернулся начальник штаба, выяснилось, что дизтоплива он не нашел, привез только пять бочек бензина. Заправив им тягачи, тронулись в путь. Дизеля стучали и сильно грелись, но до Нарева выдержали. Дивизион снова был в расположении своего соединения»^{49}.

Обстановка менялась стремительно: 22 июля Говоров был назначен начальником артиллерии Западного направления, а уже 30 июля был создан Резервный фронт с целью объединить действия

резервных армий на Ржевско-Вяземском оборонительном рубеже. Командующим фронтом был назначен Г. К. Жуков, начальником артиллерии фронта — Леонид Александрович Говоров. «Начальника штаба Резервного фронта генерал-майора П. И. Ляпина и командующего артиллерией фронта генерал-майора Л. А. Говорова, — вспоминал Г. К. Жуков, — я знал давно и хорошо. Это были мастера военного дела высокого класса, и я был очень рад, что буду работать с ними... В тот же день [30 июля] вместе с Л. А. Говоровым и другими офицерами я отправился в штаб 24-й армии»^{50}.

Задачу перед артиллерией командующий фронтом ставил четкую и конкретную: уничтожение танков противника, которые взламывали оборону советских войск, входя, как раскаленный нож в масло, как кайло в глину. В те дни Говоров разрывался на два фронта в прямом смысле этого слова. Тимошенко, остававшийся командующим Западным направлением, требовал от Говорова наладить работу артиллерии и на Западном фронте: «Ваша задача, не забывая о своих обязанностях начальника артиллерии Резервного фронта, помочь организовать взаимодействие стрелковых и артиллерийских частей и на Западном фронте. Понимаю, что мотаться туда-сюда непросто, но людей катастрофически не хватает. Действуйте от моего имени. Тех, кто не способен воевать по-настоящему, — отстраняйте, заменяйте решительными, толковыми командирами»^{51}. И Говоров налаживал, ездил без конца в дивизии, полки и даже батальоны, учил, объяснял, показывал. Делал то дело, которому учился всю жизнь, для которого был рожден, которое сделал своей профессией: Родину защищал. Его «Эмка» без остановки моталась по пыльным смоленским дорогам, навстречу шли толпы беженцев, раненые солдаты, бабы с детьми, старики, обозы, телеги...

«...Внезапно машина остановилась. Водитель, испуганно крикнув: «Воздух!» — выскочил из машины.

Случилось это километрах в двадцати от Смоленска, — вспоминал адъютант Говорова Александр Васильевич Романов. — Говоров сидит на месте. А что мне делать? Видимо, поняв мое состояние, Леонид Александрович обернулся ко мне, покусывая губы, недовольно произнес: «Трусоват наш водитель. Самолет на большой высоте летел. Для него наша эмка просто букашка. Есть цели и поприметнее. Тогда он спикирует, бомбу сбросит, из пулемета одну-две очереди даст. Лев Толстой, когда в армии служил, в разных перепалках побывал. И в чем убедился? На войне надо бояться только того, чего надо бояться. А о смерти думать — себя убивать. Зови водителя, у него, пожалуй, душа из пяток вернулась на положенное ей место».

Когда тот сел в машину, я подумал: «Ну, сейчас Леонид Александрович пропесочит его». Но Говоров только сухо сказал: «Младший сержант, послушай: трусость, что ржавчина, человека в ничтожество, в безмозглое существо превращает»^{52}.

Первого августа группа войск Западного фронта прорвала кольцо окружения в районе Смоленска. А Ставка уже готовила первую с начала войны наступательную операцию, осуществлять которую должны были войска Резервного фронта. Новый рубеж для Говорова — Ельня.

После того как 19 июля 10-я танковая дивизия вермахта заняла Ельню, образовался выступ от села Ушакова на севере до деревни Большая Липня на юге. Восточная оконечность выступа подходила вплотную к селу Вараксину, не доходя несколько километров до реки Угра. Выступ глубоко вдавался в советскую оборону и был отличным плацдармом для дальнейшего наступления на Москву. Части 24-й армии еще в июле — начале августа несколько раз пытались «срезать»

неудобный выступ, но немцы заняли глубокую оборону, и все попытки по ликвидации плацдарма оказались безуспешными. С 21 августа стороны перешли к позиционной войне.

15 августа командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок записал в свой дневник: «Трудно дать окончательный ответ на вопрос, что лучше: удерживать выступ или оставить его. Если русские будут продолжать атаковать выступ, тогда удерживать его невыгодно. Если же они прекратят атаки, что вполне может быть, тогда выступ стоит сохранить, поскольку он не только станет опорным пунктом для наших дальнейших атак в восточном направлении, но и даст возможность обеспечить определенное прикрытие для смоленского железнодорожного узла и шоссейной дороги Смоленск — Москва»^{53}.

Замысел новой операции по ликвидации Ельнинского выступа принципиально не отличался от предыдущих попыток: предполагалось одновременными ударами частей 24-й армии с севера и юга прорвать немецкую оборону и окружить XX армейский корпус противника. При этом для рассечения немецких частей и сковывания немецких резервов были нанесены удары с востока силами 19-й и 309-й стрелковых дивизий. Разгром Ельнинской группировки предусматривалось закончить к 3 сентября.

Значительная роль в Ельнинской операции отводилась артиллерии, но перевес проявился не сразу. После изучения разведданных, местности, обстановки на линии фронта Говоров доложил Жукову, что 24-я армия не обладает достаточными силами, чтобы ликвидировать выступ. Армию нужно не только пополнить артиллерийскими соединениями и материально-техническими средствами, но и отработать систему взаимодействия всех частей армейского

механизма. Жуков приказал начать детальную подготовку. «В эти дни Говоров, казалось, не чувствовал усталости, поражая окружающих редкой работоспособностью, а дел была уйма: переброска артиллерийских частей в 24-ю армию, забота о подвозе боеприпасов, рекогносцировки, выбор позиций, организация артиллерийской разведки и, главное, — постоянная помощь командирам и штабам на местах. Он делал все, чтобы в предстоящей для него первой наступательной операции артиллеристы, что называется, не ударили лицом в грязь. Говоров дотошно рассматривал карты — все новое, что раскрыто в огневой системе противника, штабные документы, проверял оборудование огневых позиций, знания артиллеристов...»^{54}.

Наступление началось 30 августа. В 7 часов утра мощная артиллерийская подготовка обрушила на позиции немцев вал огня. Около восьмисот орудий в течение часа методично уничтожали вражескую оборону концентрированными ударами, что позволило пехоте без серьезных потерь прорвать первую линию обороны в южной и северной оконечностях выступа.

Тем не менее второй эшелон оборонительных порядков немцев не давал развить успех. За два дня советские войска углубились на отдельных участках только на два километра. При этом противник постоянно контратаковал, пытаясь не допустить сужения горловины Ельнинского выступа.

Перелом в сражении наступил 3 сентября. К концу дня части 303-й стрелковой дивизии и 106-й моторизованной дивизии с юга и части 107-й и 100-й стрелковых дивизий с севера сузили горловину выступа до 6–8 километров. XX армейский корпус немцев столкнулся с реальной угрозой окружения. 5 сентября 19-я стрелковая дивизия заняла окраины Ельни, на

следующий день город был полностью освобожден советскими войсками.

Чтобы избежать окружения, немцы были вынуждены отвести войска к линии Каратаево — Марьино. Генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник еще долгое время, после того как наши части уже были выведены, вел огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования»^{55}.

К концу дня 8 сентября 1941 года Ельнинский выступ был полностью ликвидирован. Эта операция советских войск была одним из первых успехов в Великой Отечественной войне, когда глубокоэшелонированная оборона немцев была взломана, прорвана, а решительные ударные действия советских частей заставили немцев отступить. В немалой степени этому способствовали действия артиллерии 24-й армии.

Тринадцатого сентября Жукова был назначен командующим Ленинградским фронтом, войска которого находились на тот момент в критическом положении. По сути в эти дни решалась судьба Ленинграда. Жуков обратился в Ставку с просьбой направить вместе с ним ряд генералов, в том числе и Говорова, но Сталин уже заметил талантливого военачальника. Он отпустил с Жуковым всех, кроме Говорова. Талантливый артиллерист был нужен ему под Москвой. Встреча с Ленинградом вновь была отложена, но ход судьбы было уже не изменить. Город магнитом притягивал к себе Леонида Александровича. И это находит подтверждение документально, в мелких штрихах, оговорках. Так, в журнале посещений И. В. Сталина от 29 сентября 1941 года Говоров записан как «команд. 5А, Лен. фр.». То есть на тот момент Сталин уже рассматривал кандидатуру

талантливого генерал-майора на должность командующего Ленинградским фронтом.

По странной, давно проверенной метафизической традиции дорога на Ленинград лежит через Москву. И для Говорова ничего в этом смысле не поменялось: сначала надо было отстоять столицу.

В своих воспоминаниях о Битве под Москвой маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет о сложнейшей обстановке, создавшейся тогда на всем Западном направлении: «Немецкая группа армий «Центр», как мы теперь знаем, насчитывала в своем составе более 1 миллиона человек, 1700 танков и штурмовых орудий и свыше 19 тысяч орудий и минометов. Ее действия поддерживались мощным 2-м воздушным флотом, которым командовал генерал-фельдмаршал Кессельринг. Гитлер директивой от 16 сентября поставил группе армий «Центр» задачу: прорвать оборону советских войск, окружить и уничтожить главные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов и затем, преследуя остатки войск, захватить Москву, охватывая ее с юга и севера. 30 сентября 1941 года противник начал наступление против войск Брянского фронта, а 2 октября нанес мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Особенно сильные удары последовали из района севернее Духовщины и восточнее Рославля по войскам 30-й и 19-й армий Западного фронта, а также 43-й армии Резервного фронта. Немецко-фашистским войскам удалось прорвать нашу оборону. Ударные группировки врага стремительно продвигались вперед, охватывая группировку войск Западного и Резервного фронтов»^{56}.

«Неблагоприятное развитие военных действий в районе Вязьмы и Брянска создало большую опасность Москве на Можайском направлении. Для организации противотанковой обороны Ставкой ВГК в Можайск 4

октября направляется начальник артиллерии Резервного фронта генерал-майор Л. А. Говоров. 9 октября приказом Ставки ВГК создается Можайская линия обороны (командующий войсками генерал-лейтенант П. А. Артемьев, заместитель командующего генерал-майор Л. А. Говоров).

В начале октября 1941 года 3-я танковая группа вермахта начала наступление в направлении Малоярославца. 5 октября был захвачен Юхнов. Удар был неожиданным для советских войск. Но начальник парашютно-десантной службы Западного фронта капитан И. Г. Старчак, командовавший отрядом десантников из нескольких сот человек, по своей инициативе занял оборону на реке Угре за Юхновом и смог сдержать головные колонны 10-й танковой дивизии 57-го моторизованного корпуса вермахта, наступавшие по Варшавскому шоссе. Также 5 октября около 2 тыс. курсантов пехотного и 1,5 тыс. курсантов артиллерийского подольских училищ были сняты с занятий, подняты по тревоге и направлены на оборону на Ильинском боевом участке. Немцы были задержаны на 2 недели, которых хватило для формирования сплошной линии обороны на участках второго рубежа Можайской линии — по реке Наре»^{57}.

Эти сухие строчки не дадут всего масштаба подвига и беспрецедентного героизма советских... ребят, уже не солдат, еще не офицеров. Эти бои войдут в историю Великой Отечественной войны, как «подвиг подольских курсантов». По приказу Ставки «они встали на защиту города Москвы, проучившись всего три месяца. Принять такое решение нелегко. Этот приказ был крайней мерой. Командование понимало, что курсанты военных училищ — это золотой фонд для развития армии. Но это был единственный выход, так как нависла угроза взятия Москвы фашистскими войсками. От Юхнова до Москвы оставалось 198 километров, войск для защиты столицы

на этом пути больше нигде было взять»^{58}. В период с 6 по 16 октября 3500 курсантов обороняли Ильинский боевой участок под Малоярославцем. Им противостояли около 20 тысяч солдат вермахта при поддержке танков, артиллерии и авиации. За десять дней безумных по своему накалу боев подольские курсанты уничтожили до пяти тысяч солдат противника, подбили около ста танков. Погибли практически все. В городе Подольске на улице Кирова стоит памятник этим мальчишкам: плечом к плечу, встав в один строй, шагают в вечность, крепко сжав ППШ. Но пока они гибли, формировался второй рубеж обороны Можайской линии.

На этом рубеже и встала 5-я армия. После ранения 15 октября командарма Д. Д. Лелюшенко по приказу Ставки Л. А. Говоров принял командование 5-й армией. Случилось это 18 октября, после сражения на историческом для русского человека поле — под Бородином. Судьба и история снова делают повороты, выдвигая своих героев на первые роли в символических, пропитанных кровью русских солдат местах.

«Именно 5-й армии пришлось вынести всю тяжесть оборонительных боев на подступах к Москве на Можайском направлении. Впервые в военной истории командование общевойсковым объединением было поручено не просто генералу, а генералу от артиллерии»^{59}. И в этом был не просто глубокий смысл, но насущная необходимость. Именно на Можайском направлении противник сосредоточил 4-ю танковую армию генерал-полковника Эриха Гёпнера, перебросенную под Москву из-под Ленинграда в сентябре, когда немецкое командование убедилось в невозможности овладеть городом на Неве с ходу. Впоследствии многие историки сочтут это решение Гитлера фатальной ошибкой. Сложно сказать, как сложилась бы судьба Ленинграда, если бы 4-я танковая

армия продолжала атаки на город до конца. Но история не терпит сослагательного наклонения.

Эрих Гёпнер принадлежал к тому поколению германских офицеров, что начали свою службу еще при кайзере: офицерские погоны он получил в августе 1906 года. В 1913 году он был принят в берлинскую Военную академию, но в июле 1914-го, с началом Первой мировой войны, оставил учебу и пошел на фронт. Войну он закончил капитаном, кавалером Железного креста обеих степеней и двух Рыцарских крестов — Дома Гогенцоллернов и вюртембергского ордена Фридриха. В рейхсвере он постепенно поднимался по служебной лестнице и к началу новой войны в звании генерала кавалерии командовал корпусом. Примечательно, что с 1935 года поддерживал связь с немецким Сопротивлением. То есть этот офицер не был убежденным нацистом. Позже, после поражения под Москвой, Гёпнер в начале января 1942-го будет отстранен от командования армией, обвинен в «трусости и неподчинении приказам» (*Feigheit und Ungehorsams*). В августе 1944 года его расстреляют за участие в заговоре против Гитлера — знаменитом заговоре 20 июля. Но в октябре 1941-го он был полон решимости взломать оборону Красной армии. Танковые клинья его совершенны, обучены, действуют слаженно во взаимодействии с пехотой, авиацией и артиллерией. Но на его пути стоит 5-я советская армия советских войск во главе в генералом Говоровым.

Сам Г. К. Жуков решение о назначении Говорова командармом объяснял однозначно: «Говоря кратко, мы исходили из двух важнейших обстоятельств. Во-первых, в период боев под Ельней генерал Говоров, будучи начальником артиллерии Резервного фронта, зарекомендовал себя не только как прекрасно знающий свое дело специалист, но и как полевой, энергичный командир, глубоко разбирающийся в оперативных

вопросах; во-вторых, в нашей обороне под Москвой основная тяжесть борьбы с многочисленными танками противника ложилась, прежде всего, на артиллерию, и, следовательно, специальные знания и опыт Говорова приобретали особую ценность. Последующие события показали, что сделанный выбор был весьма удачен»^{60}.

Безусловно, управление целой армией с входящими в ее состав частями разных родов войск — это новый опыт для Л. А. Говорова. Сам он так вспоминает свое назначение: «15 октября получил назначение командующим 5-й армией. Прибыл в Можайск. Обстановка для 5-й армии в то время была тяжелая. Оборона армии проходила по линии, заранее подготовленной в Можайском укрепленном районе. Он в то время таким считаться не мог. Но кое-что все же было сделано. Были даже противотанковые долговременные сооружения. Но к этому времени не успели обеспечить их готовность. Рассчитывали, что Западный фронт сможет сделать что-то большее. Фактически немцы подошли сюда, когда наших войск тут не было. Только 32-я дивизия прибыла с Дальнего Востока. Были сборные команды: артиллерийское училище, политическое училище, сводный батальон, разные запасные части. Танки для роты были собраны из музейных экспонатов. Правда, они сыграли немалую роль.

Я застал обстановку, когда эта линия обороны была прорвана, и враг уже занял станцию Бородино. Борьба происходила на подступах к Можайску... Я застал такую обстановку, когда противник фактически линию обороны расколол на две части и наиболее боеспособные части 32-й дивизии он отбросил на север, менее боеспособные части, все сборные команды — на юг в леса. Обе магистрали Минск — Москва и Можайское шоссе оказались совершенно открытыми. Это было 15 октября.

Получив назначение, я позвонил члену Военного совета и попросил подготовить карту с обстановкой,

чтобы сразу же войти в курс дела и принять бразды правления. Вечером приехал в Можайск. Члена Военного совета не застал.

...Фактически никакого штаба не было. Начальник штаба был случайной личностью. Единственное средство управления — в кабинете висел городской телефон, по которому происходило все управление армией. Рядом был телефон для связи с Москвой. По нему каждый час раздавались очень нервные звонки, спрашивали: «Вы еще в Можайске сидите или нет?» Тогда в Москве обстановка была очень напряженной и нервной. Борьба происходила на непосредственных подступах к Можайску 16 октября пришлось перенести командный пункт километров на 8 от Можайска в деревню Пушкино»[{61}](#).

Наиболее боеспособной единицей 5-й армии являлась 32-я стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина. Свежая, только что прибывшая с Дальнего Востока, она и приняла на себя всю тяжесть немецкого танкового удара. Танковый клин расколол линию обороны на две части, а Говоров, несмотря на угрозу окружения, запретил дивизии отход. Немцы ворвались в Можайск. «Говоров упорно держит на Бородинском поле части дивизии Полосухина, хотя уже двое суток они обойдены противником. Командарм перебрасывает танки и минеров в засады, сковывает контратаками и этими засадами прорывающегося противника и только тогда разрешает командиру дивизии отход на новый рубеж, по левому берегу реки Москва. Выиграно пять драгоценнейших суток, и не допущен прорыв центра Можайского рубежа. 26 октября Говоров принимает прибывшую к нему из Монголии 82-ю мотострелковую дивизию и с ходу отправляет ее в бой в районе Дорохово»[{62}](#). 50-я дивизия, также направленная в 5-ю армию, ожидаемого усиления не принесла: войска были сформированы наспех, на

командных должностях в артиллерии были случайные командиры. Но в те критические дни Говоров был рад любому пополнению.

Тактика 4-й полевой армии генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге была проста: ударить всеми силами по центральной магистрали, рассеяв советские войска вдоль северного и южного направлений, после этого закрепиться на шоссе. Пока войска собираются в кулак — ударить снова, рассечь оборону, продвинуться. Вот так, небольшими шажками, немцы продвигались к Москве.

«В самый разгар оборонительных боев 10 ноября 1941 г. заслуги Л. А. Говорова в срыве наступления противника на Москву были отмечены награждением высшей наградой страны — орденом Ленина и присвоением ему 19 ноября 1941 г. звания генерал-лейтенант артиллерии»^{63}.

В ноябре противник ослабил натиск на центральном участке Западного фронта и сосредоточил свои усилия на Южном и Северо-Западном направлениях. В районе Каширы и Тулы ударила 2-я танковая армия Г. Гудериана, 3-я танковая группа вермахта ударила в стык 16-й армии К. К. Рокоссовского и 30-й армии Д. Д. Лелюшенко, вернувшегося в строй после ранения. В районе Клин — Солнечногорск создалась угроза прорыва. 23 ноября наши войска оставили Клин, 25 ноября из-за угрозы окружения была отведена от Солнечногорска 16-я армия. Северо-западнее Москвы соединения вермахта заняли Красную Поляну, отсюда до Кремля было чуть более 29 километров по прямой. В свои полевые бинокли немецкие офицеры могли разглядеть самые силуэты главных зданий советской столицы. А 1 декабря противник неожиданно перешел в наступление и на Наро-Фоминском направлении, бросив в атаку 70 танков. Этот удар наносился в стыке 5-й и 33-й армий. В случае прорыва немцы могли выйти на

первый из трех рубежей Московской зоны обороны. Это был момент истины. Без преувеличения можно сказать, что решалась судьба Москвы.

Здесь и проявился спокойный, твердый характер Говорова. Неукоснительное, идущее изнутри чувство субординации, педантичность в мелочах (а за каждой мелочью на войне стоят жизни солдат) позволяли Леониду Александровичу выработать особый стиль общения с вышестоящими руководителями и Ставкой, не скатываясь с одной стороны в подхалимаж и слепое «чего изволите», а с другой — уверенно набирать авторитет, аргументировать планы и решения, добавлять тяжести своим словам и поступкам.

Вот как вспоминает Г. К. Жуков тот день, 1 декабря 1941 года:

«Верховный вызвал меня к телефону:

— Вам известно, что занят Дедовск?

— Нет, товарищ Сталин, неизвестно.

И. В. Сталин не замедлил раздраженно высказаться по этому поводу:

— Командующий должен знать, что у него делается на фронте. Немедленно выезжайте на место, лично организуйте контратаку и верните Дедовск. [...]

Положив трубку, я сразу же связался с К. К. Рокоссовским и потребовал объяснить, почему в штабе фронта ничего не известно об оставлении Дедовска. И тут сразу же выяснилось, что город Дедовск противником не занят, а речь, видимо, идет о деревне Дедово. Я решил позвонить Верховному и объяснить, что произошла ошибка. Но тут, как говорится, нашла коса на камень. И. В. Сталин окончательно рассердился. Он потребовал немедленно выехать к К. К. Рокоссовскому и сделать так, чтобы этот самый злополучный населенный пункт непременно был отбит у противника. Да еще приказал взять с собой командующего 5-й армией Л. А. Говорова:

— Он артиллерист, пусть поможет Рокоссовскому организовать артиллерийский огонь в интересах 16-й армии.

Возражать в подобной ситуации не имело смысла. Когда я вызвал генерала Л. А. Говорова и поставил перед ним задачу, он вполне резонно попытался доказать, что не видит надобности в такой поездке: в 16-й армии есть свой командующий артиллерией генерал-майор Казаков, да и сам командующий Рокоссовский знает, что и как нужно делать, зачем же ему, Говорову, в такое горячее время бросать свою армию.

Чтобы не вести дальнейших прений по этому вопросу, пришлось разъяснить генералу, что таков приказ Верховного. [...]

1 декабря гитлеровские войска неожиданно для нас прорвались в центре фронта, на стыке 5-й и 33-й армий, и двинулись по шоссе на Кубинку. Однако у деревни Акулово им преградила путь 32-я стрелковая дивизия, которая артиллерийским огнем уничтожила часть танков противника. Немало танков подорвалось и на минных полях.

Тогда танковые части врага, неся большие потери, повернули на Голицыне, где были окончательно разгромлены резервом фронта и подошедшими частями 5-й и 33-й армий. 4 декабря этот прорыв противника был полностью ликвидирован»^{64}.

А вот та же самая ситуация глазами маршала Рокоссовского:

«Как-то в период тяжелых боев, когда на одном из участков на Истринском направлении противнику удалось потеснить 18-ю дивизию, к нам на КП приехал комфронт Г. К. Жуков и привез с собой командарма 5 Л. А. Говорова, нашего соседа слева. Увидев командующего, я приготовился к самому худшему.

Доложив обстановку на участке армии, стал ждать, что будет дальше.

Обращаясь ко мне в присутствии Говорова и моих ближайших помощников, Жуков заявил: «Что, опять немцы вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете. Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать». [...]

Оставив нас с Говоровым, Жуков вышел в другую комнату. Мы принялись обмениваться взглядами на действия противника и обсуждать мнения, как лучше ему противостоять.

Вдруг вбежал Жуков, хлопнув дверью. Вид его был грозным и сильно возбужденным. Повернувшись к Говорову, он закричал срывающимся голосом: «Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! Он отражает удары всех немецких танковых дивизий и бьет их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная [дивизия] и погнала на десятки километров. Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение...» и т. д. и т. п.

Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался»^{65}.

Эти два отрывка красноречиво говорят нам о Жукове, о Рокоссовском и о Говорове. Во-первых, Георгий Константинович ни словом не обмолвливается о конфликте с командиром 5-й армии. Это как раз понятно, потому что сам Говоров объяснял нецелесообразность своего присутствия в этой поездке. Останься он в расположении своей армии, вполне возможно, что последствия прорыва были бы ликвидированы быстрее и меньшей кровью.

Во-вторых, Рокоссовский подчеркивает, что получил выволочку в присутствии своих подчиненных и посторонних командиров (а Говоров для него именно

посторонний). Это не с лучшей стороны характеризует Жукова, но и Рокоссовский поступает... неинтеллигентно, скажем так. Описание «бледного вида Говорова» доставляет ему явное удовольствие.

В-третьих, немцы ударили не только моторизованной дивизией, но и мощной танковой группой.

Утром 1 декабря после сильной артиллерийской и авиационной подготовки немцы начали наступление. В полосе 5-й армии в районе Звенигорода 78-я и 252-я пехотные дивизии продвинулись только на 1,5-4 километра и перешли к обороне. Но северо-западнее Наро-Фоминска немецкие 292-я и 258-я пехотные дивизии, используя более чем пятикратное превосходство в силах, прорвали оборону 222-й стрелковой дивизии 33-й армии в районе Таширово, деревни Новая и, введя в прорыв до 70 танков с мотопехотой, к 14.00 вышли на шоссе Наро-Фоминск — Кубинка. Выход на шоссе всегда опасен стремительностью дальнейшего продвижения.

На следующий день немецкий разведывательный батальон вышел к Химкам. До Кремля оставалось 30 километров. Ближе к центру Москвы немцы уже никогда не продвинулись. По другим данным, такой точкой было Бурцево — на юго-западном участке фронта.

Жуков упоминает о том, что в районе деревни Акулово немцам преградила путь 32-я стрелковая дивизия, не дав противнику выйти к Кубинке. Но он не говорит о том, что 32-я дивизия входила в состав 5-й армии генерала Говорова, что дивизия сражалась два дня без перерыва в условиях обойденного своего левого фланга и тыла, при непосредственной угрозе окружения. Но эти два дня позволили выиграть время и сформировать танковую группу для контрудара.

Наро-Фоминский прорыв был ликвидирован. В этих боях проявились не только талант Говорова, как военачальника, но и личная храбрость. У деревни

Акулово, к примеру, отражать атаку прорвавшихся танков пришлось штабным офицерам, радистам, обозникам. Руководил обороной сам Говоров. Он не потерял присутствия духа, не ударился в панику и не покинул свой командный пункт. И все это под прицелом немецких танков, ведущих огонь по его наблюдательному пункту прямой наводкой. Бой, правда, продолжался буквально минут 15–20, вовремя подоспела помощь — стрелковый полк из 32-й стрелковой дивизии Полосухина. Командир дивизии не пожалел и свой последний артиллерийско-противотанковый резерв. Противник, оставивший у деревни пять горящих танков и до роты пехоты, был отброшен назад. Говоров приказал укрепить оборону у населенных пунктов Головенки и Петровское, чтобы не дать частям вермахта выйти на трассу Минск — Москва обходным путем. Однако немцы проявили поразительное упорство: во второй половине следующего дня они вновь атаковали позиции 5-й армии в районе Акулово. И снова с большими потерями атаки были отбиты. Части 32-й стрелковой дивизии сожгли и подбили 23 и захватили 11 танков, уничтожив до полка пехоты. Леонид Александрович Говоров вновь лично руководил отражением атаки^{66}.

А вот как вспоминает эти события сам командующий 5-й армией Л. А. Говоров:

«Одновременно с этими тяжелыми событиями на нашем левом фланге немцы совершили прорыв под Наро-Фоминском, на правом фланге нашего соседа — 33-й армии. Бросившись в этот прорыв, немцы дошли до Голицыно.

Положение 5-й армии еще более ухудшилось. Главные силы армии (32, 82, 50-я дивизии) находились под Кубинкой, правый фланг — восточнее Звенигорода, левый — под Голицыно.

Мы приняли решительные меры для того, чтобы подготовить дивизии, прикрывающие автомагистраль Минск — Москва, для борьбы в любых условиях. Военный совет принял решение — дальше отхода быть не может. Все было сосредоточено на наиболее угрожаемом левом фланге армии, где противник пытался занять Голицыно и тем самым выйти на тылы армии. Это привело бы к катастрофическому положению. В тылу нашей армии не было никакой обороны, строились УРы [укрепленные районы]. К месту прорыва была брошена 20-я танковая бригада. Очень быстро из Москвы было направлено несколько лыжных батальонов и танков. У деревни Акулово прорвавшаяся группировка противника была разгромлена 32-й Краснознаменной стрелковой дивизией полковника В. И. Полосухина. Совместными усилиями с 33-й армией положение было восстановлено, но не без трудностей»^{67}.

В этом последнем предложении — весь Говоров. Никакого пафоса, самолюбования или напускного героизма. Сухая констатация фактов. И лишь скупое «не без трудностей» может нам сказать, какие ожесточенные бои вела его армия 1 и 2 декабря во время Наро-Фоминского прорыва.

Наступление под Наро-Фоминском было последней попыткой Гитлера овладеть Москвой. Силы противника закончились в этом броске. 4 декабря оборонительный этап битвы за Москву был завершен.

Командующий немецкой 2-й танковой армией Г. Гудериан резюмировал: «Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение, которое из-за упрямства верховного командования повело в ближайшие недели к роковым последствиям. Главное командование сухопутных войск, находясь в далекой от фронта Восточной Пруссии, не имело никакого представления о действительном

положении своих войск в условиях зимы, хотя и получало об этом многочисленные доклады. Это незнание обстановки все время вело к новым невыполнимым требованиям»^{68}.

Войска Калининского фронта перешли в контрнаступление 5 декабря. На другой день развернулось наступление на обоих флангах Западного, а также на правом фланге Юго-Западного фронтов в районе Ельца. Несмотря на то, что 5-я армия не входила в состав центральной ударной группы Западного фронта, задача перед Говоровым стояла непростая: сковать немецко-фашистские войска, не дать им маневрировать из полосы армии к ее флангам, где войска Западного фронта наносили главные удары, и, наконец, не упустить момента для удара во взаимодействии с соседними армиями. За два месяца непрерывных боев 32, 82, 50-я дивизии 5-й армии превратились в надежный, единый, слаженный механизм. В рамках Клинско-Солнечногорской наступательной операции, дождавшись прорыва обороны противника в районе Истринского водохранилища, «11 декабря в наступление перешла 5-я армия. Она обеспечила ввод в бой 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора Л. М. Доватора. В первый же день наступления противник был отброшен от своих позиций на северном берегу Москвы-реки. Заняты районы Колюбакино — Локотня, освобожден ряд населенных пунктов. 20 декабря немецкие войска были выбиты из Волоколамска. В этот же день правифланговые части 1-й ударной армии, развивая преследование противника, вышли к р. Ламе»^{69}. Сам Доватор погиб в боях под Москвой, но его конница сыграла важную роль.

«В ходе сражения немецкие войска потерпели ощутимое поражение. В результате контрнаступления и общего наступления они были отброшены на 100–250 км.

Полностью были освобождены Тульская, Рязанская и Московская области, многие районы Калининской, Смоленской и Орловской областей. В то же время силы вермахта смогли сохранить фронт и Ржевско-Вяземский плацдарм. Советским войскам не удалось разгромить группу армий «Центр». Таким образом, решение вопроса об обладании стратегической инициативой было отложено до летней кампании 1942 года»^{70}.

Но именно тогда, в те горячие декабрьские дни в Красной армии с подачи Г. К. Жукова появилась поговорка: «Упрись, как Говоров». Также Жуков в боевой характеристике от 28 января 1942 года на командующего 5-й армией Л. А. Говорова написал: «Можайскую и Звенигородскую операции провел успешно. Хорошо ведет наступательные операции по разгрому Можайско-Гжатской группировки противника»^{71}.

«Заслуги Л. А. Говорова в организации контрнаступления на врага были отмечены 2 января 1942 г. вторым орденом Ленина. Интересный факт: порядковые номера первого и второго орденов Ленина (№ 7551 и № 7552), которыми был награжден Л. А. Говоров, шли один за другим. Случай исключительный. К тому же он означал, что награжденных этим высшим орденом страны в течение почти двух месяцев не было. Слишком сложными и напряженными были они для нашей страны и тем ценнее являются эти ордена»^{72}.

В январе бои на Московском направлении продолжились. Вот сводка Совинформбюро от 16 января 1942 года: «В течение ночи на 16 января наши войска продолжали вести активные боевые действия против немецко-фашистских войск. Преследуя противника, бойцы тов. Говорова (Западный фронт) заняли четыре важных населенных пункта и захватили две вражеских танкетки, шесть орудий, 13 автоцистерн, 11 различных

автомашин, четыре станковых пулемета, две радиостанции, несколько тракторов и другие трофеи. На другом участке бойцы тов. Ефремова, преодолевая упорное сопротивление противника, овладели 5 населенными пунктами и захватили 3 танка, 22 орудия, 16 пулеметов, 28 минометов, 53 автомашины, 78 велосипедов, 2 радиостанции и другое военное имущество»^{73}.

Девятнадцатого января войска 5-й армии освободили Можайск. Для Говорова это не просто город. Именно отсюда он был вынужден отступить, приняв на себя командование 5-й армией, и вот теперь он вернул потерянное. Это долг самому себе, Родине, всему русскому народу. Убежден, что взятие Можайска имело и большое значение и лично для Говорова. И это являлось своеобразным штрихом к уровню командования: я потерял Можайск — я же его и вернул. Уровень армии освоен в полном объеме. Пора на повышение, на управление фронтом. Это, конечно, домыслы, сам Говоров об этом не рассуждал, просто делал свое дело. Но что-то подобное могло витать в самом воздухе.

Леонид Говоров не дождался окончания Московской битвы. Он попал в госпиталь с острым приступом аппендицита. И такое бывает на войне. Командарм, не боящийся бомбежек, регулярно выезжающий на передний край обороны свалился от случайной болезни, от которой и в мирное время никто не застрахован. Командование 5-й армией принял на себя генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. Сейчас мы знаем, что это было символичное назначение. Через каких-то полгода они вместе с Говоровым будут прорывать блокаду Ленинграда, а через два года разрушат смертельное гитлеровское кольцо. Говоров на Ленинградском фронте, Федюнинский — на Волховском, где он будет командовать многострадальной 2-й ударной армией...

В апреле 1942 года после выздоровления Говоров был назначен заместителем командующего Ленинградским фронтом. Он прибыл в блокадный город, спасение которого станет делом его жизни, миссией, ради которой он был рожден.

Ленинград был в плотном кольце. Связь с городом осуществлялась только по воздуху. Узнал ли Говоров тот Город, в котором прошли его студенческие годы, учеба? Узнал ли Город своего освободителя? Переживший первую, самую суровую блокадную зиму, голодный и холодный, но не сломленный, непокоренный, сжавшийся для ответного удара, сосредоточенный, неулыбчивый. Их характеры совпадали, вот об этом можно сказать с полной уверенностью. Своеобразная, отчасти даже мрачная красота Ленинграда, набережных, низкого свинцового неба, тяжелой, темной невисской воды... Все это вошло в унисон с внутренней сущностью и характером командующего.

Как вспоминал начальник инженерных войск Ленинградского фронта Б. В. Бычевский: «В середине апреля 1942 года стало известно, что в Ленинград приезжает заместителем командующего фронтом генерал-лейтенант артиллерии Леонид Александрович Говоров. Имя это нам мало что говорило. Чего греха таить, даже к концу первого года Великой Отечественной войны многие из нас, в том числе и автор этих строк, сорокалетний тогда полковник, были наслышаны лишь о весьма узком круге наших высших командных кадров. Знали К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, С. К. Тимошенко. Имели какое-то представление еще о некоторых военачальниках.

А Говоров?.. Кто он? Лишь незадолго до того эта фамилия несколько раз мелькнула в сводках Совинформбюро. Из сводок явствовало, что в битве под Москвой Л. А. Говоров командовал армией,

отличившейся в разгроме неприятеля на можайском направлении.

Все набросились с расспросами на Георгия Федотовича Одинцова^[12]:

— Вы, артиллеристы, лучше знаете друг друга...

Ко всеобщему удовлетворению, оказалось, что Георгий Федотович с 1938 года служил вместе с теперешним нашим заместителем командующего в Военно-артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. По рассказам Одинцова, это был тогда один из лучших преподавателей. Но характер его находился в вопиющем противоречии с фамилией.

— Двух слов не выжмешь, — вспоминал полковник. — А улыбки на его лице, кажется, никто никогда не видел.

И уж, конечно, больше всего нас удивило то, что новый заместитель командующего фронтом — беспартийный.

Откровенно говоря, первое знакомство с Л. А. Говоровым не вызвало у меня большого удовольствия.

Получилось так, что докладывать я должен был тогда только неприятное. Состояние инженерной обороны по всему кольцу блокады было далеко не блестящим. Многие позиции оказались в низинах, залитых вешней водой. Затонули и некоторые минные поля. Сеть траншей не развита. Ослабшие в результате недоедания солдаты не занимались оборонительными работами, а население пришлось освободить от них еще в декабре. Инженерные и понтонные части в жестоких боях у Невской Дубровки потеряли много людей и почти все переправочные средства.

У Говорова заходили желваки на скулах. Он сидел, положив руки на стол, и разминал пальцы, словно они озябли. Изредка посматривал исподлобья на меня. Серые глаза неприветливы, порой кажутся даже злыми. Лицо бледное, несколько одутловатое. Темные с

просесть волосы тщательно расчесаны на пробор. Коротко подстриженные усы.

За все время доклада он ни разу не перебил меня вопросом или репликой. И только когда я закончил, тихо, словно про себя, буркнул:

— Бездельники...

Инженерным начальникам всегда чаще перепадают шишки, чем пироги и пышки. Я давно уже свыкся с этим. Но в тот раз незаслуженный упрек взорвал меня:

— А знаете ли вы, товарищ заместитель командующего, что у нас на фронте люди не в силах бревно поднять?! Известно ли вам, что такое дистрофия?!

Мне казалось, что Говоров совсем не представляет себе особенностей Ленинградского фронта. Я говорил ему еще что-то очень зло и беспокойно. А он глядел на меня в упор и молчал.

Только когда у меня иссяк весь запал, он встал, прошелся по кабинету, совсем не размахивая руками, как это невольно получается у каждого, и удивительно ровным голосом сказал:

— Нервы у вас, полковник, не в порядке. Пойдите-ка успокойтесь и приходите опять через полчаса. Разговор предстоит большой, а работы у нас с вами впереди еще больше...

Тогда я не знал еще, что словцо «бездельник» в лексиконе Говорова занимает совершенно исключительное положение. Оно стало привычным с юношеских лет, когда будущий полководец репетировал ленивых учеников из богатых семей, и выскакивало у него непроизвольно в минуты раздражения. Признался он нам в этом только в конце войны, в непринужденной обстановке, когда мы, уже генералы, прослужившие с ним три года, полушутя напомнили ему, что «буркал» он иногда зря.

Ровно через тридцать минут после моей бурной разрядки Говоров снова вызвал меня и три часа скрупулезно, километр за километром, изучал по карте всю сложную кольцевую оборону от переднего края до центра города. Расспрашивал о ходе и характере летних и осенних боев, о масштабах и специфике оборонительных работ в прошлом году. Изредка делал для себя какие-то заметки в общей тетради.

Выслушав историю крошечного плацдарма у Невской Дубровки, снова посуровел и проворчал:

— Ничего там ожидать нельзя, кроме кровавой бани для нас...

Этот хмурый, неприветливый на вид человек быстро брал под свой контроль широчайший круг вопросов, связанных с боевой деятельностью всех родов войск, с воспитанием личного состава, с работой тыла и снабжения. В его подходе к людям всегда чувствовался строгий педагог. Он умел, не перебивая, слушать любого, но не терпел многословия. Указания давал очень емкие, требующие от исполнителей самостоятельно «раскинуть мозгами».

Высокую личную организованность Говорова быстро почувствовал весь штаб. Попросишь, бывало, принять с докладом, и он сразу назначит время, вызовет точно, минута в минуту.

Неразговорчивость и сухость Леонида Александровича вначале воспринимались как подчеркнутые, а не природные особенности характера, но затем к его угрюмому виду привыкли. Жданов, Кузнецов, Штыков и другие партийные руководители с искренним уважением относились к этому строгому, но не обособленному от коллектива человеку»^{74}.

Первые дни складывались неблагоприятно для Говорова. Он еще не знал армий и дивизий, командиров, их возможностей, только начал изучать вопросы снабжения, питания, обучения, маскировки,

контрбатарейной борьбы. И в это непростое время стали сбываться его слова о «кровавой бане»: с 24 по 27 апреля немцы ликвидировали Невский пятачок.

В конце апреля вскрылась Нева, начался ледоход, который означал катастрофу для защитников «пятачка». Значительно осложнилась связь с правым берегом, почти прекратился подвоз боеприпасов и пополнений из Невской оперативной группы. Это был короткий период, когда сплошного льда уже не было, а на лодках и плотках было не пройти из-за ледохода. И немцы на сто процентов использовали сложившееся положение. Операция по ликвидации плацдарма получила название «Загонная охота» (*Drückjagd*). На «Невском пятачке» в тот момент находились остатки 330-го полка под командованием майора С. А. Блохина. По разным данным в полку оставалось от 360 до 1000 бойцов, растянувшихся по фронту на 4 километра. В глубину плацдарм имел 500 метров по центру и до 70 метров на левом фланге, практически вплотную к немецким позициям.

Именно на левый, наиболее незащищенный фланг немцы нанесли мощный удар вечером 24 апреля. Батальоны 43-го и 1-го полков 1-й пехотной дивизии вермахта вышли к Неве, отрезав бойцов 1-го батальона от основных сил 330-го полка. С утра 25 апреля атаки продолжились, немцы продвинулись еще на 100-150 метров. Защитники плацдарма понимали, что помощи ждать неоткуда, и также некуда отступить, поэтому дрались яростно, как могут драться обреченные на смерть.

27 апреля вновь перешли в наступление встречными ударами с юга и с севера, рассекая плацдарм вдоль Невы. На исходе дня значительная часть «Невского пятачка» была захвачена противником, на правый берег была отправлена последняя радиограмма, после чего связь с 330-м полком прервалась. Дальнейшее

сопротивление уже не было системным и носило очаговый характер. Попытки частей 284-го полка форсировать Неву и контратаковать противника успеха не имели.

Плацдарм был полностью ликвидирован к 29 апреля. Большая часть бойцов погибли или попали в плен, 123 человека сумели переплыть Неву и спастись. По немецким данным, потери советской стороны в этих боях составили 1400 человек. Командир 330-го полка майор С. А. Блохин, будучи трижды ранен, также попал в плен к немцам. В немецком лазарете ему ампутировали обе ноги и передали местным жителям. Эдакий эрзац благородства по-немецки. И, несмотря ни на что, майор Блохин выжил.

После освобождения были и СМЕРШ, и допросы, и подозрения следователей: почему враги так его лечили и уважали? В начале семидесятых годов он жил в подвальной комнате на Новоизмайловском проспекте. Умер и похоронен Блохин Сергей Алексеевич в городе-герое Ленинграде.

Последнее, что видели с правого берега Невы, это кусок маскировочного халата, на котором крупными буквами было написано: «Помогите».

Не лучше обстояли события в Волховской группе войск. Незадолго до этого Ставкой было принято решение, оказавшееся впоследствии ошибочным. 23 апреля 1942 года решением Ставки Волховский и Ленинградский фронты были объединены в один Ленинградский с разделением его на группы войск. Командующим был назначен генерал-лейтенант М. С. Хозин. Он вспоминал: «21 апреля 1942 года меня пригласили в Ставку. Причиной вызова явилось то, что я неоднократно в разговорах по прямому проводу с ответственными лицами Ставки высказывал претензии по поводу того, что операция по снятию блокады с Ленинграда между Ленинградским и Волховским

фронтами идет несогласованно, разрозненно, что противник, пользуясь этим, легко парирует наши удары. Я просил, чтобы Ставка более централизованно руководила Ленинградским и Волховским фронтами, направляя их усилия на решение главной задачи, и не только организовывала взаимодействие между фронтами, но и своевременно питала фронты людскими и материальными ресурсами.

В итоге моего доклада в присутствии Б. М. Шапошникова, А. М. Василевского и некоторых членов ГКО И. В. Сталин предложил в целях лучшего взаимодействия войск объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый фронт. Такое предложение явилось неожиданным не только для меня, но, как я понял, и для других присутствовавших. Дело прошлое, но мне представляется, что в первый момент никто из нас глубоко не мог продумать, насколько оно было приемлемо. Впоследствии жизнь показала нецелесообразность этого решения. Но тогда ни я, ни кто другой не возразили, да и вообще в то время при колоссальном авторитете, которым пользовался Сталин, вряд ли кто мог возразить. В тот же день поздно ночью была подписана директива, в которой Ставка Верховного Главнокомандования приказывала:

1. С 24 часов 23 апреля 1942 года объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый — Ленинградский фронт в составе двух групп:

а) группы войск ленинградского направления (23, 42, 55-я армии, Приморская и Невская группа войск);

б) группы войск волховского направления (8, 54, 4, 2-я ударная, 59-я и 52-я армии, 4-й и 6-й гвардейские корпуса и 13-й кавалерийский корпус).

2. Командующим Ленинградским фронтом назначить генерал-лейтенанта Хозина, возложить на него и командование группой войск волховского направления.

Одновременно мне устно было приказано разработать план вывода 2-й ударной армии из мешка, в котором она в это время оказалась.

Довольно скоро нам пришлось убедиться, что в результате объединения фронтов дело не только не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось»^{75}.

На самом деле все обстояло сложнее. Хозин прибыл в Ленинград в сентябре 1941 года вместе с Жуковым и занял пост начальника штаба Ленинградского фронта. После того как город был взят в блокадное кольцо и обстановка стабилизировалась, если уместно употребить это слово, Жуков был отозван под Москву, а Хозин 27 октября 1941 года принял командование Ленинградским фронтом (а с апреля 1942-го еще и Волховской группой войск). Как военачальник он никак себя не проявил и его дальнейшая военная карьера состояла из сплошных понижений с жестокими формулировками «за невыполнение приказа Ставки», «за бездеятельность и несерьезное отношение к делу» и т. д. Но в декабре 1941 года Хозин в войсках Ленинградского фронта царь и бог. Конфликты с командующим Волховским фронтом генералом армии К. А. Мерецковым были делом обычным. Даже с членом Военного совета Волховского (а затем Ленинградского) фронта, политработником А. И. Запорожцем Хозин не смог найти общий язык.

Конфликт А. И. Запорожца и М. С. Хозина завершился снятием последнего.

И, наконец, самое главное. Из-за бездействия и неграмотного руководства после неудачного завершения Любанской наступательной операции, когда войска 2-й ударной армии вклинились в оборону противника, прорвав ее первую линию, а на флангах 59-я и 52-я армии завязли в боях и продвинуться не смогли, армия оказалась в «мешке». Командовал ею печально известный генерал-лейтенант А. А. Власов. Он принял

армию 20 апреля, оставаясь при этом заместителем командующего Волховским фронтом. 2-я ударная уже находилась в «котле», лишь узкая горловина шириной в пять километров связывала войска с тылами.

Только 12 мая, когда уже было отправлено самолетом в тыл боевое знамя полка, части 2-й ударной армии начали поэтапный отход в сторону коридора у Мясного Бора. При этом передвижение полков в сторону коридора немецкая разведка засекала практически сразу, и противник начинал усиливать нажим, стараясь срезать узкую горловину и взять армию в полное кольцо. 31 мая 1942 года немцы сжали горловину до 1,5 километра, полностью простреливая ее из пулеметов, минометов и артиллерии средней дальности, а потом захлопнули кольцо. Армия оказалась в котле, 40 тысяч человек остались без снабжения. Голод, заявивший о себе уже в апреле, стал сродни декабрьскому в Ленинграде. Солдаты варили и ели ремни, кору деревьев, траву.

После того как немцы закрыли узкий коридор, генерал Власов не отменил своего приказа на отход, и части 2-й ударной армии продолжали стекаться к узкой горловине. Котел, соответственно, уменьшался в размерах. К концу июня остатки армии в количестве 23 тысяч человек полностью сконцентрировались у Мясного Бора. Отдельные группы предприняли попытку прорыва.

Короткий всплеск надежды для попавших в окружение появился 21 июня, когда бойцам 2-й ударной с запада и частям 59-й армии с востока удалось прорвать кольцо и расширить горловину прорыва до 500 метров. В узкий, полностью простреливаемый участок земли хлынул поток солдат. Это было страшное месиво. Коридор был завален трупами. Танки взяли в этой мешанине человеческих тел, и танкисты прочищали гусеницы заранее заготовленными крючьями.

Коридор держался до 23 июня, а потом кольцо снова захлопнулось. Его еще раз удалось пробить на

следующий день, и до 25 июня бойцы 2-й ударной армии продолжали прорываться из окружения. Утром 25 июня кольцо закрылось окончательно. Остатки армии, сосредоточенные у деревни Дровяное Поле, попали в плен. По имени командующего-предателя их стали несправедливо звать «власовцами», и еще долго это клеймо будет висеть над 2-й ударной армией.

Но это уже происходило без генерала Хозина. 8 июня 1942 года он был снят с должности командующего Ленинградским фронтом.

В таких нечеловеческих условиях Говоров принял командование Ленинградской группой войск объединенного Ленинградского фронта. Только за первые три с половиной месяца войны в Ленинграде сменилось три командующих фронтом и четыре начальника штаба. А каждому из них необходимо было время, чтобы изучить оперативную обстановку, познакомиться с войсками, командирами, вникнуть в вопросы снабжения. А Ставка ждет предложений по прорыву блокады. А в Городе умирают люди от голода. Город ждет хлеба!

Командовал Ленинградской войсковой группой Говоров менее двух месяцев. 8 июня решением Ставки ВГК были воссозданы старые Волховский (командующий — генерал армии К. А. Мерецков) и Ленинградский (руководство которым отходило генералу Говорову) фронты.

С этого момента Город и Говоров живут в едином ритме, одним пульсом, думают в одном направлении. Так чувствуют друг друга сиамские близнецы. А еще с этого момента прекращается чехарда с перестановками командования Ленинградским фронтом. Город нашел своего полководца, ему больше незачем было тасовать их, как колоду засаленных карт. Пора было спасать людей от голодной смерти.

Исполнение новых обязанностей Говоров начал с беседы с работниками штаба фронта: «Разговор был долгим, скрупулезным, касался каждой дивизии, полка, а иногда и батальона немцев и финнов по всему кольцу блокады. И сводился Говоровым к главному, центральному вопросу: следует ли ожидать этим летом активных действий командования группой армий «Север», и если да, то где, какими силами»^[76].

Отдельный разговор был с начальником разведотдела фронта П. П. Евстигнеевым^[13], которого Говоров знал еще по Финской кампании. Больше всего Говорова волновал вопрос о возможности немецкого наступления в летний период: когда, где, какими силами? Наблюдается ли сосредоточение войск? Говоров понимал, что измученная блокадной зимой армия может не сдержать нового натиска, если враг атакует неожиданно, скрытно и с тем же напором, как это было в сентябре 1941 года.

Войска Ленинградской группы войск находились в плачевном состоянии: «Передний край был наполовину разрушен — огнем противника и весенней водой, заливавшей блиндажи, окопы и рвы. Высота брустверов росла лишь за счет трупов. Трехлинейки валялись повсюду, как дрова или палки... За зиму 1941/42 года фронт потерял от голода одиннадцать тысяч человек — дивизию, а оставшиеся в живых были похожи на тени. Все войска — в первой и второй линиях, резервов нет. Новой техники мало, еще меньше боеприпасов»^[77].

Командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц докладывал, что повысилась активность немцев в минировании фарватеров в Финском заливе с явной целью заблокировать выходы нашему флоту. Беспокоили донесения разведки об активности немцев. Также Говорова крайне заинтересовал тот факт, что генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб, командовавший

группой армий «Север», был с декабря 1941 года снят с должности, а в январе 1942 года отозван в Германию в резерв Верховного командования сухопутных войск. На его место прибыл генерал-полковник Георг фон Кюхлер, командовавший 18-й армией с начала блокады. Говоров понимал, что такие перемещения в командовании немецких войск имеют и причину, и следствие.

А Кюхлер был серьезным противником, хитрым и жестоким. Это он, будучи командующим 18-й армией, запретил выпускать из Ленинграда беженцев: женщин и детей, приказав открывать огонь на поражение. Ему вспомнят этот приказ во время процесса американского военного трибунала в Нюрнберге... Продолжатель старинной военной династии, Георг фон Кюхлер, в отличие от многих таких же родовитых офицеров, в 1933 году приветствовал приход нацистов к власти. Это не осталось незамеченным: спустя год ему присвоили звание генерал-майора. Далее он успешно продвигался по карьерной лестнице. Отличившегося в Польше Кюхлера назначили командующим 18-й армией — одной из самых боеспособных. В ее состав входила и элитная «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», служившая образцом для всех прочих. В мае 1940 года 18-я армия всего за пять дней оккупировала Нидерланды — Гитлер доверил Кюхлеру принять капитуляцию этой страны. Затем тот успешно справился с окружением французских и английских войск под Дюнкерком. В середине июня берлинские газеты называли Кюхлера «покорителем Парижа». Спустя месяц ему было присвоено звание генерал-полковника. К началу Великой Отечественной войны 60-летний Георг фон Кюхлер был одним из наиболее опытных и успешных военачальников Третьего рейха. Назначение командующим всей группой армий «Север» после подавшего в отставку фон Лееба он воспринял как должное.

Лееб не сумел с ходу взять Ленинград, в начале зимы позволил отбить Тихвин и проиграл сражение под Демянском и Старой Руссой. Он подал в отставку, и 17 января 1942 года командование группой армий «Север» принял его преемник. И сразу же проявил себя: войскам удалось отбить наступление советских войск по прорыву блокады Ленинграда, провести успешную операцию по выводу окруженных войск в Демянском котле и нанести поражение 2-й ударной армии генерала А. А. Власова. 30 июня 1942 года Гитлер произвел Кюхлера в генерал-фельдмаршалы.

Все это, безусловно, доложили Говорову. Так же как командующему группой армий «Север», разведка предоставила досье на Леонида Александровича. Кюхлера, продолжателя старинного прусского юнкерского рода, неприятно поразило, что противостоит ему крестьянский сын, ставший офицером после всего полугодового обучения! И если Кюхлер на Первой мировой войне уже заслужил несколько орденов, то Говоров вообще не успел тогда повоевать. Участие в Гражданской войне, по мнению Кюхлера, было не в счет. Смутно представляя революционные события в России, он считал это сродни партизанщине.

Еще в мае 1942-го на совещании в Ставке фюрера Кюхлер убеждал Гитлера отказаться в этом году от операции на южном участке фронта, чтобы усилить войска группы армий «Север» и завершить сражение за Ленинград. Предложение поддержки не встретило.

Начиналась дуэль двух полководцев.

Несмотря на пренебрежительное отношение Кюхлера к Говорову (по крайней мере, на первых порах), у двух военачальников было много общего. Во-первых, оба были «артиллеристами, то есть представителями такого рода военной профессии, которая требовала математического мышления, строгости и четкости действий. У Говорова эти качества, видимо, были

особенно развиты, недаром за глаза его называли «аптекарем», имея в виду его скрупулезность даже в мелочах и въедливость при изучении обстановки, когда ему нужно было понять замысел противника. Кюхлеру все эти качества также были присущи, но скорее не в силу характера, а по причине национального немецкого менталитета, где на первый план, особенно в военной области, традиционно выходили порядок, дисциплина и организованность»^{78}. Во-вторых, оба были мастерами работы с картами. Говоров мог часами просиживать над картой с лупой и карандашом, изучая меняющуюся обстановку, пытаясь разгадать замысел противника, подобрать к нему ключик. Вот что вспоминает бывший член Военного совета 5-й армии П. Ф. Иванов: «Уникальной была способность Говорова читать карту обстановки. Пользуясь ею, он разгадывал замыслы противника. Перед его взором она словно бы оживала со своими реками и силами и средствами противника. Поколдует над картой, и скажет: Завтра гитлеровцы полезут отсюда. Он редко ошибался в своих прогнозах. Поразмыслить, поколдовать над картой стало неотъемлемой потребностью Говорова. Он любил в поздние часы, сбросив дневные заботы, склониться над картой военных действий»^{79}.

Теперь несколько слов о Кюхлере. В 1910 году он, молодой обер-лейтенант, поступил в Военную академию в Берлине, которую закончил в 1913 году и был зачислен в топографический отдел Генерального штаба. Во время Первой мировой войны он командовал артиллерийской батареей. Дальше его карьера развивалась то по штабной линии, то по линии артиллерии. В 1937 году фон Кюхлер стал командующим 1 военным округом и получил звание генерала артиллерии. Таким образом, мы видим, что в 1942 году под Ленинградом столкнулись два талантливых полководца-артиллериста.

Талант Кюхлера проявился уже в январе 1942 года, когда во время наступления советских войск Волховского фронта в окружение в районе Холма попала 281-я дивизия, а уже 8 февраля под Демянском был окружен II корпус вермахта. Несмотря на окружение, снабжение частей осуществлялось по воздуху, и немцам удалось остановить наступление советских войск под Старой Руссой.

Полгода шли кровопролитные бои севернее Новгорода, в результате которых 17 советских дивизий (включая дивизии 2-й ударной армии) оказались в котле и к середине июля были уничтожены. За Волховскую кампанию Георг фон Кюхлер был удостоен воинского звания генерал-фельдмаршала. А Волховский фронт с июня 1942 года возглавил Кирилл Афанасьевич Мерецков.

Под командованием Кюхлера находились всего две армии, и он искусно «латал прорехи», не имея возможности сосредоточить войска по всему фронту боевых действий. Оперативная переброска подразделений от роты до полка на кризисные участки фронта позволила ему успешно удерживать кольцо блокады достаточно малыми силами. Дополнительно к этому Кюхлер по всему фронту создал резервные мобильные группы, которые также молниеносно перебрасывались на нужное направление в зависимости от обстановки на фронте. Именно резервные группы не позволили в январе 1943 года развить наступление на Синя-винские высоты после прорыва блокады.

При этом зимой 1942 года, когда Кюхлер принял командование группой армий «Север», немецкие солдаты находились в тяжелом положении.

«Зима [1941/42 г.] была проблемой номер один, прежде всего, для немецких войск. Снежный покров к середине декабря в целом достиг 80 сантиметров. Температура резко падала. К новому 1942 году

термометры показывали 42 градуса ниже нуля. Устройство новых долговременных позиций, несмотря на невероятные усилия и труд, продвигалось медленно. Ротам приходилось искать защиту за снежными брустверами. Отапливаемые палатки и шалаши из хвороста стали первыми теплыми местами расположения за передовой. Строительство барачков и блиндажей давалось тяжело, поскольку в лесах в болотистой местности росли лишь мелкие деревья.

Выдвинутые вперед соединения страдали от недостатка зимнего обмундирования. Солдаты батальонов снабжения и артиллерии отдали пехоте зимние шинели и имевшиеся меховые сапоги. Прямо неразрешимая ситуация создавалась в моторизованных подразделениях. До сих пор применяемые противообледенительные средства для топлива, ружейных масел и смазочных материалов не действовали. Оружие отказывало, потому что замерзали затворы. Орудия были готовы к открытию огня лишь в том случае, если под их лафетами постоянно горел маленький костерок...

Лошади, верные помощники, сотнями падали от голода. Где они падали на землю, там через несколько минут появлялись сугробы снега и льда. Транспортировка раненых на носилках или в санитарных машинах всегда означала бег наперегонки со смертью от замерзания. Любой подвоз и снабжение не поступали по целым дням... Немецкий солдат учился жить и воевать без горячей пищи, без обогретого жилья и без достаточного сна»^{80}.

Впрочем, Говоров тоже не намерен миндальничать со своими подчиненными. В книге «Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов» под редакцией Николая Волковского приводится приказ командующего Ленинградским фронтом по итогам Урицкой операции. Это образец безжалостного, но очень точного и четкого

разбора итогов неудачных действий наших войск. Вот что там, в частности, говорится:

«При проведении операции на Урицк 29.7.42 г. командованием, штабами и войсками 42-й армии вновь повторен ряд крупных ошибок в подготовке боя, политическом обеспечении боя, управлении боем и организации взаимодействия родов войск, что вместе привело к невыполнению частями боевой задачи...

Не зная обстановки, Военный совет армии пошел по пути представления Военному совету фронта лживых, непроверенных докладов об успешном выполнении 85-й сд поставленной боевой задачи, в то время когда дивизия даже не приступала к выполнению ее...

Командование 85 сд... проявило трусость, управляя боем из блиндажей и не имея наблюдательных пунктов, в которых видно было бы поле деятельности их войск...

ПРИКАЗЫВАЮ:

Объявить выговор Военному совету 42-й армии — генерал-лейтенанту Николаеву и бригадному комиссару Панюшкину...

Лиц командного и политического состава 85 сд, явившихся основными виновниками невыполнения боевой задачи, с должности снять, лишить или понизить в воинских званиях, лишить орденов и медалей и направить во фронтовой штрафной батальон.

Младший командный и рядовой состав, проявивший трусость на поле боя, изъять из подразделений и направить в армейскую штрафную роту»^{81}.

Можно без преувеличения сказать, что под Ленинградом сошлись два гения военной мысли.

Не думаю, что у Говорова было время и желание сравнивать себя с Кюхлером. Но и недооценивать противника он был не склонен, понимая, какая разрушительная сила противостоит ему на всем участке фронта.

После провала Любанской наступательной операции и уничтожения 2-й ударной армии Ставка поняла ошибочность объединения фронтов и с 8 июня 1942 года Ленинградский и Волховский фронты стали самостоятельными армейскими единицами. Л. А. Говоров был официально назначен командующим Ленинградским фронтом. Так решила Ставка. Так выбрал Город.

Говоров сразу же разворачивает борьбу с артиллерией противника. Он застал контрбатарейную борьбу в Ленинграде в плачевном состоянии. По негласной договоренности немцы не бомбили Смольный, а наши войска не обстреливали со своей стороны штаб немецкой армии. Но на этом негласные уступки противников заканчивались. Немцы безнаказанно обстреливали Ленинград со всех сторон как дальнобойной тяжелой артиллерией, так и артиллерией средних и малых калибров. Советские войска полностью проигрывали артиллерийскую дуэль в первую фазу битвы за Ленинград. «В сентябре по городу было выпущено 5364 снаряда, в октябре 7950, в ноябре 11 230 снарядов. С сентября по декабрь 1941 года включительно немцы, обстреливая Ленинград, израсходовали 30 154 снаряда. В отдельные дни немецкие артиллеристы обстреливали город по восемнадцать и более часов подряд. К примеру, 15 сентября Ленинград находился под огнем артиллерии 18 часов 32 минуты, 17 сентября — 18 часов 33 минуты.

В 1941 г. артиллерийские группировки противника, обстреливавшие Ленинград, располагались западнее, юго-западнее и южнее города в районах Урицк, Фирское, Койрово, Пушкин — Слуцк. Лесные массивы в этом районе благоприятствовали маскировке артиллерии, а плотная сеть дорог, находящихся в удовлетворительном состоянии, обеспечивала ее маневренность. С крыш высоких зданий в Урицке и с проходящей неподалеку гряды высот открывался хороший обзор Ленинграда,

особенно его южных и юго-западных окраин»^{82}.
Немецкая авиация великолепно корректировала огонь своих артиллеристов. При этом точно оценить нанесенный немецкой артиллерией урон в самом Ленинграде достаточно проблематично. С одной стороны, сведения о разрушениях были засекречены в советское время. С другой — сейчас уже невозможно определить, были вызваны разрушения работой артиллерии или это следствие авианалета. «По официальным советским данным, во время блокады немцы сбросили на Ленинград 5 тыс. фугасных авиабомб и выпустили 150 тыс. артиллерийских снарядов. В итоге в Ленинграде было выведено из строя 840 предприятий, полностью уничтожено 3,2 тыс. каменных домов и повреждено 7,1 тыс. домов»^{83}.

С этим надо было что-то делать. Во-первых, по настоятельным просьбам Говорова улучшилось снабжение Ленинграда артиллерийскими снарядами крупных калибров, и прежний огонь на подавление сменился огнем на уничтожение тяжелых батарей противника. Помогала авиационная и звукометрическая разведки, фиксируя новые координаты целей и своевременно передавая их на пункт управления. Решением Ставки ВГК Ленинграду были выделены две авиационные корректировочные эскадрильи.

Говоров методично навязывал противнику артиллерийскую дуэль, отвлекая огонь от городских объектов, жилых домов, заводов и институтов. Он приказал изготовить для орудийных расчетов специальные укрытия. Большой коллектив Управления оборонительного строительства работал над этой задачей. А заводы Ленинграда поставляли балки, броневую сталь, рельсы, леса. Тысячи ленинградцев работали на возведении этих укреплений.

Артиллерией Ленинградского фронта командовал полковник Г. Ф. Одинцов, которого, как было отмечено

выше, Говоров отлично помнил по работе в Артиллерийской академии еще до войны. Встретившись в совершенно иных ролях, Говоров коротко сказал: «Я рад, что Вы здесь командуете артиллерией». Два артиллериста понимали друг друга с полуслова. Результат не заставил себя долго ждать. Активность вражеской артиллерии снизилась. Разрушения города уменьшились в два раза.

Объехал Говоров и передний край обороны по всему фронту.

Войска находились в плачевном состоянии. Голодные, изможденные люди, неделями не мывшиеся, по колено в талой весенней воде. Ходы сообщения обваливаются. Вместо насыпей перед окопами по всей линии обороны — горы замерзших трупов — так мертвые спасали живых от немецких пуль. Несмотря на возражения командиров дивизий, Говоров приказывает вырыть окопы в полный рост, похоронить убитых, возвести насыпи по всем канонам военной науки. Голодные солдаты брали в руки кирки и лопаты, долбили еще не оттаявшую землю. Говорову этого мало. Перед начальником инженерных войск фронта Б. В. Бычевским (будущим биографом маршала) он поставил задачу по развитию траншейной системы в дивизионных полосах обороны:

«— Не все у вас продумано. Больше заботитесь о жесткой обороне... Траншейную сеть надо постепенно развивать не только в глубину, но и вперед, в сторону противника.

Когда я прямо спросил командующего о перспективах перехода в наступление, он глянул искоса и проворчал:

— Рано вам об этом знать. У вас пока и для обороны дел хватает... Но то, что я сказал, учтите...

Изучая позиции отдельных пулеметно-артиллеристских батальонов, переданных в свое время

из укрепленных районов стрелковым дивизиям, Говоров заметил:

— Запущены батальоны. Будем снова превращать их в самостоятельные части и восстанавливать укрепрайоны. Это позволит высвободить и отвести с передовых позиций несколько стрелковых дивизий»^{84}.

Вывод с передовой в резерв целых дивизий был неслыханным делом для Ленинградского фронта на тот момент. Военный совет фронта поддержал идею Говорова.

«Побывал он и на оторванном от общей линии фронта участке обороны — в Приморской оперативной группе, на так называемом Ораниенбаумском плацдарме. [...] Туда пришлось лететь ночью через линию фронта и Финский залив. Говоров взял с собой в двухместные самолеты У-2... Никто не испытал большого удовольствия от этого перелета — в кромешной тьме, под зенитные разрывы»^{85}.

Командовал оперативной группой генерал-майор А. Н. Астанин. В его распоряжении находились 48-я и 168-я стрелковые дивизии, 2-я и 5-я бригады морской пехоты, один артиллерийский полк, танковый и инженерный батальоны. Также группу поддерживали береговые форты Балтийского флота.

«Немцы держали против Приморской оперативной группы тоже незначительные силы. Характерным здесь было то, что нейтральная полоса, разделявшая стороны, достигла местами нескольких километров: ни наши войска, ни противник не хотели лезть в низины, болота, бездорожные места. Но это повлекло за собой ярко выраженную пассивность обороны. Штаб Астанина и командиры дивизий поверхностно знали противника, артиллерия располагалась без четкой системы, в развитии инженерных позиций была видна только одна перспектива — статус-кво.

...Говоров осматривал участки войск угрюмо, раздражался, выслушивая путаные доклады, и наконец резко бросил упрек всем его [Астанина] сопровождавшим: «Лапу, что ли, здесь сосали всю зиму?». ^{86}. Тем не менее Говоров мгновенно оценил роль плацдарма, прикрывавшего Кронштадт, и незаменимость артиллерии знаменитой «Красной горки», сильно тревожившей оборону финнов в направлении Куоккалы, Териоки, Райволы на севере, а на юге — немецкие войска в Копорье, Дятлицах, Ропше.

Также ревизии подверглись все армии фронта. Говоров остался недоволен качеством фортификационных сооружений, глубиной окопов и ходов сообщения. По всему фронту начались земляные работы. Голодные солдаты вгрызались кайлом и лопатой в не оттаявшую после зимы землю, материли командование почем зря, но результаты проявились сразу же: резко сократилась смертность в первой линии обороны советских войск.

Отдельные изменения коснулись 42-й и 55-й армий. По замыслу Говорова, на южном фесе фронта сосредоточили большую часть артиллерии для ведения противотанковой обороны. В итоге «на главном направлении 42-й армии на фронте в 24 километра было образовано 28 противотанковых районов и батальонных противотанковых узлов с 760 орудиями. Таким образом, плотность орудий противотанковой обороны составила чуть более 31 орудия на один километр фронта» ^{87}. Это позволило отвести с южного направления несколько дивизий и направить их в резерв фронта ^{88}.

Так постепенно ослабленный голодом, боями и частой сменой командования фронт наращивал свою мощь. В изучении документов и директив Говоров был педантичен до сумасшествия и привил эту педантичность своим подчиненным. Современные историки обязаны именно Говорову обилием документов

и приказов, позволяющих детально проследить ход обороны Города. Командующий заставлял фиксировать каждый шаг, любое решение, вплоть до графика дежурства по кухне. Или это сам Город рукой командующего писал свою летопись?

С середины июля началась энергичная подготовка к наступательным действиям. Говоров часто приезжал на Пулковские высоты, подолгу находился на наблюдательном пункте 21-й стрелковой дивизии полковника М. Д. Папченко^[14]. По его приказу была разработана частная операция по выравниванию линии фронта в районе Урицка и Старо-Паново. 20 июля началось наступление на этом направлении. В первые дни наступления советским войскам удалось выбить немцев из Старо-Панова, но вскоре противник стал перебрасывать к Урицку свои подкрепления. Активизировался Колпинский участок. Части 56-й и 268-й дивизий атаковали Ям-Ижору. К началу августа уже четыре стрелковые дивизии вели наступательные бои. Говоров прощупывал немцев, заставлял Кюхлера использовать резервы, отслеживал скорость переброски войск, артиллерийские расчеты, плотность огня. С точки зрения освобождения оккупированных территорий успех этих операций был незначительным, но сам факт наступления на отдельных участках заставлял противника нервничать. Говоров искал ключ к последующему наступлению. И, конечно, он думал о возможном наступлении немцев.

Вскоре Говоров сообщили из центра, что замечена переброска под Ленинград из Крыма частей 11-й армии генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Того самого Манштейна, который был автором победоносного наступления немецких войск во Франции в 1940 году. Говоров понимал, что времени не осталось: противник готовит операцию по захвату Ленинграда. Вскоре разведка доложила комфронта о перегруппировке войск

противника, появлении новых частей под Ленинградом. Так, в районе Тосно и Вырицы были замечены подразделения 5-й горнострелковой, 61-й и 250-й (испанской) пехотных дивизий. «Из Красногвардейска донесли о сосредоточении 12-й танковой дивизии и 185-го штурмового дивизиона. Под Ленинградом появились осадные артиллерийские орудия большой мощности, в том числе и 420-миллиметровая [пушка] типа «Берта»^{89}.

Сейчас мы знаем, что Гитлер готовил разгром Ленинграда в сентябре 1942 года. В Директиве № 45 от 23 июля 1942 года за его подписью говорилось: «Группе армий «Север» к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое название «Волшебный огонь». Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие необходимые части резерва главного командования»^{90}.

По замыслу немецкого командования на первом этапе операции немцы должны были форсировать Неву и соединиться с финской армией, полностью отрезав Ленинград от снабжения по Ладоге. На втором этапе — войти в город, уничтожить войска Ленинградского фронта и полностью захватить Ленинград. Наступление должно было начаться 14 сентября 1942 года.

Для успешного завершения предстоящей операции 11-й армии Манштейна, помимо пяти имевшихся в его распоряжении дивизий, также передавались 7 дивизий 18-й армии, в том числе 12-я танковая дивизия и бригада СС.

Наступление должно было начаться с юга, со стороны Пулковских высот. Силами трех корпусов немцы предполагали прорвать оборону советских войск, выйти к окраине города и, резко повернув на северо-восток, с ходу форсировать Неву и выйти на соединение с

финской армией на Карельском перешейке. После чего предполагалось малыми силами, без спешки добить отрезанный от снабжения город. В окончательной редакции план получил название «Северное сияние».

Таким образом, мы видим, что Говоров не зря в июле находился на Пулковских высотах практически в ежедневном режиме. Он угадал направление возможного немецкого прорыва и усиливал юг Города созданием системы У Ров, выравнивал линию фронта, изучал силы и средства противника на этом направлении.

В июле 1942 года произошло еще одно очень важное событие в жизни Леонида Александровича Говорова. Его приняли в партию. Будучи человеком гордым и знающим себе цену, он болезненно переживал первый отказ партийной организации. Конечно, больше всего ранило недоверие. Боевой генерал, не раз в боях доказывавший свою преданность Родине, в глубине души он опасался, что приставка «бывший» приклеилась к нему навсегда. К тому же он прекрасно помнил «чистку» в рядах армии в 1937–1938 годах, когда арестовывали за неосторожное слово, за донос, невзирая на чины и партийность. Почему-то кажется, что в ситуации вступления Говорова в коммунистическую партию сработало булгаковское: никогда и ничего не просите, никогда и ничего, особенно у тех, кто сильнее вас: сами придут и сами всё дадут. Так, собственно, и получилось. Если беспартийный командующий армией был явлением неприятным, неожиданным, но в условиях кадрового голода — терпимым, то командующий фронтом не член ВКП(б), — это уже возмутительно. Ставка обратила на это внимание.

Б. В. Бычевский, бывший очевидцем этих событий, писал: «1 июля 1942 года Леонид Александрович Говоров подал заявление в партийную организацию штаба Ленинградского фронта. Он писал: «Прошу

принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), вне которой не мыслю себя в решающие дни жестокой опасности для моей Родины».

Леонид Александрович позвонил по телефону в Москву, разыскал Павла Филатовича Иванова^[15], сказал ему откровенно: он думает, что дальше не может продолжаться так, как было до сих пор. Ему очень трудно, нужна помощь партии...

Павел Филатович немедленно прислал свою партийную рекомендацию.

Секретарь горкома партии А. А. Кузнецов отлично понимал состояние Говорова и сам вызвал его на прямой разговор. Партийные рекомендации Леониду Александровичу дали Г. Ф. Одинцов и заместитель начальника штаба А. В. Гвоздков. Партийная организация штаба Ленинградского фронта на собрании приняла его кандидатом в члены партии, а через несколько дней А. А. Жданов сказал Говорову, что Центральный Комитет вынес решение о приеме его в члены партии без прохождения кандидатского стажа.

Впоследствии в задушевной беседе с Одинцовым Говоров, уже будучи маршалом, сказал, что тот день был самым значительным в его жизни»^{91}.

Не стоит думать, что вступление в партию было для Говорова шагом формальным, тешащим самолюбие. Замкнутый, неразговорчивый и даже нелюдимый командующий фронтом был искренне предан Родине и партии. Сегодня кому-то это может показаться слепотой, фанатизмом, заблуждением и даже глупостью, но то время — уникальное в истории человечества, оно больше, возможно, никогда и нигде не повторится. Это рождение принципиально новой модели общества — всеобщего равенства и братства. Вопреки братоубийственной бойне Гражданской войны, голоду, коллективизации, репрессиям и расстрелам 30-х годов, в один и тот же момент времени сосуществовала

в людях вера в светлое будущее. Эта вера была сродни чувству религиозному, выстраданному. Особенно для военного человека, каждый день находящегося на краю гибели. Такое невозможно переступить, не получится никогда забыть. Поэтому солдаты и офицеры всегда носили партбилет с собой. Поэтому немцы с особой жестокостью расстреливали и вешали коммунистов. Это потом, в далекие 70-е, вступление в партию станет обязательным для всех, кто строит карьеру в советских учреждениях и рассчитывает на руководящую должность. В партию будут заманивать всех подряд, и членский билет обесценится. А в то время его еще надо было заслужить.

Но вернемся к войскам Ленинградского фронта.

Чтобы сорвать наступление немцев, была разработана операция, вошедшая в историю под названием Синявинской наступательной операции. Войска Волховского фронта должны были нанести удар на линии между Гонтовой Липкой и Вороновом, прорвать оборону и развивать наступление в сторону Синявина. Там же предполагалось соединиться с войсками Ленинградского фронта и совместными усилиями выйти на рубеж Невская Дубровка — река Нева — Красный Бор.

Перед началом операции командующие фронтами Говоров и Мерецков встретились в Ленинграде и согласовали детали предстоящего наступления.

Главная роль отводилась Волховскому фронту (в первую очередь — 8-й армии генерал-майора Ф. Н. Старикова^[16]), который должен был разгромить мгинско-синявинскую группировку немцев, выдвинуться к Неве и соединиться с войсками Ленинградского фронта. «По замыслу операции, прорыв немецкой обороны осуществлялся на 16-километровом участке в направлении Отрадного. Этот поселок расположен на берегу Невы, неподалеку от места, где сходились грунтовая дорога из Синявина на Колпино и железная

дорога из Мги в Ленинград. Если бы удалось разгромить мгинско-синявинскую фашистскую группировку, нам уже ничто не препятствовало бы соединиться с войсками Ленинградского фронта»^{92}, — вспоминал К. А. Мерецков.

Синявинские высоты были ключевой точкой во всем узком бутылочном горле, разделявшем войска двух фронтов. Ширина горловины составляла всего 16 километров, но немецкая артиллерия, удачно расположенная на высотах в районе Синявина, простреливала весь участок предполагаемого прорыва. Немцы сосредоточили на этом участке пять дивизий: по две против каждого фронта плюс одна в резерве.

Овладев этими высотами и разместив там артиллерию, можно было уничтожить всю вражескую группировку по линии Рабочий поселок № 5 — Шлиссельбург.

Операция началась с отвлекающих ударов силами Ленинградского фронта на второстепенных направлениях. Войска 42-й армии с конца июля в течение месяца атаковали под Урицком, а части 55-й армии наступали вдоль шоссе Москва — Ленинград.

Основной этап операции для войск Ленинградского фронта начался 19 августа и вошел в историю под названием Усть-Тосненской наступательной операции. Причем в первой фазе операции частям сопутствовал быстрый успех, но буквально в первые же дни наступление забуксовало.

Двадцать седьмого августа наступление начал Волховский фронт. В первом эшелоне в бой двинулись войска 8-й армии генерала Старикова со стороны Гонтовой Липки и Тортолова. Во втором и третьем эшелонах Мерецков оставил соответственно 4-й гвардейский стрелковый корпус и 2-ю ударную армию, заново укомплектованную после июньского разгрома.

Уже 28 августа 19-я стрелковая дивизия под командованием полковника Баринава при поддержке танков вышла к Синявину. 29 августа немецкое командование-вынуждено было бросить в бой дивизии Манштейна, прибывшие из Крыма. С их помощью наступление войск Волховского фронта было остановлено.

На Ленинградском направлении все было не так успешно. 43-я и 268-я стрелковые дивизии с большими потерями все же разгромили фланговый узел обороны немцев в поселке Усть-Тосно, 942-й полк 268-й дивизии закрепился на небольшом плацдарме. Удалось захватить и шоссейный мост, но он оказался пристрелянным. Немцы подбили два наших танка и перегородили дорогу. Вытащить их не удавалось: противник открыл шквальный огонь из орудий и пулеметов. Бои приняли затяжной характер. Немцы успевали за это время перебросить на опасный участок свежие части.

После того как в бой вступили войска 11-й армии Манштейна, Мерецков понимает, что второй и третий эшелоны не смогут спасти положения. Со своей стороны, Ленинградский фронт предпринял попытку помочь войскам Волховского фронта. Говоров 5 сентября отдал приказ форсировать Неву силами трех стрелковых дивизий и одной бригады. Как раз в районе Невской Дубровки, где пристрелян каждый метр пропитанного кровью «Невского пятачка». Это снова отчаянная лобовая атака, но она должна была отвлечь Манштейна от Синявина, ударить ему в тыл, дав тем самым долгожданный шанс Мерецкову. Войска Ленинградского фронта начали спешно перегруппировываться.

В эти же дни вступила в критическую фазу и Сталинградская битва. В связи с чем перед Мерецковым и Говоровым были поставлены дополнительные задачи: не допустить переброски немецких войск на юг. Все

резервы группы армий «Север» должны быть введены в бой или намертво прикованы к линии фронта.

Удар в районе Невской Дубровки готовится трое суток, времени катастрофически не хватало. На совещания с командирами дивизий оставались считанные часы. Остальное время поглощали вопросы управления и снабжения фронта и армии. Несколько раз менялись варианты оперативного построения войск. Наконец 7 сентября Говоров принял решение: в первом эшелоне будут наступать 46-я и 86-я стрелковые дивизии, во втором Неву форсирует 11-я стрелковая бригада. 70-я стрелковая дивизия пойдет третьим эшелонам. Переправочных средств едва хватало для войск первого эшелона. Начавшаяся 9 сентября операция с самого начала пошла не так, как планировалось: советская артиллерия не смогла подавить огневую систему противника, из-за ветра дымовую завесу снесло в сторону, к тому же сразу же после артподготовки немцы подняли в воздух свою авиацию. Саперы волоком тянули к Неве тяжелые лодки под минометным и авиационным огнем противника. А в стрелковых частях еще до начала переправы наметились серьезные потери командного состава. Из намеченных семи рот на другом берегу высадились только две. Артиллерийско-минометный огонь противника накрыл 86-ю и 46-ю стрелковые дивизии на всю глубину. Переправа была сорвана. На командный пункт Невской оперативной группы прибыл Говоров. Настроение мрачное: связь с переправившимися группами отсутствует, новым батальонам переправляться не на чем. Комфронта приказывает в течение ночи доставить из Ленинграда 300 десятиместных лодок и утром возобновить операцию. Позже, ближе к вечеру, он временно отстранил от занимаемой должности командующего Невской оперативной группой генерал-майора И. Ф. Никитина^[17] (официально Никитин будет смещен

только 6 октября) и поручил исполнять его обязанности начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту Д. Н. Гусеву^[18]. Но форсирование Невы так и не было продолжено. А дальше мнения историков расходятся.

Б. В. Бычевский в своих воспоминаниях «Город-фронт» утверждает, что 10 сентября Говоров отменил свой приказ, а 13-го направил в Ставку новый план операции и просьбу предоставить ему время для более тщательной проработки. В других источниках утверждается, что войскам удалось захватить плацдарм шириной в один километр и глубиной 300 метров, но 12 сентября Ставка ВГК приказала прекратить операцию, «так как Ленинградский фронт оказался неспособен толково организовать форсирование Невы и своими действиями глупо загубил большое количество командиров и бойцов»^{93}. Потери Ленинградского фронта за четыре дня операции составили 738 человек убитыми и 2254 человека ранеными.

Скорее всего, под плацдармом понимался тот участок, который советские войска смогли захватить в ходе второй попытки форсирования Невы, предпринятой 25 сентября. Но и отменить приказ на свой страх и риск Говоров вряд ли бы решился. Еще перед началом операции и Говоров, и Ставка прекрасно понимали, что переправочных средств в Невской оперативной группе недостаточно. Вся надежда была на мощную и точную артподготовку. Но надежды не оправдались.

Обратимся к воспоминаниям Э. фон Манштейна: «Уже 27 августа противник атаковал 18 армию, стоявшую фронтом на восток. Необходимо было ввести в бой только что прибывшую 170 дивизию. В последующие дни стало ясно, что советская сторона, используя крупные силы, организовала наступление с целью прорыва блокады Ленинграда; этим наступлением противник, очевидно, хотел упредить наше наступление. 4 сентября вечером мне позвонил Гитлер. Он заявил, что

необходимо мое немедленное вмешательство в обстановку на Волховском фронте, чтобы избежать катастрофы. Я должен был немедленно взять на себя командование этим участком фронта и энергичными мерами восстановить положение»^{94}.

Если бы к 9 сентября у Невской оперативной группы было бы достаточное количество переправочных средств, лодок, понтонов, если бы начарт Одинцов успешно провел артиллерийскую подготовку, если бы разведка отработала возложенные на нее задачи, если бы, если бы...

Синявинская наступательная операция, разумеется, не была только средством «перемалывания живой силы противника» и упреждающим ударом для срыва немецкого наступления. Ставка разрабатывала операцию по прорыву блокады, фронтам были поставлены конкретные задачи: прорвать, соединиться; в дивизии, полки, батальоны и роты уходили приказы сражаться до последней капли крови. Уже значительно позже советская историография, чтобы уменьшить значение синявинского поражения, стала делать упор на срыве наступления и сковывании противника. Но тогда, в сентябрьские дни 1942 года, все было всерьез. Вот только не хватило сил и времени на подготовку.

Надо честно признать, скрыть перегруппировку наших войск (13 стрелковых дивизий, 8 стрелковых и 6 танковых бригад, свыше 20 артиллерийских полков и значительное количество других специальных частей и подразделений) на участке наступления Волховского фронта не удалось, хотя мероприятия по дезинформации противника проводились. Уже 4 августа 1942 года начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер в своем дневнике записал: «Перебежчики говорят, что 17.8 начнется наступление южнее Ладожского озера»^{95}. В конце августа Генштаб и штаб группы

армий «Север» обнаружили реальные признаки готовящегося наступления в полосе Волховского фронта и на участке южнее Ладожского озера. В дневнике Гальдера есть и другое упоминание (25 августа): «Группа армий «Север»: обстановка прежняя. Интенсивные железнодорожные перевозки... На Волхове противник переносит вперед свои командные пункты»^{96}. Запись за следующий день еще более определена: «Множатся признаки близкого наступления русских южнее Ладожского озера»^{97}. Однако установить точный срок начала операции и ее масштабы германское командование не смогло.

Напомним, в первые два дня наступление Волховского фронта развивалось успешно. К исходу второго дня части 8-й армии подошли к поселку и железнодорожной станции Синявино. Однако на третий день продвижение замедлилось. Первый эшелон прорвал вражескую оборону на фронте в 5 километров и углубился на расстояние до 7 километров. Но на этом инерция, приданная наступающей пехоте мощной артиллерийской подготовкой, закончилась. На пятые сутки возможности первого эшелона были исчерпаны. И командование фронта вводит в сражение второй эшелон — войска 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Для обеспечения успеха этой фазы операции надо было четко организовать переброску пехоты и артиллерии. Однако, как свидетельствует К. А. Мерецков, «развертывание 4-го гвардейского стрелкового корпуса проходило в трудных условиях. Бойцы преодолевали обширные Синявинские болота, в ходе боя прокладывали дороги и одновременно отражали атаки противника. Ввод корпуса в сражение не был должным образом обеспечен артиллерийским огнем и авиацией... Непорядки допускались и в вопросах управления, которое то и дело нарушалось»^{98}.

«Немцы, осознав последствия удара советских войск, который мог завершиться прорывом блокады Ленинграда, начали срочно перебрасывать на образовавшийся выступ подкрепления. К уже размещившимся западнее Келколово подразделениям 170-й пехотной дивизии [только что прибывшей из Крыма] на станции Мга срочно разгружались 24-я и 132-я пехотные дивизии XXX армейского корпуса»^{99}. Это была своего рода элита вермахта: части, недавно штурмом взявшие Севастополь, отличались высоким боевым духом и умением воевать.

Манштейн ударил по вклинившимся советским войскам с севера и юга. «С юга наступал XXX армейский корпус в составе 24, 132, 170-й пехотных и 3-й горнострелковой дивизий, с севера — занимавший и ранее этот участок фронта XXVI армейский корпус с тремя дивизиями: 121-й пехотной, 5-й горнострелковой и 28-й егерской дивизиями. К 21 сентября в результате тяжелых боев удалось окружить противника. В последующие дни были отражены сильные атаки противника с востока, имевшие целью деблокировать окруженную [2-ю] ударную армию....

Вместе с тем необходимо было уничтожить находящиеся в котле между Мгой и Гайтоловом значительные силы противника. Как всегда, противник не помышлял о сдаче, несмотря на безвыходность положения и на то, что продолжение борьбы и с оперативной точки зрения не могло принести ему пользы. Напротив, он предпринимал все новые и новые попытки вырваться из котла. Так как весь район котла был покрыт густым лесом (между прочим, мы никогда не организовали бы прорыва на такой местности), всякая попытка с немецкой стороны покончить с противником атаками пехоты повела бы к огромным человеческим жертвам. В связи с этим штаб армии подтянул с Ленинградского фронта мощную артиллерию, которая

начала вести по котлу непрерывный огонь, дополнявшийся все новыми воздушными атаками. Благодаря этому огню лесной район в несколько дней был превращен в поле, изрытое воронками, на котором виднелись лишь остатки стволов когда-то гордых деревьев-великанов. Из захваченного нами дневника советского командира полка мы узнали позже, какое воздействие оказывал этот огонь»^{100}.

К 21 сентября ударная группа Волховского фронта оказалась в окружение. Один в один повторялась история Любанской наступательной операции, когда мощными ударами с флангов немцы окружили и уничтожили 2-ю ударную армию генерала А. А. Власова. Мог ли командующий Волховским фронтом генерал армии К. А. Мерецков не видеть надвигающейся катастрофы? Разумеется, он прекрасно понимал всю опасность глубокого прорыва 8-й армии. Но доложить И. В. Сталину о необходимости отступления он тоже не мог. Предположу, что это был страх, обычный человеческий страх. Пройдя пытки и издевательства в подвалах НКВД в июне 1941 года, Мерецков навсегда запомнил, к чему могут привести невыполнение приказа и гнев вождя. Он не хотел вновь оказаться в НКВД. Лучше отправиться на понижение в должности, командовать армией, корпусом, дивизией, да хоть полком...

Новую попытку форсирования Невы, чтобы отвлечь на себя силы противника и дать возможность войскам Волховского фронта выйти из окружения, Говоров предпринял 26 сентября. «За ночь необходимо перебросить на левый берег первый эшелон и захватить плацдарм, а с утра начнем расширять его»^{101}, — поставил Говоров задачу штабу фронта. Три дня шли ожесточенные бои. Советским войскам удалось переправить несколько батальонов и захватить плацдарм, но и немцы наращивали силы на левом

берегу. На исходе третьих суток войска Ленинградского фронта были сброшены в Неву в районе Анненского. Наступление захлебнулось. Части 8-й армии и 4-го гвардейского корпуса Волховского фронта оказались в «котле», где были частично уничтожены, частично взяты в плен.

Разбирая итоги операции, нельзя не отметить причины, приведшие к провалу. «Наиболее бедственно повлияли на столь неблагоприятный для нас исход «сражения южнее Ладожского озера» недостатки в организации разведки, управления, взаимодействия и связи. В этом легко убедиться, изучив карту положения 4-го и 6-го гвардейских стрелковых корпусов на 24.00 25 сентября. Отчетливо видно, что сведения о противнике, которыми располагают их штабы, очень приблизительные, не соответствуют обстановке, сложившейся на тот период времени. Более того, нет данных и о точном положении соседей — 2-й ударной и 8-й армий. Созданные группировки мало соответствуют принципу массирования сил в наступательной операции. Не указаны даже разграничительные линии между соединениями (что очень трудно сделать в лесисто-болотистой местности), а следствием этого является перемешивание дивизий, бригад и тылов между собой.

Весьма заметно, что управление соединениями и частями корпусов нарушено (скорее всего уже утрачено). Наиболее красноречиво об этом говорит надпись на карте, в которой командование всеми частями 6-го гвардейского корпуса поручено командиру 294-й стрелковой дивизии подполковнику Вержбицкому. А где тогда находятся командиры и штабы корпусного звена? Почему они обстановкой уже не владеют? Трудно догадаться, в каких местах находятся и остальные пункты управления дивизий и бригад. Информация только о немногих из них нанесена на карту.

Помимо всего прочего в ходе сражения было разного рода безалаберщины. В частности, командир 259-й стрелковой дивизии потерял управление полками и неправильно информировал вышестоящее командование о положении частей дивизии. Командир 944-го стрелкового полка этой же дивизии в течение 2-3 сентября не имел связи с батальонами и в течение трех дней не смог найти минометной роты своего полка. 191-я стрелковая дивизия при вводе ее в бой имела от 0,02 до 0,03 боекомплекта мин и 45-мм снарядов, а у бойцов 259-й стрелковой дивизии не было ручных гранат. Танковые бригады и батальоны Волховского фронта действовали мелкими группами на широком фронте, в результате чего уже до 15 сентября потеряли 105 танков. Боевые машины использовались на танконедоступной местности, вязли в болотах, подрывались на своих же минных полях. Немало танков в ходе боев «пропало без вести»^{102}.

При этом все эти причины и условия не отменяют случаев массового героизма советских солдат.

Танк лейтенанта Шмакова, будучи подбитым, 192 часа продолжал драться с врагом. Как писала фронтовая газета 265-й стрелковой дивизии: «Экипаж напал. Измученный жаждой и голодом, израненный, он продолжал действовать. Пять дней каждый член экипажа получал паек — глоток воды, нацеженный из радиатора. Это было все. А люди, простые советские солдаты, продолжали жить и действовать. Они смотрели смерти в глаза. Но они думали о жизни, о том, что всегда волнует советских людей — о партии. На шестые сутки осады к ним прополз парторг Сычев, здесь, под пулями врага, Лапыгин и Иванов подали заявления в партию и заполнили анкету. Экипаж восстанавливал свою машину: вырыл во всю длину танка окоп и подвел гусеницу, отремонтировал мелкие поломки. И все это

делалось под огнем. Раненые отказывались отползать в тыл, они оставались в строю, оберегая свою машину.

На восьмые сутки третье ранение получил механик-водитель Александр Иванов. Снарядом ему оторвало кисть руки. Иванов молчал. Также молча пополз он с командиром выбираться из окружения. На пол пути его оставили силы. Шмаков потащил своего раненого друга. Остальные бойцы экипажа остались оберегать машину.

Они не сдались врагу. Они расстреляли свои боеприпасы, кончились осколочные снаряды — они били «фрицев» бронебойными. Не стало снарядов — били по врагу из пулемета. Было бы надо, они зубами вцеплялись в его горло, но не сдались. Вскоре гул боя отдалился от той высоты, на которой стоял советский танк»^{103}.

В этих патетичных строчках, если отбросить заявления о приеме в партию, вырисовываются обыденные чудеса мужества и героизма советского солдата. Без куража, без истерики. Просто... ну а кто, если не я? Больше никому.

Но больше всего поражает история связиста Богатова. Уроженец деревни Савково Тургеневской волости Меленковского уезда Владимирской губернии, ему было 23 года. «До войны он закончил Селинскую школу-семилетку, потом работал в колхозе. За год до начала войны пошел на действительную службу. Мечтательный, тихий паренек тайком писал стихи. В свободное от военных учений время он доставал заветный альбом и аккуратно вписывал в него свои лирические строчки. Писал о родной деревне, о сенокосе, об осенних туманных утрах, о том, как вечерами поет за околицей гармонь. А еще в этом альбоме были стихи, посвященные Шуре — девушке, которую он любил»^{104}. Даже писать грамотно не умел. Вот его последнее письмо, написанное домой в марте 1942 года после ранения.

«Здравствуйте, папа, мама, брат Вася и Виктор. Шлю вам Горячий боевой большевистский привет, и множество наилучших пожеланий в вашей работе и жизни.

Мама, в настоящее время я жив и здоров. С 10 марта снова нахожусь в другой части, в артиллерийском полку, который имеет задачу в уничтожении гитлеровских бандитов. С момента выбытия из Ленинграда я уже много кое-где побывал в схватках с гитлеровцами. Раньше, до ранения, мне приходилось иметь дело с белофиннами, а теперь имел уже и имею дело с немчурой.

В настоящее время погода у нас установилась теплая, солнце уже пригревает, и снег стал поддаваться влиянию солнечных лучей. Наступает снова весна, снова как-то вспоминается молодость, жизнь в деревне, развлечения молодости и так далее. Все это прекрасное откладываю в дальний ящик. В первую очередь теперь только думаем, как бы больше уничтожить поганой немчуры, которая отняла все эти права у нас, молодежи. Конечно, это временное явление, отнять те права, которые мы имели и имеем, у нас никто не отнимет, ибо мы тверды, упорны и плохо поддаемся грязным фрицам...»[{105}](#)

Вот это вот простое, безграмотное «снег стал поддаваться влиянию солнечных лучей»... Откуда это? Как родилось в его голове? Зачем сложилось в слова? Так коряво, бесхитростно и так... волшебно, что ли.

В первый день наступления Волховского фронта, 27 августа, небольшой участок между наблюдательным пунктом и огневой позицией 265-й дивизии подвергался сильному обстрелу. Тонкий провод часто рвали мины и снаряды. Наблюдал за линией и исправлял повреждения связист Богатов. Вместе с пехотой он шел вперед. За работой, когда нужно было связать концы порванного провода, 23-летнего парня нашла вражеская пуля. Он

был смертельно ранен. У комсомольца уже не было сил срastить концы провода, но у него хватило воли на то, чтобы не выпустить их из рук. Так он и умер, держа в руках концы провода. Он был мертв, но связь жила. По телефонным проводам, через коченеющее тело Богатова летели команды артиллеристам, и они вели огонь по врагу^{106}.

В начале октября все было кончено.

Вновь слово Э. фон Манштейну: «Ко 2 октября, таким образом, удалось закончить бои в котле. Со стороны противника в этом сражении участвовала 2-я ударная армия, состоявшая не менее чем из 16 стрелковых дивизий, 9 стрелковых бригад и 5 танковых бригад. Из них в котле было уничтожено 1 стрелковых дивизий, 6 стрелковых бригад и 4 танковые бригады. Другие соединения понесли огромные потери во время безуспешных атак с целью деблокирования окруженных сил. Нами было захвачено 12 000 пленных, противник потерял свыше 300 орудий, 500 минометов и 244 танка. Потери противника убитыми во много раз превышали число захваченных пленных.

Если задача по восстановлению положения на восточном участке фронта 18-й армии и была выполнена, то все же дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором проведении наступления не могло быть и речи. Между тем Гитлер все еще не хотел расстаться с намерением овладеть Ленинградом. Правда, он готов был ограничить задачи наступления, что, естественно, не привело бы к окончательной ликвидации этого фронта, а к этой ликвидации в конце концов все сводилось. Напротив, штаб 11-й армии считал, что нельзя приступать к операции против Ленинграда, не пополнив наши силы и вообще не имея достаточного количества сил. За

обсуждением этих вопросов и составлением все новых планов прошел октябрь»^{107}.

Потери немцев с 28 августа по 30 сентября составили: 671 офицер и 25 265 унтер-офицеров и рядовых. Из этого числа 172 офицера и 4721 солдат были убиты. Безвозвратные потери Волховского фронта составили 40 085 человек. И это без учета весьма чувствительного урона, понесенного Ленинградским фронтом в ходе форсирования Невы и захвата плацдармов в районе Дубровки и Анненского...

Безвозвратные потери практически 1 к 10. Поэтому говорить о задаче «перемалывания живой силы противника» по меньшей мере цинично. Тем не менее наступление немцев на Ленинград было сорвано. Город продолжал жить и трудиться. И пока немецкое командование спорило о пополнении, Говоров в конце октября 1942 года приступил к разработке новой наступательной операции по прорыву блокады Ленинграда, получившей кодовое название «Искра».

После завершения боев в районе Невской Дубровки Говоров дал указание штабу фронта составить подробное описание боевых действий при форсировании Невы и сражении на плацдарме. Меньше всего он думал о том, чтобы облегчить труд историков: он просто хотел, как писал Б. В. Бычевский, «поглубже вникнуть в многообразный процесс сложной формы боя на этом возможном в будущем направлении прорыва блокады». Ведь другого операционного направления для прорыва не предвиделось... Это описание, где хронологически по дням, временами по часам, раскрывались и удачи, и неудачи всех родов войск, «можно было видеть у него на столе до самого прорыва блокады в январе 1943 года».

Очевидным для Говорова стало одно: форсировать Неву в летне-осенний период бесполезно. Слишком мало переправочных средств, все плацдармы у немцев пристреляны по метрам, скрытно сосредоточить войска,

а главное — паромы, лодки и понтонные мосты крайне проблематично. Если добавить к этому абсолютное господство немцев в воздухе, то можно было назвать левый берег Невы неприступным. Надо было ждать зимы, готовить войска к прорыву блокады, когда встанет лед. А готовить было непросто.

На первом этапе операции войскам пехоты необходимо было преодолеть по льду 800 метров. Говоров приказал провести тренировку в одной из дивизий на безопасном участке, чтобы посмотреть, а сможет ли солдат, измученный дистрофией, вообще преодолеть эти метры. Эксперимент показал, что к середине дистанции люди полностью выдыхаются, сил на решающий бросок не остается. Войны без крови и без потерь не бывает, но свести их к минимуму — вот задача командующего, если он, конечно, бережет солдата. Солдата только жалеть нельзя, а беречь — необходимо! И Говоров берег.

Он «приказал начать тренировки. Бегали повзводно, по-ротно, в составе батальона, тащили с собой пулеметы и минометы, поставленные на лыжи по приказу командующего. Солдаты падали, вставали, хватали горячими распаренными губами снег, материли весь белый свет, но бежали»^{108}.

Пехоте предстояло преодолеть 800 метров под шквальным огнем противника. Высота противоположного берега была 6 метров, склон немцы облили водой так, что он превратился в ледяную горку. Сразу за подъемом начинались ряды колючей проволоки, рвы, надолбы, минные поля. По периметру были расставлены хорошо укрепленные пулеметные гнезда. Это был Измаил. Кстати, солдаты так и называли тот берег — «Невский Измаил». А Говоров не был Суворовым. Но он был самим собой. И к штурму берега готовился по-суворовски.

Пришлось пойти на сознательный риск. Командующий фронтом поочередно снимал с линии обороны части и соединения для отработки марш-броска. Говоров с секундомером замерял скорость форсирования открытого участка. Непрерывными тренировками он довел ее с 24 до 4. В войсках было увеличено снабжение, чтобы у солдат появились силы и они хотя бы не шатались от голода.

Л. А. Говоров собрал руководство фронта на совещание 29 ноября и объявил о начале подготовки к новой операции по прорыву блокады Ленинграда. Ее главной отличительной особенностью по сравнению с предыдущими являлось то, что Ленинградский фронт выделял не меньше сил, чем Волховский: 7 стрелковых дивизий и 3 танковые бригады. Количество артиллерии по сравнению с сентябрьскими боями было увеличено с 300 стволов до 2 тысяч. На подготовку был отведен месяц. Все приготовления командующий приказал осуществлять в обстановке полной секретности, для чего в штабе фронта появился условный шифр «военная игра № 5», позже он стал операцией «Искра».

«Категорически были запрещены переписка и телефонные разговоры по вопросам предстоявших действий, распоряжения войскам, как правило, отдавались лично. Все передвижения войск и боевой техники проводились лишь в ночное время либо в нелетную погоду. Топить печи, разводить костры разрешалось только ночью, да и то внутри блиндажей, землянок и шалашей. Чтобы отвлечь внимание противника от реального направления главного удара, командование Волховского фронта провело демонстрацию подготовки ложного наступления в районе Мги. Эти меры себя оправдали. Правда, за несколько дней до операции немецкому командованию все же стало известно о подготовке советских войск к наступлению, но когда именно, где и какими силами

будет нанесен удар, оно так и не узнало. Вот почему, учитывая назревавшую угрозу, командир XXVI немецкого армейского корпуса генерал Лейзер предложил отвести войска от Шлиссельбурга. Однако его предложение в самой категорической форме отклонил командующий 18-й армией Линдеман»[{109}](#).

Второго декабря Ставка В ГК утвердила план операции по прорыву блокады («Искра»), которую планировалось провести объединенными силами Ленинградского и Волховского фронтов — директиву № 170696:

«1. План операции по Волховскому и Ленинградскому фронтам утвердить.

2. Операцию ударной группы Волховского фронта проводит командарм 2-й Ударной армии под непосредственным руководством заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта Федюнинского. Командующий фронтом помимо своих обязанностей по фронту осуществляет наблюдение за действиями вспомогательной группы войск.

3. Операцию ударной группы Ленинградского фронта проводит командарм 67-й армии под непосредственным руководством командующего фронтом генерал-лейтенанта тов[арища] Говорова.

4. Готовность операции — к 1 января 1943 г.

5. Операцию при телефонных переговорах и переписке именовать «Искра».

6. Координация действий обоих фронтов поручается маршалу Ворошилову К. Е.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин»[{110}](#).

Название операции дал сам Верховный главнокомандующий. И. В. Сталин, комментируя свой выбор, объяснял: все предыдущие попытки прорыва блокады провалились, но теперь из «искры» должно разгореться «пламя».

Этот небольшой нюанс говорит о том, что других шансов Говорову и Мерецкову Сталин не даст. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Леонид Александрович это прекрасно понимал.

«На столе лежали только раскрытая общая тетрадь и часы. Говоров говорил с обычной своей суховатостью. Фразы сжатые, видимо, давно отшлифованные наедине с собой.

— Фронт форсирования Невы — 13 километров, от Невской Дубровки до истоков. Встреча с наступающими частями Волховского фронта — в районе Синявина. В первом эшелоне у нас будет четыре стрелковые дивизии с бригадой легких танков, во втором — три дивизии и две бригады тяжелых и средних танков. Ввод в бой второго эшелона — не позднее вторых суток операции. Переправа тяжелых танков по льду не должна быть задержана ни на один час»^{111}.

Задачу перебравы танков пришлось решать Инженерному управлению фронта. Всем было ясно, что к началу января толщина льда будет недостаточной, чтобы выдержать вес среднего танка, не говоря уже о тяжелых. От армирования льда металлическими тросами отказались сразу, памятуя, как прошлой зимой один из первых танков, прошедших по такой дороге, «попал в запорошенную снегом полынью, загородив путь всем остальным. Так и простоял до весны, пока не утонул вместе со всеми тросами»^{112}. И все же инженеры нашли выход. Начальник технического отдела майор Л. С. Баршай предложил дерево-ледяную балку, колейный настил, поперечины которого — шпалы — будут закреплены ко льду сквозными болтами. Болты смерзнутся со льдом, и настил как бы приварится ко льду. Но не обошлось и без курьезов.

Говоров как раз изучал смелый проект инженеров, когда в кабинет к нему вошел К. Е. Ворошилов, прибывший в Ленинград в качестве представителя

Ставки. Ворошилов заинтересовался проектом и решил лично присутствовать на испытаниях. На следующий день настил был готов. На лед сначала выходят легкие танки Т-60. Они быстро пересекают полукилометровую реку прямо по неусиленному льду. Саперы взрывают грунт на другом берегу, чтобы облегчить танкам подъем. После этого по «пришитой» дороге выходит на лед Т-34. Сначала машина идет ровно, хорошо, но через 150 метров лед угрожающе трещит, в следующее мгновение под танком расползаются трещины, бруски колом вздыбливаются и танк медленно, словно нехотя, опускается в воду. Ворошилов в ярости. Говоров более спокоен. Приказывает разобраться в причинах неудачи. Оказалось, болты еще не успели смерзнуться со льдом. Надо было проводить новые испытания. Но еще один танк Говоров наотрез отказался давать: «Другого не дам. Вытаскивайте утонувший...» Вытащили. Через несколько дней провели еще одно испытание. Танк четыре раза прошел по колейному настилу.

В декабре 1942 года произошло еще одно значимое для Говорова событие: к нему из Москвы приехала жена — вопреки его строжайшему запрету. Просто потому, что любит и считает себя обязанной в этот сложный период находиться рядом с мужем. Надо сказать, что с самого начала войны Леонид Александрович писал своей жене трогательные и нежные письма, за которыми не видно обычной сухости, сдержанности. Словно в письме домой спадала вся эта военная шелуха и Говоров позволял себе быть таким, какой он и есть на самом деле: верным и любящим мужем, заботливым отцом. Вот некоторые отрывки из этих писем, любезно предоставленные автору книги внуком Леонида Александровича: «Моя милая, дорогая, ненаглядная Лидочка!

Прошел уже месяц, как мы расстались, и я не имею сведений о тебе. Моя дорогая, со мной все благополучно,

жив, здоров и полон энергии, чтобы, как и в Финляндии, выполнить все, что требует Родина. Недостает мне сведений о тебе, пиши скорее: как живешь, как здоровье твое и Ледика [так в семье называли сына Владимира. — *Ал. Говоров*], что делаете.

Обо мне не беспокойтесь, у меня все идет хорошо...

Лидочка, тебе будет трудно, но ты стойко вынесла нашу разлуку во время войны с Финляндией, и я уверен, что так же стойко справишься с трудностями и сейчас, хотя они во много раз тяжелее...

Ледик!

Все внимание удели учебе этого года, это твоя главная задача. Подчини ей все. Пиши мне скорее.

Леня

Сентябрь 1941 года».

Или вот такое:

«Здравствуй милая, дорогая Лидочка моя!

Я не получил от тебя ни одного письма, ни одной весточки. Не знаю, получаешь ли ты мои, правда, редкие письма и телеграммы. Я жив, здоров, но меня очень беспокоит неизвестность твоего и Ледика положения.

Где вы находитесь сейчас, где учится Ледик? Это очень важный вопрос. <...>

Обо мне не беспокойтесь, ты знаешь, как отдаюсь я работе и порученному делу.

Переноси стойко тяжелые дни, береги себя, побьем врага, и придут дни, когда встретимся и снова будем вместе, а сейчас обстановка требует жертв. <...>

Постараюсь почаще писать тебе. Лидочка, моя дорогая, милая, ненаглядная.

23.9.41».

Ответных писем Лидии Говоровой к мужу не сохранилось, но вот что она сама вспоминает о своей поездке в Ленинград: «В декабре 1942 года, несмотря на возражения мужа, я решила ехать в Ленинград. Знала, как ему трудно, и хотела быть рядом. Наш самолет в

результате обледенения совершил вынужденную посадку вблизи Ладожского озера. До берега пришлось добираться на дрезине, потом на автомашине по льду «Дороги жизни». Наша легковушка шла в колонне грузовиков, доставлявших в Ленинград продовольствие. Неожиданно, на моих глазах, шедший впереди грузовик стал проваливаться под лед. Водитель в последнюю минуту успел выпрыгнуть из кабины через открытую дверь. Берега не было видно. Кругом следы разрывов снарядов и бомб. На своих постах стояли девушки-регулирующие — на ветру в любую погоду, днем и ночью. Дорога обстреливалась с немецкой педантичностью — с определенными интервалами. И надо было успеть «проскочить». В ожидании артобстрела и бомбежки дорога казалась бесконечной, хотя мы ехали немногим больше часа. О том, что пришлось пережить мужу, можно судить по такому эпизоду. Накануне прорыва блокады в январе 1943 года я спросила его, все ли готово и что будет в случае неудачи. Он ответил, что все просчитано, войска готовы. «Ну, а в случае неудачи, — чуть улыбнувшись, сказал он, — остается головой в прорубь»^{113}.

Вот это «головой в прорубь» надо понимать буквально. Слишком долго готовилась операция, слишком много сил было задействовано, чтобы допустить даже возможность неудачи. И каждый день в Ленинграде по-прежнему гибли люди от голода.

Вторая блокадная зима была несравнимо легче первой. Вот как вспоминает конец декабря житель Города Л. П. Галько: «Побывал в городе. Попробовал бегло сравнить обстановку сегодняшнего дня с обстановкой 27 декабря 1941 г. Тогда на улицах везли на саночках завернутых в тряпье покойников. Народ еле ходил, падали от истощения, не работали водопроводы, не было освещения. Сегодня положение совершенно иное. Утром я ушел в город по-еле завтрака и чувствовал

себя сытым. У Нарвских ворот сел на трамвай (в прошлом году ходил с завода пешком). В трамвае народ оживленно беседует, чувствуется, что не голодны... С 15 декабря в ряде районов в жилых домах появился электросвет»^{114}.

Безостановочная работа Дороги жизни позволила обеспечить Ленинград продовольствием по нормам, установленным 11 февраля 1942 года. Для рабочих она составляла 500 граммов, для детей и иждивенцев — 300 граммов. При этом нормы выдачи жиров, сахара и отдельных круп даже превышали московские нормы. Говорить о том, что ленинградцы стали питаться в досталь, конечно, нельзя. Но проблема обеспечения питанием уже не стояла так остро, как это было год назад в первую блокадную зиму.

Также необходимо понимать, что большинство ленинградцев, оставшихся в Городе, — это были люди с уже надорванным здоровьем, с трудом оправившиеся после дистрофии. Их психика была травмирована пережитым голодом, бомбежками, потерей родных и близких. Любое дополнительное напряжение, физическое или умственное, выводило их из строя. Особенно эти тенденции усилились с наступлением холодов осенью 1942 года. «Истощение снова выводит людей из строя. В инструментальном цехе № 1 уже 7 человек дистрофиков. Некоторые из них уже побывали в больнице, другие лежат, третьи на очереди», — записал 7 декабря 1942 г. в своем дневнике один из работников Кировского завода. В конце 1942 г. в Ленинграде резко увеличилась заболеваемость гипертонической болезнью. Около половины госпитализированных больных составляли люди, страдавшие дистрофией»^{115}.

С появлением Дороги жизни голод отступил, но не ушел насовсем, а лишь затаился, спрятался, залез в самые бедные кварталы, бараки, под койки больных, укрылся в глазах стариков. Город по-прежнему

находился в блокаде, и это угнетало его жителей, не давало вздохнуть полной грудью. Поэтому прорыв блокады был необходим, как воздух. Он означал победу, жизнь, хлеб.

К концу 1942 года группа армий «Север» лишилась своих последних танковых резервов, еще 12 октября единственная оставшаяся у нее танковая дивизия (12-я) была выведена в резерв ОКБ. Линдеман, командующий 18-й армией, делая ставку на пехоту и мощную артиллерийскую группировку, на созданную за 1941-1942 годы систему инженерных укреплений, реорганизовал оборону выступа южнее Ладожского озера. Этот выступ (шириной от 12 до 17 километров и глубиной около 15 километров), названный немцами *Flaschenhals* (бутылочное горлышко), и будет рассечен встречными ударами войск Ленинградского и Волховского фронтов. Это был одновременно и самый неприступный участок, и вместе с тем самое уязвимое место немецкой обороны. Здесь была сосредоточена сильная группировка, включавшая в себя 1, 227 и 170-ю пехотные дивизии, часть 5-й горнострелковой дивизии и Полицейской дивизии СС — 10-12 тысяч человек, имевших опыт боевых действий как раз на этом участке фронта. Группировка была усилена 700 орудиями и минометами, 50 танками и штурмовыми орудиями. В резерве у Линдемана находились 96-я пехотная и оставшаяся часть 5-й горнострелковой дивизии.

Также Говоров старался прочесть, какие части и соединения немцы теоретически способны снять с других участков фронта группы армий «Север» и даже других групп армий для усиления обороны. Исходя из этого чуть ли не побатальонно определялся состав ударной группы, которая должна была прорвать блокаду со стороны Невы и выйти на соединение с Волховским фронтом в районе Синявина. Выше уже говорилось о двух тысячах стволов артиллерии. Эти орудия снимались

с других направлений: Пулковского, Карельского, Колпинского. Говоров рисковал, обнажая целые участки фронта, концентрируя свою артиллерию в одном месте, но другого выхода у него не было.

«Говоров выбрал для удара через Неву полосу по течению реки выше, чем район сентябрьских боев, ближе к Шлиссельбургу, с тем расчетом, чтобы войскам обоих фронтов пришлось преодолеть наименьшее расстояние до встречи. Протяженность полосы прорыва большая — тринадцать километров. Местность тяжелей, чем у Невской Дубровки: справа — все та же 8-я ГЭС с десятками орудий, укрытых в бетоне; слева — Шлиссельбург, тоже, как крепость. И левый берег для штурма очень крутой, высотой до двенадцати метров. Ворваться на него после бега через широченную Неву будет сверхтрудно и пехоте, не говоря уже о танках»^{116}.

Но и выбирать особо не приходилось. Иного места просто не было. Говоров принял решение окружить 8-ю ГЭС во время боя, а шлиссельбургский гарнизон немцев сковать и локализовать с фланга, протаранивая центр по кратчайшему расстоянию до встречи с войсками Волховского фронта, все на той же старой линии синявинских торфоразработок — в 12-15 километрах от Невы.

При этом Леонид Александрович прекрасно понимал, что Линдеман также сидит над картой, его штаб также скрупулезно изучает аэрофотосъемки, сделанные немецкими самолетами-разведчиками над позициями наших войск. Заметил ли противник перегруппировку войск, усиление артиллерии на отдельных участках фронта? И как лучше выстроить боевой порядок, определить направления главных ударов, точно рассчитать количество артиллерии на каждую выявленную огневую точку немцев?

К. Е. Ворошилов, после посещения 67-й армии, докладывал, что в успехе операции не сомневается. Такая уверенность насторожила Ставку. В первых числах января Сталин отправляет Г. К. Жукова в штаб Волховского фронта, чтобы тот на месте оценил степень подготовленности войск к предстоящей операции. Жуков проинспектировал 2-ю ударную и 8-ю армии Волховского фронта, отметил недостаточное количество танков и артиллерии, а также удаленность дивизионных резервов от первого эшелона.

«Основной недостаток в организации прорыва 2-й Ударной армии, — отмечал Жуков, — это неправильно спланированная методика артиллерийской подготовки. Больше времени отводилось на всякого рода огневые налеты и меньше времени — на методически прицельную стрельбу по огневым точкам». Командование фронтов еще раз детально проработало план операции»^{117}.

Ночью с 11 на 12 января в частях было зачитано обращение Военного совета фронта: «Семнадцатый месяц фашистские полчища стоят у ворот Ленинграда, осаждая наш родной город. Не было таких гнусных и подлых средств борьбы, которые бы ни пустил в ход враг, чтобы сломить волю защитников Ленинграда к борьбе, подорвать их боевой дух и добиться своей цели. Но враг просчитался и на этот раз. Ни бомбежки, ни артиллерийские обстрелы, ни голод, ни холод, ни все те жертвы, муки и лишения, которым фашистские варвары подвергли и подвергают Ленинград, не сломили решимости защитников Ленинграда, верных сынов нашей советской отчизны, решивших до последнего вздоха отстаивать Ленинград от врагов. В героической, не имеющей примеров в истории борьбе войска Ленинградского фронта вместе с трудящимися Ленинграда, отвечая ударом на удар, отстаивали любимый город Ленина от немецко-фашистских захватчиков и

заперли его ворота на крепкий замок, превратив его в неприступную крепость обороны.

Укрепляя оборону Ленинграда, его защитники твердо верили, что желанный час освобождения Ленинграда придет, что будет и на нашей улице праздник. Зная это, они день за днем копили свои силы для того, чтобы в благоприятный момент перейти в решительное наступление, присоединить свои силы к силам страны, идущим на выручку Ленинграду, прорвать кольцо вражеской блокады и выполнить историческую задачу соединения Ленинграда со всей страной.

Товарищи! Этот благоприятный момент ныне наступил.

В боях за город Ленина войска Ленинградского фронта окрепли, закалились и подготовили себя к наступательным боям. Наша доблестная Красная Армия наносит врагу один сокрушительный удар за другим на юге и на центральном фронте. Силы врага подточены. Враг мечется в замешательстве, вынужденный распылять свои силы между многими фронтами.

Наступил долгожданный час освобождения Ленинграда, час кровавой расплаты с немецкими извергами, час нашей беспощадной мести врагу за все его злодеяния.

Вам, доблестным бойцам, командирам и политработникам 67-й армии, выпала великая честь освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Поднимайтесь же, воины, на бой за освобождение Ленинграда, на беспощадное истребление ненавистных варваров оккупантов, на кровавую расплату с врагом за жертвы, муки и страдания ленинградцев, за наших замученных братьев и сестер, жен и матерей, за поруганную землю, за разоренные и разграбленные города и села, за наших погибших в боях друзей и товарищей.

Товарищи!

Боевая задача, поставленная перед вами, не является простой и легкой. Победа никогда не приходит самотеком, ее нужно завоевать. Враг коварен и жесток, он будет цепляться и сопротивляться изо всех сил. Он знает, что наша победа под Ленинградом в огромной степени приблизит окончательный разгром фашистской Германии. Тем решительнее и смелее должен быть напор, тем крепче и яростнее должны быть наши атаки!

Товарищи!

Навстречу войскам Ленинградского фронта для решения единой боевой задачи наступают войска Волховского фронта. Они так же, как и войска нашего фронта, вооружены могучей техникой, они так же, как и наши войска, воодушевлены волей к победе и решимостью к освобождению Ленинграда от блокады. Зажмем врага в могучие тиски с обеих сторон, раздавим его совместными усилиями обоих фронтов. Честь и слава той части и подразделению Ленинградского фронта, которая первая соединится с войсками Волховского фронта!

Приказываю:

Войскам 67-й армии перейти в решительное наступление, разгромить противостоящую группировку противника и выйти на соединение с войсками Волховского фронта, идущими с боями к нам навстречу, и тем самым разбить осаду города Ленинграда.

Военный совет Ленинградского фронта твердо уверен, что войска 67-й армии с честью и умением выполнят свой долг перед Родиной.

Дерзайте в бою, равняйтесь только по передним, проявляйте инициативу, хитрость, сноровку!

Смерть немецким мерзавцам!

Слава храбрым и отважным воинам, не знающим страха в борьбе!

Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверена жизнь и свобода Ленинграда.

Пусть победа над врагом овеет неувядаемой славой
ваши боевые знамена!

Пусть воссоединится со всей страной
освобожденный от вражеской осады Ленинград!

В бой, в беспощадный бой с врагом, мужественные
воины!

За Ленинград, за Родину, за Сталина! Вперед!

Командующий войсками Ленинградского фронта
генерал лейтенант артиллерии Говоров

Члены Военного совета фронта секретарь ЦК ВКП(б)
Жданов, генерал-майор Штыков, Соловьев

Начальник штаба Ленинградского фронта генерал-
лейтенант Гусев»[{118}](#).

Здесь уже видна поэзия, что-то от героических
эпосов! Гильгамеш, Беовульф, Слово о полку Игореве,
Песнь о нибелунгах... Героика прошлого разрывала
тонкие стенки времени, просачиваясь в холодный
январский день. Тысячи людей сегодня пойдут на
смерть. Они это знают и спокойно принимают свою
судьбу. А вообще, не хороните нас раньше времени. В
бою разберемся, кочка, льдина, короткая перебежка...
Десять секунд... Залечь под пулеметом, пропустить
танк, и вперед... Поживем еще, братцы!

Первая траншея на берегу Невы заполняется все
новыми и новыми подразделениями. Старые и молодые
солдаты. Кто-то нервно курит, кто-то молится, кто-то
шепотом матерится. Нервы дрожат. Все в ожидании
великого события. Страшно...

Две тысячи стволов артиллерии нацелены на врага.
Прибыли с Большой земли на Ленинградский фронт
дивизионы «Катюш», самолеты, танки.

В 9.30 утра началась артподготовка. Ленинградский
и Волховский фронты одновременно обрушили на голову
противника всю мощь своей артиллерии. 2 часа 20 минут
длился обстрел в полосе наступления 67-й армии

Ленинградского фронта, и 1 час 45 минут работала артиллерия волховчан.

Бойцы 52-й инженерно-саперной бригады полковника А. П. Шубина начали укладку на берегу Невы бревенчатых щитов для четырех танковых переправ. Минеры под прикрытием огня артиллерии делают проходы в минных полях на левом берегу, разведчики в последний раз промеряют толщину льда, выбирают трассы для настилов. На вражеском берегу земля вздыбилась, почернел снег, тут и там стали видны всполохи разрывов, от заградений стали отлетать куски бревен, засвистела колючая проволока, разорванная советскими снарядами. Через короткое время глазам уже трудно разглядеть, что творится на противоположном берегу. И только шелест, непрерывный густой шелест пролетающих снарядов над головами советских солдат напоминал смерти.

Второй раз прошли на бреющем полете штурмовики 277-й авиационной дивизии полковника Ф. С. Хатимского. Дали залп дивизионы «Катюш». В осенних боях на Неве их было семь, теперь — шестнадцать. Шестнадцать боеспособных дивизионов!

Противник молчал. Десять минут до атаки.

Артиллерия перешла на заградительный огонь, перенеся его за позиции первого эшелона обороны противника, отсекая его ближайšie резервы. Начали работать советские пулеметы. Слева от Шлиссельбурга поднялась дымовая завеса, закрывая немцам обзор с фланга, вдоль Невы.

Внезапно раздался страшный грохот! Это одновременно сработали полторы тысячи зарядов, установленные саперами на треногах над минными полями немцев. Теперь в них образовались проходы для пехоты и танков. Небо прочертили сигнальные ракеты.

И вдруг на позициях дивизии Симоняка раздалась звуки оркестра.

Играли «Интернационал»!

Мог ли догадываться Пьер Дегейтер, когда писал мелодию гимна, что спустя 55 лет в далекой и снежной России тысячи людей поднимутся на смерть под звуки его мелодии, чтобы уйти в вечность и обрести бессмертие.

Современному человеку сложно представить серьезность этого жеста, с высоты нашего времени идти в бой под звуки «Интернационала» кажется пафосным, смешным. Хипстер пожмет плечами, скривится и все спишет на советскую пропаганду. Но для человека той эпохи, того года и той минуты — это не просто мелодия. Это ниточка между жизнью и смертью, это звуковое воплощение правого дела. Ты бежишь по замерзшему льду, вокруг свистят пули, и только эта известная каждому советскому человеку мелодия напоминает тебе, что жизнь твоя и смерть твоя — не напрасны. И подвиг твой останется в памяти навечно.

Через шесть минут первые группы пехоты достигли противоположного берега, поставили лестницы. Вслед за пехотой, зло ревя моторами, выехали на лед танки. Видны взрывы на противоположном берегу. Стремительным броском бойцы взбираются на отвесный берег и с ходу врываются в траншею немцев. Начинается рукопашная, самые страшные и бесчеловечные минуты боя.

Офицерам и солдатам вермахта казалось, что они попали в ад: «Я до сих пор не могу забыть впечатления от губительного огня русских пушек. Как вспомню весь этот адский грохот и разрывы снарядов и мин, так снова и снова меня бросает в дрожь»^{119}. Так описывал происходящее военнослужащий 170-й немецкой пехотной дивизии. Сейчас уже ясно, что если немецкое командование и знало о предстоящей операции, то день, время и место прорыва остались для него неизвестными.

Г. К. Жуков вспоминал: «Не скрою, в то утро мы волновались, но вот началась операция. И словно гора свалилась с плеч! Нам стало ясно, что враг не знает, какими силами мы располагаем, и что время нанесения нашего мощного удара оказалось для него неожиданным». Правда, в документах вермахта отмечается, что «в полосе 18-й армии противник нанес после полуторачасовой артиллерийской подготовки ожидаемый удар по позициям 26-го армейского корпуса»^[120].

Части 136-й и 268-й стрелковых дивизий успешно форсировали Неву. Дивизионные штабы переместились на противоположный берег, налаживая управление боем, связисты потащили катушки с кабелем. На льду остались лежать тела погибших советских бойцов. Еще теплые. Инженеры начинают наводить переправы для тяжелых танков. Левый берег очищен от противника, лишь изредка кое-где огрызаются немецкие пулеметы, кашляют автоматы. Скоро все смолкает.

Но не везде столь же благоприятная обстановка, как в центре, на участке дивизии Симоняка. На флангах картина куда серьезнее. 45-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А. А. Краснова^[19] смогла прорвать лишь первую траншею. Идут бои в районе несуществующей деревни Арбузово, на «Пауке», песчаных карьерах. Многострадальный «Невский пяточок». От 268-й стрелковой дивизии полковника С. Н. Борщева^[20] красношцы отделены мощным узлом немецкой обороны в районе 8-й ГЭС, который так и не смогла подавить советская артиллерия.

На левом фланге под Шлиссельбургом атака 86-й дивизии В. А. Трубачева захлебнулась. Добежав до середины Невы, бойцы попали под плотный минометный огонь противника. Командующий 67-й армией генерал Духанов приказал отвести полки обратно на правый берег и вводить их в бой с плацдарма, захваченного 136-

й дивизией Симоняка. Вскоре они атакуют Рабочий поселок № 2, переправившись правее намеченного изначально участка атаки.

В штабе фронта трезво оценили итоги дня боев. Ввод войск второго эшелона намечен на 13 января. Разведка доложила о подходе к противнику резервов, следовательно, на следующий день возможны яростные контратаки. Из-за неудачи 86-й дивизии создавалась угроза флангу дивизии Симоняка, которая быстро продвигалась вперед. Возросла вероятность прорыва немцев на фланге и в перспективе окружения. Осенние и летние «котлы» еще у всех свежи в памяти.

Начальник инженерного управления Ленинградского фронта и участник тех событий генерал Б. В. Бычевский вспоминал: «Утром я обошел участок левого берега, где еще сутки назад были гитлеровцы. Картина разгрома мрачная. Что посеешь, то и пожнешь! Двухчасовой ураганный огонь нашей артиллерии и атака пехоты с танками оставили после себя следы грозного возмездия. Убитые немцы еще не убраны. Их застывшие лица с примерзшими к земле желтыми волосами смотрят в небо мертвыми глазами. Скрюченные, впившиеся в снег руки...

А вот и здание бывшей школы, то самое, которое штурмовали саперы Богаева. В тыльной стене большой проем от взрыва заряда взрывчатки. Около здания — следы гусениц танка. Похоже, танкист подтащил саперам на буксире стокилограммовый заряд, а сам отошел помогать огнем. Следы боя говорят, что саперы проникли через проем в первый этаж. Семь немецких трупов в первом этаже, три — на лестнице, двенадцать — на втором.

Когда-то в этих комнатах за партами сидели пионеры... Мне вспомнился рассказ Лисовского осенью 1941 года о том, как он, отходя из Мги через Неву,

переправлял обожженных и раненых детей-школьников. Это было где-то здесь. Не из этой ли школы?..»[{121}](#)

Лейтенант Н. Н. Богаев в том бою после гибели командира принял командование ротой. Его солдаты взяли штурмом здание школы, захватив в плен полтора десятка немцев, после чего он отправил в штаб дивизии две бутылки трофейного шнапса, приложив записку «На анализ». Хороший солдатский юмор.

В ночь на 13 января Говоров приказал 152-й танковой бригаде начать переправу. Сражение не прекращалось ни на минуту. Сложная ситуация сложилась на Волховском фронте. Наступление большей частью проходило по торфяным болотам, которые даже зимой были труднопроходимыми для танков, дополнительно к этому артиллерия Волховского фронта не смогла подавить все огневые точки немцев. На левом фланге 128-я и 372-я стрелковые дивизии были остановлены у Рабочего поселка № 4. На центральном участке прорыва 256-й дивизии удалось продвинуться чуть дальше, но в целом глубина прорыва в первый день операции не превышала двух километров в полосе наступления Волховского фронта. Лишь на левом фланге можно было говорить об успешном наступлении: 327-я дивизия овладела опорным пунктом противника в роще «Круглая».

Роща «Круглая»... Страшное, упорное, гиблое место. «Здесь оборону держал 366-й полк 227-й немецкой пехотной дивизии, считавшейся одним из самых боеспособных соединений вермахта. Весь день 12 января здесь шли кровопролитные бои, лишь поздним вечером, когда последний немецкий солдат выронил из рук винтовку, советским пехотинцам удалось войти в рощу (правильнее сказать, в то, что от нее осталось). На поле боя остался лежать весь состав 366-го полка — более восьми сотен солдат и офицеров, потери советской стороны составили более 1500 человек»[{122}](#).

На южном фланге наступления войск Волховского фронта успехов не было. 376, 80, 256-я стрелковые дивизии не смогли преодолеть оборону 1-й пехотной дивизии вермахта. 73-я бригада морской пехоты также безуспешно штурмовала Синявинские высоты, не имея продвижения на этом участке. Но при этом яростные атаки волховчан на левом фланге прорыва не позволили Линдеману снять с этого участка части и соединения и перебросить их на центральное направление в полосу прорыва 136-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта.

Первый день наступления был тяжелым и для немцев, и для советских солдат. Кровь, снег, взрывы, рукопашная. Все перемешалось на этом узком участке земли. Героизм советских солдат носил массовый характер.

Младший сержант 270-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии Тимофей Ефимович Пирогов в числе первых вырвался на лед Невы. Получив легкое ранение, он остался в строю. Во время штурма левого берега он вместе с бойцами Бурмистровым и Булатовым забросал гранатами два дзота противника, уничтожил 14 немцев. Отправляясь ночью в разведку, в полной тишине снял часового у одного из домов, где расположились немцы, убил всех находящихся в доме и доставил в полк немецкие документы и карту. После этого (вдумайтесь! раненый человек!) ползком пробрался в тыл вражеской батареи и, как только наши подразделения поднялись в атаку, в упор расстрелял из автомата бросившихся к орудию немецких солдат. Вражеское орудие не сделало ни единого выстрела. Пирогов впоследствии получил «Золотую Звезду» Героя.

В боях за рощу «Мак», прикрывавшую дорогу на Синявинские высоты, героически погиб рядовой взвода связи 270-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии Дмитрий Семенович Молодцов. В безумной

попытке пресечь фланговый огонь немецкого пулемета, косившего наших бойцов, он бросился вперед и закрыл своим телом амбразуру вражеского дота. Молодцов на месяц предвосхитил подвиг Александра Матросова. «Золотую Звезду» Героя он получил посмертно. Хотел ли умирать 35-летний связист смертью героя? Конечно нет, не уверен, что в пылу боя человек вообще рассуждает такими категориями. Он выполнил боевую задачу, забросал дот гранатами. Всё, ребята, я свое отработал, теперь дело за вами. Но когда взвод пошел в атаку, пулемет из нутра дота снова заговорил, заплевал — ся. Это ведь одно мгновение, короткий миг выбора, когда ты принимаешь решение умереть за други своя. Обычный парень, крестьянская семья, сначала колхоз, потом — старший механик шхуны «Знаменка» Балтийского спецуправления дноуглубительных работ. Ни одной боевой награды до этого дня. Ни единой медальки. Война — это не про медали, это грязь, пот, кровь и голод. А вот поди ж ты! Парень решился и ушел в вечность. И это не красивые слова. Дмитрий Молодцов навечно зачислен в списки воинской части.

Такой же подвиг в бою за деревню Липку совершил на Волховском фронте командир 5-й роты 523-го полка 128-й стрелковой дивизии Яков Иванович Богдан. 13 января он подобрался к немецкому доту и забросал его гранатами, но, когда рота поднялась в атаку, немецкий пулемет снова ожил. Все решали секунды. Старший лейтенант Яков Богдан закрыл амбразуру дота своим телом.

Из танковых переправ, тех самых, принцип действия которых так не вовремя наблюдал К. Е. Ворошилов во время испытаний, уцелела всего одна в районе Марьино. Правофланговая переправа в районе действий 45-й гвардейской дивизии практически сразу же была обнаружена немцами и уничтожена их артиллерией. Неудача постигла и левофланговую переправу. При

движении первого же танка она вышла из строя. Тяжелая машина, нарушив правила преодоления реки, сломала колею и затонула вблизи противоположного берега. Оставалась лишь Марьинская переправа.

В 1.10 13 января началась переправа техники. Без тяжелых танков успех наступления невозможен. Это понимали все: понимал начальник инженерной службы фронта Б. В. Бычевский, понимал Говоров, понимал и водитель танка, выведивший свою машину на непрочный лед. Рядом с первым танком шли старшие командиры инженеров. Понтонеры держали наготове измерительные приборы для определения прогиба льда. Лед глухо трещит под тяжелыми гусеницами. «Девять минут ровного движения, и машина, словно обрадовавшись, фыркающая и газуя, берет выровненный понтонерами подъем левого берега... 16 машин 106-го танкового батальона проходят Неву в 4 часа 30 минут утра»^{123}. Всего через эту переправу на левый берег было переброшено 200 советских танков Т-34. Лед устал, но выдержал.

С 13 января Говорову стало ясно, что главным направлением прорыва становится центральное в полосе наступления 136-й стрелковой дивизии. Ей были приданы основные силы 61-й танковой бригады подполковника В. В. Хрустицкого. 123-я стрелковая бригада, стоявшая до этого во втором эшелоне, также была введена в бой 13 января и прикрывала левый фланг дивизии Симоняка со стороны Шлиссельбурга. С 14 января для защиты правого фланга 136-й стрелковой дивизии командование Ленинградского фронта вводит в бой 123-ю стрелковую дивизию с задачей поддержать контратакованную дивизию Борщева.

К вечеру 15 января бойцы Симоняка и танкисты Хрустицкого вышли к окраинам Рабочего поселка № 5, но с ходу взять его не смогли. В это же время 86-я стрелковая дивизия совместно с бойцами 123-й

стрелковой бригады на левом фланге вышла на окраину Шлиссельбурга, захватив Рабочие поселки № 2, 3. Наступление на Шлиссельбург также было поддержано войсками, стоявшими в третьем эшелоне: 34-й лыжной бригадой и 55-й стрелковой бригадой. Немцы продолжали удерживать город, но кольцо окружения вокруг Шлиссельбурга готово было сомкнуться.

На правом фланге 67-й армии сложилось тяжелое положение на участке 268-й стрелковой дивизии. Роща «Мак» и 8-я ГРЭС так и не были взяты, в Рабочих поселках № 1,2 продолжали вести огонь пулеметы и минометы противника, артиллерия так и не сумела их подавить. Все это делало невозможным дальнейшее продвижение. Дивизию Борщева поддержали части 13-й стрелковой дивизии и 45-й гвардейской дивизии, но и немцы получили на этом участке свежее пополнение: Линдеман направил части 5-й горнострелковой и 96-й пехотной дивизий, а также один танковый батальон. Яростно контратакуя, немцы во что бы то ни стало пытались выйти во фланг 136-й стрелковой дивизии и остановить на этом участке прорыв войск Ленинградского фронта.

На Волховском фронте на правом фланге наступления 2-й ударной армии немцы плотно закрепились в опорных пунктах у Рабочих поселков № 7 и 8. На левом фланге в районе Синявина продолжала обороняться 1 — я пехотная дивизия вермахта. Несмотря на то, что Мерецков ввел в бой 18-ю, 71-ю стрелковые дивизии и 98-ю танковую бригаду, на правом и левом флангах части 2-й ударной армии успеха достичь не смогли. Но в полосе центрального прорыва войска 372-й стрелковой дивизии медленно, но верно пробивались к Рабочему поселку № 5.

Едва ли и Говоров, и командарм, и их штабы спали, точнее, урывали час-другой на отдых в течение этих дней и ночей. Пришлось менять время и направления

ввода второго эшелона армии и танковых бригад, переключаться с работы над картой на поездки в дивизионные штабы, не выпускать из-под контроля ни один час боя.

Немецкое командование отчаянно пыталось спасти положение единственно возможным способом: бросало в бой последние резервы. Оно старались любой ценой удержать Шлиссельбургско-Синявинский выступ и не дать советским войскам соединиться. По-прежнему шли упорные бои за Шлиссельбург, в которых солдатам 86-й стрелковой дивизии помогали артиллеристы крепости Орешек. После многочисленных атак части 2-й ударной армии Волховского фронта заняли поселок Синявино.

Сознание того, что с каждым метром войска двух советских фронтов приближаются друг к другу, придавало силы, удесятворяло ярость наступления. «На подступах к Рабочему поселку № 5 танкисты 61-й легкотанковой бригады Дмитрий Осатюк и Иван Макаренков на легком танке Т-60, поддерживая атаку пехоты, умелым маневром заманили два фашистских танка под огонь артиллерии, скрытой на опушке небольшой рожицы. Попавшие в ловушку вражеские машины подставили борта под дула наших орудий и были подбиты. В целом экипаж за 6 дней наступления уничтожил 11 орудий, 15 пулеметов, сжег 20 вражеских автомашин»^{124}. Лейтенант Осатюк и старшина Макаренков удостоились за эти бои звания Героя Советского Союза.

К исходу дня 17 января между передовыми частями Ленинградского и Волховского фронтов оставалось всего около одного километра. Этим же вечером командующий Ленинградским фронтом Говоров принял последнее решение в этой битве: осуществить перегруппировку 67-й армии для усиления натиска в центре. Командармам было дано особое указание: после соединения фронтов готовиться к дальнейшему

наступлению, а 67-й армии генерал-майора М. П. Духанова^[21] быть готовой повернуть на юг, в направлении на Мгу. Ночь прошла за разработкой нового плана.

Немецко-фашистское командование прекрасно понимало, что до соединения фронтов остаются считанные часы, а это означает окружение немецких частей в районе Шлиссельбурга. В ночь на 18 января командир XXVI немецкого армейского корпуса генерал пехоты Эрнст фон Лейзер отдал своим войскам приказ отходить из Шлиссельбурга в район Синявина. Немецким частям двумя встречными ударами удалось вырваться из готового замкнуться кольца.

Утром 18 января в 9 часов 30 минут солдаты 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта во главе с замполитом майором Мелконяном встретились с бойцами 372-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта. Группу «волховчан» возглавил начальник 1-го отделения штаба дивизии майор Мельников. На месте командиры составили акт: «Настоящий акт составлен при встрече частей Волховского фронта с частями Ленинградского фронта в Рабочем поселке № 1 (восточная окраина).

18.1.43 года в 9 ч. 30 мин. на восточной окраине Рабочего поселка № 1, прорвав блокаду Ленинграда, встретились 1-й отдельный батальон 123-й отдельной стрелковой бригады Ленинградского фронта, во главе с заместителем командира по политчасти майором МЕЛКОНЯН, ст. лейтенантом КАЛУГОВЫМ, сержантом АНИСИМОВЫМ; с другой стороны — 1-й стрелковый батальон 1240 сп 372 сд Волховского фронта, во главе с начальником 1-го отделения штаба 372 сд майором МЕЛЬНИКОВЫМ и командиром 440 развод, роты ст. лейтенантом ИШИМОВЫМ. Через час на место встречи прибыл командир 372 сд полковник РАДЫГИН, который взял на себя командование 1-м отд. стрелк. батальоном

123 осбр, поставил дальнейшую задачу до прихода частей 123 осбр и 327 сд»^[125]. Акт скреплен соответствующими подписями.

За этими сухими строчками сотни тысяч смертей. Умерших во время блокады от голода, от бомбежек, погибших в предыдущих войсковых операциях. В этих строчках десятки провалившихся под лед машин с продовольствием. А каждая такая машина — это сотня спасенных жизней. В этих строчках — килограммы украденного, вырванного из рук хлеба, сотни умерших от истощения детей, утонувших во время эвакуации по льду Ладожского озера. В этих строчках — прорыв блокады Ленинграда. Два майора, Мелконян и Мельников, обнялись при встрече, закинув еще горячий ППШ за спину, и этим братским объятием отменили смерть, погнав ее прочь из города. Пшла вон!

Через час генерал Симоняк доложил, что его 269-й и 270-й полки вместе с волховчанами заняли Рабочий поселок № 5. Вслед за этим 86-я стрелковая дивизия полковника В. А. Трубачева^[22] ворвалась в Шлиссельбург и стала пробиваться к Ладожскому каналу.

Наконец приходит радиограмма от летчиков: «Видим соединившиеся войска!»

Победа!

Город выстоял!

Блокада прорвана!

Этим же вечером обессиленные от голода и холода ленинградцы услышали в сводке Совинформбюро величественный и глубокий голос Левитана:

«Говорит Москва!

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Успешное наступление наших войск в районе южнее Ладожского озера и прорыв блокады Ленинграда.

На днях наши войска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против

немецко-фашистских войск, блокировавших г. Ленинград.

Наши войска имели задачей разрушить оборону противника и этим прорвать блокаду г. Ленинграда.

Следует при этом иметь в виду то обстоятельство, что за многие месяцы блокады Ленинграда немцы превратили свои позиции на подступах к городу в мощный укрепленный район, с разветвленной системой долговременных бетонированных и других сооружений, с большим количеством противотанковых и противопехотных препятствий.

Наступление наших войск проходило с двух сторон: с западного берега реки Нева, юго-западнее Шлиссельбурга и с востока из района южнее Ладожского озера.

Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Нева, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли: г. Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская, Дубровка, Липка, рабочие поселки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная.

Таким образом, после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда»^{126}.

Даже сейчас, спустя десятилетия, мурашки идут по коже, когда слушаешь, как поднимается, набирает силу и высоту главная фраза: проры-ыв (пауза) блока-а-а-ады (пауза) Лени-и-ингра-а-а-ада-а! Невозможно представить, какая буря эмоций клокотала в душах ленинградцев, когда они услышали эти слова.

Вот что пишет о Ленинграде 19 января 1943 года известный биограф блокады А. В. Буров: «При всей внешней суровости осажденного города, несмотря на

следы обстрелов и бомбежек, Ленинград выглядит сегодня праздничным. Он украшен флагами. Даже незнакомые люди, встречаясь на улицах, поздравляют друг друга с победой. Повсеместно возникают митинги. На митинге в рантовом цехе «Скорохода» было принято решение в честь прорыва блокады выпустить к 25-й годовщине Советской Армии сверх плана 6000 пар обуви. На заводе имени Второй пятилетки работницы встали на стахановскую вахту уже в ночь на 19 января. К утру многие из них выполнили норму на 250–300 процентов.

Группа ленинградских художников по заданию горкома партии приступила к созданию плакатов, посвященных прорыву блокады. К утру плакаты были нарисованы, а спустя два дня отпечатаны и расклеены по городу.

Выполняя решение Государственного Комитета Оборона, командование Ленинградского фронта 19 января направило в освобожденный накануне район железнодорожные части и специальные формирования для сооружения новой железной дороги»^{127}.

За мужество и отвагу, проявленные в январских боях 1943 года, 25 солдат и офицеров удостоились звания Героя Советского Союза, около 22 тысяч бойцов были награждены медалями и орденами, 136-я и 327-я стрелковые дивизии преобразованы, соответственно, в 63-ю и 64-ю гвардейские, а 61-я танковая бригада — в 30-ю гвардейскую танковую бригаду.

Согласно дальнейшему плану боевых действий 67-я и 2-я ударная армии повернули на юг и продолжили наступление в район Мги, но за неделю боев им удалось продвинуться лишь на 2 километра и перерезать железную дорогу в районе 1-го Городка. Стало понятно, что без взятия Синявинских высот побережье Невы и Киривскую железную дорогу не освободить. Представитель Ставки К. Е. Ворошилов так и доложил

Сталину. Дальнейший план наступления нуждался в серьезной корректировке.

Бои в феврале с целью разгрома Мгинско-Синявинско-Шапкинской группировки противника результата не дали. Операция на Северо-Западном направлении под кодовым названием «Полярная звезда» завершилась провалом.

Общие потери войск Ленинградского и Волховского фронтов в операции «Искра» составили 115 082 человека, из них — 33 940 безвозвратные потери. При этом потери Волховского фронта составили 73 818 бойцов (21 620 — безвозвратно), что почти в два раза выше потерь Ленинградского фронта^{128}. Конечно, рельеф местности в полосе наступления «волховчан», задачи, поставленные перед войсками фронта, были сложнее. Но солдаты хотя бы не валились с ног от голода. И все же следует признать, что подготовка операции штабом Ленфронта была проведена более тщательно, если не сказать дотошно. А за каждым росчерком карандаша над картой стоят жизни конкретных людей.

Потери немцев, согласно отчетам о потерях штаба 18-й армии, составили за январь 1943 года 22 619 человек, из них чуть более 6 тысяч безвозвратных потерь. При этом в февральских боях солдаты Линдемана потеряли убитыми и ранеными более 29 тысяч человек^{129}.

В ходе операции 15 января 1943 года Леониду Александровичу Говорову было присвоено звание генерал-полковника артиллерии. По решению Ставки и лично И. В. Сталина за координацию действий фронтов во время проведения операции «Искра» представителю Ставки ВГК Г. К. Жукову 18 января 1943 года присвоено звание маршала Советского Союза. В Красной армии он стал первым маршалом с начала войны.

Весной и летом 1943 года было предпринято еще несколько попыток полного снятия блокады Ленинграда. Все они закончились безрезультатно. Одна из самых тяжелых и кровопролитных страниц горячего лета 1943 года, к сожалению, малоизученная, — это Мгинская наступательная операция. Общие ее цели понятны: ударами Ленинградского и Волховского фронтов на левом фланге обороны прорвать блокаду, окружить группировку немецкой 18-й армии и тем самым полностью ликвидировать немецкое кольцо вокруг Ленинграда. Но ее локальные цели точно не были определены, поскольку для этой операции не было специальной директивы Ставки. Если посмотреть на сроки проведения операции, с 22 июля по 22 августа 1943 года, то наиболее логичной выглядит цель сковывания сил врага. Немногом ранее, 5 июля, началась знаменитая Курская битва. Чтобы лишить немцев возможности перебросить с Ленинградского фронта свежие резервы, и была спланирована Мгинская операция.

В директиве штаба Ленинградского фронта № 0025/оп от 13 июля 1943 года 67-й армии ставилась задача: «...Прорвать оборону противника на фронте Арбузово, Синявино, совместно с войсками Волховского фронта окружить и уничтожить Синявинско-Мгинскую группировку противника, полностью очистить восточный берег р. Нева на участке Арбузово, Ивановское и установить общий фронт на восточном берегу р. Нева с 55 А и с Волховским фронтом на линии Кировской железной дороги»^{130}.

Из воспоминаний К. А. Мерецкова: «Каковы шансы на успех?» — спросил меня Сталин. Позднее я узнал, что тот же вопрос он задал также Говорову и получил от

него ответ, сходный с моим: если будет создан необходимый перевес в силах, операция закончится успешно. Но для создания такого перевеса Ставка не могла дать войска из резервов, подготовленных для развития прорыва в центре советско-германского фронта. И Верховный главнокомандующий в разговоре со мной подчеркнул на прощание еще раз: «Главное для вас — не захват территории, а уничтожение немецких дивизий!»^{131}

С 12 июля артиллерийские части и соединения Ленинградского фронта приступили к систематическому разрушению немецких узлов обороны. 17 июля подключилась артиллерия Волховского фронта.

Для «волховчан» операция началась 22 июля после мощной полуторачасовой артиллерийской подготовки. Практически следом перешли в наступление бойцы 67-й армии генерала М. П. Духанова.

В полосе наступления 67-й армии Ленинградского фронта две дивизии атаковали немцев в районе Арбузова, а еще одна (43-я стрелковая) — чуть западнее Синявина. Оборону 121-й и 23-й дивизий вермахта частично удалось взломать, но Линдеман, умело используя подвижные группы, усилил проблемные участки резервами, и наступление забуксовало. Развить успех не удалось.

43-я стрелковая дивизия снова уткнулась в Синявинские высоты. Их обороняли солдаты 11-й пехотной дивизии вермахта. Яростные бои разгорелись за высоту 43,3. Она несколько раз переходила из рук в руки, но в конечном итоге немцы бросили на усиление обороны части 21-й пехотной дивизии, и высота осталась под их контролем.

К августу бои стали затухать.

Что происходило тогда на полях сражений, трудно себе представить. Редкие, скупые воспоминания участников битвы поражают сухой жестокостью. Из

воспоминаний ветерана 63-й гвардейской стрелковой дивизии Н. С. Мясоедова: «Мгинская операция для нашей дивизии была самой тяжелой. В этих боях, с 22 июля по 4 августа 1943 года, мы потеряли половину людей, а пехота вообще — 80 процентов личного состава. С артиллерии собирали поваров, писарей, слесарей — всех отправляли в пехоту. Из нашего дивизиона на пополнение в пехоту послали 41 человека. Это была самая жестокая, кровопролитная операция. Наша пехота была выбита и немецкая пехота была уничтожена»^{132}.

Вспоминает генерал Б. В. Бычевский: «Кто из воинов, сражавшихся летом 1943 года под Ленинградом, не помнит Синявинских болот!.. Даже ночью тебя мутит от зловонных испарений, от смрада непрерывно тлеющего торфа. За неделю преют и расползаются на солдатах гимнастерки. Узкие тропы между квадратами торфяных выемок пристреляны минометами противника. Здесь нередко гибнут и санитары, выносящие раненых: они не могут быстро бежать. Здесь артиллеристы тащат орудия на руках. Я видел, как одно из них ушло в болото на четыре метра. Что же здесь делать танкам, хотя они и даны для боя»^{133}.

«Чертовы высоты», «проклятые болота» — какими только эпитетами не награждали тогда, в дни войны, солдаты и военачальники эти гиблые места. Полчаса на машине от Ленинграда. Высота холмов — не более 50 метров. И целый месяц вокруг них топтались, бились, ходили в атаку, откатывались советские полки и дивизии. Одни части сменяли другие, и все безрезультатно.

«Фактически здесь было всего две высоты, известные под номерами 43,3 и 57,2, — рассказывает [командир поискового отряда «Меридиан»] Максим Чичварин. — На первой из них находится теперь птицефабрика, на другой — мемориал «Синявинские

высоты». С фабрикой — интересная история. Она открылась года два назад, а до этого, согласно закону [№ 4292 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»], они обеспечили проведение поисковых работ на месте будущего строительства. Три года там работал поисковый отряд «Уголек», и каждый сезон по 1,5–2 тысячи бойцов поднимали с этой высоты... Когда после поисковиков сюда пришли экскаваторы и стали копать котлованы, начал твориться настоящий кошмар. Говорят, многие строители просто отказывались тут работать. Представьте: едет трактор, толкает перед собой землю, и перед ним снаряд крутится»^{134}.

Высота 43,3 несколько раз переходила из рук в руки. С нее корректировщикам открывалась лучшая перспектива на железнодорожную ветку Шлиссельбург — Ленинград. Но были и другие высоты, за которые также велись кровопролитные бои. Один из таких боев вошел в историю под названием «ночная атака 106-го саперного батальона».

«Подготовка саперов 106-го отдельного моторизованного инженерного батальона к предстоящему бою велась тщательно. Они тренировались осуществлять скрытное сосредоточение для атаки, готовились к траншейному бою. Батальон довооружили автоматическим оружием. Была тщательно изучена местность, где предстояло действовать. Правда, численность атаковавших саперов батальона Соломахина составляла всего около 230 человек.

Рассказ о действиях советских саперов начнем с изучения немецких документов. В журнале боевых действий 11-й пехотной дивизии сказано, что около часа ночи с 11 на 12 августа противник силами до 150 человек ворвался в немецкие траншеи на участке «Обрыв». 23-й пехотный полк провел за день три контратаки, но выбить русских так и не смог.

Вечером 12 августа немцами был брошен в бой 561-й штрафной батальон. Его усилили огнеметчиками из саперного батальона дивизии и батареей штурмовых орудий. Немецкая контратака началась в 23.30, бой продолжался около полутора часов. К половине второго ночи 13 августа исходное положение было восстановлено.

Документальным подтверждением печального итога боев 12-13 августа 1943 года служат материалы расследования, хранящиеся сейчас в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. Здесь приведем выдержку из записки начальника политотдела 67-й армии от 14 августа 1943 года:

«К 9 утра [12 августа] удерживался небольшой участок около 100-150 метров, за день были введены подразделения 128 сд в количестве 309 человек (143 винтовки, 104 автомата), многие бойцы не дошли до места боя, т. к. попали под огонь противника. Всеми подразделениями командовал командир 741 сп Рогачев.

Последняя контратака была отбита в 20 ч. После этого было решено, что все спокойно и немцы больше в атаку не пойдут. Рогачеву направили еще 85 человек. Однако в 23 ч противник открыл артиллерийский огонь, который нарастал по силе. В результате вышли из строя все командиры и наши части начали отход с высоты. К 3 часам отход завершился. Мер по предотвращению отхода принято не было».

Получается, батальон саперов поставленную задачу в полном размере выполнить не смог. Опорный пункт не был захвачен полностью. Из-за несогласованных по времени действий саперов и пехоты люди Соломахина вовремя не получили подкреплений.

Саперам удалось какое-то время продержаться на захваченных позициях, в том числе и за счет того, что артиллерия 67-й армии буквально засыпала немцев снарядами и минами. За 12-13 августа два

артиллерийских полка, батальонная и полковая артиллерия выпустили по противнику 16 000 мин различных калибров и почти 9000 артиллерийских снарядов»[{135}](#).

Девятого сентября в штабе Говорова состоялось совещание командования Ленинградского фронта. Перед начальниками родов войск фронта была поставлена задача организовать, скрыто от противника, переброску частей усиления из 67-й армии, действовавшей на левом фланге обороны Города, в полосу наступления 42-й армии под Пулковские высоты. Так началась подготовка к операции по полному освобождению Ленинграда от блокады.

По замыслу Говорова, войска Ленинградского фронта должны были двумя сходящимися ударами прорвать оборону немцев. Первый удар приходился в полосе действия 42-й армии со стороны Пулковских высот на Красногвардейск (Гатчину). Второй удар, который должен был стать полной неожиданностью для немцев, должна была нанести 2-я ударная армия со стороны Ораниенбаумского плацдарма. Войскам Волховского фронта ставилась задача наступления на Новгород — Лугу.

В этот же день, 9 сентября, Говоров приказывает генерал-майору Симоняку силами своего 30-го гвардейского стрелкового корпуса захватить неприступные Синявинские высоты.

«Трое суток, с 15 по 18 сентября, гвардейские дивизии штурмовали мощный Синявинский узел, полностью очистили его от противника. Войска 67-й армии генерала М. П. Духанова получили указание закрепиться и перейти к обороне во всей полосе. Говоров начал постепенную и скрытную переброску главных сил вначале к центру, а затем на правый фланг, в полосу 42-й армии»[{136}](#).

Подготовка к операции шла в обстановке строжайшей секретности. Даже командиры дивизий записывали указания в прошнурованные и опечатанные штабные тетради.

Как вспоминал сам Л. А. Говоров, «выбор формы прорыва в виде двух концентрических ударов, наносившихся на относительно узких участках со стороны Пулковских высот и с Ораниенбаумского плацдарма, был обусловлен стремлением получить после соединения обеих ударных группировок настолько широкий прорыв, который уже в начальном этапе операции привел бы к полному крушению фронта обороны и создал бы благоприятные условия для развития удара в глубину и упреждения противника на подготовленном тыловом рубеже по реке Луге»^{137}.

Удары должны были наноситься не перпендикулярно линии фронта, как это положено по канонам военной науки, а срезая выступ у южного побережья Финского залива. В случае успеха после соединения образовывалась бы единая линия вплоть до Копорского залива. Части 18-й армии Георга Линдемана попали бы в окружение, но, что еще более важно, Красная армия выходила бы на оперативный простор для дальнейшего наступления по всему юго-западу: к Нарве, Пскову, Чудскому озеру, на коммуникации группы армии «Север». Замысел Говорова был прост и гениален одновременно.

Безусловно, важная роль отводилась и другим фронтам. Одновременный удар 59-й армии Волховского фронта должен был сковать силы немцев в районе Новгорода. Выходя на рубеж Луга — Уторгош, 59-я армия тем самым отрезала немцам отступление на Псков. 8-я и 54-я армии Волховского фронта должны были сковать противника на Тосненском, Любаньском и Чудовском направлениях и тем самым не допустить переброску

войск к Новгороду, без чего там немецкое командование не смогло бы организовать контратаку.

2-й Прибалтийский фронт должен был разбить немцев в районе Новосokolьников и наступать дальше на Опочку, отрезая немцам отступление на линию «Пантера».

Балтийский флот должен был организовать переброску 2-й ударной армии Федюнинского на Ораниенбаумский плацдарм, а также имеющейся артиллерией поддержать прорыв 2-й ударной армии.

Авиации 13, 14 и 15-й воздушных армий также была поставлена задача поддержать наступающие войска с воздуха, разрушить немецкие тылы. Всего под Ленинградом в этой операции было сосредоточено 1070 самолетов.

Свои задачи по диверсионной деятельности получили партизанские отряды, количество которых оценивалось в 35 тысяч человек. Они должны были организовать мелкие, беспокоящие атаки по тылам, обозам, взрывать мосты, водокачки, железнодорожные пути, ремонтные цехи, деморализуя тем самым дух немецких солдат, не давая вермахту максимально использовать резервы, перебрасывать их с одного участка фронта на другой.

Уникальность операции состояла еще и в том, что переброска 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм проходила практически под носом у противника: всего в пяти километрах от Петергофа, где стояли части 18-й немецкой армии. И здесь необходимо несколько слов сказать о «Малой Дороге жизни».

Всем нам известна Дорога жизни, по которой через Ладогу перевозили в Ленинград продовольствие, боеприпасы, а из осажденного города эвакуировали жителей. Но мало кто помнит, что всю блокаду работала также «Малая Дорога жизни». Это общее название сети дорог, действовавших в годы войны через Финский

залив от мыса Лисий Нос через Кронштадт до Ораниенбаума, как по льду, так и после таяния льда — с 1941 года до самого снятия блокады в 1944 году. Протяженность ее составляла 37 километров. Следует отметить, что название «Малая Дорога жизни» появилось только после войны, по аналогии с Дорогой жизни на Ладожском озере, а во время войны использовались различные названия — например «ледовая дорога». Перевозкой грузов в зимний период занимались автотранспортные службы Кронштадта, в летний период использовались маломерные суда. В ход шло все, вплоть до рыбацких лодок.

Вообще Дорога жизни по льду Финского залива выполняла ту же функцию, что и Ладожская. А действовала она даже дольше — три блокадные зимы. В Ораниенбаум и Кронштадт по ней переправлялись продовольствие и военные грузы, а в обратном направлении в Ленинград, а затем на Большую землю вывозили раненых воинов и гражданское население. Ведь к осени 1941 года на Ораниенбаумском плацдарме вместе с отступившими сюда войсками оказалась значительная часть не только постоянного населения, но и беженцев из различных районов Ленинградской области.

Осенью 1943 года началась скрытная переброска бойцов и вооружения 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм. До становления льда переброска осуществлялась судами Балтийского флота. «Переброска войск и техники в Ораниенбаум внешне не выглядела так эффектно, как многие другие боевые действия или операции Балтийского флота. Перевозки есть перевозки. Формально это не бой, не сражение. Тем не менее хочу особо подчеркнуть: это был подвиг, который дал возможность нанести сокрушительный удар по врагу»^{138}.

С 5 ноября 1943 года и практически до конца января 1944 года от бухты Лисий Нос переправлялись на плацдарм войска, танки, автомобили, орудия. Ночью в полной тишине баржи на буксире пробивались сквозь неокрепший лед вдоль восточной оконечности острова Котлин. Днем пирс был пустынным, части и соединения 2-й ударной армии маскировались в близлежащей лесополосе. А ночью шла погрузка.

В результате этой операции на Ораниенбаумский плацдарм за два с половиной месяца (с начала ноября 1943-го по конец января 1944 года) было доставлено более 53 тысяч человек, около 2500 автомашин и тракторов, 658 орудий.

Уже на самом Ораниенбаумском пятачке войска готовились к предстоящему прорыву. Вспоминает командующий 2-й ударной армией И. И. Федюнинский^[23]: «Перед операцией мы занимались тщательной подготовкой личного состава. Войска учились преодолевать различные инженерные заграждения, вести бой в глубине обороны. Основное внимание уделялось отработке самостоятельных действий стрелковых подразделений и штурмовых групп, организации взаимодействия. В стрелковых ротах были созданы отделения снайперов и штурмовые взводы.

Как и при подготовке к прорыву блокады Ленинграда в 1943 г., специально оборудовали учебные поля, на которых проводились практические занятия по преодолению минных и проволочных заграждений.

Мне часто приходилось выезжать в соединения, контролировать ход подготовки, присутствовать на занятиях.

Побывал я во всех дивизиях, но, естественно, больше внимания уделял 43-му стрелковому корпусу, которым командовал генерал Андреев. Этому корпусу, и в частности 48-й и 90-й стрелковым дивизиям, предстояло

действовать на главном направлении в первом эшелоне»^{139}.

Непростая обстановка также складывалась по фронту 42-й армии. Ей приходилось наносить удар в самом центре своей полосы, имея на флангах очень мощные узлы противника: укрепленные города Урицк и Пушкин. Мощная система немецкой обороны в районе Пулковских высот, вдавленный в советскую оборонительную полосу так называемый «Аппендицит» в районе реки Кузьминка под Пушкином, сотни бетонированных и дерево-каменных бункеров, пулеметные гнезда, минные поля, надолбы, линии колючей проволоки. По подсчетам генерала Г. Ф. Одинцова, из 160 вражеских артиллерийских батарей, стоявших под Ленинградом, более ста были задействованы в полосе 42-й армии. И все это предстояло взломать одним мощным ударом.

Тревожные вести приносила разведка. В разведотдел фронта поступали сведения, говорящие о том, что еще раньше, до советского наступления Линдемман может начать отвод войск из-под Мги и Синявина на главный тыловой рубеж под Псковом. Одна из наших разведгрупп, действовавших в тылу противника, захватила в плен офицера инженерных войск, который подтвердил, что спешно создается оборонительная полоса под Псковом, так называемая линия «Пантера», а также строятся промежуточные рубежи по берегам рек Оредеж, Мшаги, Луга, Плюсса. Немецкие саперы уже готовят в этих местах к разрушению мосты, дороги, приступают к минированию местности.

В связи с этим советское командование разработало две операции под кодовыми названиями «Нева-1» и «Нева-2». В случае отступления армии Линдеммана на новые рубежи обороны вступал в действие вариант «Нева-1», который предусматривал создание отрядов

преследования с выходом на тыловые дороги противника. Специальные задания получали в этом случае партизанские отряды. В случае упорного сопротивления немецких войск на исходных рубежах — фронт работал по варианту «Нева-2». В эти дни, 17 ноября 1943 года, Говорову было присвоено звание генерала армии.

Во второй половине декабря 1943 года обе ударные группировки завершали подготовку к сражению. В командование 42-й армией вступил низкорослый, крепко скроенный, резкий генерал-полковник И. И. Масленников. Он сменил на этом посту генерала И. Ф. Николаева. После ранения Николаеву трудно было выполнять весь объем работ. К тому же у него был опыт неудачной наступательной операции под Урицком в июле 1942 года, после которой он получил выговор от Говорова, а командный и рядовой состав армии, проявивший трусость, был направлен в штрафные роты. Впрочем, ветеран 42-й армии остался у Масленникова заместителем. Через полгода генерал-лейтенант Николаев скончается в Москве после тяжелой болезни. Масленников после снятия блокады станет заместителем Говорова.

Во 2-й ударной армии командарма В. З. Романовского сменил И. И. Федюнинский. Странные, а подчас страшные судьбы у людей, ковавших Победу. И Масленникова, и Федюнинского назначили, безусловно, как имеющих опыт наступательных операций. Масленников командовал до этого 39-й армией Калининского фронта. В результате крупной наступательной операции армия оказалась оторвана от снабжения и попала в окружение. Масленникова, раненного в ногу, эвакуировали самолетом. 39-я армия была полностью уничтожена. Еще раньше, в 1936 году, он был назначен помощником начальника отдела боевой подготовки Управления пограничных войск НКВД РСФСР,

а в 1939-м стал заместителем по войскам самого всесильного наркома внутренних дел Л. П. Берии. Можно с большой долей вероятности утверждать, что к репрессиям 1937 года он имел самое непосредственное отношение. Возможно, решал судьбу Говорова, принимая решение по одному из многочисленных доносов... Кто сейчас точно скажет? По крайней мере о самом факте доносов не мог не знать. А в 1944-м служил под его командованием, стал заместителем Говорова. В 1945 году, уже после Победы, за разгром Квантунской армии Японии Масленникову присвоили звание Героя Советского Союза. Уж в личной храбрости этому офицеру не откажешь.

После войны, в 1948 году, Масленников вернулся в МВД СССР и вновь занял пост заместителя министра. Он имел неограниченную по тем временам власть. С 29 июля по 1 августа 1953 года участвовал в переговорах, а затем в подавлении Воркутинского восстания. Как вспоминал бывший заключенный А. А. Угримов, во время переговоров во 2-м лагерном отделении Речлага произошел такой случай:

«Кто-то крикнул из рядов рядом с нами:

— Генерал! Вы нас бросили там в болотах в 42-м году, безоружных! Вы-то уцелели, а нам по двадцать пять дали!

Надо отдать справедливость генералу, — заключает Угримо, — он всё выслушал спокойно...»^{140}

В декабре 1953 года был расстрелян Л. П. Берия, а 23 марта 1954 года генерал Масленников покончил жизнь самоубийством, пустив себе пулю в лоб.

И такие судьбы были, и такие люди сражались с фашистами, прорывали блокаду, гребали солдат, поднимались вверх по карьерной лестнице и стремительно срывались с нее вниз... Кто был прав, кто виноват? Господь им судья.

Операция по полному освобождению Ленинграда от фашистской блокады получила кодовое наименование «Январский гром».

В первых числах января 1944 года было готово практически всё. Но не хватало танков. За танками Говоров отправился в Москву. В семейном архиве Говоровых хранится такая история. Рассказывает сын маршала, Сергей Леонидович Говоров: «В нашей семье при жизни моего отца, как очень ценная вещь, хранилась копия танка Т-34-76, изготовленного из латуни и исполненного в виде чернильного прибора. В башне танка располагались чернильницы, закрываемые люком, который приводился в действие потаенной механической кнопкой, а в кормовой части как раз в двигательном отсеке находился выдвижной ящик, в котором лежали перьевая ручка и нож для резки бумаги.

Макет танка располагался на мраморной плите, к которой была прикреплена табличка из бронзы с надписью: «Маршалу Советского Союза И. В. Сталину от гвардейцев 5-й танковой армии».

Как этот предмет, подаренный Сталину, оказался у нас в доме? Меня, ребенка, этот вопрос очень занимал. Отца я спросить не решался — вдруг это какая-то тайна, а вот к маме с этим вопросом обратился. И она рассказала мне такую историю:

«Наш отец в самый разгар подготовки операции по полному снятию блокады Ленинграда был вызван в Москву, к Сталину с докладом о состоянии дел на фронте. Он все обстоятельно доложил Сталину, и тот остался крайне доволен тем, как обстоят дела на Ленинградском фронте. А затем спросил:

— Может быть у Вас, товарищ Говоров, имеются какие-либо трудности по подготовке к предстоящей

операции, может, есть какие-то просьбы к Ставке?

Отец, видя хорошее расположение Сталина, со всей прямоотой сказал, что для предстоящей масштабной операции на фронте хотелось бы иметь больше танков. Ведь предстоит большое наступление. Сталин сначала нахмурился, а потом... перекрестился двумя руками и говорит:

— Ну нет у меня сейчас для Вас танков. — А потом смягчился и устало добавил: — Возьмите, товарищ Говоров, хоть этот. — И показал на стоящий у него на столе танк-чернильницу.

Отец понял, что на этом разговор закончен, приняв это за своеобразную сталинскую шутку, по-военному сухо поблагодарил и вышел к ожидавшей его машине. Каково же было его удивление, когда на заднем сиденье он увидел аккуратно запакованный сверток, а в нем тот самый танк со стола Сталина».

— А настоящие танки Сталин что, так и не дал? — спросил я.

— Нет, дал. Они поступили точно к началу нашего наступления.

Что можно сказать по этому поводу спустя многие годы? К Сталину можно относиться по-разному. Он мог как поднять человека до высот, так и уничтожить его в один момент. Но то, что моего отца он уважал как человека и профессионала — это факт. То, что он мог быть с ним искренним — тоже факт. Но в «любимчиках» у Сталина Говоров не ходил — всегда чувствовал меру и сохранял дистанцию. Это, видимо, и оградило его от различных репрессий и сохранило жизнь»^{141}.

На заседании Военного совета, состоявшегося 11 января, Л. А. Говоров и А. А. Жданов подвели итоги подготовительных мероприятий и объявили присутствовавшим командармам дату начала операции: для войск на Ораниенбаумском плацдарме «День X» наступал 14 января, на Пулковских высотах — 15 января.

Немногим ранее, 12 января, в бой двинулись войска 2-го Прибалтийского фронта. Впрочем, встретив серьезное сопротивление немцев и плотный артиллерийский огонь, войска 10-й гвардейской армии генерала А. В. Сухомлина^[24] сумели преодолеть всего два-три километра. Хорошо подготовившись к обороне, немецкие артиллеристы заранее пристреляли местность, по которой теперь предстояло наступать советским войскам.

И вот наступило 14 января. Сражение началось.

В 10.45 началась артподготовка. Одновременно поднялась в воздух авиация и отрабатывала бомбовые удары по целям в полосе наступления. Наконец на десятикилометровом участке фронта пошли в атаку 43-й и 122-й стрелковые корпуса Федюнинского.

В первый же день бойцы 2-й ударной армии продвинулись вперед на четыре километра, овладев первой оборонительной полосой немцев, дошли до деревни Гостилицы и на отдельных участках вклинились во вторую полосу немецкой обороны.

У Говорова нет ни сил, ни нервов находиться в штабе фронта. Он самолетом в первый же день операции вылетел на Ораниенбаумский плацдарм в армию Федюнинского, чтобы лично контролировать ход прорыва.

В этот же день артиллерия Ленинградского фронта вела непрерывный обстрел немецких позиций по двум направлениям: в полосе предстоящего прорыва у Пулковских высот и в районе Мги. Сделано это было, чтобы немцы до последнего момента не могли понять: где же именно последует второй удар. А то, что он последует, у немецкого командования не было никаких сомнений.

Четырнадцатого января над Ленинградом повис сильный туман. Начиная боевые действия на Приморском плацдарме, Говоров хотел лично убедиться,

что все идет по плану, поэтому никакой бравады в его полете на Ораниенбаумский плацдарм не было, только военная необходимость. Убедившись, что наступление развивается намеченными темпами, он потребовал срочно доставить его в Ленинград, где вот-вот должен был начаться удар на главном, Пулковском направлении. Но туман и плохая видимость не позволяли взлететь, а уж тем более посадить самолет в Ленинграде. Командующий ВВС Балтийского флота генерал-лейтенант М. И. Самохин долго пытался отговорить Говорова лететь в такую погоду.

— Я должен быть в Ленинграде, надо суметь сесть, — коротко ответил командующий.

До Ленинграда долетели благополучно, а потом начали кружить. Самолет все никак не мог сесть. Наконец приземлились. Говоров подошел к командиру корабля, поблагодарил его, а от того буквально пар идет. Пилот потом начальнику аэродрома сказал: «Не дай Бог с начальством в такую погоду лететь»^{142}.

Во второй половине дня 14 января пришли тревожные известия из 2-й ударной армии. На участке наступления 131-й дивизии у деревни Порожки саперы не смогли до конца разведать расположение минных полей. В результате начавшие выдвигаться танки стали один за другим выходить из строя, оставив пехоту без поддержки.

Вечером в штабе подвели итоги дня. Советским войскам удалось вклиниться в первую линию немецкой обороны всего на три километра и не удалось выйти из лесистой местности на оперативный простор. Началась метель, артиллерия стала отставать от пехоты — позже именно это будет названо основным недочетом войск Ленинградского фронта во время операции. Этот же недостаток указывается в журнале боевых действий 55-й армии (25 декабря 1943 года объединена с 67-й

армией), оперативная сводка которой была рассекречена в 2002 году.

Наступает рассвет. Просыпаются люди в осажденном Городе. По гулкому артиллерийскому огню еще вчера многие догадались, что начинается что-то важное, что-то самое главное происходит, сдвинулось с мертвой точки. Жители Города еще не знают этого наверняка, но чувствуют кожей поступь великой победы, ленинградской Победы! Город просыпался, еще не зная, что пережил последнюю блокадную ночь.

В 9.20 утра 2300 орудий и минометов в течение 110 минут обрабатывали по позициям немцев в районе Пулкова. График обстрела рассчитан до минуты. Семь раз артиллеристы меняли режим огня, бьют точно по целям, указанным разведкой и корректировщиками. Они разрушают траншеи, лишая врага маневра, уничтожают пулеметные гнезда, подавляют минометные батареи, стирают с лица земли командные пункты. К концу артподготовки команды саперов взрывают участки минных полей, открывая дорогу пехоте. В 11.00 взлетают сигнальные ракеты: «За Родину!», «За Ленинград!», «Ура-а-а-а...»

Все сливается в грозное «Ура-а-а-а-а!..», тысячи глоток раскалывают единым гулом морозный воздух. Тысячи людей одновременно идут на смерть.

Через полчаса стало понятно, что корпус Симоняка стал вершиной клина, пробившего первую полосу обороны немцев. «Уже на исходе 15 января дивизии 30-го гвардейского корпуса генерала Симоняка протаранили первую позицию главной полосы обороны на глубину от 1,5 до 4,5 километра. Справа и слева части 109-го и 110-го корпусов генералов Алферова и Хазова еще продолжали в ожесточенных штурмах взламывать первую позицию»^[143]. Особенно жестокое сопротивление оказывали немцы на участке генерала Хазова^[25] под Пушкином. Части 86-й дивизии 110-го

стрелкового корпуса Хазова залегли перед поселком Александровская. В этом поселке за несколько лет немцы каждый дом превратили в укрепленный дот. К тому же правым краем поселок примыкает к Баболовскому парку на северо-западной окраине Пушкина, лесопарковая зона сильно затрудняла фланговый охват и продвижение тяжелой техники.

Командующий 42-й армией генерал Масленников орет матом на генерала Алферова, у которого почти нет продвижения на участке 109-го корпуса. Это правый фланг Симоняка, который ушел далеко вперед от своих соседей.

«Войска 2-й Ударной армии генерала Федюнинского вторые сутки дрались за ключевые узлы дорог, стремясь пробиться из бездорожных районов. Говоров посылает туда на самолете начальника штаба фронта генерала Гусева с поручением ускорить развитие успеха. Овладев ключевыми узлами дорог в районе Гостилицы, Дятлицы, стрелковые соединения первого эшелона пробились на глубину 8—10 км и устремились к Ропше.

Развивалось наступление и на участке Волховского фронта, где 59-я армия двигалась на Лугу с востока, а 8-я армия — с юго-востока, обеспечивая, кроме того, своей поддержкой ударную группировку фронта со стороны Шимска... 16 января войска 54-й армии Волховского фронта перешли в наступление на Любанском направлении и были буквально в шаге от прорыва обороны противника. Казалось, еще один рывок и войскам откроется оперативный простор. Но войска 42-й армии прорвали оборону противника первыми. Глубина прорыва силами корпуса генерала Симоняка на участке Ленинградского фронта достигла восьми километров; 63-я гвардейская дивизия полковника Щеглова, наступавшая в авангарде, взламывала вторую полосу обороны немцев, перерезая шоссе от Красного Села на город Пушкин (о Щеглове мы еще скажем чуть ниже, его

роль трудно переоценить). Части корпуса генерала Хазова штурмовали Александровку и населенные пункты, примыкающие к Пушкину. Войска 2-й Ударной армии генерала Федюнинского продолжали наступать на Ропшу. До нее оставалось десять километров»^{144}.

На следующий день Масленников ввел в прорыв на участке Симоняка подвижную группу (2 танковые бригады, 2 полка САУ) для удара по Красному Селу. Дорог нет. Инженерные части не успевали строить колонные пути для тяжелой техники. Саперы с инженерами работали всю ночь, прокладывая новые дороги, восстанавливая взорванные мосты. Подвижная группа должна замкнуть кольцо окружения вокруг немецкой Петергофско-Стрельнинской группировки, однако в этот день ее ждала неудача: из-за отсутствия колонных путей танки пошли по шоссе, где их накрыла немецкая артиллерия. Говоров приказал вернуть танки к Пулкову, избегая бессмысленных потерь.

Немцы продолжали оказывать упорное сопротивление. «Командующий 18-й армией перебросил в полосу наступления советских войск три пехотные дивизии неполного состава, части моторизованной дивизии СС «Нордланд» и строительные батальоны. Это все, что оставалось у Линдемана»^{145}. Если не будут приняты срочные меры, то немцы закрепятся в районе Красного Села и замысел Говорова — окружить и уничтожить Стрельнинскую группировку — окажется невыполнимым. Судьба всей операции решалась в эти дни под Красным Селом, и ключом к ней стала Воронья гора.

Воронья гора — самая высокая точка Ленинградской области, 175 метров над уровнем моря, центральная возвышенность в районе Дудергофских высот. В сентябре 1941-го немцы заняли Воронью гору, выстроили там систему обороны, доты и дзоты, вели обстрел Ленинграда с этой местности.

«Воронью гору штурмовала 63-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Афанасия Щеглова. За плечами тридцатилетнего комдива были уже и военная академия, и работа в оперативном отделе армии, и тяжелые оборонительные бои у Гатчины в 1941 г., и лыжные рейды по тылам противника. Энергичный, талантливый командир с отважными бойцами, выдержавшими блокаду»^{146}, атаковал Воронью гору двумя полками, и безрезультатно. После этого Щеглов стал готовить обходной маневр с последующей ночной атакой.

В самом Красном Селе бои шли уже на вокзале, в центре города, в развалинах бумажной фабрики. Ночью 19 января «ударная группа под командованием капитана Владимира Массальского проникла в расположение врага с тыла. Застав неприятеля врасплох, прорубила в его позициях коридор, по которому прошел танковый десант.

В боях за Воронью гору отличились командир отделения из 188-го полка старший сержант Н. А. Залетов и боец роты автоматчиков 190-го полка из отряда капитана Массальского В. С. Иванов. Этим двум воинам 63-й гвардейской стрелковой дивизии выпала честь называться самыми храбрыми ее солдатами. Залетов и Иванов стали первыми кавалерами ордена Славы всех трех степеней.

19 января 1944 г. утром комбинированным ударом с двух сторон, с севера и юга, Воронья гора была взята. Решающую роль сыграли гвардейские полки 188-й и 190-й — один из первых полков Красной Армии, созданный в 1918 г. Фабрициусом из путиловских рабочих. Успех боев на Вороньей горе ускорил окончание сражения за Красное Село. Его штурмовала уже другая — 64-я гвардейская дивизия, которая, чувствуя локоть 63-й дивизии, завершила взятие укрепленного узлового пункта Красное Село 19 января, чем был решен первый

этап большой Ленинграде ко-Новгородской наступательной операции.

За умелое руководство частями, штурмовавшими Воронью гору, и личную храбрость звание Героя Советского Союза было присвоено командиру 63-й гвардейской дивизии полковнику Щеглову, командиру дивизионной артиллерии полковнику Феоктисту Буданову и капитану Владимиру Массальскому»^{147}.

Этот момент стал переломным во всей операции.

«Говорову доложили: из Стрельни, поселка Володарского и Горелово гитлеровцы спешно отходят в район Красного Села, выскальзывая из не затянувшейся еще петли. Происходит резкий разговор Говорова с Масленниковым: не дать врагу уйти! Недоволен Говоров, злится Масленников. Но надо действовать, и Масленников «гонит» в бой свои дивизии: взять, взять Красное Село любой ценой!

Утром 19 января 42-я армия овладела Красным Селом, а 2-я ударная — Ропшей. Подвижные группы армий устремились навстречу друг другу и к исходу дня соединились юго-восточнее Ропши, замкнув кольцо вокруг Красносельско-Ропшинской группировки противника. Однако плотного фронта окружения создать не удалось. Противник всю ночь на 20 января просачивался в южном направлении. Остатки этой группировки были атакованы днем 20-го числа и уничтожены в ходе танковой атаки»^{148}. 110-й корпус генерала Хазова освободил Пушкин и Павловск и погнал противника дальше, на запад.

Так завершился первый, шестидневный, этап операции. Две немецкие пехотные дивизии были разгромлены, пять дивизий противника понесли большие потери. Вся матчасть Петергофско-Стрельнинской немецкой группировки была захвачена нашими войсками, в том числе 85 осадных орудий

калибром от 152 до 400 миллиметров, бомбивших Ленинград долгих три года.

«Командующий группой армий «Север» Кюхлер из-за явной угрозы окружения своих главных сил решил вывести 18-ю армию Линдемана из района Мги. Войска Ленинградского (67-я армия под командованием генерал-лейтенанта В. П. Свиридова) и правого крыла Волховского (18-я стрелковая дивизия 8-й армии) фронтов преследовали противника, отходившего с рубежа реки Мга и Чудово»^{149}, лыжные отряды перерезали дороги, но взять немцев в кольцо не удалось.

«За потерю Мгинского выступа генерал Кюхлер был отозван в Берлин. 22 января он уже докладывал Гитлеру об обстановке, делая упор на том, что ослабленные войска группы армий «Север» необходимо отвести на тыловой оборонительный рубеж. «Я против всяких отводов, — возразил фюрер, — где бы мы ни находились, у нас всегда могут возникнуть критические моменты. От возможного прорыва нет никакой гарантии, даже если мы будем находиться на позиции «Пантера»... Сражения должны вестись как можно дальше от немецкой границы». Кюхлер подал в отставку, его сменил генерал В. Модель»^{150}.

Немецкая армия отошла к Гатчине. Это был последний узел обороны противника, хорошо укрепленный. К 22 января войска 42-й армии подошли к городу. Основное сражение развернулось вдоль берега реки Ижоры, где у немцев были подготовлены долговременные огневые точки. Подходы были перекрыты надолбами и минными полями. Основное сражение за город развернулось 24–25 января. Бойцы 120-й стрелковой дивизии, преодолев оборону немцев вдоль реки, вышли к окраинам Гатчинского парка и ворвались в город. Немцы собирались использовать для

защиты 12-ю танковую дивизию, но немецкие танки так и не успели подойти.

При это сложно говорить о стремительности советского наступления. Части отставали друг от друга, не всегда в срок поспевали танки для усиления прорыва. Из-за этой медлительности немцам удалось выскользнуть из кольца. Окружить немецкую группировку войск так и не удалось. Говоров подверг детальному разбору действия армий фронта и пришел к неутешительному выводу о том, что «войска армий медленно развивают прорыв и не выполняют поставленных задач в срок»^{151}.

«Командующий 42-й армией Масленников был также крайне недоволен действиями своих подчинённых. Вечером 24 января в своих директивах он резко критиковал их за организацию боя. Хотя немцы держались в городе буквально из последних сил, при этом они смогли отрезать от основных сил подразделения двух полков 224-й стрелковой дивизии. На момент окружения те находились в южной части Гатчинского парка. Прорваться к ним смогли только на следующий день. Хотя этот крайне неприятный факт не упоминается даже в большинстве доступных документов 42-й армии, к сожалению, он все-таки имел место. <...>

Сам город немцам уже было не удержать. Остроту сложившейся ситуации хорошо передает тот факт, что днем начальник оперативного отдела 18-й армии даже передал, что Гатчина уже потеряна, но спустя очень короткое время выяснилось, что это не так. Главная неприятность для советского командования заключалась в том, что немецкую осадную артиллерию все же успели отвести и из-под Гатчины и она вновь вела огонь по боевым порядкам 42-й армии.

В этот же день, 25 января, разыгрался ожесточенный бой за вокзал Войсковицы. Не сумев накануне

использовать танковую подвижную группу должным образом (из-за отсутствия колонных путей), командование 42-й армии здесь снова бросило ее в бой. Танкисты 220-й танковой бригады должны были не дать немцам уйти из Гатчины по дороге на Кингисепп. В течение нескольких дней они смяли остатки 126-й пехотной дивизии и 25 января ворвались на станцию Войковицы. 220-я бригада смогла пройти за железную дорогу.

Основными танками уже понесшей потери бригады были легкие машины Т-26 и Т-60. А немцы двинули против них «Тигры» 502-го тяжелого танкового батальона. Усугубило ситуацию то, что советские танкисты оказались в одиночестве: пехота не смогла перейти железную дорогу вслед за ними. Немецкая артиллерия и тяжелые танки начали расстреливать Т-26. Бригада понесла большие потери. Оставшиеся машины 220-й бригады были отведены в тыл.

За участие в бою 25 января звание Героя Советского Союза было присвоено старшему сержанту А. А. Манину. Он служил в 861-м легко-артиллерийском полку. Считается, что орудия его полка оказались как раз южнее железной дороги и приняли бой с немецкими танками. В этом бою им удалось подбить одну машину, но и орудие было повреждено. Манин, будучи дважды раненным, починил его, после чего был убит»^{152}. Орудие Манина в настоящее время выставлено в экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. 76-мм пушка ЗИС-3 № 15588. Похоронен в братской могиле в деревне Войковицы, там же установлен памятник герою. Сколько участников этого прорыва лежит в братских могилах в Войковицах, в Кондакопшино, в Московской Славянке? Сейчас уже невозможно подсчитать.

26 января Гатчина была освобождена. Пылал дворец, помнивший Екатерину II и графа Орлова. При отступлении немецкие войска сожгли и заминировали Гатчинский дворец. Часть оставшихся ценностей они уничтожили, часть увезли в Германию. На одной из стен дворца на штукатурке сохранилась надпись на немецком языке: «Здесь были мы. Сюда мы больше не вернемся. Если придет Иван, все будет пусто». Эта надпись с фрагментом стены была сохранена и сейчас демонстрируется в экспозиции дворца.

Освобождение Гатчины ознаменовало полное и окончательное снятие блокады Ленинграда. Из приказа по войскам Ленинградского фронта:

«В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

...Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы»^{153}.

«Первый раз за долгих два с половиной года мы увидели свой город вечером! — вспоминала Ольга Берггольц. — Мы увидели его светлым, освещенным вплоть до последней трещины на стенах, весь в пробоинах, весь в слепых зафанеренных окнах — наш израненный, грозный, великолепный Ленинград.

Мы увидели, что облик его неизменно прекрасен, несмотря ни на какие раны... и чувствовали, что нет нам ничего дороже этого города, где столько муки пришлось принять и испытать такое небывалое, гордое человеческое счастье, как в этот вечер 27 января.

Незнакомые люди обнимали друг друга, и у всех в глазах светились слезы»[{154}](#).

27 января в 20:00 все жители Ленинграда высыпали на улицы города, забыв о светомаскировке, о делах, обо всем на свете. 324 орудия салютовали городу и бойцам 24 залпами. Люди плакали и не скрывали своих слез. Столица уступила право Ленинграду произвести салют в ознаменование окончательного снятия блокады, а приказ победившим войскам подписал, вопреки установившемуся порядку, не Сталин, а по его поручению — Говоров. Подобной привилегии не получал никто из командующих Великой Отечественной войны!

Город простуженно молчал. Душа его осунулась и постарела. Стонала земля на Пискаревском кладбище. Город помнил всех: погибших, замерзших, умерших от голода, зарезанных мародерами, съеденных, погибших от немецких бомб, убитых в бою и утонувших в Ладоге... Тысячи лиц, грубых и тонких, детских, женских, старческих и мужских. Армия мертвецов, погибших ради жизни на земле. Отдавших себя в жертву страшному демону войны с черной, зализанной набок челкой. Город плакал и уже не сдерживал своих слез. Уже можно, не стыдно. Как из воздушного шарика выходит воздух с тонким пронзительным свистом, так из Ленинграда выходили боль и смерть, грязь и голод. Жизнь в очередной раз победила. Смерти нет.

Город с глазами, полными слез, украдкой заглянул в Смольный. Там большой усталый человек склонился над картой. Он не видел, что Город за ним наблюдает. Он изучал карту. Наступление продолжалось. Поспать бы пару часов... Глаза слипаются... нельзя. Еще надо утвердить план сплошного разминирования Ленинградской области, дать поручения по развитию наступления на Кингисепп... Нельзя спать... Голова человека опускается все ниже, наконец, не в силах бороться со сном, он облакачивается на стол и кладет

голову на руки. Полчасика, совсем чуть-чуть... Город молча уходит. Пусть поспит этот большой человек, который спас всех. Пусть поспит...

* * *

После полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады Говоров приступает к разработке новой операции по освобождению Эстонии и овладению южным побережьем Финского залива. Воротами в Прибалтику для советских войск являлась Нарва. Необходимо было сначала форсировать реку Лугу и захватить плацдармы на левом берегу реки Нарвы. При этом по замыслу Говорова удар на Псковском направлении должен быть вспомогательным. С захватом Нарвы открывалась дорога на Эстонию. С севера должна была наступать 2-я ударная армия Федюнинского, а с юга — 8-я армия генерала Старикова. Сам город предполагалось охватить кольцом и, продвигаясь вперед, выдавить немцев на рубеж Танненберга. Сделать это было непросто. В «Нарвскую» оперативную группу вермахта входили пять дивизий и две моторизованные бригады. Плюс оперативное преимущество подготовленного узла обороны, удачный для обороняющихся войск рельеф местности.

После освобождения Луги 12 февраля 1944 года советские войска вышли на рубеж река Нарва — северный берег Псковского озера — Середка — Плюсса — Шимск. На этом рубеже завершилась Новгородско-Лужская операция.

Уже через три дня, 15 февраля, был расформирован Волховский фронт, как полностью выполнивший свою задачу. Его войска были распределены между 2-м Прибалтийским и Ленинградским фронтами.

Под Нарвой Говоров вновь решил использовать ударные возможности 30-го гвардейского корпуса Симоняка. Противник успел создать под Нарвой прочную оборону, удары 30-го корпуса не принесли ожидаемого успеха. Бои были такой интенсивности, что рисковал жизнью и сам комфронта.

Вспоминает командарм И. И. Федюнинский:

«Во второй половине февраля на нарвском плацдарме попал под сильный обстрел генерал армии Л. А. Говоров. Случилось это так: он приехал ко мне на НП и предложил отправиться в корпус генерала Н. П. Симоняка.

— Товарищ командующий, днем по плацдарму ездить опасно, — предупредил я.

— Ничего, я старый артиллерист, знаю, как стреляют немцы, — хладнокровно произнес Говоров, поглаживая коротко подстриженные жесткие усы. — Поехали.

Мы отправились на двух автомашинах. В передней ехал Говоров, во второй я. За рекой Нарвой противник заметил нас и открыл огонь. Но все же нам удалось благополучно проскочить до командного пункта генерала Симоняка. Командующий фронтом неторопливо вышел из автомобиля. Он был, как всегда, совершенно спокоен, словно и не заметил недавней опасности.

Обратно возвратились вечером, когда стемнело. Генерал Говоров остался ужинать.

Мы зашли в столовую Военного совета. Пока официантка накрывала на стол, я вышел в соседнюю комнату и неожиданно услышал из-за неплотно прикрытой двери негромкий смех командующего. Это было необычно. Говоров редко смеялся, и мало кто замечал улыбку на его строгом, волевом лице.

Вернувшись в столовую, я увидел, что командующий фронтом забавляется с кошкой. Наверное, у меня был очень удивленный вид, потому что Говоров тотчас же

оборвал смех, словно смутившись, и сказал немного суховатым тоном:

— Эта кошка хоть кого рассмешит. Ишь ты — служит, как собака!

Больше в тот вечер он ни разу не улыбнулся и даже не взглянул на кошку. А укладываясь спать, распорядился:

— Все-таки запретите своим офицерам без особой нужды днем ездить по плацдарму. Это действительно опасно»^[155].

Когда стало понятно, что корпус Симоняка несет значительные потери, не расширяя плацдарм, а только его удерживая, как это было с «Невским пяточком», Говоров распорядился вновь вывести 30-й корпус в резерв, а для обороны плацдарма направил 109-й корпус генерал-майора И. П. Алфёрова^[26], а затем весь участок южнее Нарвы он передал 59-й армии генерал-лейтенанта И. Т. Коровникова^[27], силы которой освободились после взятия Новгорода. Так в марте возникли два центральных направления на Ленинградском фронте: Нарвское и Псковское. Говоров переместил командный пункт фронта из Смольного под Лугу. Его внимание теперь было приковано к Северному направлению, к Карельскому перешейку, где всю блокаду занимала позиции финская армия.

Нарву освободили летом. Этот приграничный древний русский город был «одним из тех мест, которые можно посчитать по пальцам, где советское командование применяло самую тяжелую артиллерию. Несмотря на использование самых сильных средств, взломать фронт под Нарвой с ходу не удалось и успех Красной армии в Прибалтике был достигнут на плечах операции «Багратион», когда в результате наступления в Белоруссии линия обороны «Пантера» была обойдена с юга. Благодаря этому Красная армия смогла атаковать

немецкую оборону с фланга и обратить немцев в бегство»^{156}.

Во время хозяйничанья немецких оккупантов в Нарве было организовано семь концентрационных лагерей. Сегодня «на Синих горах под Нарвой, на братской могиле советских воинов установлен обелиск, а напротив, через дорогу, расположен мемориальный комплекс, посвященный 20-й дивизии ваффен СС и другим гитлеровским формированиям — эсэсовцам из Северных стран Европы»^{157}. Так демократичная Эстония чествует своих «героев».

В конце апреля 1944 года стало окончательно понятно, что Финляндия не собирается выходить из войны.

Если в феврале и марте войска Ленинградского фронта приводили в порядок дороги, собирали разведданные о противнике, то с середины апреля Говоров начал готовить новую операцию по освобождению Карельского перешейка. В межозерье (территория между Ладогой и Онегой) разворачивались войска вновь созданного Карельского фронта, который возглавил Мерецков после расформирования Волховского фронта.

Произошли новые кадровые назначения в штабе Ленинградского фронта. Начштаба Н. Д. Гусев ушел на новую 21-ю армию, а на его место пришел Маркиан Михайлович Попов — первый командующий Ленинградским фронтом в августе 1941 года. Для Попова это было серьезным понижением: за три дня до нового назначения он был освобожден от должности командующего 2-м Прибалтийским фронтом и понижен в звании (с генерала армии до генерал-полковника). Впрочем, учитывая важность стоящих перед Ленинградским фронтом задач, понижение не слишком радикальное.

После того как наступление войск Ленинградского фронта было остановлено на линии Пантера — Вотан, Ставка ВГК поставила перед Говоровым новую задачу: прорвать оборону финских войск, выйти к советским границам 1940 года и вывести Финляндию из войны. Наступление должно было развиваться в направлении Старый Белоостров — Выборг — Вильманstrand^[28], причем после захвата Выборга создавалась прямая угроза вторжения советских войск на территорию Финляндии, с перспективой захвата ее столицы. Одновременно фронт должен был нанести вспомогательные удары на Сортавалу и вдоль северного берега Ладожского озера в тыл Карельской группировке противника, оборонявшегося в Карелии.

Несмотря на то, что до сих пор не обнаружены документы, которые бы однозначно свидетельствовали, что со стороны И. В. Сталина и высшего руководства СССР было принято политическое решение о завоевании Финляндии, в финской историографии существует мнение, что конечной целью советского наступления были полная оккупация Финляндии и, возможно, последующее присоединение к СССР^{158}.

Из воспоминаний К. Г. Маннергейма: «Согласно информации, полученной от союзников, советское правительство решило... поглотить Финляндию... Посол США в Турции Стейнгардт... говорил нашему послу в Анкаре, что это наступление для западных стран было полной неожиданностью и положение Финляндии вызывало там серьезную озабоченность»^{159}.

Стремление советского командования дойти до Хельсинки больше похоже на фантазии больного воображения. Несмотря на то, что у Красной армии было полное право завершить войну с Финляндией в ее столице, военно-политическая обстановка в июне 1944 года диктовала свои правила. 6 июня англо-американские войска высадились в Нормандии, тем

самым открыв Второй фронт. Его ждали три тяжелых года войны, ждали в развалинах Сталинграда, ждали год назад, ломая вермахту хребет на Курской дуге. И даже после Тегеранской конференции прошло шесть месяцев, прежде чем союзникам стало окончательно ясно, что советская армия в состоянии выиграть войну и освободить Европу без их помощи. И только тогда был открыт Второй фронт. Для советского командования это означало, с одной стороны, невозможность для немцев использовать стратегические резервы (теперь они были заняты на Французском театре военных действий), с другой стороны, необходимость форсировать темпы наступления на Центральном направлении, не отвлекаясь на операции локального значения. Вопрос стоял остро: кто первым возьмет Берлин? И Сталин прекрасно понимал, что гипотетическая операция на территории Финляндии отвлечет часть сил Красной армии, затянет время для главного удара.

Обстановка в полосе обороны 23-й армии, стоявшей напротив финнов, за последний год не просто стабилизировалась. О войне как будто забыли. Финнов устраивала их новая граница, они не собирались наступать. Советское командование не нагнетало лишней раз обстановку артобстрелами и операциями местного значения. Стороны вели позиционную войну, вяло перестреливались, работали снайперы и диверсионно-разведывательные группы, но активных боевых действий на Карельском перешейке не было.

Говорову и его штабу необходимо было придумать такую операцию, чтобы одним мощным ударом взломать три полосы обороны финнов.

Усилению обороны на Карельском перешейке финское командование уделяло большое внимание в течение двух с половиной лет с момента выхода на рубеж реки Сестры. Восстанавливались старые и строились новые мощные долговременные огневые

точки, создавалась 106-километровая линия противотанковых надолб. Природные условия позволяли выстроить практически неприступную трехполосную систему обороны глубиной почти в 100 километров.

Первая оборонительная полоса была выстроена вдоль линии фронта, установившейся в сентябре 1941 года.

Главной была вторая полоса, располагавшаяся в 20–30 километрах от первой: от деревень Ваммелсуу (Серово) и Метсякюля (Молодежное) у побережья Финского залива до деревни Тайпале (Соловьево) у Ладожского озера, так называемая «ВТ-линия». В нее входили более девятисот долговременных железобетонных сооружений, прикрытых плотной сетью гранитных надолб, минных полей и иных противопехотных препятствий.

Третья полоса (линия ВКТ, то есть Выборг — Купарсаари — Тайпале) полукольцом с юго-запада огибала Выборг, шла через полуостров Купарсаари (Ждановский) и далее по левому берегу реки Вуокса до Ладожского озера.

Сам Выборг был хорошо укреплен, имел внешнюю и внутреннюю оборонительные линии и был подготовлен к ведению круговой обороны.

Если о первой линии обороны штаб обладал исчерпывающими сведениями, то о второй и третьей информации практически не было. Какова толщина железобетонных стен дотов? Где сосредоточены главные узлы? Каково вооружение дотов, количество человек в расчете? Как они связаны между собой? Глубока ли система траншей? Штабы армий ночами сидели над аэрофотоснимками, стараясь дешифровать отдельные фотографии, вскрыть систему обороны, подобрать к ней верный ключ. После детального изучения фотографий, сделанных с бреющего полета, стало ясно, что железобетонные доты второй линии

вписаны в местность явно для ведения флангового огня. Наступающему не будут видны их амбразуры. Огонь орудий прямой наводки по амбразурам в этом случае практически исключен. Финны извлекли урок из войны 39-го года. Но и советская армия была уже не та, очень хорошо помнила опыт ошибок зимней войны.

Говоров и Попов спланировали операцию таким образом, чтобы выдержать темп наступления 12 километров в сутки. Таким образом, на всю операцию, включая захват Выборга, отводилось 10-12 дней. Наиболее укрепленная полоса обороны, ВТ-линия, должна быть прорвана практически с ходу.

Тот же путь зимой 1939/40 года войска прошли за три с половиной месяца...

Операция готовилась тщательно. Из Ораниенбаума на Лисий Нос была скрытно переброшена 21-я армия генерала Д. Н. Гусева: десять дивизий, около трех тысяч орудий, танковые и инженерные части, тыловое обеспечение. Был установлен режим тишины для всех радио- и телефонных переговоров частей 21-й армии. Переброска осуществлялась в ночное время, в те редкие 3-4 часа сумерек, которые приходились на белую ленинградскую ночь.

Ключ к операции Говоров подобрал простой и действенный. Артиллерии была поставлена задача сокрушить первую полосу обороны финнов, стереть ее с лица земли. Методичное разрушение системы обороны противника должно было продлиться 24 часа.

Артподготовка началась утром 9 июня. Но перед ее началом передний край обороны финнов подвергся плотному пулеметному огню. Траншеи были моментально заняты солдатами и офицерами противника. И вот тогда, выманив противника пулеметным огнем, Говоров обрушил на его голову всю мощь артиллерии Ленинградского фронта. Плотность огня была до ста стволов на один километр. А затем

началось методичное разрушение инженерных сооружений финнов тяжелой артиллерией. У каждого орудия, у каждой батареи были свои две-три цели, которые они методично отрабатывали.

Около трехсот бомбардировщиков поддерживали усилия советской артиллерии. Финские солдаты сидели в щелях и окопах, ожидая, когда же закончится этот огненный ад, но он все не кончался, и не кончался, и не кончался... Артобстрел с небольшими перерывами продолжался до утра 10 июня. Было уничтожено 335 инженерных сооружений противника.

Подготовка к операции действительно была проведена практически идеально. Финны не заметили сосредоточения советских войск: перед самой операцией они отпустили 10 % солдат и офицеров на сельскохозяйственные работы. Попросту говоря — в отпуск домой.

Десятого июня части 21-й армии в составе 97, 109 и 30-го стрелковых корпусов перешли в наступление на участке фронта Раяйоки — Старый Белоостров — высота 107,0.

Левый фланг был зоной ответственности 109-го стрелкового корпуса. Он продвигался вдоль побережья Финского залива по линии железной дороги на Выборг и по Приморскому шоссе. На правом фланге атаковал 97-й стрелковый корпус. Центральное направление вдоль Выборгского шоссе Гусев и Говоров доверили 30-му гвардейскому стрелковому корпусу Симоняка, и за первый день наступления его дивизии продвинулись вперед на 15 километров, с ходу форсировали реку Сестру и к 23.00 вышли на южные окраины поселков Яппиля и Майнила. По иронии судьбы именно здесь, с Майнилского инцидента началась советско-финская война 1939 года. На других участках фронта продвижение вглубь финской территории развивалось медленнее. Части 97-го корпуса вышли к реке Сестре,

дивизии 109-го корпуса взяли Раяйоки, Оллила, Кубккала, Тулокас и вышли к поселку Келломаки. Оборонявшаяся 10-я финская дивизия по сути перестала существовать как полноценное воинское формирование. 11 июня ее разбитые полки были выведены в тыл для переформирования и пополнения.

В первый день Говорова волновали три главных вопроса: смогут ли стрелковые корпуса сокрушить противника в первой полосе обороны так, чтобы ему нечего было использовать из этих ресурсов на втором рубеже?

задействует ли Маннергейм в борьбе за первую полосу свои резервы?

насколько сильны вторая и третья оборонительные линии финнов?

Сейчас мы знаем ответы на эти вопросы: да — нет — не сильны. Но Говоров, готовя операцию, полной информации не имел. Его новый начштаба Попов еще во время разработки плана операции предложил не новое, но актуальное и верное решение. Вместо двухэшелонного оперативного построения войск сформировать сильный фронтовой резерв с тем, чтобы бросить его на то направление, где после прорыва первой полосы будет складываться наиболее выгодное в стратегическом отношении положение. Так и решили: ход прорыва сам покажет направление последующих усилий. Так, 23-й армии генерал-лейтенанта А. И. Черепанова^[29] в первый день не назначили полосы прорыва, а оставили в резерве.

На следующий день войска 21-й армии продолжили наступление. Части 30-го гвардейского и 109-го стрелковых корпусов во взаимодействии с танковыми подвижными группами продвинулись вперед на 15–20 километров и вышли ко второй полосе обороны противника. Были освобождены Келломаки, Териоки, Яппиля, Перола, Мяттила, а части 30-го гвардейского

корпуса вышли к ключевому узлу обороны противника на рубеже Полвиселькя — Икола. При этом не все шло гладко: в журнале боевых действий корпуса отмечается неустойчивая связь с дивизиями, а также несколько часов отсутствовала связь со штабом 21-й армии. В этот же день перешла в наступление 23-я армия А. И. Черепанова. Она ударила на правом фланге, ближе к Ладожскому озеру, оттягивая на себя силы финнов от удара на Центральном направлении.

Ставка ВКГ положительно оценила начало операции и поставила командованию Ленинградского фронта задачу овладеть Выборгом не позднее 20 июня. Но финны не собирались сдаваться, и Маннергейм рассчитывал остановить наши войска на второй полосе обороны, подтянув туда резервы в количестве двух пехотных дивизий и двух бригад.

«Финское командование спешно перебрасывает из Северной Финляндии и Южной Карелии дополнительные силы: две пехотные дивизии и две пехотные бригады. В район Кивеннапа прибывает танковая дивизия. [Туда же подтянулись часть 18-й пехотной дивизии — резерва Маннергейма.]

Несмотря на усилившееся сопротивление финских войск, соединения 21-й армии заняли 12 июня более 30 населенных пунктов. Но далее путь вперед преградила мощная железобетонная линия укреплений противника — вторая, наиболее сильная полоса его обороны.

Оценив обстановку, командующий фронтом генерал армии Л. А. Говоров принимает решение перенести направление главного удара с центра перешейка, со Средневыборгского шоссе, где противник сосредоточил наибольшие силы, к побережью Финского залива, в Приморскую полосу»^{160}. Вот здесь и проявило себя верное решение оперативного построения фронта. Все резервы финны бросили на Центральное направление, где клином врезался в их оборону корпус Симоняка. А

главный удар советских войск теперь шел вдоль побережья Финского залива, туда Говоров перебрасывал все резервы.

В ночь на 13 июня и весь следующий день Говоров проводил скрытную перегруппировку войск. При этом части 21-й и 23-й армий продолжали активные наступательные действия на Центральном и Восточном направлениях. К вечеру 13 июля сосредоточение войск было в целом завершено. Удалось создать крупную артиллерийскую группировку на Приморском направлении, которая тут же, основываясь на накопленных в процессе прорыва разведанных, начала методичное уничтожение финских узлов сопротивления в районе Кутерселькя, Ванхасаха и Метсякюля.

«Прорыв главной полосы финской обороны начался утром 14 июня артиллерийской и авиационной подготовкой, длившейся в общей сложности более двух часов. Перешедшие затем в наступление 108-й и 109-й стрелковые корпуса двинулись на штурм неприятельских укреплений. [...] Наиболее упорный и ожесточенный характер носили бои в полосе 109-го стрелкового корпуса у Кутерселькя (Лебяжье), где была сложная система укреплений с 23 дотами»^{161}. Путем комбинированного удара по этому узлу с фронта, фланга и тыла советским войскам удалось разгромить его и осуществить прорыв второй оборонительной полосы.

Прорыву обороны противника соседним 108-м стрелковым корпусом во многом способствовал выход 1-й Краснознаменной танковой бригады к Приморскому шоссе. «46-я стрелковая дивизия полковника С. Н. Борщева и 90-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. Г. Лященко, форсировав реку Ваммелсууйоки (Черная речка), штурмом взяли неприятельские укрепления и тем самым расширили участок прорыва до побережья Финского залива»^{162}.

Восемнадцатого июня 1944 года командующему Ленинградским фронтом Л. А. Говорову было присвоено звание маршала Советского Союза. Леонид Александрович становится пятым по счету военачальником, получившим это звание в годы Великой Отечественной. Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. В. Сталин получили его в 1943 году. В феврале 1944 года маршалом стал И. С. Конев. И вот, в июне 1944-го — Леонид Александрович Говоров. К слову сказать, до конца войны лишь четверо советских военачальников получают еще это высшее звание.

В тот же день соединения 21-й армии сумели прорвать третью линию финской обороны по фронту Перкярви (Кирилловское) — Ремпетти (Глебычево). Части 97-го и 108-го стрелковых корпусов вышли на подступы к Выборгу. Город атаковали с юга силами трех дивизий: 314-й под командованием полковника М. С. Елшинова, 372-й полковника П. И. Радыгина и 90-й генерал-майора Н. Г. Лященко. Общее руководство штурмом города было возложено на командира 108-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта М. Ф. Тихонова. «Он находил в обороне противника наиболее уязвимые места и нацеливал туда свои соединения и части. Войска искусными обходными маневрами преодолевали многочисленные укрепления и заграждения, все ближе и ближе продвигаясь к городским окраинам.

Утром 20 июня первые подразделения 108-го стрелкового корпуса ворвались на южную окраину Выборга. Это были стрелковые батальоны, которыми командовали офицеры Воронин и Гурьев. Обойдя небольшое озеро Хейвойсаари и преодолев топкое болото, передовые батальоны вышли к городу со стороны железной дороги Ленинград — Выборг.

Благодаря тому, что инженерным частям удалось обезвредить мины, почти сплошь покрывавшие Выборгское шоссе, и быстро построить переправы, в

город на полном ходу ворвались танки. Ведя огонь с ходу, тяжелые танки в сопровождении десантников-автоматчиков освобождали одну улицу Выборга за другой. Бои шли за каждый дом, за каждый квартал города.

90-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. Г. Лященко, ворвавшаяся в Выборг одной из первых, почти 6 часов вела бой в предместьях и на улицах города. Командир дивизии и ее штаб умело руководили трудными уличными боями, стремясь расчлениить и уничтожить обороняющуюся 20-ю финскую бригаду.

Старинная Выборгская крепость была взята батальоном 90-й стрелковой дивизии, которым командовал майор Д. А. Филичкин. Хотя находившиеся там финские подразделения пытались преградить путь наступающим, бойцы этого батальона, обойдя крепость с двух сторон, вплотную подошли к ней и взяли ее штурмом. [...]

Вечером 20 июня 1944 года город Выборг полностью был в руках советских войск. На башне старинной крепости взметнулось трехметровое красное полотнище»[{163}](#).

В это самое время напряженные бои шли на нарвском участке фронта. Говоров «решил предложить Ставке Верховного Главнокомандования свой новый замысел: глубокий марш-маневр 2-й ударной армии генерала Федюнинского от Нарвы на юг вдоль Чудского озера с переправой ее через трехкилометровую протоку Теплое озеро, между Чудским и Псковским озерами.

Цель заключалась в том, чтобы, приняв от 3-го Прибалтийского фронта участок в районе города Тарту, нанести свежими силами внезапный удар на север, в направлении на Таллин и отрезать Нарвскую группу войск»[{164}](#). Так и случилось, 26 июля войска Ленинградского фронта освободили город Нарву.

Далее были операции в Прибалтике. Говоров испытывал колоссальное нервное напряжение. Будучи командующим Ленинградским фронтом, он одновременно стал представителем Ставки ВГК. Груз ответственности огромный, он плохо спит, его мучают бессонница и головные боли.

«Говоров очень переживал, когда дела шли не так, как хотелось бы. Может быть, от этого у него резко ухудшилось и без того плохое здоровье. Его постоянно мучили бессонница, сильные головные боли, пошаливало сердце. Кровяное давление нередко подскакивало до двухсот и выше. Как только заходил острый разговор, лицо Говорова начинало заметно дергаться. Генерал армии А. И. Антонов от имени Ставки приказал мне ежедневно в 24 часа переключать все на себя, брать управление войсками в свои руки, чтобы Говоров мог спокойно отдыхать до утра.

Когда я сообщил об этом Леониду Александровичу, он махнул рукой:

— А!.. Если бы можно было отключать... Я от разных дум не могу заснуть»^{165}.

К концу войны в среде генералитета стало зреть откровенное недовольство полководческим талантом Сталина. Даже Говоров, обычно выдержанный, неукоснительно соблюдавший субординацию, в сердцах проговаривался^{166}.

Еще в декабре 1943 года Ставка ВГК предложила провести операцию по окружению группы армий «Север» западнее Новгорода, с последующим нанесением ударов в районе Нарвы, Тарту, Даугавпилса, все это создавало благоприятные условия для вступления Красной армии в Прибалтику. Но кровопролитные бои под Новгородом и Великими Луками, в восточных районах Белоруссии не принесли желаемого результата. Лишь нанесение ударов противнику в ходе операций Ленинградского фронта

приблизило начало наступательных операций в Прибалтике.

Верховное командование вермахта понимало: с потерей Прибалтики все северное крыло Восточного фронта теряло свое значение в ходе войны, рвалась всякая связь с Финляндией и Швецией. Прекращались поставки никеля и руды в Германию из Скандинавии. Из Берлина пришел категорический приказ: восстановить боеспособность группы армий «Север». Из Германии, Италии и Франции стали прибывать пополнения. К началу 1944 года были сформированы две эстонские и две латышские дивизии СС, тут же брошенные в бой. Всего в группе армий «Север» к весне 1944-го насчитывалось 47 дивизий.

Из воспоминаний В. М. Ганкевича: «Маршал Советского Союза Л. А. Говоров не спешил с уничтожением окруженной и прижатой к морю еще очень сильной группы армий «Норд». Немцы сопротивлялись отчаянно, они понимали, что ждать от победителей милости им не приходится. Добавим к этому: ранняя весна и распутица, сдобренная мокрым снегом, препятствовали проведению крупной и серьезной наступательной операции. Говоров делал ставку на блокаду, и был в этом абсолютно прав: положение почти трехсоттысячной армии вермахта, блокированной с трех сторон советскими войсками, а с четвертой — отрезанной морем, с каждым днем все ухудшалось и ухудшалось. Это и понятно: запасы продовольствия и боеприпасов, медикаментов, топлива у противника все таяли, а пополнять их становилось все труднее и труднее.

В дивизиях окруженной немецкой группировки один за другим издавались приказы о сокращении норм выдачи продовольствия, и, наконец, немецким войскам пришлось самим перейти на паек, чуть превосходивший те 125 граммов, которые выдавались в блокадном

Ленинграде. Роли действительно переменялись. Ленинград был освобожден от блокады, зато в блокаду попали армии группы «Норд»^{167}.

По данным, полученным штабом фронта, гитлеровцами с 1 марта по 1 мая 1945 года было съедено более 47 тысяч строевых лошадей.

Май 1945 года Говоров со своим штабом встретил в Курляндии, где, прижатая к морю, еще сопротивлялась крупная немецкая группировка: уже сломленная, но еще не уничтоженная.

«На рассвете 7 мая в одном из маленьких домиков литовского городка Мажейкяй, где размещался командный пункт Ленинградского фронта, маршал Л. А. Говоров, член Военного совета генерал В. Н. Богаткин и начальник штаба генерал М. М. Попов ждали чрезвычайных сообщений»^{168}. В этот день маршал Говоров подписал в этом домике ультиматум последней группе фашистских войск на территории нашей страны.

Вот его полный текст:

«К немецким генералам, офицерам и солдатам Курляндской группы войск!

От командующего Советскими войсками Ленинградского фронта Маршала Советского Союза Говорова.

7-го мая 1945 года в Реймсе подписан акт военной капитуляции всех немецких вооруженных сил как на Западном, так и на Восточном фронтах. Приказ немецким войскам о капитуляции дан верховным главнокомандующим немецкими вооруженными силами гросс-адмиралом Денитц.

Чтобы избежать ненужного кровопролития, я требую от вас: 8.05.45 г. прекратить военные действия, сложить оружие и сдаться в плен.

Всем генералам, офицерам и солдатам, которые прекратят сопротивление и капитулируют,

гарантируется: жизнь, достаточное питание и возвращение на родину после войны.

Всем раненым и больным будет немедленно оказана медицинская помощь.

Я обещаю всем сдавшимся достойное солдат обращение.

Эти условия одинаково действительны для соединений, полков, подразделений, групп и одиночек.

Если мое требование сдаться не будет выполнено в срок, вы рискуете быть уничтоженными.

Немецкие офицеры и солдаты:

Если ваше командование не примет мой ультиматум и не выполнит приказа вашего верховного главнокомандующего, — действуйте самостоятельно. Решайте сами свою судьбу. Соединениями, полками, подразделениями, группами и в одиночку складывайте оружие и сдавайтесь в плен.

Командующий Советскими войсками Ленинградского фронта

Маршал Советского Союза ГОВОРОВ

7 мая 1945 года»[{169}](#).

Листовки срочно отпечатали в количестве семи тысяч экземпляров и с самолетов сбросили на всем пространстве Курляндского полуострова, занятого фашистскими войсками.

В то же время начальник Политуправления фронта генерал-майор А. П. Пигурнов приказал развернуть вдоль всей линии фронта звуковещательные станции, которые с 23.00 7 мая передавали текст ультиматума маршала Л. А. Говорова командованию группы армий «Курляндия».

Данному воззванию в ночь на 7 мая предшествовала сложная политическая интрига. В 2 часа 41 минуту во французском городе Реймс немецкое командование в лице генерал-полковника А. Йодля подписало предварительный протокол о капитуляции. Текст этого

договора составляли в штабе Эйзенхауэра и фактически поставили советскую сторону перед фактом. Мотивы немцев были понятны: по возможности отвести войска на запад и сдаться англичанам и американцам. Мотивы союзников тоже более чем прозрачны: утвердить свою решающую роль во время принятия капитуляции, увеличить территорию сфер влияния. Но все это категорически не устраивало советскую сторону.

Сталин отказался признавать этот акт и потребовал повторного подписания в Берлине, взятого на тот момент Красной армией.

Тем не менее подписанный в Реймсе Акт о капитуляции был основанием потребовать от Курляндской группировки сложить оружие. Всем было понятно, что это всего лишь вопрос времени. Говоров отдал приказ об организации лагеря для военнопленных и сборного пункта для фашистских генералов и офицеров штаба. Всего около сорока человек по данным разведки. Командовал немецкой группировкой генерал пехоты Карл Гильперт, до этого назначения командовавший 16-й армией.

«Гильперт считался одним из самых преданных Гитлеру немецких генералов. В войсках группы «Норд» он командовал корпусом и долгое время 16-й армией. В начале 1943 года Гильперт командовал группировкой немецких войск в районе Синявина. Хотя нашим войскам и удалось тогда прорвать блокаду, неприятель удержал Синявинское плато, имевшее большое значение для судеб всей группировки немецко-фашистских войск под Ленинградом. За это Гильперт получил награду и повышение в чине»^{170}.

«Проект письма-обращения Гильперта к маршалу Говорову датирован 8 мая 1945 года. Это было ранним утром, когда Гильперт еще не знал, какие распоряжения свыше он получит. Он «заверяет» маршала Говорова, что находящаяся под его властью Курляндская группа

армий готова получить указания и «... лояльно их выполнить». Маршал Говоров, может быть, «примет во внимание» и «уважит» проявленную храбрость его войск и предоставит им «свободный и почетный выход на территорию Рейха, с оставлением холодного оружия».

Да, утопающий готов ухватиться за соломинку, говорят в народе. Но Гильперт идет дальше: «Если, господин маршал, вы считаете себя неполномочным выполнить мою просьбу, я прошу вас передать это господину маршалу Сталину, который, благодаря своим победам, теперь стал первым солдатом Европы. С выражением полного почтения»^{171}.

Вот так. С выражением полного почтения!

«В 7 часов [8 мая] станции радиоперехвата в Мажейкяе услышали наконец-то, что ожидалось целые сутки: «Командующему Вторым Прибалтийским фронтом. Всеобщая капитуляция принята. Устанавливаю связь и спрашиваю, на какой волне возможна связь с командованием фронта. Командующий войсками группы 'Курляндия' Гильперт, генерал пехоты»^{172}.

Сутки потребовались Гильперту, чтобы уничтожить оперативные документы армии. После этого капитуляция была принята.

«Леонид Александрович приказал послать Гильперту радиogramму следующего содержания: «Прекратить все военные действия во всех подчиненных войсках и выставить белые флаги к 14 часам. Выслать немедленно своего уполномоченного в пункт Эзере для подписания протокола о порядке сдачи в плен немецких войск». В 14 часов 35 минут пришел ответ Гильперта: «Господину маршалу Говорову. Подтверждаю прием Вашей радиogramмы. Я приказал прекратить враждебные действия в 14.00 по немецкому времени. Войска, на которые распространяется приказ, выставят белые флаги. Уполномоченный офицер находится в пути по дороге Скрунда — Шомпали». [...]

17 мая Военный совет доложил Ставке Верховного Главнокомандующего, что в результате капитуляции немецких войск и последующего прочесывания Курляндского полуострова войска Ленинградского фронта взяли в плен: штабы курляндской группы армий, 16-й и 18-й армий, семи армейских корпусов, 22 дивизии, две боевые группы, мотобригаду, 50 отдельных батальонов, 28 артиллерийских соединений и частей, части инженерные, связи и прочие... Фронт захватил также до 2 тысяч орудий, свыше 400 танков и самоходных орудий, более 11 200 автомашин, 153 самолета и много другой техники и вооружения. Всего на Курляндском полуострове сдалось в плен более 189 тысяч солдат и офицеров и 42 генерала»^{173}.

Война была закончена. Тяжелый груз четырех лет разом упал с плеч маршала, но не было после этого легкости. Только огромная, смертельная, нечеловеческая усталость.

После войны Леонид Александрович Говоров в течение десяти лет служил главным инспектором Сухопутных войск. Причем эту работу он совмещал с должностью начальника Управления высших военно-учебных заведений. В 1948 году Говоров стал командующим ПВО страны. В 1952 году новое назначение — заместителем министра обороны по боевой подготовке. В 1954 году Говоров вновь возглавил ПВО Советского Союза, оставаясь при этом заместителем министра обороны СССР.

Послевоенная служба — это череда учений, кадровых назначений, совершенствования и перевооружения вверенных ему войск, контроль и постановка задач научно-исследовательским институтам. После атаки американцев на Хиросиму и Нагасаки, когда впервые было применено ядерное оружие, противовоздушная оборона страны становится ключевым условием безопасности советских граждан.

Обе стороны ведут напряженные работы по созданию сверхзвуковых средств доставки ядерного боезапаса.

«Авторитет Леонида Александровича Говорова в Генеральном штабе и у командующих войсками округов неизменно высок.

Много сил Леонид Александрович Говоров отдавал общественной деятельности. Он был депутатом Верховного совета Союза ССР. В 1952 году на XIX съезде партии его избрали кандидатом в члены Центрального комитета.

Гипертоническая болезнь давала частые обострения. Еще в начале 1954 года врачи рекомендовали Леониду Александровичу работать с меньшим напряжением, ограничить поездки в войска. Лечение не давало результатов: отдыхать он не умел...»^{174}.

Плохо сказалась на его пошатнувшемся здоровье и история с «судом чести» над адмиралами ВМФ.

Сразу после окончания войны обострилась политическая борьба между двумя группировками в Политбюро Центрального комитета партии. С одной стороны — второе лицо в стране, всесильный секретарь ЦК по идеологии и глава Ленинградской парторганизации А. А. Жданов, любимец Сталина. С другой стороны — группа Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, Н. С. Хрущева. Жданов и его приближенные выигрывали в этой борьбе. Чтобы ослабить Маленкова, он внедрил во все сферы управления страной так называемые «суды чести», когда коллеги обвиняемого разбирают его проступки на отдельных закрытых заседаниях. Такие суды не имели юридической силы, но вполне могли способствовать увольнению. Также они могли направить ходатайство в органы внутренних дел, и тогда в отношении обвиняемых могло быть начато следствие.

«Кузнецов Николай Герасимович, Галлер Лев Михайлович, Алафузов Владимир Антонович, Степанов

Георгий Андреевич. Четыре адмирала. Цвет советского Военно-морского флота...

Их обвиняли в том, что в годы войны (1942–1944 гг.), находясь на ответственных постах в Наркомате Военно-морского флота, они передали англичанам и американцам материалы по некоторым видам вооружения, образцы этого оружия, карты двух островов и южного побережья Камчатки. Чертежи высотной торпеды, принятой на вооружение еще в 1938 году, в войну не были секретными, о чем прекрасно знали те, кто организовал это судилище, а карту Камчатки можно было купить в магазине. Кто же был «злым гением», как потом выразился Кузнецов, в организации суда над заслуженными адмиралами? На это есть прямой ответ — Н. А. Булганин, в то время министр Вооруженных Сил СССР, заместитель Председателя Совета Министров СССР. За кулисами же «дела адмиралов» стояли Берия и Сталин»^{175}.

Председателем этого суда был назначен Говоров. Все понимали: отказаться невозможно. Очень хорошо знавший Н. Г. Кузнецова лично, Говоров прекрасно понимал, что никаких секретов адмирал не передавал. Но в те годы отказаться от подобного председательства означало возможность в ближайшем будущем самому оказаться на скамье подсудимых. Боевой маршал, не гнувшийся головы перед немецкими снарядами, не осмелился пойти против воли Сталина.

Заседание началось 12 января 1948 года. Председателем суда был Леонид Александрович, члены — генералы и адмиралы различных ведомств и служб. Всего семь человек во главе с председателем суда. «Надежда на маршала Говорова, с которым, как бывшим командующим Ленинградским фронтом, подсудимые были хорошо знакомы и знали его как человека трезвых взглядов, увы, не оправдалась. Маршал, по словам Кузнецова, «порядочный человек, но «свое суждение

иметь» не решился и по указке Булганина сгущал краски». Именно Говоров, открывая заседание суда, объявил, что слушается дело об «антипатриотических, антигосударственных проступках подсудимых». Нужный Кремлю тон был четко задан»^{176}.

После самого заседания Говоров долго отсутствовал, скорее всего, уезжал в Кремль. О чем они разговаривали со Сталиным, останется загадкой навсегда, но по возвращении был оглашен приговор: ходатайствовать перед Советом министров о передаче дела в Военную коллегия Верховного суда СССР.

Алафузова, Галлера и Степанова приговорили к разным срокам лишения свободы. Кузнецова понизили в должности. Впрочем, через год Сталин вновь назначит Кузнецова главкомом ВМФ... Такой у вождя был своеобразный юмор.

Через год, в 1948 году умер Жданов, а борьба кланов в ЦК привела к знаменитому «Ленинградскому делу», по которому были расстреляны 20 крупных руководителей, выходцев из Ленинградской парторганизации. Еще более трехсот человек сели в тюрьму. Как во время этого процесса уцелел Говоров — остается загадкой. Г. М. Маленков вычищал всех приближенных А. А. Жданова из эшелонов управления ключевыми отраслями. Не мог он не вспомнить и о Говорове. Но арестовать маршала, шагавшего в общем строю на Параде Победы в 1945-м, одного из одиннадцати на тот момент кавалеров ордена «Победа» — такое было не под силу даже Маленкову и Берии. Но все эти события не могли не сказаться на здоровье Говорова.

«Начало 1955 года. Подмосковный санаторий «Барвиха». Из окон комнаты, где лежит смертельно больной Леонид Александрович, видны лишь запорошенные снегом березы. Именно здесь суровой осенью и зимой 1941 года, когда шла великая битва за

столицу, располагался одно время его командный пункт. А теперь тишина...

Маршал тяжело переживает свою вынужденную бездеятельность. Не все, не все сделано из того, что он хотел сделать. Взгляд останавливается на книгах, журналах, которые лежат рядом с постелью. Здесь и последние материалы о зарубежной технике ракетных войск, и книги по философии. Лидия Ивановна знает, что бесполезно уговаривать его не читать. Он погладит ее руку, потом спросит о младшем сынишке-баловне, которому только одиннадцатый год: «А где наш малой? Приведи его ко мне...» — и снова возьмется за книгу.

19 марта 1955 года Леонид Александрович долго находился в тяжелом состоянии, а когда ему стало немного легче, попросил жену и старшего сына написать под его диктовку письмо советскому правительству. Но видя, что близкие волнуются, он попросил вызвать Александра Васильевича Романова, офицера для поручений, с которым не расставался с первых дней войны. Напрягая последние силы, он продиктовал слова, выражавшие всю суть его военного и человеческого служения Родине.

«...Я должен был бы сделать больше, но сделал, что успел, что смог...»

Это были его последние слова»[{177}](#).

Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров был похоронен у Кремлевской стены.

Памятник Леониду Александровичу Говорову был открыт 25 января 1999 года на площади Стачек в городе-герое Ленинграде, ныне Санкт-Петербурге.

Но Город ничего не забывает. Он будет помнить своего маршала. Будет помнить его серьезным мальчишкой, прибывшим на Николаевский вокзал осваивать науки. Будет помнить его генералом, прорвавшим блокаду в 1943 году. Будет помнить

маршалом, великим артиллеристом и полководцем.
Город умеет хранить память о своем спасителе.

«ГЕНЕРАЛ-ПРОРЫВ»

Николай Павлович Симоняк,

***генерал-лейтенант, командир 136-й (63-й
гвардейской)***

стрелковой дивизии и 30-го стрелкового корпуса

Этот разговор состоялся предположительно 13–14 января 1943 года в разгар операции «Искра». 2-я ударная армия Волховского фронта была остановлена немцами в районе Рабочего поселка № 5 и рощи «Круглая». Представитель Ставки ВГК Г. К. Жуков, находившийся в штабе Волховского фронта, по специальной линии связи позвонил командиру 136-й стрелковой дивизии Николаю Павловичу Симоняку и сразу перешел на повышенные тона:

— Почему не штурмуешь Синявинские высоты? 2-я ударная продвинуться не может!

— По той же самой причине, по которой их не штурмует 2-я ударная армия. Подходы заболочены. Потери будут огромные, а результат мизерным.

Так с Жуковым разговаривать было не принято. Еще не маршал, но целый генерал армии имел крутой нрав, в выражениях не стеснялся. В армии его боялись все, кто стоял ниже по званию. Маршалом он, кстати, станет через несколько дней.

— Шта-а-а? Толстовец какой! Непротивленец, твою мать! Какие трусы у вас не хотят воевать? Кого надо выгнать?

— Товарищ генерал армии! В 67-й армии трусов нет!
— Приказываю штурмовать высоты!
— Моя дивизия в подчинении командующего Ленинградским фронтом генерала Говорова. Я от него получаю приказы.

Жуков повесил трубку. Но приказа штурмовать Синявинские высоты Симоняк не получил. Дальше эта история получает полумифическое продолжение. В своей книге «Тайный советник вождя» В. Д. Успенский писал: «Генерал Симоняк оказался в непосредственном подчинении у маршала Жукова [в 1944 году, во время Висло-Одерской операции. — Д. Ф.], с которым имел в начале войны очень крупную неприятность. Это когда Жуков всеми способами, вплоть до расстрела, наводил порядок под Ленинградом. Столкнулись два кремневых характера, да так, что искры разлетелись. Едва Георгий Константинович переступил предел нормального общения, Симоняк, зная, на что тот способен, резким движением выбил пистолет из руки Жукова. Выстрел не грянул, оба уцелели, но разошлись отнюдь не друзьями. Говоров и Жданов постарались замять этот конфликт»^{178}.

О хамоватости и жестокости Жукова в армии было известно. Он мог обозвать генерала «мешком с дерьмом» в присутствии его подчиненных. «Если же кто-то перечил полководцу, последствия бывали печальными. Во время одного из штабных разнесов маршал Жуков обещал отправить под трибунал нескольких генералов, а кое-кому даже съездил по физиономии, когда вдруг генерал Борис Благославов попросил командующего не материться в его адрес. Жуков схватился за пистолет и направил на генерала, а Благославов достал свой пистолет и приготовился к дуэли, которой, впрочем, не случилось»^{179}.

Поэтому надо было обладать смелостью и внушительным чувством собственного достоинства,

осознанием правильности управления боем, чтобы отказаться выполнять приказ Жукова. Всеми этими качествами обладал Герой Советского Союза Николай Павлович Симоняк, которого солдаты прозвали «генерал-прорыв».

Николай Павлович Симоняк родился 17 февраля 1901 года в селе Березовка Прилукского уезда Полтавской губернии. Когда ему было всего четыре года, его семья переехала в станицу Темижбекскую Лабинского отдела Кубанской области. Без всякого сомнения, это был «солдатский» генерал, от земли, от сохи, от винтовки. С фотографии на нас глядит простой русский мужик с волевым подбородком, лицо крупное, рабоче-крестьянское, взгляд прямой, без хитрости и спрятанных от посторонних глаз мыслей. Все нараспашку. Генерал похож то ли на доброго деревенского быка, то ли на пахотного коня. Бесхитростный, но не простодушный; суровый, но не мрачный. Основательный, как столетний дуб, прочно вросший корнями в родную землю: не сдвинешь, не согнешь, не шелохнешь, только под корень рубить.

Генерал Симоняк, как и маршал Л. А. Говоров, не оставил после себя воспоминаний или автобиографии. Точнее, то, что он начал писать, уместилось на нескольких страницах, самое начало своей жизни успел Николай Павлович описать. Но даже то, что им было написано, обладает незримым литературным талантом, который нельзя померить или взвесить, но который отличает писателя от эпигона. Впрочем, если бы кто-то назвал его писателем, Николай Павлович от души бы посмеялся, но нам по прошествии лет прекрасно видно: то горячее чувство правоты, искренности и честности, которое разлито в скупых строчках незавершенной автобиографии, обладает явными признаками качественного художественного текста. И если рукописи

не горят, то где-то в небесной библиотеке Ленинграда лежит дописанная книга за авторством Симоняка.

«...Я часто спрашивал свою мать: почему ребята дразнят меня мужиком или почему она не сошьет мне бешмет и шапку, какие носят мои ровесники в станице? Пусть тогда попробуют сказать, что я мужик.

Мать, тяжело вздыхая, объясняла, что не в бешмете дело. Беда в том, что у нас нет земли. Приехали мы сюда, на Кубань, с Украины, потому называют нас иногородними и носить казацкую форму не позволяют.

Иногородние, инородцы, мужики лапотные — эти слова я слышал с детства, на себе ощутил пренебрежительное, презрительное отношение к тем, кого так величали.

В 1907 году, когда мне исполнилось шесть лет, меня определили в училище. В первый день занятий почти всем школьникам в классе выдали карандаши, тетради, книги. Меня и еще нескольких ребят, тоже иногородних, обошли.

Со слезами вернулся я домой. Родители сами купили мне книги и тетради, но обида засела в душе. Почему ко мне относятся не так, как к другим?

Учеников-казачат водили на строевые занятия. Страсть как хотелось и мне с ними. Но меня не брали — иногородний. Учил строевой подготовке старый усатый казак, ефрейтор. Человек он был тупой, ограниченный, ученики прозвали его Халява. Он не мог отказать себе в удовольствии посмеяться надо мной и другими сыновьями бедных крестьян. Когда мы стояли на плацу в сторонке, не в силах оторваться от зрелища строевых занятий, Халява командовал:

— Разогнать мужичат!

Мгновенно возникала рукопашная схватка. Казачата пускали в ход деревянные ружья, а мы отбивались кулаками, комьями земли. Не раз я возвращался домой с разбитым носом, с подбитым глазом.

— Ничего, сынок, придет время, когда и мы их будем бить, — утешал меня отец»^{180}.

Отец будущего генерала происходил из запорожских казаков Полтавской губернии. Рано узнал нужду, в детские годы потерял родителей и жил у деда, человека строгого и основательного. В неурожайный год дед вынужден был продать надел земли, и Павел Симоняк в поисках лучшей доли перебрался на Кубань, где нанялся на службу помещику.

«Из станицы отец иногда ездил в свои родные края, оттуда он привез и жену, рано осиротевшую девушку с Полтавщины. Оба стали гнуть спины на помещика Заболотного, отец работал конюхом, а мать прислуживала в помещичьем имении, его у нас называли экономией. Трудились от зари до зари, а свою хату отец смог поставить только перед первой мировой войной. До этого семья наша снимала угол у кого-нибудь из состоятельных казаков, имевших просторные дома»^{181}.

Семья была большая, девять детей мал мала меньше. Н. П. Симоняк вспоминал впоследствии, что ели в маленькой хате по очереди: просто не помещались все вместе за одним столом.

Отец Николая Симоняка был человеком образованным, умел читать и писать, что являлось редкостью для простого казака той поры. Самоучка, к которому часто обращались соседи, чтобы помог составить прошение, написать ту или иную бумагу, он каким-то внутренним своим чутьем понимал, что именно в грамоте, в умении складывать буквы в слова, считать, знать нечто больше, чем положено твоему крестьянскому миру и быту — в этом кроется залог успеха и роста, преодоления себя самого. Именно с подачи отца Николай Симоняк закончил двухклассное училище в 1914 году и сразу же по его окончании поступил на поденную работу. Ничего не поделаешь, семье надо выживать. К слову сказать, на 15 тысяч

населения станицы в тот год было 15 выпускников. Грамотой овладел один из тысячи.

«В 1917 году отца забрали на войну. На меня, как на старшего, легли обязанности хозяина. Плохой я был глава семьи в свои шестнадцать лет. Лошадь пала. Хозяйство разваливалось. Пойти бы нам по миру, но, к счастью, через год отец вернулся с фронта. К тому времени в станицах стала особенно разгораться классовая борьба. Дело доходило до вооруженных столкновений между казаками и иногородними.

Помнится такой эпизод.

Сын казака Писанкова учился в Краснодаре. Когда началась революция, он вступил в красногвардейский отряд и был убит в бою с корниловцами. Писанков счел для себя позором, что сын оказался на стороне голытьбы, и даже мертвому не хотел простить прегрешений. Но его дочь поехала в Краснодар и привезла тело брата домой. Отец, увидев подводу с гробом, закрыл ворота.

Солдаты из иногородних собрались у дома Писанкова, вызвали духовой оркестр и с почестями похоронили красногвардейца. Гроб сопровождал большой вооруженный эскорт.

Станица окончательно разделилась на два лагеря. Как только вблизи Темижбекской появился корниловский отряд, сразу образовался фронт в самой станице: иногородние перебрались на левый берег Кубани, а казаки остались на правом.

Началась и у нас гражданская война.

Отец прибежал домой запыхавшись:

— Собирайтесь! Оставаться нам здесь нельзя. Убьют...

Отец испортил немало крови станичным богатеям. Они уже не раз угрожали расправиться с ним.

Вся семья уселась на телегу. Поехали к мосту через Кубань. Только переправились — мост взорвали, чтоб не

пропустить белых»[{182}](#).

Произошло это в 1918 году. Все, как у Шолохова в «Тихом Доне». Гражданская война разделила станицы, хутора, семьи.

Беженцы первое время находились в 154-м Дербентском революционном полку. С 1 мая 1918 года Николай Симоняк служил в полку сначала бойцом, потом конным разведчиком. Боевые действия на Кубани в 1918 году напоминали слоеный пирог. Все перемешалось: белые, красные, зеленые, анархисты... Станицы и хутора переходили из рук в руки. Отправившись на побывку домой, он чуть было не попал в плен к белым, но чудом спасся. Воевал под станицей Тифлисской в партизанском отряде.

«Дисциплина в отряде была строгая. Для поддержания ее избрали товарищеский суд. Вспоминаю такой случай.

Два бойца из продовольственников украли полмешка сахара. По решению товарищеского суда провинившихся водили по ротам. На фанерных дощечках, которые висели у них на груди, было написано: Я украл сахар — у одного, А я продал его — у другого.

Но в общем-то подобных провинностей случалось мало. Партизаны жили дружно, храбро воевали.

Я был в Гулькевичском отряде, пока не встретил своих товарищей из 154-го Дербентского революционного полка. Тогда снова вернулся в полк, служил там конным разведчиком. Весь восемнадцатый год провел в боях на Северном Кавказе. Дербентцы проделали трудный путь, двигаясь в направлении Кавказская Гулькевичи — Армавир — Невинномысская — Суворовка — Бекешевка — Пятигорск Моздок — Кизляр.

Дважды я был ранен. Первый раз лечился в полку, а после второго ранения лежал в санитарном поезде»[{183}](#).

Осенью 1918 года Симоняк вместе с полком совершает знаменитый 450-километровый переход по пустынной степи из Кизляра в Астрахань. Этот поход впоследствии будет увековечен в повести Александра Серафимовича «Железный поток». В этом есть особый указующий перст судьбы: с юных лет он находился в гуще великих исторических событий, потрясений и смут, закалял в них свой характер и оставался верным Родине и идеалам.

Во время этого перехода Симоняк отморозил себе ноги, а добравшись до Астрахани — заболел сыпным тифом, был на волоске от смерти. Вместе с другими больными он был эвакуирован в Саратов, но уже 1 мая 1919 года вновь вернулся в родной полк, переименованный к тому времени в 292-й Дербентский. Полк входил в состав 33-й Кубанской дивизии, которая была сформирована преимущественно из так называемых иногородних кубанцев. В составе полка он принимал участие в боях за Новороссийск.

«После освобождения Новороссийска мне разрешили съездить на побывку домой. С волнением добирался я до родных мест. Что там дома? Живы ли родные, уцелели ли в буре, пронесшейся над страной? Ничего я о них не знал.

И вот подхожу к дому. У двора меня встретил яростным лаем большой пес. Приглядевшись, я узнал в нем щенка, которого оставил, уходя к партизанам. И он, услышав мой голос, вдруг завилял лохматым хвостом. Из дома выбежала мать. Бросилась мне на шею, заплакала.

Тогда я узнал о тяжелой утрате. Отца замучили казаки-белогвардейцы.

Когда в Темижбекской хозяйничали белые, отец жил в другом месте, но от знакомых он узнал, что дома плохо — детишки голодают, а мать тяжело заболела. Не выдержало его сердце — тайком пробрался домой. Кто-то из станичников его предал. Отца схватил казацкий

патруль и привел к атаману. Здесь начался допрос. Били кулаками, железным костылем, сдирали кожу с головы, били и приговаривали: Молчишь, гад? Нет, заговоришь, красный бунтовщик.

Ночью обессиленного отца привели на Кубань, дали лом: долби прорубь, свою могилу. Отец не мог шевельнуть перебитыми руками. Свалили его на лед, начали топтать...

Думали истязатели, что скончался отец, бросили на льду. Односельчане подобрали его, привезли домой. Жизнь едва теплилась в изувеченном теле. Живот вздулся, пальцы почернели. Отец попросил положить его на пол: Так легче умирать. Мать собрала детей. Взглянув на них, отец только и успел сказать:

— Береги их. Они должны дожить до лучших дней...»^{184}.

На этом воспоминания Симоняка обрываются. Конечно, взыскательный читатель может экспертно свысока заявить: нет метафор, примитивные речевые обороты, штампы, простенький конфликт. Ни тебе метафизики, ни философской глубины... Соцреализм, одним словом. К счастью, Симоняк писал не для такого читателя. Писал внятно, уверенно и честно. И сказать об убийственном походе Таманской армии, что, мол, нечего тут говорить, читайте Серафимовича, там все написано, — это дорогого стоит. Право на такую сухость необходимо выстрадать.

После Гражданской войны Николай Симоняк принял решение связать свою жизнь с армией. В 1922 году он закончил командные курсы и стал именоваться краскомом — красным командиром. В начале 20-х годов он познакомится с девятнадцатилетней Шурой, впоследствии Александрой Емельяновной Симоняк. Девушка работала на сельскохозяйственной станции в станице Персиановка, Николай служил тогда в 83-м кавалерийском полку. На момент знакомства ему шел

22-й год. Молодые поженились. Жена следила за домом и вела нехитрое хозяйство, а молодой красноармеец, разведчик-кавалерист гонял белые банды по всей Кубани, рубил врагов. Приезжал угрюмый, усталый, с глубоко впавшими глазами. Но вскоре взгляд его вновь разгорался, руки наливались силой. Дочь Рая появится на свет, когда отец будет заканчивать командирские курсы.

В 1929 году Симоняк закончил кавалерийские курсы усовершенствования комсостава, стал командиром эскадрона. В 1931 году его перевели в Москву, где он был назначен инструктором верховой езды в Военной академии им. М. В. Фрунзе. Страсть к лошадям, к верховой езде, к джигитовке он сохранил на всю жизнь. Горячая казацкая кровь словно бы разгоняла внешнюю напускную угрюмость. Не такую, как у Говорова, конечно, но Симоняк точно никогда не был рубахой-парнем. Казацкая порода, но не мелеховская. Степенно-крестьянская, когда сто раз подумаешь, прежде чем ответить, ценишь слово, взвешиваешь поступок, бьешь один раз, но уж если ударил, то от всей широкой души.

В эти годы семья жила в ведомственном доме при академии, у Симоняков было уже две детей, обе девочки; в 1931-м родилась младшая — Зоя. Во время учебы в академии Симоняк познакомился и сдружился с другими слушателями: Маркианом Михайловичем Поповым, Анатолием Иосифовичем Андреевым — тоже будущими генералами Красной армии.

«Весной 1936 года Симоняк окончил академию по первому разряду. Вскоре после этого они распрощались с Москвой. Переехали в тихий зеленый городок Ленинградской области — Остров. Майор Симоняк был здесь начальником разведки штаба 30-й кавалерийской дивизии. Но и в Острове они жили недолго. Нежданно-негаданно в январе 1938 года Симоняка перевели в

Ленинград, в штаб военного округа»^{185} с назначением инспектором штаба.

Когда в 1939 году началась Советско-финская война, на первом ее этапе именно штаб Ленинградского округа принял на себя руководство сражающимися войсками. К ордену Красного Знамени, полученного Николаем Петровичем в Гражданскую войну, прибавился орден Красной Звезды. В Финскую кампанию Симоняк показал себя грамотным, толковым офицером. В декабре 1939 года произошел следующий случай, прекрасно его характеризующий.

Один из полков 7-й армии вел безуспешные бои, пытаясь прорвать линию Маннергейма. Фронт наступления был широкий, атаковали малыми группами на разрозненных участках, финские пулеметчики без труда держали оборону. Наступление захлебнулось. При этом финны предприняли успешную контратаку, их автоматчики вышли в тыл артиллерийским позициям полка. Завязался бой. При отходе финны напрямик вышли на штаб полка. Полдня длился бой. Сражались все: комендантский взвод, писари, телефонисты, штабные офицеры. Командир полка был убит.

Штаб армии потребовал объяснений, и через сутки в полк прибыл проверяющий, представитель штаба фронта майор Симоняк. Начальник штаба злополучного полка майор С. М. Путилов подробно доложил о происшествии, предоставил карту обстановки и все необходимые документы. Симоняк все досконально изучил и уехал в штаб фронта.

По тем временам такая проверка могла закончиться трибуналом.

Утром майора Путилова вызвал телефонист — срочный звонок из штаба фронта:

— Говорит Симоняк. Ставлю вас в известность, что дело о прорыве противника на вашем участке

командование считает истощенным. Будьте здоровы. Желаю успеха^{186}.

Не пройдет и года, как судьба тесно свяжет Путилова и Симоняка. Они будут вместе драться на полуострове Ханко, пройдут всю войну. С. М. Путилов в феврале 1943 года примет командование 45-й гвардейской стрелковой дивизией и в декабре того же года получит звание генерал-майора. Войну он закончит в Курляндии, уже без Симоняка.

В начале 1941 года полковник Симоняк был назначен командиром 8-й отдельной стрелковой бригады и отбыл к месту службы, на полуостров Ханко — бывший Гангут, холодные скалы которого помнят еще победы петровского флота. Звание полковника он получил 21 марта 1940 года, и это было очередное воинское звание после майора: звание подполковника в РККА будет введено в мае 1940-го.

В январе 1941 года командующим Ленинградским фронтом становится Маркиан Михайлович Попов, однокашник Симоняка по военной академии. Именно Попов отправляет Симоняка на Ханко командовать бригадой. Заметьте, не оставляет при штабе по старой дружбе. И Симоняк едет служить туда, куда приказала Родина.

Оборона Ханко занимает отдельную страницу в истории блокады Ленинграда. Пусть не самую заметную, но совершенно точно героическую. 12 марта 1940 года между Финляндией и СССР был подписан мирный договор, завершивший Советско-финскую войну 1939–1940 годов. По условиям этого договора СССР получил в аренду часть полуострова Ханко, куда вошли одноименный город, его порт, морская акватория вокруг него и ряд островов. Срок аренды был определен в 30 лет, договор предусматривал создание на полуострове военно-морской базы с правом содержания там за свой счет необходимого количества наземных и авиационных

подразделений. Жители Ханко покинули город в течение десяти дней, причем имущество, согласно протоколу договора, должно было остаться в пользование СССР. Уже 2 апреля из Ленинграда на полуостров началась переброска военного имущества, необходимого для оборудования базы. Параллельно корабли стали доставлять личный состав: вскоре в Ханко уже заселились 23 тысячи военнослужащих РККА и 5 тысяч гражданского персонала.

Постановлением Комитета обороны при СНК СССР № 267сс/ов «Об утверждении организации КБФ и мероприятиях по усилению обороны западных районов Финского залива» от 20 июня были, в частности, намечены меры по созданию противовоздушной обороны на полуострове Ханко, а 28 июля был утвержден план военно-строительных работ. Для координации всех строительных и инженерных работ было создано Особое линейное строительство № 3. На Ханко ОЛС-3 возводил все оборонительные сооружения. Несмотря на это к январю 1941 года работы по возведению дотов, дзотов, укреплению береговой линии обороны шли крайне медленными темпами. Финны, в нарушение пунктов мирного договора, сняли и увезли береговые артиллерийские батареи. Перед отъездом на полуостров Симоняк имел разговор в Инженерном управлении фронта с Б. В. Бычевским, и тот подтвердил, что план работ утвержден, но само строительство движется крайне вяло, и попросил Симоняка ускорить этот процесс.

Финны при этом тоже не сидели сложа руки. Со своей стороны границы у деревни Лаппохья они выстроили линию обороны, так называемую линию Харпарског (фин. Harparskogiin linja): четыре оборонительных рубежа, не считая отдельных узлов.

Зимой 1940/41 года Финляндия готовилась к новой войне. Спешно формировались штурмовые батальоны и

десантные отряды для нападения на Ханко. В лесах и среди скал оборудовались укрепленные позиции, на островах устанавливали дальнобойную артиллерию, в том числе вывезенную из Ханко в нарушение условий договора по аренде полуострова. Была создана специальная ударная группа «Ханко», в которую входили пехотные, кавалерийские и артиллерийские полки, инженерные подразделения, десантные суда. Захват Ханко финны планировали осуществить в три дня.

Ситуация на границе продолжала оставаться напряженной. Однажды два финских прапорщика случайно (по утверждению финской стороны) перешли границу, были захвачены и доставлены в Кронштадт для выяснения. На все запросы финской стороны советское командование отвечало в духе «ничего не знаем, никого не видели». Тогда финская разведка выкрала двух советских пограничников. Через несколько дней военнослужащие были обменены на восточной границе Финляндии.

В мае в Финляндии под видом сбора резервистов начались мобилизационные мероприятия. Советское командование внимательно следило за активизацией финских войск в приграничье.

Весной 1941 года Симоняк ускорил работы по возведению оборонительных рубежей. К нему на полуостров прибыла семья: жена и двое младших детей, Зоя и трехлетний Витя. Старшая дочь осталась в Ленинграде заканчивать десятилетку. Но семья не мешала Симоняку полностью отдаваться работе. В какой-то момент он даже отменил занятия по боевой подготовке — все свободные солдаты были брошены на строительные работы. Возводились доты и капониры для артиллерии, углублялись траншеи.

Весной на Ханко прибыл командующий базой генерал Сергей Иванович Кабанов. Симоняк оказался в

его непосредственном подчинении. С командующим они сработались, сразу нашли общий язык, так как оба были профессионалами, дотошными командирами, вникающими в каждую мелочь. В течение весны первой половины лета 1941 года оборонительные работы были завершены практически полностью.

В июне 1941 года на базу с проверкой прибыл командующий Ленинградским военным округом генерал-лейтенант М. М. Попов. Бывший однокашник Симоняка прилетел не один. В составе группы проверки находилось практически все командование округом, включая начальника штаба генерал-майора Д. Н. Никишева и командующего Балтийским флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца. Состояние базы было признано удовлетворительным.

Но работы не были остановлены и после начала войны. В период с 22 июня и до 5 августа были построены подземный командный пункт штаба ВМБ с узлом связи, водопроводом и химзащитой, укрытия из железобетонных блоков для всех воинских частей, которые имели системы вентиляции и автономное освещение, 227 дзотов, 129 артиллерийских позиций, замаскированных и укрытых от обстрела, 74 командных и наблюдательных пункта, 327 укрытий для личного состава, 245 укрытий для автомашин и боевой техники, 41 укрытие для самолетов (9 из которых были железобетонные), 51 подземный склад и медпункты. По периметру перешейка было установлено 12,5 тысячи противопехотных и противотанковых мин, 300 погонных метров проволочных ограждений. Командование ВМБ на Ханко собиралось драться с противником серьезно и долго, столько, сколько потребуетя.

Вечером 21 июня штаб ВМБ получил распоряжение наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова о приведении частей в полную боевую готовность. Все были на местах и ждали противника. Но с 22 по 25 июня финская армия

активности не проявляла. Были редкие обстрелы корабельных дозоров с финского берега, одиночные бомбардировщики сбрасывали бомбы на полуостров, но серьезного ущерба это не причиняло. Бомбардировщики люфтваффе несколько раз устраивали налеты на военно-морскую базу, но и они не причинили особого вреда и никак не повлияли на обороноспособность базы.

Гражданское население с полуострова в эти дни было эвакуировано в Ленинград. Также командование ВМФ отозвало в Кронштадт подводные лодки и торпедные катера. Это решение позволило в первые месяцы войны частично сохранить флот, поскольку Ханко простреливался артиллерией насквозь и рано или поздно корабли были бы потоплены, но при этом лишило полуостров ценности как военно-морской базы. По сути Ханко превратился в блокированный узел сопротивления, оттягивавший на себя часть финских и немецких сил и средств.

Командующий ВМБ генерал С. И. Кабанов и полковник Симоняк в эту первую неделю войны успели также провести мобилизацию оставшегося местного населения, закрыть минами фарватер базы. Строительные работы не прекращались.

Утром 25 июня советская авиация начала операцию по уничтожению аэродромов противника, находившихся на финской территории. Операция длилась шесть дней и заставила немецкое и финское командование перенести свои аэродромы вглубь территории. С этого момента финны начинают активную фазу войны. Вечером того же дня артиллерия на Ханко наносит упреждающий удар по складам, наблюдательным вышкам, артиллерийским батареям. В ответ финны начинают массовый артобстрел территории полуострова, особенно полосу обороны 8-й стрелковой бригады и прилегающих островов.

Бригада Симоняка была серьезной силой. В ее состав входили 270-й и 335-й стрелковые полки с численностью списочного состава по 2700 бойцов в каждом, 343-й артиллерийский полк, имевший в своем распоряжении 36 тяжелых и средних орудий, 297-й танковый батальон (33 танка Т-26 и 11 танкеток), а также 42-й саперный батальон, батальон связи и 204-й зенитный артиллерийский дивизион. Плюс вспомогательные тыловые соединения. Уже в ходе боевых действий в начале августа был сформирован 217-й стрелковый полк. Численность финских войск превышала оборонявшихся в пять раз: против Симоняка были выставлены 2 дивизии около 15 тысяч человек в каждой. Плюс батальон шведских добровольцев (*Svenska Frivilligbataljonen*).

До 1 июля длилась артиллерийская дуэль, а затем ночью финны перешли в атаку по сухопутной линии фронта. Это была разведка боем силами двух рот шюцкоровцев и шведского добровольческого батальона. Противник ударил в стык обороны 2-го и 3-го батальонов 335-го стрелкового полка возле станции Лаппвик. Здесь находилось пересечение железной дороги и шоссе, ведущих вглубь полуострова. Бой длился несколько часов, после чего финские войска были отброшены на исходные позиции. Боем руководили командир 335-го полка полковник С. Н. Никаноров и начальник штаба полка майор С. М. Путилов, судьба которого пересеклась с судьбой Симоняка в декабре 1939 года на Карельском перешейке и, как показала история, сплелась в единое целое на долгие месяцы блокады Ленинграда.

Финны предприняли еще две сухопутные атаки 7 и 8 июля на левом фланге советской обороны в районе Согарс. Атаки успешно были отбиты заградительным огнем артиллерии и минометов. Впоследствии на сухопутном участке фронта активные боевые действия прекратились. Началась снайперская война. Так, лучший

советский снайпер Григорий Исаков за время обороны полуострова уничтожил 118 солдат и офицеров противника. А еще началась война за острова.

Географическое положение полуострова было таковым, что он находился в окружении сотни малых и средних островов. Расположение на части из них финской артиллерии позволяло практически безнаказанно бомбить базу. Поэтому основные боевые действия в летний и осенний периоды развернулись на островах. Финские и советские войска попеременно высаживали десанты, захватывали острова, выбивали противника, вновь отступали под давлением превосходящих сил. Симоняк понимал, что острова — это ключ к обороне базы, поэтому крайне внимательно относился к подбору штурмовых групп, снабжению малочисленных гарнизонов, постоянно лично инспектировал расположенные на островах подразделения, зачастую под огнем противника. Всего путем высадки десантов с 10 июля по 23 октября было захвачено 18 островов. Остров Гуннхольм несколько раз переходил из рук в руки.

Бывший командир базы генерал С. И. Кабанов вспоминал: «Невыносимо воевать, когда и тыл базы, рейд, порт, город доступны не только огню, но и визуальному контролю наблюдательных постов противника, расположенных рядом, — на островах и маяках. Так, конечно, нельзя было выбирать и определять границы базы. Даже предполагая, что Финляндия не станет против нас воевать, хотя такое предположение маловероятно, следовало подумать о наших флангах в шхерном районе»^{187}.

Огромную роль в обороне Ханко играла артиллерия. Каждая батарея имела свой сектор обстрела, два наблюдательных пункта. Корректировщики несли дежурство круглосуточно, засекая огневые точки противника. Наблюдательные пункты были и в

артдивизионах. Вооруженный биноклем наблюдатель тщательно фиксировал каждый выстрел со стороны противника, отмечал на карте. Была создана общая карта засечек батарей противника с указанием калибра, дальности и скорострельности.

Осознание полной изоляции с суши особым образом действует на психику солдат. Подразделения или «плывут», поддаваясь паническим настроениям, или становятся особым боевым братством, со своими законами, традициями, приметам, присказками. Симоняк сумел организовать жизнедеятельность бригады таким образом, что с защитниками Ханко случился второй вариант. Сами они стали называть себя гангутцами, а базу — Гангутом, командование не возражало и даже дало добро на переименование местной газеты «Боевая вахта» на «Красный Гангут». Прекрасный советский поэт Михаил Дудин служил в этой газете корреспондентом и прошел весь путь с Симоняком сначала на Ханко, а затем и на Ленинградском фронте. Он позже напишет балладу, которую так и назовет «Генерал Симоняк».

В сентябре защитники полуострова узнали о том, что Ленинград находится в кольце. Обстановка на фронтах в целом не способствовала поддержанию боевого духа. При этом следует отметить превосходную пропаганду со стороны финнов: регулярные радиопередачи на линии соприкосновения с предложениями сдачи в плен, заброс листовок провокационного содержания.

Но дальше произошло событие, которое навсегда вошло в историю: то ли войны, то ли литературы. Здесь настолько тонкая и неуловимая грань, когда сатира, байка, острое слово и смерть вдруг, соседствуя рядом, соединяются в удивительный сплав огромной внутренней силы.

Утром 7 октября 1941 года на переднем крае обороны наступила непривычная тишина. Противник

прекратил обстрел. На финской стороне включились мощные громкоговорители, и к советским солдатам обратился сам Маннергейм. «Доблестные защитники Ханко!» — так начиналась его речь. Записанное по радио выступление Верховного главнокомандующего финской армией, обращенное непосредственно к ним, защитникам Ханко, с точной характеристикой существующего положения, описанием мельчайших деталей быта, подействовало удручающе на моральное состояние наших войск. Во-первых, послание демонстрировало прекрасную работу финской разведки, во-вторых, было составлено в уважительном ключе, с оценкой доблести и храбрости советских солдат, но при этом с уверенной констатацией безнадежного положения окруженных войск, что в глубине души понимали все, но не хотели в этом признаваться даже самим себе.

В подразделениях начались брожения, разговорчики, сомнения. Все понимали, что Ленинград не поможет, он сам находится в блокаде. Осень. Приближаются холода. Заканчиваются продовольствие и снаряды. К тому же серьезная речь старого финского генерала контрастировала с привычными зазываниями финских пропагандистов, обещавших сытную жизнь в плену. Обращался Маннергейм на русском языке, который знал в совершенстве. В заключение следовал жесткий, точно выверенный психологический удар: два дня на размышления.

Удивительное совпадение судьбы, но именно в этот день Николаю Павловичу Симоняку было присвоено очередное воинское звание генерал-майора.

Советскому командованию необходимо было принимать срочные меры. С одной стороны, указание бытовых деталей свидетельствовало о наличии шпионов на Ханко и хорошей работе финской разведки. С другой

стороны, необходимо было не допустить расползание панических настроений на полуострове.

Ответную листовку готовили журналисты газеты «Красный Гангут». Текст написал начинающий поэт Михаил Дудин, служивший на Ханко в артиллерийской разведке еще с зимней войны 1939 года. Рисунки выполнил художник Борис Пророков, служивший при политотделе 255-й бригады морской пехоты.

Полковой комиссар А. Л. Раскин дал прямое указание не стесняться в выражениях, а начальник политотдела бригадный комиссар П. И. Власов придумал стилистический ход: написать ответ в духе письма запорожских казаков турецкому султану.

Солдаты — люди простые, приказы выполняют точно. Поэтому первый вариант письма, по воспоминаниям начальника базы С. И. Кабанова, состоял из сплошной матерщины. Разумеется, он был забракован. Тогда был составлен второй вариант, который и вошел в историю как ответ защитников Ханко барону Маннергейму.

Листовку отпечатали 10 октября на больших листах в формате 23 на 39 сантиметров. Точный тираж неизвестен, но, по воспоминаниям автора текста Михаила Дудина, в свет вышло несколько тысяч экземпляров. А дальше листовку разослали по всем подразделениям, ротам и взводам, в окопы и на кухню, на острова и на передний край обороны. Бойцы хохотали, обсуждали текст за перекуром и повторяли рисунок через копирку: для себя, на память.

Свою роль листовка выполнила, но ответ, конечно, был адресован не Маннергейму, а предназначался для своих бойцов в качестве контрпропаганды.

Вот полный текст этого поистине уникального документа. В таком виде он был напечатан впоследствии в газете «Комсомольская правда» и, по слухам, пришелся по душе самому Сталину.

«ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ, ПРИХВОСТНЮ ХВОСТА ЕЕ
СВЕТЛОСТИ КОБЫЛЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ,
СИЯТЕЛЬНОМУ ПАЛАЧУ ФИНСКОГО НАРОДА,
СВЕТЛЕЙШЕЙ ОБЕР-ШЛЮХЕ БЕРЛИНСКОГО ДВОРА,
КАВАЛЕРУ БРИЛЛИАНТОВОГО, ЖЕЛЕЗНОГО И
СОСНОВОГО КРЕСТА,

барону фон Маннергейму.

Тебе шлем мы ответное слово.

Намедни соизволил ты удостоить нас великой чести,
пригласив к себе в плен. В своем обращении, вместо
обычной брани, ты даже льстиво назвал нас
доблестными и героическими защитниками Ханко.

Хитро загнул, старче...

Всю темную холуйскую жизнь ты драил господские
зады не щадя языка своего. Еще под августейшими
ягодицами Николая Кровавого ты принял боевое
крещение. Но мы народ не из нежных, и этим нас не
возьмешь. Зря язык утруждал. Ну хоть потешил нас, и на
этом спасибо тебе, шут гороховый.

Всю жизнь свою проторговав своим телом и
совестью, ты, как измызганная старая проститутка,
торгуешь молодыми жизнями финского народа, бросив
их под вонючий сапог Гитлера. Прекрасную страну озер
ты залил озерами крови.

Так как же ты, грязная сволочь, посмел обращаться к
нам, смердить наш чистый воздух?!

Не в предчувствии ли голодной зимы, не в
предчувствии ли взрыва народного гнева, не в
предчувствии ли окончательного разгрома фашистских
полчищ ты жалобно запищал, как загнанная крыса?!

Короток наш разговор:

Сунешься с моря — ответим морем свинца!

Сунешься с земли — взлетишь на воздух!

Сунешься с воздуха — вгоним в землю!

Красная Армия бьет с востока, Англия и Америка — с
севера, и не пеняй, смрадный Иуда, когда на твое

приглашение мы — героические защитники Ханко — двинем с юга!

Мы придем мстить. И месть эта будет беспощадной!

До встречи, барон.

Гарнизон советского Ханко»^{188}.

В итоге авторов текста сначала отругали за излишнюю инициативу, а затем, после положительной реакции вождя народов, наградили орденами и медалями. Всё в лучших традициях отечественной бюрократии.

Но примечательно не это. Сам текст письма стилистически и семантически соединил в себе две традиции. С одной стороны, это преемственность от запорожских казаков, пишущих письмо турецкому султану. Эта аналогия читается явно, на нее и рассчитывали авторы письма, добавляя крепких слов и выражений. Как и письмо султану Мехмеду IV, так и ответ Маннергейму были рассчитаны в первую очередь на своего читателя, поэтому оба послания распространялись в списках и листовках и, надо сказать, цель свою выполнили, боевой дух был укреплен. Защитники Ханко совершенно точно были готовы драться до конца. Но в ответе Маннергейму прослеживается еще одна традиция: ультиматум Суворова коменданту Измаила Магомед-паше. В финальной части и у Суворова, и у защитников Ханко одни и те же рубленые, короткие, убийственные фразы. У Суворова: «Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть». У защитников Ханко: «Сунешься с моря — ответим морем свинца! Сунешься с земли — взлетишь на воздух! Сунешься с воздуха — вгоним в землю!» И эти аллюзии говорят нам о преемственности традиций русского воинства, русского оружия, русского характера. А от Суворова, от запорожских казаков можно перекинуть еще один мост к словам Александра

Невского: «Кто к нам с мечом придет — от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет земля русская!» А от Александра Невского — к Евангелию, к христианской традиции: «Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 52). Все связано, нет ничего случайного ни в мире, ни в войне. Тот, кто прав, возводит свою традицию и преемственность от первооснов, от книги книг. А значит, сила все-таки в правде.

После захвата немецкими войсками Таллина положение на Ханко еще больше осложнилось. Редкие поставки боеприпасов и продовольствия воздушным путем не могли удовлетворить ежедневных нужд защитников полуострова. С приближением зимы и появлением сплошного льда между полуостровом и финской территорией держать оборону базы по всему периметру береговой линии было невозможно. Это понимал и командующий базой Кабанов, и командующий 8-й бригадой Симоняк. В конце октября было принято решение об эвакуации гарнизона.

Для того чтобы она прошла для финнов незамеченной, Симоняк придумал отвлекающий маневр. Приход советских кораблей на полуостров для проведения масштабной эвакуации личного состава, вооружения, матчасти не остался для финнов незамеченным, но с какой целью прибыли корабли, они не знали. Симоняк начал подготовку к отвлекающему маневру. В войска был отдан приказ о прекращении активности, ни одного выстрела не должно прозвучать с советской стороны, никаких перемещений между позициями и окопами, никаких костров, дымов, электрического света. Полная тишина. У противника должно сложиться впечатление, что советские войска покинули полуостров.

«Началась, как говорили солдаты, игра в молчанку. На Ханко и островах воцарилось безмолвие. С наших позиций не раздавалось ни одного выстрела. Никто не передвигался по траншеям. Над блиндажами даже не поднимались легкие струйки дыма.

Низко пролетел неприятельский самолет. Покружился над полуостровом и повернул обратно...

Русские ушли, — решили финны.

Вражеские солдаты сперва осторожно, с опаской двинулись к противотанковому рву, полежали, осмотрелись. Никто по ним не стрелял. Финны поднялись в полный рост и двинулись дальше. Они уже были у проволочной изгороди, лихорадочно стали резать ее...

И тут обрушилась на них ханковская артиллерия. Только перед позициями 219-го полка осталось больше пятидесяти вражеских трупов. Не меньше было и на Петровской просеке, где оборону по-прежнему держал 335-й полк.

Так прошел первый тихий день на Ханко. В дальнейшем такие дни время от времени повторялись: все замирало на переднем крае, солдаты получали сухой паек и безвылазно сидели в укрытиях, лишь наблюдатели зорко несли свою боевую вахту. Раз обжегшись, финны теперь выжидали, не лезли. А наше командование как раз этого и хотело»^{189}.

Эвакуация базы проводилась с 26 октября по 2 декабря 1941 года кораблями Балтийского флота в условиях штормов, ледового покрова и большой минной опасности при активном противодействии противника. Основные силы базы — 8-я бригада Симоняка покидала полуостров последней.

Порядок эвакуации был определен заранее. Первым покидал полуостров 270-й стрелковый полк. Его позиции на северной части побережья и прилегающих островах заняли батальоны 219-го полка под командованием

майора Я. И. Кожевникова. Как говорилось выше, полк был сформирован в начале августа из бывших строителей, оставшихся на полуострове с началом войны. Но к концу октября монтажники, плотники и каменщики превратились в хорошо обученных, обстрелянных бойцов.

Погрузка шла днем и ночью, в густом тумане и под огнем противника. После того как эскадра ушла с первой партией солдат в Ленинград, Симоняк начал разрабатывать операцию «Железный поток» — на случай, если помощь за ними не вернется. Путь через Финский залив в ноябре труден. Непрекращающиеся штормы, немецкая авиация, подводные лодки противника, минные заграждения. Пробриться в Кронштадт очень сложно. Вернуться обратно еще сложнее. Так что Симоняк не исключал, что придется пробиваться к своим по суше, ведя бои в тылу врага, в окружении. Но вице-адмирал В. П. Дрозд со своей эскадрой вернулся в конце ноября, и этот план не понадобился.

Последний эшелон отправлялся к Кронштадту 2 декабря. Первую линию обороны уже покинули все войска, но оттуда через равные промежутки времени все еще долетал короткий лай пулеметных очередей. Это вели огонь само-стреляющие пулеметы, их смастерили солдаты 219-го полка, бывшие плотники, монтажники, каменщики.

Бригада покинула полуостров непобежденной.

«При эвакуации произошла одна из самых страшных трагедий на море во время Великой Отечественной войны — подрыв на минах советского турбоэлектрохода «Иосиф Сталин», который использовался как военный транспорт ВТ-521. На борту судна, несмотря на расчетные 512 человек пассажиров, находилось 5589 военнослужащих Красной Армии. Помимо «Иосифа Сталина», в ходе операции по эвакуации военно-морской

базы Ханко погибли грузо-пассажирский рефрижераторный теплоход «Андрей Жданов», а также несколько более мелких судов, в общей сложности 20 боевых кораблей, транспортов и катеров»^{190}.

Потери гарнизона Ханко за период обороны (не учитывая потерь при эвакуации) составили 797 человек убитыми и 1476 ранеными. Были эвакуированы в Ленинград 22 822 человека из гарнизонов полуострова Ханко и острова Осмуссар. Погибли в море при эвакуации 4987 человек, — в восемь раз больше, чем за все время обороны^{191}.

Бригада прибыла на Кронштадтский рейд 4 декабря. Это были последние корабли: после этого Финский залив стал намертво. Первый дни Симоняк изучал обстановку, объезжал казармы, где разместились его полки. Но все видно и так с первого взгляда. В городе царствует Голод. Еще в Кронштадте Симоняк получает приказание готовиться к боевым действиям. Командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант М. С. Хозин подробно расспрашивает об эвакуации, об организации обороны. Особенно заинтересовал членов Военного совета фронта тот факт, что Симоняк не потерял ни одного артиллерийского орудия. Орудия Николай Павлович прятал в каменных дотах, для стрельбы они выезжали на рельсах из укрытия, отрабатывали по целям и снова закатывались обратно в капониры. Хозин приказал изучить этот опыт и применить в войсках Ленинградского фронта.

Из Кронштадта 8-я стрелковая бригада пешим порядком по льду была направлена в Лисий Нос, затем по железной дороге в Ленинград. Место дислокации полков было определено в районе Ново-Саратовской колонии, в поселках Овцино и Корчмино. 6 февраля 1942 года за героическую оборону полуострова Ханко Николай Павлович Симоняк был награжден орденом

Ленина (первым из трех, которые ему еще предстоит заслужить).

«Ввод в бой откладывался, но тяготы блокады бригада стала ощущать сразу. Резкий переход от хотя и несколько сокращенного, но все же сытного ханковского питания на голодную ленинградскую норму сказывался на людях. Симоняка это сильно беспокоило, он зачастил в солдатские столовые и кухни, требовал, чтобы каждый грамм крупы, жиров, хлеба попадал бойцу»^{192}.

В одну из поездок из Ленинграда в Ново-Саратовскую колонию Симоняк приказал шоферу остановить машину. На снегу лежал подросток лет шестнадцати, замерзший насмерть. В руках его был сверток. Это был завернутый в женскую шубу младенец. Симоняк отвез его в больницу. Неизвестно, выжил ли этот ребенок, что с ним стало дальше. Блокадные страницы ежедневно сталкивают людей, находящихся на грани гибели, со случайными спасителями. Так выживал голодный и холодный Город.

За два месяца, с начала ноября по конец декабря в 8-й бригаде небоевые потери составили более сорока человек. Проще говоря, люди умирали от истощения. Поскольку бригада стояла не на переднем крае обороны, а в тылу (хотя понятие «тыла» в Ленинграде было очень относительным), фронтовые интенданты перевели ее на тыловой паек. Только после того, как 2-й секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов прибыл с инспекцией в 8-ю бригаду и Симоняк откровенно разъяснил, что ситуация со снабжением катастрофическая, была увеличена норма выдачи продовольствия. Хотя в голодные обмороки люди продолжали падать, но смертность от дистрофии после этого сократилась.

Бригаду в это время по выражению Симоняка «ощипывали». То артиллеристы заберут трофейные орудия, то часть командиров выдвинут на командные

должности в других подразделениях. Симоняк очень нервно относился к этим вынужденным перемещениям, из-за чего у него даже вышел конфликт с начальником политотдела бригады Г. П. Романовым, который в этом отношении людьми не дорожил. Симоняк понимал, что важен каждый командир, находящийся на своем месте — лишь когда часть спаяна, слита в неразрывное целое, когда нет никого лишнего, только тогда это живой организм, способный вести успешные бои. Он поименно знал особо отличившихся бойцов, не говоря уже об офицерах. И солдаты отвечали ему взаимной любовью. Лучшим доказательством служит тот факт, что даже после ранения бойцы стремились вернуться в родную часть, зачастую сбегая не долечившись. Нет в этом излишнего героизма. Просто на войне толковый комдив и людей убережет, и солдат будет одет, обут и накормлен. А что еще на передовой надо, когда жизнь отсчитывается от обеда до атаки, до наркомовских ста граммов.

При этом будем откровенны, Симоняк, как любой командир такого крупного соединения, не был добрым дядюшкой. Дисциплина поддерживалась всеми средствами, включая самые крайние. В январе 1942 года военным трибуналом тогда еще 8-й бригады (13 марта 1942 года она была развернута в 136-ю стрелковую дивизию и включена в состав 23-й армии генерал-майора А. И. Черепанова) было расстреляно 12 человек, в феврале — 5. В марте военным трибуналом дивизии под председательством военюриста 3-го класса Теленкова приговорено к расстрелу 7 человек, в апреле и мае — 6, двое в июне... Около 15 человек в период с января по июнь 1942 года также приговорены к различным срокам, от 8 до 10 лет лишения свободы. Расстреливали за убийство, за дезертирство, за неисполнение приказа, за рукоприкладство по отношению к командиру.

Справедливости ради, это были не самые высокие показатели по Ленинградскому фронту^{193}.

Боевой путь 136-й стрелковой дивизии начинается в августе, когда подразделение выдвигают в район реки Усть-Тосно перед началом Синявинской наступательной операции. 19 августа в 11.00 началась мощная артподготовка на рубеже Усть-Тосно — Ивановская. 268-я стрелковая дивизия под командованием полковника С. И. Донскова на катерах под прикрытием дымовой завесы форсировала реку Тосну в районе устья, высадила мощный десант. Десантники рывком преодолели первую линию обороны немцев, вышли на дороги, ведущие к Ивановскому, и начали продвижение вглубь, в сторону Пеллы. Но развития наступления не получило. Несогласованность действий пехоты и артиллерии, отсутствие связи с передовыми отрядами сводили достигнутый успех на нет. Немцы постоянно контратаковали. А с подходом резервов отбросили наши войска и вновь заняли свои позиции в Усть-Тосно. При этом группа десантников во главе со старшим лейтенантом А. Е. Ко-струбо и один батальон из состава 952-го стрелкового полка майора А. И. Клюканова оказались отрезанными от основных сил. Таким образом, образовался еще один «пяточок» на левом берегу Невы в районе Ивановского, имевший 600 метров по берегу Невы до устья Тосны и 400 метров до железной дороги. За этот плацдарм и развернулась битва, вошедшая в историографию как Усть-Тосненская наступательная операция. Потери 268-й стрелковой дивизии были огромны: до 70 % личного состава в отдельных полках. Командование решает переломить ход битвы и 23 августа вводит на это направление свежую дивизию Симоняка.

За несколько дней до сражения Симоняк пишет жене в Куйбышев трогательное письмо: «Здравствуйте, дорогие мои!

Ваше письмо получил. Твою фотографию, Шура, тоже. Что с тобой стало, просто понять не могу. Ведь здесь народ большие трудности испытывает, питался зимой крохами, и то редко сейчас встречаешь таких, как ты выглядишь на фотографии.

Шура, ты должна думать и о себе. Ведь ребят надо поднимать. И это ложится на твои плечи. Я далеко от вас, и как помочь тебе, просто ума не приложу...

Радует меня одно, что духом ты сильна. Это — хорошо. Я тоже жду встречи с вами. Но она может быть лишь после разгрома врага. В нашей казачьей породе никто и никогда не был рабом. Буду биться сам и заставлю других драться до последнего. Умрем, но врагу не поддадимся.

Из письма узнал о Витином житье, увидел его на фотографии. Замечательный казак растет, здорово он вытянулся. Умно смотрит. Как бы хотелось взять его на руки и высоко-высоко подбросить, как бывало раньше. Еще хотелось бы послушать, как он говорит, читает маме стихи.

Ты просишь, чтоб я никому не показывал фотографию. Нет, я не могу ее таить. Показал ее всем, кто тебя знал, чтобы они увидели, как вы там, в тылу, живете. Выговорился, и мне вроде бы легче стало.

Зоя спрашивает, цела ли ее школа. Все как прежде. Только кругом торчат стволы орудий, пулеметов, штыки. А я живу в лесу, в землянке. Квартира — прямо не нарадуешься. Лучшего на войне и не надо.

Пишите мне. Каждый день с нетерпением жду от вас вестей...»[{194}](#)

Никто и никогда не был рабом... Буду биться сам... Заставлю других... В этом весь Николай Павлович, его густая, горячая казацкая кровь.

Симоняку ставилась задача очистить от противника западный берег и, самое главное, овладеть железнодорожным мостом. 136-й дивизии удалось

отбить у противника Усть-Тосно и наладить связь с «Ивановским пятачком», но на этом успехи заканчивались. Потери дивизия несла огромные, в основном от артиллерии и авиации немцев. Симоняк злился, но ничего не мог поделать. Наша артиллерия из-за несогласованности действий и отсутствия связи не могла полноценно поддержать наступление. Бои в эти августовские дни на левом берегу Невы развернулись страшные. Трупы советских и немецких солдат лежали вперемешку, пухли на жаре, валялись оторванные части тел, руки, ноги, головы... Земля была перепахана снарядами вдоль и поперек. А самое главное, было неясно, какими силами обладает противник. И тогда бойцы Симоняка добыли «языка» следующим способом.

На нейтральной полосе саперы установили нарисованную на фанере карикатуру на Гитлера, а ночью разведчики устроили у этого места засаду. Замысел удался. Немцы отправили ночью группу, чтобы ликвидировать нелицеприятную для них картину. Группа была уничтожена, «язык» добыт. Пленный показал, что против Симоняка стоят 151-й полк 61-й пехотной дивизии, 636-й охранный батальон и одна танковая рота из состава 12-й танковой дивизии, а также Полицейская дивизия СС.

Со 2 по 4 сентября Говоров ввел в бой 43-ю и 85-ю стрелковые дивизии 55-й армии. Немцы со своей стороны продолжили контратаки, пытаясь ликвидировать Ивановский плацдарм. Успеха не добилась ни одна из сторон. Ценой огромных потерь небольшой пятачок у Невы удалось удержать, но и наступление свежих дивизий 55-й армии разбилось о немецкую оборону.

С 4 сентября Говоров, заручившись одобрением Ставки ВГК, проводил перегруппировку войск. Волховский фронт безуспешно пробивался в район Синявина. Командование Ленинградского фронта

решило изменить направление встречного удара и форсировать Неву на направлении Московской Дубровки силами Невской оперативной группы. К 8 сентября и немецкие, и советские войска в районе Усть-Тосно перешли к обороне. 136-я дивизия Симоняка не выполнила поставленную задачу, оборона противника не была прорвана, но бойцы и командиры получили первый опыт наступательной операции, который скажется через полгода во время операции «Искра». Учитывая недостаток боеприпасов, ограниченное время на подготовку операции, слабую разведку, отсутствие регулярной связи с артиллерией, задача объективно не могла быть выполнена. Но в целом Синявинская наступательная операция сорвала замысел немецкого командования по повторному наступлению на Ленинград, перемолола прибывшие из Крыма дивизии Э. фон Манштейна. Безусловно, огромной ценой. Но на войне малой цены не бывает. Все измеряется в людях, живых людях, каждый из которых очень хочет жить, но жертвует собой ради того, что считает неизмеримо большим, чем собственная жизнь, таким огромным, что не хватит слов выразить это чувство. В нем и Родина, и Бог, и мама, и жена с детьми, и пропитанная потом страда, и вкус хлеба и молока на губах... и все это перемешано, спаяно, слито в неразрывное целое.

На основании директивы Ставки ВГК № 994233 от 9 октября 1942 года в составе Ленинградского фронта на базе Невской оперативной группы была сформирована 67-я армия. Возглавил ее опытный военачальник генерал-майор М. П. Духанов. К началу ноября в нее входили 45-я гвардейская, 46-я и 86-я стрелковые дивизии, 11-я и 55-я стрелковые бригады, 16-й укрепленный район, ряд артиллерийских, танковых и других частей. С момента формирования и до 1943 года армия обороняла правый берег Невы по периметру Пороги — Ладожское озеро, одновременно удерживала

плацдарм на левом берегу Невы в районе Московской Дубровки («Невский пяточок»).

После того как Ставка ВГК утвердила план операции «Искра» и стало понятно, что в предстоящей операции 67-й армии отводится решающая роль, встал вопрос об усилении армии, так как именно ей предстояло взламывать неприступную немецкую оборону. Л. А. Говоров размышлял недолго. На острие атаки была поставлена 136-я стрелковая дивизия Симоняка.

С декабря начались изматывающие тренировки для личного состава. Солдатам, ослабевшим от голода, предстояло одним резким броском преодолеть 800 метров. Под огнем противника, нагруженными лестницами, «кошками», баграми, стрелковым вооружением. Бегали по льду Невы в районе дислокации дивизии у Ново-Саратовской колонии, неподалеку от поселка Рыбацкое. Симоняк первым выходил на лед, шагал на левый берег реки, взбирался на отвесный скат и давал сигнал: в атаку! Тут же дивизия срывалась и в полной тишине, экономя дыхание, летела на штурм. Симоняк придирчиво замерял время на секундомере и гонял полки до тех пор, пока личный состав не уложился в шесть минут. Одновременно с этим дивизия регулярно выделяла солдат для организации строительных и инженерных работ в местах средоточия войск для предстоящей операции.

Командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров посетил дивизию 15 декабря 1942 года. Достигнутыми показателями командующий остался как будто бы доволен, но все время молчал, был неразговорчив. Напоследок обронил: «Хорошо бегут. Только по ним никто не стреляет»^{195}. Волнение Говорова было понятно и передавалось всем. Операция готовилась тщательно. Ставка давала на это время, силы, снабжала практически всем, что запрашивал фронт. Но неудачу бы никто не простил. И дело не в трибунале — позади стоял

Город, в котором каждый день пухли и умирали от голода мужчины, женщины, старики, дети...

А для солдат все обстояло еще проще. В журнале боевых действий 136-й стрелковой дивизии запись от 17 декабря 1942 года крайне лаконична: «Распоряжением Военного Совета Ленинградского фронта в оперативное подчинение дивизии передан 19-й отдельный заградительный отряд. Последний сосредоточен в Рыбацкое». Нет пути назад. Только вперед. За Родину! За Сталина! Справедливости ради, надо сказать, что в составе 136-й дивизии во время операции «Искра» заградительный отряд не произвел ни одного выстрела.

С 23 декабря соединения дивизии сосредоточиваются в районе восточнее села Березовка. 3 января 1943 года полки дивизии выехали на токовский полигон для проведения заключительных учений с сопровождением пехоты огневым валом. Чтобы бойцы не ошалели в первые минуты атаки от рева артиллерии, чтобы с точностью до секунды рассчитать время начала атаки таким образом, чтобы с последним залпом солдаты уже вплотную приблизились к левому берегу Невы и, с одной стороны, не дав немцам опомниться, ворвались в траншеи, а с другой — не попали бы под огонь собственной артиллерии. Все выверялось посекундно.

Первым должны были идти штурмовые группы. В каждом полку — одна группа в 24 человека: разведчики, стрелки, саперы, огнеметчики. Их тренировали отдельно. Замысел Симоняка состоял в том, чтобы не оставлять дистанцию между штурмовой группой и основными силами. Несколько минут группе на расчистку проволочных заграждений, уничтожение дзотов, прорубание путей в минных полях противника — и сразу же атаку подхватывают полки. Одним броском, одним ударом. Тренировали пехоту, учили приемам саперного дела. Учения по уничтожению дзотов

проводили в полную силу, с реальными накладными зарядами. С фронтовых складов прислали новые ботинки с шипами, полушубки, валенки. Вопреки наставлениям штабной службы Симоняк приказал оборудовать наблюдательный пункт дивизии непосредственно на берегу. Да, это не безопасно, но из леса, с расстояния трех километров, как предписывают уставы, ничего не видно. Возможность видеть поле боя искупает опасность, посчитал генерал.

Девятого января был готов приказ дивизии на начало наступления. Все соединения получили свои задачи. Подготовлена схема решения на наступление. Центральное направление атаки — Марьино. На ночь движения не прерывать. В центре участка прорыва наступает 269-й полк, справа от него — 270-й полк, слева — 342-й. В последние 20 минут артиллерийской подготовки — поддержать огневой вал всеми видами стрелкового оружия. Предварительный сигнал атаки пехоты подается с наблюдательного пункта командира дивизии за 20 минут до атаки: две белые ракеты, две красные, две зеленые. Для встречи с частями Волховского фронта частям спущены пароли, которые доведены до командиров рот включительно. Необходимо отметить, что разведданные о противнике по переднему краю прорыва были исчерпывающими, но на картах дивизии полностью отсутствовали данные о силах немцев в районах Пильня Мельница (слева от линии прорыва) и в районе Беляевских болот (справа). И Симоняка это обстоятельство крайне беспокоило.

В 9.30 12 января началась артподготовка. Немцы выпустили красные ракеты, что означает «русские перешли в атаку». В 11.50 штурмовые группы трех полков вышли на лед. Через пять минут по сигналу ракетами в атаку рванулись основные силы полков, через 6–8 минут с малыми потерями они достигают левого берега Невы. По достижении берега пехотой

артиллерия переносит свой огонь в глубину обороны немцев, сопровождая наши силы огненным валом и отсекая для немцев возможность оперативной переброски подкрепления на передний край. Передний край противника оказывается прорван по всему фронту наступления дивизии, в 12.15 269-й стрелковый полк овладевает Марьино и выходит на его восточную окраину. Первая линия обороны немцев, бывшая неприступной долгие два года, оказалась прорванной за 25 минут.

К 19.00 дивизия вышла на исходный рубеж (отметка 15.4), захватив плацдарм шириной шесть километров и в глубину около трех километров. Спротивление 170-й дивизии вермахта генерал-лейтенанта Эрвина Зандера было сломлено. Сложности возникли только на участке левофлангового 342-го полка под командованием полковника Я. И. Кожевникова или, как его называли бойцы, «дяди Яши». Он как раз наступал в направлении села Пильня Мельница. Немцам удалось перебросить на это направление резерв, освободившийся после того, как соседям Симоняка, 86-й дивизии, не удалось с ходу прорвать немецкую оборону. Дивизия залегла на лед, а после и вовсе отошла на исходные рубежи и была введена в бой с участка, уже прорванного Симоняком. За год, с момента обороны Ханко, Яков Иванович Кожевников проделал путь от майора до полковника. За операцию «Искра» он будет награжден орденом Суворова 3-й степени.

Полки Симоняка продвигались вперед, но при этом несли большие потери, а соседи слева (45-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А. А. Краснова) не смогли прорвать первым эшелоном оборону противника, что создавало опасность флангового удара. Симоняк решил усилить полки всеми резервами. Ставит задачи на ночь:

270-му полку в течение ночи овладеть северо-восточной опушкой рощи «Мак» и утром 13.01.1943 наступать на Рабочий поселок № 5;

269-му полку в течение ночи овладеть рощей «Лилия» и к утру 13.01.1943 наступать на Рабочий поселок № 5;

342-му полку в течение ночи наступать на Рабочий поселок № 3 и к утру обеспечить стык с соседом слева.

Наступление продолжилось 13 января. В каком состоянии наступали люди, свидетельствует скупая строчка из боевого журнала дивизии от 13 января 1943 года: «К 14:00 2 батальон 342 стрелкового полка, по докладу командира, овладел Рабочим поселком № 3 и оседлал узкоколейку железной дороги Шлиссельбург — Рабочий поселок № 2. Продвижение 342 стрелкового полка в значительной степени задержалось потерей управления в Пильне-Мельнице, где личный состав проявил недостаточную организованность и дисциплину, расхищая содержимое захваченных складов продовольствия и тем самым отвлекаясь от выполнения поставленной задачи»^{196}. Голодные солдаты просто не смогли, не выдержали. Они вскрывали штык-ножами, еще липкими и красными от крови, банки немецкой тушенки и тут же жадно ели, рассовывали запасы себе в вещмешки, и никакие приказы командиров не могли подействовать. Голод был сильнее страха смерти.

В середине второго дня наступления соседи справа, 268-я дивизия С. Н. Борщева, подверглись контратаке противника силами до полка при поддержке 12 танков. Враг потеснил позиции дивизии Борщева, советские солдаты начали отступать, зачастую беспорядочно и в панике. Заградительный отряд дивизии Симоняка задержал до ста человек пехоты и напрямиком, без всяких разбирательств отправил их на позиции 270-го полка. Бой не останавливался ни на минуту. При этом 270-й

полк значительно вырвался вперед, не обеспечив себе безопасности флангов. И Симоняк не собирался бросаться в омут с головой, а принял меры по обороне восточного берега реки Невы.

Пулеметный батальон дивизии поддерживает стык с 86-й дивизией В. А. Трубачева слева, 259-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион занимает позиции в районе Марьино, готовясь отразить танковую атаку противника. Штаб 2-го батальона 270-го полка выведен из строя к 13.00 13 января, связь с батальоном потеряна. В это же время 342-й полк овладел Рабочим поселком № 3.

Но не все четко и слаженно. Хватает и бардака в этом убийственном наступлении. Информация не всегда доходит в срок, не всегда она достоверная. Так, в боевом журнале дивизии есть жалоба, что командир дивизиона 596-го истребительного противотанкового артиллерийского полка (иптап) бездействовал сразу после того, как дивизион перебрался на левый берег. «В операции не участвовал, бездействовал на Неве более суток»^{197}. Между тем доподлинно известно, что командир 2-го дивизиона 596-го иптап капитан Николай Иванович Родионов «в бою 13.1.43 года огнем дивизиона без поддержки пехоты отразил контратаку противника. Дивизион вел огонь до последнего снаряда. Подбил 2 танка, уничтожил 6 пулеметов и до роты пехоты противника. В трудный момент, когда большая часть личного состава орудийных расчетов была выведена из строя, лично вел огонь из орудия, не зная страха и усталости. Погиб у лафета орудия»^{198}. Орудие его № 9196 хранится в Музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

В 16.00 командир 270-го полка доложил: задача на день выполнена, боевые порядки полка достигли опушки роши «Мак». Он просил обеспечить правый и левый фланги и усилить его хотя бы одной

полнокровной ротой, жалуясь, что успех полка никем не поддерживается, отвратительно работают танки и артиллерия...

К вечеру второго дня в распоряжение Симоняка прибыл мотострелковый батальон 61-й отдельной бригады. Генерал тут же бросил его в рощу «Мак» на усиление фланга 270-го полка. За два дня боев только 270-й и 269-й полки потеряли убитыми 231 человека, среди них 12 командиров среднего звена, 67 — младшего и 152 солдата. Более 1300 человек было ранено. Данных о потерях 342-го полка по состоянию на 13 января не было.

Четырнадцатого января вторым эшелоном в наступление была введена 123-я отдельная стрелковая бригада на рубеж Рабочих поселков № 1 и № 3. Симоняк отдал приказ своим полкам закрепиться и не лезть на рожон, пока бригада не выйдет на свой рубеж. После чего наступать в общем направлении на Рабочий поселок № 5 — заветную точку соединения с волховчанами. В течение дня удалось овладеть Рабочим поселком № 2, но 270-й и 342-й полки в районе рощи «Фикус» успеха не имели. При этом потери были очень большие, в батальонах осталось от 50 до 100 человек личного состава.

Следующий день, 15 января, стал переломным. С одной стороны, волховчане застряли у рощи «Круглая», и все попытки расширить плацдарм в южную сторону успеха не имели. С другой стороны, на Ленинградском фронте обстановка накалилась до предела. Слева у Шлиссельбурга застряла 86-я стрелковая дивизия, справа вела тяжелые оборонительные бои против подоспевшего подкрепления немцев 268-я стрелковая дивизия. Для нее вообще не шло речи о продвижении — она прикрывала фланг Симоняка. И только остатки 136-й дивизии продолжали выгрызать у врага метр за метром на Центральном направлении. И командование 67-й

армии приняло единственно верное решение: прорываться по центру к Рабочему поселку № 5 с двух сторон, 18-й дивизией Волховского фронта и 136-й дивизией Симоняка. Если бы фланги дрогнули хоть на миг, бойцы Симоняка попали бы в окружение и судьба всей операции была бы предрешена. Но фланги устояли. Если бы бойцы Симоняка (выдохшиеся, раненые, не спавшие несколько суток) не смогли бы выйти к окраинам Рабочего поселка № 5 — волховчанам бы не хватило сил прорваться к ним самостоятельно. Судьба всей операции висела на волоске. Чаши весов качались из стороны в сторону.

В 8.00 15 января две группы 270-го полка атаковали противника в районе рощи «Фиалка». В 12.00 Симоняк отдал боевое распоряжение № 04 по дивизии: 270-му и 269-му стрелковым полкам во взаимодействии с 549-м отдельным танковым батальоном, мотострелковым батальоном 61-й бригады — атаковать противника в районе Рабочего поселка № 5, соединиться с частями Волховского фронта, занять оборону по периметру поселка и быть готовыми продолжать наступление 16 января в направлении Синявина. 342-й полк Симоняк пока оставляет в своем резерве с задачей прикрывать левый фланг.

Таким образом, 15 января 67-я армия наступала только на главном направлении силами 136-й стрелковой дивизии и 123-й стрелковой бригады. Продвижения нигде не было. Остальные соединения армии отражали контратаки противника и закреплялись на занятых рубежах. Немецкое командование за ночь перебросило из Погостья два полка 61-й пехотной дивизии генерала Вильгельма Хюнера, с утра они были введены в бой в районе Рабочего поселка № 5. Командование Волховского фронта в свою очередь бросило в бой резервы фронта и 2-й ударной армии: две

стрелковые дивизии, две лыжные и одну танковую бригады. У Говорова резервов не было.

Не спала и разведка немцев. Вот такой эпизод вспоминают очевидцы: «Голос Симоняка в этот вечер часто звучал в эфире, его характерный басок сразу узнавали те, к кому он обращался: командиры полков, начальник штаба, командарм. Но разговаривать приходилось не только с ними.

— Вас вызывает командир полка Федоров, товарищ генерал, — доложил дежурный радист.

Комполка просил уточнить, какие подразделения посылает к нему Симоняк и где проходит передний край соседа.

Комдив уже собрался ответить Федорову, но что-то его насторожило в голосе командира полка. Голос звучал как-то слащаво и незнакомо. А почему Федоров переспрашивает то, о чем мы совсем недавно с ним договорились? — подумалось Симоняку. И вместо ответа он спросил:

— Назови первую букву фамилии командира соседнего полка.

В ответ донеслось невнятное мычание.

Комдив понял: это противник настроился на его волну и пытается выведать интересующие его данные»^{199}.

До позиций волховчан оставалось пять километров.

Шестнадцатого января дивизия заняла рубеж в рощах «Фикус», «Ромашка» и готовила наступление на Рабочий поселок № 5. Планы захватить поселок 15 января оказались несбыточными. Весь день полки ведут бои за рощу «Тюльпан». Подвоз боеприпасов и пополнение живой силой затруднены, так как единственная дорога через Неву забита до отказа, подвергается постоянным бомбардировкам противника.

На следующий день задача осталась той же: прорваться к Рабочему поселку № 5. На главном

направлении вновь разгорелись яростные бои. Их вели 136-я, 123-я стрелковые дивизии, 123-я стрелковая бригада, а также 61-я танковая бригада. На левом фланге 330-й полк и 34-я лыжная бригада продолжали выполнять задачу по овладению Шлиссельбургом. Немцы спешно перебрасывали новые резервы в районы Мга, Келколово, Мустолово, Синявино.

Захваченные «языки» рассказывали, что из Любани переброшены два полка 61-й пехотной дивизии вермахта. Это был резерв командующего 18-й немецкой армией генерала Георга Линдемана.

В 12.00 после артподготовки 270-й и 269-й полки перешли в наступление на Рабочий поселок № 5, но залегли под шквальным огнем противника. Поселок был последним вражеским рубежом. Именно через него проходила последняя дорога из Шлиссельбурга в Синявино, последняя ниточка, питающая немецкие войска. Соответственно, этот рубеж был очень хорошо укреплен: проволочные заграждения, траншеи, противотанковые рвы, пулеметные гнезда. На окраине поселка немцы выстроили высокий забор из бревен. За этой стеной и сидел сильный вражеский гарнизон.

Симоняк решил не атаковать Рабочий поселок № 5 в лоб, а обойти его с севера и юга, перерезать в двух местах железную дорогу. Меньше километра отделяло войска Волховского и Ленинградского фронтов. 269-й полк атаковал немцев севернее роци «Тюльпан», 270-й поддержал атаку на южном рубеже этой роци. Считанные сотни метров оставались до железной дороги. В течение дня в дивизию поступило пополнение: 509 человек. Их поровну распределяют между наступающими полками. Ночью частям отдан приказ занять круговую оборону на достигнутых рубежах. Ночью же немцы выводили остатки своих частей из Шлиссельбурга в Синявино.

Пополнение пришлось очень кстати. В полках уже начали объединять два батальона в один, настолько малочисленным было каждое соединение в отдельности. За ночь произошло укомплектование, распределение по батальонам и ротам вновь прибывших.

Утром 18 января немцы силами до полка Шлиссельбургской группировки обошли позиции 269-го полка и атаковали тыл 270-го полка, пытаясь прорваться на юг в направлении Синявина. Для 270-го полка сложилась угрожающая обстановка, когда фронт по сути дела отсутствовал, превратившись в слоеный пирог. В 10.15 полк оказался в полном окружении. В бой вступили все, вплоть до офицеров штабов, связистов, посыльных. Ожесточенный бой длился до 13.00. Немцы дрались как обреченные. По сути, они и были таковыми. Но полк выстоял. К часу дня было уничтожено до 500 гитлеровцев, тысячу солдат и офицеров советские солдаты взяли в плен.

В это время чуть севернее, преследуя противника, 3-й батальон 269-го полка под командованием капитана Ф. И. Собакина ворвался в Рабочий поселок № 5, где в 11.45 группа в составе старшего лейтенанта Брытешко, сержанта Трегуба и красноармейца Трунова встретила с первым стрелковым батальоном под командованием лейтенанта (впоследствии майора) А. В. Носкова 424-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта [{200}](#).

Части 270-го полка, отбив атаку противника, вышли на соединение с 372-й стрелковой дивизией. Таким образом, к 13.00 Рабочий поселок № 5 был полностью под контролем советских солдат. Войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились. Блокада Ленинграда была прорвана!

Симоняк отдал приказ полкам закрепиться на достигнутых рубежах, привести в порядок личный состав и материальную часть. По приказу штаба армии

136-я стрелковая дивизия передала позиции 138-й отдельной стрелковой бригаде и была выведена из боя в район Рабочих поселков № 1, 2, 3. К четырем часам дня Симоняка на его командном пункте поздравил заместитель наркома обороны СССР, маршал Советского Союза Климент Ворошилов.

За период с 12 января по 18 января дивизия потеряла 869 человек убитыми, 3294 ранеными. Пропало без вести 317 человек. К 20 января в дивизию поступило пополнение в составе 2044 человек, но это уже совсем другая история...

Приказом наркома обороны СССР № 31 от 19 января 1943 года 136-я стрелковая дивизия была переименована в 63-ю гвардейскую. В этот же день она была пополнена еще на тысячу человек и выведена в резерв Ленинградского фронта. А далее — череда поздравлений, писем, заполнение наградных листов, вручение орденов и медалей, наряды, караулы, получение боеприпасов, вооружения, обмундирования, учения, занятия, отработка тактики наступательного боя... Тысячи мелочей, в каждую из которых командир дивизии обязан вникнуть, проконтролировать, довести до личного состава. Своими глазами, наконец, увидеть, чем живут полки и батальоны. И на все нужно время, которого на войне катастрофически не хватает.

От Военного совета Ленинградского фронта: «Части вашей дивизии в упорных боях по прорыву вражеской блокады Ленинграда, действуя в первом эшелоне армейской ударной группировки 67 армии, преодолев рубеж реки Нева, прорвали сильно укрепленные позиции противника, ликвидировали укрепленный пункт Марьино и развивали удар в направлении Рабочий поселок № 5, на второй день боя проникли в глубину на 7 километров. Отрезав Шлиссельбургскую группировку противника и способствуя развитию удара соседней дивизии на Шлиссельбург, части вашей дивизии 18 января первыми

соединились с войсками Волховского фронта и тем самым выполнили ведущую роль по прорыву блокады Ленинграда.

Родина высоко и заслуженно оценила воинскую доблесть бойцов и командиров вашей дивизии. Честь и слава доблестным гвардейцам, первым прорвавшим вражескую блокаду Ленинграда. Честь и слава командирам гвардейской дивизии, сумевшим обеспечить четкое выполнение боевой задачи. Военный совет твердо уверен, что 63-я гвардейская дивизия в грядущих боях приумножит славу своего боевого знамени.

Командующий войсками Ленинградского фронта генерал-полковник Говоров

Член Военного Совета, секретарь ЦК ВКП(б)
А. Жданов

Член Военного Совета, генерал-майор
Т. Штыков»[{201}](#).

Ответ Симоняка: «До глубины души тронуты Вашим теплым приветствием. Горячо благодарим за внимание, заботу и ту огромную помощь, которую Вы оказали по подготовке дивизии к прорыву блокады. Клянемся, что мы и впредь по-гвардейски беспощадно будем громить врага, уничтожая его живую силу и технику. Мы знаем, что блокада вокруг г. Ленинграда прорвана, но еще не снята. Сделаем все, не пожалеем сил, а если потребуется, то и жизни для окончательного разгрома гитлеровских мерзавцев. Да здравствует наш великий Сталин!

От имени личного состава: Гвардии генерал-майор
Симоняк

Гвардии полковник Говгаленко

Гвардии майор Абрамов

Гвардии подполковник Федоров

Гвардии капитан Собакин

Гвардии ст. лейтенант Братешко

Гвардии красноармеец Бархатов»[{202}](#).

Из этих двух телеграмм мы видим, что Военный совет фронта высоко оценил действия дивизии и Симоняка лично, впрочем, не утрудив себя обращаться на «Вы» с заглавной буквы. Симоняк такой вольности себе позволить не мог. Субординация. Есть еще один нюанс. Подписываются командиры и бойцы дивизии так же, как подписался комфронта: без имени, без инициалов, только звание и фамилия. В этом мне видится особый армейский шик, некая допустимая солдатская наглость, позволенная только тем, кто кровью и потом заслужил это право. И приставка «Гвардии» с большой буквы! На пожелания здоровья «великому Сталину» внимания можно не обращать, это была дежурная форма в подобного рода письмах и телеграммах в то время, впрочем, отражавшая настроения и веру большинства советских людей.

Одно из писем до слез растрогало Симоняка. Его прислала неизвестная ему Аграфена Даниловна Иванова, мать четверых детей.

«Трое моих сыновей тоже где-то воюют, — писала она. — Может, с вами и блокаду прорвали. Не знаю этого. Но воевать должны хорошо. Злы они на фашистов сильно, отца потеряли. Про наши муки ленинградские знают. Когда люди кругом валялись, а мы их и похоронить по-человечески не могли. Все мы ликуем теперь. Блокада прорвана. Вы и сами не представляете, сынки, что это значит для нас. Камнем лежала блокада на нас. Услышав по радио, что ей конец, я всю ночь не сомкнула глаз. Вышла на улицу, а там народу полным-полно. У всех праздник, равного которому я давно не помню. И до чего хорошо стало на душе, словно ее волшебной водой окропили.

Мне, простой женщине, не передать, что мы испытали в эту светлую ночь нашей победы. Хочется поклониться вам до земли, пускай любовь ленинградцев хранит вас в бою...»[{203}](#).

Было еще одно поздравление. От поэта Михаила Дудина:

...За Марьином, за лесом, на опушке,
Где ветер снегу по уши надул,
Снарядами беременные пушки
Уткнулись в землю ртами черных дул.
Они уже не изрыгают пламя.
Пехота рвется дальше сквозь сосняк,
Путилов с нами, Говгаленко с нами,
И берегом проходит Симоняк...
Вот он идет. Во тьме свистят осколки.
Суровое, спокойное лицо.
Мы занимаем первые поселки.
Уже трещит блокадное кольцо...
...Война не ждет. Иди вперед и бейся!
Мы не щадили жизни на войне.
Мы заслужили звание гвардейцев,
Так, значит, с нас и спросится вдвойне [{204}](#).

До 3 февраля части дивизии принимали пополнение, проводили занятия. Положение дивизии не менялось. После 3-го числа 63-ю гвардейскую стрелковую дивизию передали в состав 55-й армии и Симоняк получил боевую задачу: прорвать передний край обороны немцев на участке Московское шоссе — железная дорога Москва — Ленинград и овладеть Красным Бором. Вечером того же дня Симоняк довел задачу до командиров полков, а на следующий день дивизия выдвинулась в район средоточия в Усть-Ижору. Для Симоняка и его дивизии началась Красноборская операция.

После прорыва блокады наступление советских войск сместилось к югу от Ладожского озера, в район Тосно, Мги, Синявина. Ставка ВГК в рамках общего наступления под кодовым наименованием «Полярная

звезда» требовала не снижать темпов наступления и фронтальными атаками срезать Мгинско-Синявинский выступ. Эта задача была возложена на 67-ю армию Ленинградского фронта и 2-ю ударную армию Волховского фронта. Но, как и следовало ожидать, удары в лоб результата не дали. Обе армии так и не смогли добиться успеха. В этих условиях Ставка ВГК издала директиву № 30034, которая предписывала войскам Ленинградского и Волховского фронтов «ввиду того что фронтальные удары в районе Синявино не дали до сих пор должных результатов»^{205}, не прекращая наступление 67-й и 2-й ударной армий, нанести дополнительные удары с флангов с целью окружения Мгинско-Синявинской группировки противника. Эти дополнительные удары были поручены 55-й армии генерал-майора В. П. Свиридова, в состав которой входила дивизия Симоняка. Со стороны волховчан в бой вводились соединения 54-й армии генерал-майора А. В. Сухомлина. Следует отметить, что вплоть до нашего времени Красноборская наступательная операция остается одним из самых неизученных сражений, произошедших в рамках битвы за Ленинград.

Идея фланговых ударов была понятна. Мощные удары в лоб со стороны 67-й и 2-й ударной армий заставили Линдемана стянуть резервы 18-й армии вермахта в район Мги. Это породило иллюзию слабости немецких флангов. Да и пленные испанцы из «Голубой дивизии» давали показания в разведотделе о слабости Красноборской группировки противника. Из-за этого и произошла явная недооценка врага. Да и командарм 55-й В. П. Свиридов был настроен решительно. «Сброд, хлюпки сопливые, — сказал командарм о пленных. — Завшивели, обмораживаются, клянут тот день, когда оказались в России... Теперь я покажу им. Как только возьмем Красный Бор, пушу стрелковую бригаду через

Неву во фланг... Сейчас немцы не те, да и мы другие».^{206}.

Задача армии В. П. Свиридова состояла в ударе в тыл Мгинской группировки противника. Рубежом, на который силы двух фронтов должны были выйти после удачного наступления, был рубеж Ульяновка — Тосно — Любань, фактически прямая линия по дороге из Ленинграда в Москву.

«На участке, где 55-я армия должна была наносить главный удар, оборону занимала 250-я пехотная дивизия 50-го армейского корпуса из состава 18-й армии группы армий «Север». Это была дивизия, сформированная из испанцев. Под Ленинград ее перебросили летом 1942 г. Она должна была участвовать в несостоявшемся наступлении на город. Немецкое командование оценивало боеспособность испанцев относительно высоко; так, дивизия имела по немецкой системе оценок статус «умеренно готовой к наступлению». Это была довольно высокая оценка для дивизии. Достаточно сказать, что из всех двадцати трех дивизий 18-й армии только шесть еще имели такой же статус. Правда, один батальон испанцев к этому времени уже был разбит в январских боях восточнее Синявино. Всего в составе дивизии было три пехотных и один артиллерийский полк. В испанской дивизии ощущалась нехватка противотанковых средств.

Немецкое командование внимательно следило за развитием обстановки у Синявино. Как выясняется, буквально только почуяв первые возможные признаки еще одного будущего наступления, в штабе группы армий «Север» определили те возможные участки, откуда оно начнется. Об этом свидетельствует донесение штаба 18-й армии в штаб группы армий «Север» от 1 февраля 1943 г. Как говорилось в этом донесении, после неудачи в наступлении на Мгу с севера противник попытается фланговыми ударами отрезать

группу Хильперта (это объединение было создано на основе управления 54-го армейского корпуса 18-й армии, и его задача была в координации действий немецких войск южнее Ладоги). Предполагалось, что удары советских войск будут наноситься из районов южнее Погостья и плацдарма на р. Тосно (или из Колпино).

В ночь на 6 февраля в штаб группы армий «Север» доложили о возможном отводе танковых соединений из 67-й армии к Ленинграду. Также было сказано, что оживленные передвижения и показания перебежчиков указывают на возможное наступление между коленом Невы и Красным Бором.

Утром того же дня Филипп Клеффель, командир 50-го корпуса, на фронте которого и ожидалось наступление, оценил позиции своих войск как очень слабые. Силы, выделенные ему, он сам оценивал как крайне недостаточные, поэтому любое мощное наступление после сильной артподготовки приведет к прорыву обороны его корпуса. Резервов у корпуса не хватало. Командующий группой армий «Север» Кюхлер считал, что наступление произойдет на участке 250-й испанской дивизии.

Участок дивизии вдоль р. Тосно усилили частями одного из гренадерских полков 215-й пехотной дивизии. На правый фланг испанцев перебросили выведенную из-под Синявино Полицейскую дивизию СС. 50-й корпус усиливался средствами борьбы с танками. В их качестве выступали самоходные истребители танков и танки «Тигр» 502-го танкового батальона»^{207}.

В ночь с 9 на 10 февраля в передние траншеи были выдвинуты станковые пулеметы, орудия прямой наводки. Утром была проведена массированная (до тысячи орудий и минометов) двухчасовая артподготовка. Когда «боги войны» замолчали, в наступление из района Колпина перешли войска 55-й армии, наносившие удар по двум направлениям — на

Ульяновку и на Мгу. 63-я гвардейская стрелковая дивизия Симоняка смогла продвинуться на Ульяновском направлении на 5 километров. Полки пересекли открытую равнину без серьезных потерь. Атака пехоты во взаимодействии с танками 31-го гвардейского и 46-го танковых полков позволила дивизии уже к 12 часам дня овладеть передовыми траншеями противника. К 17 часам после ожесточенного боя, разгромив в Красном Бору испанцев, дивизия Симоняка вышла на южную окраину поселка, где и стала окапываться. Красный Бор был взят, дивизия свою задачу выполнила. Трофеями стали 59 орудий, 26 минометов, 18 станковых и 30 ручных пулеметов, 35 автоматов, 922 винтовки. В плен попало 307 солдат и офицеров противника^{208}.

Испанцы 250-й пехотной дивизии бежали с поля боя, некоторые отступали без оружия, «об этом даже стало известно в штабе группы армий «Север». Притом паническое бегство началось уже через час после начала советского наступления»^{209}. Справедливости ради, необходимо отметить, что испанская дивизия понесла самые большие потери в 1943 году среди всех соединений группы армий «Север». Только за один день она потеряла убитыми более тысячи человек.

К сожалению, несогласованность в управлении подвижной группой 55-й армии не позволила развить успех Симоняка, хотя все предпосылки для этого были. После захвата Красного Бора 45-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А. А. Краснова выдвинулась к месту атаки с опозданием, и 4-я полицейская дивизия СС, чей правый фланг был оголен после бегства испанцев, успела выставить заслон. Из-за опоздания по времени не была проведена артиллерийская подготовка, бойцы пошли в бой напролом, без разведки. Штаб дивизии не знал о том, как действуют ее части, поставленная задача выполнена

не была. Не сопутствовал успех и соседней 43-й дивизии.

«Неудача подвижной группы имела роковые последствия. Неумелый ввод в бой 45-й гвардейской дивизии также сказался крайне негативно на общей ситуации. И 11 февраля судьба операции была решена. Наши войска понесли большие потери, окончательно утратили момент внезапности. Противник уплотнил свою оборону за счет сформированных боевых групп, его артиллерия не была подавлена, артиллерия 55-й армии оказалась неспособна вести контрбатареиную борьбу...

По итогам двух дней боев И. М. Любовцеву был объявлен выговор, командир танковой бригады Бородин предупрежден о неполном служебном соответствии. А. А. Краснова сняли с должности, а командиры 129-го и 134-го гвардейских стрелковых полков были преданы суду военного трибунала»^{210}.

В свою очередь 63-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена из боя, как полностью выполнившая боевую задачу. К тому же после кровопролитного сражения она нуждалась в пополнении. Во время боев за Красный Бор Симоняку пришло известие о присвоении ему приказом от 10 февраля 1943 года звания Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда» № 558 и ордена Ленина. Награда за операцию «Искра», за долгожданный прорыв блокады Ленинграда заслуженно нашла своего героя. Сам Симоняк свои заслуги оценивал скромно, как и полагается настоящему боевому генералу. Удивлялся еще, чем заслужил?

После Красноборской операции маршал Говоров и члены Военного совета фронта вручили дивизии боевое знамя, изменилась нумерация полков, но в целом все осталось по-прежнему: война, смерть, голод и комдив — отец родной, посылающий свои полки в прорыв, к победе.

Командование фронта высоко оценило заслуги Симоняка, и выразилось это не только в представлении его к званию Героя Советского Союза. Говоров понимал, что на повестке остается самый главный вопрос — полное снятие блокады. И без мощного ударного соединения эту задачу не решить. Причем соединение дивизионного уровня слишком мало для столь масштабной задачи. Постановлением Военного совета Ленинградского фронта № 1/15229 от 17 апреля 1943 года было создано новое тактическое соединение — 30-й гвардейский стрелковый корпус, в который вошли три гвардейские дивизии: 63, 45 и 64-я, переданная с Волховского фронта. Командовать корпусом было поручено Симоняку. Он же его, собственно говоря, и формировал. 45-я гвардейская дивизия была знакома Симоняку по операции «Искра» (наступала на его правом фланге) и по Красноборской операции. После снятия с должности комдива Краснова за провал последней дивизию возглавил «симоняковец» Савелий Михайлович Путилов. 64-я дивизия героически дралась на Волховском фронте в составе 2-й ударной армии, участвовала в прорыве блокады. Ее возглавил Н. А. Поляков. О 63-й дивизии говорить не надо, Симоняк знал в ней каждого лейтенанта. Кому как не ему, «генералу-прорыву», возглавить новое ударное соединение? К тому же, положив руку на сердце, до уровня комкора он уже дорос. На войне наука быстро усваивается.

Родную 63-ю гвардейскую дивизию Симоняк передал опытному офицеру, полковнику Афанасию Федоровичу Щеглову. Щеглов был офицер и опытный, и боевой. Успел покомандовать артиллерийским полком, лыжным добровольческим полком, в составе которого совершал дерзкие рейды по тылам немцев, поработал в оперативном отделе штаба фронта. Что ни говори, а кадры Симоняк подбирать умел. Изначально

начальником штаба корпуса Говоров хотел поставить полковника Щеглова, учитывая его опыт оперативной работы в штабе фронта, но Симоняк убедил командующего фронтом, что полковник Иван Ильич Трусов будет на своем месте, а Щеглов — не штабист, а боевой командир. Не зря ходил по тылам противника со своим лыжным полком.

«Перед тем как Щеглова назначили командиром лыжного полка, его вызвали в Смольный. Жданов, разговаривая с ним, вдруг спросил, не боится ли Щеглов смерти.

— В тридцать лет умирать не хотелось бы.

— А если потребуется?

— Чего загадывать! Убьют, и всё...

Лыжники провели всю зиму в тылу врага. Нападали на немецкие гарнизоны, подрывали мосты, резали связь»^{211}.

Летом 1943 года 30-й гвардейский корпус Симоняка принимал участие в Мгинской наступательной операции в полосе прорыва в районе бывшей деревни Арбузове, стертой с лица земли в страшных боях осени 1941 года. 22 июля 1943 года с «Невского пяточка» началось наступление 30-го гвардейского стрелкового корпуса в направлении реки Мойки, села Анненского и деревни Мустолово. На правом фланге 30-го гвардейского корпуса в полосе от Арбузове на берегу Невы до так называемого Мустоловского шоссе наступала прославленная 63-я гвардейская стрелковая дивизия. Ее поддерживала 30-я гвардейская танковая бригада. Соседом слева 63-й дивизии была на первом этапе 45-я гвардейская стрелковая дивизия, полоса наступления которой проходила от Мустоловского шоссе до так называемого Железнодорожного треугольника.

В результате кровопролитных боев частям 63-й стрелковой дивизии удалось прорвать оборону противника и продвинуться на несколько километров к

реке Мойке и идущей вдоль нее через деревню Мустолово дороге. Одна рота 190-го полка по берегу Невы прорвалась к дороге, но, не имея подкрепления и оторвавшись от основных сил, попала в окружение. Еще одна рота 188-го полка вышла к дороге по центру прорыва, закрепилась на рубеже, но уже с 23 июля немцы начали непрерывно атаковать. За два дня боев дивизия потеряла убитыми и ранеными 1214 человек. Впрочем, взятые 22 июля пленные показали, что немецкие части 23-й пехотной дивизии также несут значительные потери. К 23 июля немцы начали подтягивать резервы. Из Мги прибыл один батальон 312-го пехотного полка 212-й пехотной дивизии. Прибыл в 23.00 22 июля и с ходу был брошен в бой. К 27 июля 190-й и 192-й полки по-прежнему находились в 400-500 метрах от дороги. Дальше этого положения ослабленным частям продвинуться не удалось. Таким образом, выполнить задачу полностью и выйти к самой реке и деревне Мустолово 63-я дивизия не сумела. С 28 июля позиции были переданы частям 54-й стрелковой дивизии, полки были переведены на другие направления. Бои продолжались до 3 августа, после чего обескровленная дивизия была отправлена в тыл на пополнение и отдых, достигнутые позиции заняла 55-я отдельная стрелковая бригада. «Потери 63-й дивизии, на которую легла основная тяжесть боев в означенной полосе наступления, составили к 3 августа 1943 года 4500 человек убитыми и ранеными. Причем из них 3738 человек были потеряны в первые три дня наступления. [...]

Немецкие дивизии, противостоящие гвардейцам Симоняка, также несли тяжелые потери. На помощь принявшей на себя основной удар в начале нашего наступления бранденбургской 23-й пехотной дивизии еще 23 июля были посланы части 212-й пехотной дивизии. В начале августа потерявшие боеспособность

части 23-й и 212-й пехотных дивизий противника были сменены 58-й пехотной дивизией. В середине сентября измотанная 58-я пехотная дивизия была сменена подразделениями 215-й пехотной дивизии, пробывшими здесь до середины октября»^{212}.

63-я гвардейская стрелковая дивизия наступала лишь на правом фланге удара войск Ленинградского фронта.

64-я гвардейская дивизия, наступавшая левее, понесла самые значительные потери. Полки 45-й стрелковых дивизий, наступавших на Синявино, также успеха не достигли. Войска Волховского фронта смогли продвинуться только на несколько километров. Мгинская наступательная операция продлилась до 23 августа 1943 года, когда директивой Ставки ВГК войскам Ленинградского и Волховского фронтов приказано было занять оборону. В немецкую историографию оно вошло как 3-е Ладожское наступление. Отдельные бои на этом направлении продолжались до октября 1943 года. Ни захватить Синявино с примыкающими к нему стратегическими высотами, ни тем более выйти ко Мге не удалось. Но и противник не смог перебросить с этого направления ни одной дивизии, хотя они были ему кровно необходимы в августе на Курской дуге. В отечественной военно-исторической литературе развернутых исследований Мгинской наступательной операции до сих пор нет.

После августовских боев 30-й гвардейский корпус Симоняка находился в сложном положении. Боеспособность сохранили лишь две дивизии, 63-я и 45-я. 64-я дивизия нуждалась в доукомплектовании. И тем не менее командование Ленинградского фронта не дало передышки Симоняку. В сентябре командующему 55-й армией генерал-лейтенанту М. П. Духанову поступил приказ взять Синявинские высоты, те самые, которые после двух лет безуспешных штурмов оставались для

советских солдат неприступной крепостью. Духанов, по некоторым сведениям, выступил категорически против проведения данной операции, ссылаясь на недостаток сил и технических средств. Поэтому непосредственное руководство предстоящим наступлением было возложено на 30-й гвардейский стрелковый корпус и лично на генерала Симоняка.

Ветеран 63-й гвардейской стрелковой дивизии И. М. Душевский вспоминал: «Как потом говорили, командующий 67-й армией Духанов отказался брать эту высоту. Он говорил, что сил очень мало. После летних боев из трех дивизий осталось две. Да и те не полные. Говоров к нему относился хорошо, но по настоянию секретаря Обкома был вынужден отстранить от командования. Симоняк в то время тоже был в Смольном. Говоров говорит ему: «Придется тебе заниматься этим делом»^{213}.

Симоняк, как всегда, очень скрупулезно и ответственно готовился к предстоящей операции. Это редкий и очень ценный дар для командующего: понимать, что твоя работа с картой, с разведданными, с распределением секторов наступления, с направлениями артподготовки — это не просто цифры и военная наука. За каждым росчерком карандаша стоят жизни солдат твоего корпуса. Как они будут наступать, по какой местности, как поможет артиллерия?

Генералу-прорыву фронт дал все, что он запросил: поддержку артиллерии, авиации, разведки... танков не дали, да Симоняк и не просил, так как наступать предполагалось вдоль торфяных траншей, по сентябрьской жиже, любая техника стала бы намертво и оказалась легкой добычей вражеского огня.

Штаб артиллерии Ленинградского фронта для предстоящей операции решил применить тактику «сползающего огня». Во время артподготовки немецкие солдаты обычно покидали свои позиции по ходам

сообщения, оставляя передний край пустым, и только когда артиллерия смещалась в глубину, возвращались и открывали огонь по противнику. Артиллеристы учли это и приняли решение вести огонь по переднему краю до тех пор, пока первые штурмовые группы не подойдут на расстояние 100–150 метров от немецких позиций, и только тогда сместить огневой вал в глубину немецкой обороны.

Примерно так, только в больших масштабах, это было сделано во время проведения операции «Искра».

Утром 15 сентября 45-я и 63-я гвардейские дивизии 30-го гвардейского стрелкового корпуса атаковали немецкие позиции. Кажется, в это сложно поверить, но высота, бывшая неприступной в течение двух с половиной лет, была взята за 30 минут.

Из журнала боевых действий 63-й гвардейской стрелковой дивизии:

«08:00 Началась артиллеристская подготовка, которая длилась 20 минут.

08:20 188 и 190 стрелковые полки перешли в атаку противостоящего противника.

09:00 Преодолев нейтральную полосу подразделения ворвались в первую траншею противника и ведут бой по уничтожению в ней противника, одновременно продвигаясь вперед.

15:00 188 гвардейский стрелковый полк двумя батальонами овладел траншеей «Передовая». 190 стрелковый полк — 1 стрелковый батальон, овладев траншеями «передовая», «высотная» и «главная» вышел на рубеж траншеи «главная» фронтом на юго-восток и продолжает выполнять поставленную задачу. 3 стрелковый батальон — овладев траншеями «передовая» и «главная» разгромил штаб батальона (предположительно 1/45 пп) и овладев дзотами на южной опушке рожи «Овальная» вышел на рубеж южной опушки «Овальная», 50 метров западнее траншеи

«Средняя» и продолжает выполнение задачи. 2 стрелковый батальон — овладев траншеями «передовая» и частично «средняя» вышел на рубеж траншеи «средняя» и закрепляется фронтом на восток.

192 гвардейский стрелковый полк расположен в районе 300 метров южнее Рабочего поселка № 1.9 стрелковая рота по решению комдива вышла в распоряжение командира 190 стрелкового полка.

31 танковый полк двумя ротами (выведен?) в район кустов (3694), откуда ведет огонь прямой наводкой. 3 танка из 4 находящихся здесь — подбиты. Две роты в бой не вводились»^{214}.

Наверное, только ветераны Великой Отечественной войны, принимавшие участие в наступлениях, смогут до конца понять, что творилось в районе Синявина в эти шесть часов.

За три дня ожесточенных боев корпус Симоняка взял высоту 43.3. Высоту 50.1 взять не удалось. Бои за нее будут продолжаться вплоть до января 1944 года. Немцы не могли позволить себе полностью потерять контроль над Синявинскими высотами, поэтому на данный участок фронта были спешно переброшены части 225-й пехотной и 28-й егерской дивизий. Последняя была относительно свежим формированием вермахта, прибывшим в августе вместе с 11-й армией Манштейна из Крыма. Перегруппировка позволила провести немцам ряд контратак, не дав 43-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Я. П. Синкевича даже начать атаку на высоту 50.1. Понеся потери от вражеской артиллерии, 43-я дивизия вынуждена была отступить.

После 19 сентября части 30-го гвардейского корпуса Симоняка были отведены в тыл на доукомплектование и отдых. Атаки на высоту 50.1 продолжались до октября, но результата не принесли.

Симоняк поставленную задачу выполнил. Цена, как всегда, была огромной. Только санитарные потери 30-го гвардейского стрелкового корпуса в период с 15 по 19 сентября 1943 года составили 3275 человек^{215}.

Но и на награды штаб фронта не скупился.

«Искусно действовали в том бою командиры полков Анатолий Афанасьев из 63-й дивизии и Семен Даниленко, бывший на Ханко начальником штаба в Ленинградском полку, а теперь переведенный в 45-ю дивизию. Военный совет фронта наградил Афанасьева, Даниленко, комбата Владимира Панфилова орденами Суворова 3-й степени. Появились в корпусе после этих боев кавалеры ордена Кутузова: капитан Григорий Березин, старший лейтенант Антон Горбатюк, лейтенант Сергей Магомедов. Героем боя за высоту комкор считал и начарта 63-й гвардейской дивизии полковника Феоктиста Андреевича Буданова, который сменил Морозова. Буданов отлично разведал траншеи на высоте, обрушил на них точный огонь и не позволил противнику маневрировать, определить момент начала атаки...»^{216}

Но и солдаты, и офицеры 30-го гвардейского корпуса все равно, невзирая на потери, были готовы молиться на своего комкора. Раненые после медсанбата стремились вернуться в свои подразделения. «Еще хочу добавить о Симоняке. Отношение к нему было хорошее. Он иногда и выругается, но так, вариант про себя. Офицеры между собой называли его батей. Но если солдаты начинали говорить: «Батька, батька», то мы сразу пресекали: «Какой тебе батька?! Твою мать»^{217}.

В сентябре 1943 года у Симоняка случилась личная трагедия. Его жена с маленьким сыном Виктором после двух лет разлуки летела к мужу в Ленинград. Последний раз он видел их на Ханко, в первый день войны. Но самолет до города не долетел. Симоняк похоронил жену и сына под деревней Хвойной...

На войне привыкаешь к смерти, это верно, но смириться с потерей самых близких людей — это словно кусок сердца из себя вырвать: рана кровоточит, болит каждую минуту, пропадает сон, не спасает водка... Симоняк не сломался, не имел такого права. За его спиной стояли десятки тысяч солдат и офицеров, большинство из которых также пережили потери, смерть жен, детей, матерей и отцов. Тем сильнее крепла ненависть для решительного удара. А русский солдат знает, каким сладким на вкус может быть это чувство.

В январе 1944 года дивизии 30-го корпуса перевели на Пулковский рубеж. Еще с ноября 1943 года корпус перевели в состав 42-й армии генерала И. И. Масленникова. И опять войска Симоняка оказались на острие прорыва. Его корпусу была поставлена задача в ходе предстоящей операции «Январский гром» прорвать линию обороны 170-й пехотной дивизии вермахта, выйти на рубеж Красного Села, овладеть городом и соединиться в районе Ропши с войсками 2-й ударной армии, которая наступала с Ораниенбаумского плацдарма. Соседями справа был 109-й стрелковый корпус, слева на Пушкин и Александровскую наступал 110-й корпус генерал-майора И. В. Хазова. (Через три месяца этот боевой генерал погибнет в боях за Псков. Его именем назовут улицу в Пушкине.)

«К боям в корпусе готовились все. Солдаты днем, а часто и ночью учились по-гвардейски, стремительно наступать, сделав, как любил говорить Симоняк, вдох при начале атаки, а выдох уже в глубине вражеской обороны. Они учились идти вперед, прижимаясь к разрывам своих снарядов, блокировать и подрывать доты, вести ближний и рукопашный бой. Старое дело для ветеранов и новое — для тех, кто пополнял гвардейские дивизии. А новичков было немало. С пополнением приходили люди из разных мест — ленинградцы, сибиряки, москвичи и волжане. И люди это

были разные — одни открытые, другие замкнутые, одни отчаянно смелые, другие робевшие от выстрела, даже не вражеского, а своего на учебном артиллерийском полигоне. Но их всех следовало, как сказал Трусков, привести к общему знаменателю, настроить на одну — гвардейскую волну. Командиры рот, батальонов и полков выводили солдат на местность, схожую с той, на которой им предстояло наступать. Учили людей и сами учились продалбливать, прогрызать вражескую оборону на всю глубину»^{218}.

Готовились к операции и в штабе корпуса, разыгрывая штабные игры, пытаюсь продумать все возможные ходы противника и найти своевременное решение. Часто навещал штаб корпуса, расположенный в Колтушах, начальник артиллерии фронта Одинцов. На четвертый год войны и третий год блокады выяснилось, что Одинцов и Симоняк — земляки, даже батрачили в детстве на одного помещика. Такие мелочи на войне многое значат. Не всё, но очень многое решают люди, личные симпатии и мужская дружба. Иная секунда жизнь спасет, поднимет солдат в атаку. А грамотная артиллерийская поддержка сэкономит сотни солдатских жизней.

2-я ударная армия генерала И. И. Федюнинского перешла в наступление 14 января 1944 года. Немцы не ожидали наступления с «малой земли», поэтому войскам удалось значительно продвинуться вперед.

В 09.20 15 января началась артподготовка, продлившаяся 110 минут; в ней принимали участие 2300 орудий и минометов, при этом каждый расчет четко знал свою цель и заранее пристрелял местность. В 11.00 дивизии корпуса поднялись в атаку вслед за огневым валом. Эта тактика, освоенная Симоняком еще в операции «Искра», позволила практически без потерь выйти на первую линию обороны 170-го немецкого пехотного полка на рубеже Верхнее Кой-рово, Редкое

Кузьмино. Полки 64-й гвардейской стрелковой дивизии овладели противотанковым рвом, 63-я дивизия вышла на окраину деревни Хамаляйне, 45-я дивизия в течение дня вышла на шоссейную дорогу Красное Село — Пушкин, двумя полками заняла дорогу Рехолово — Большое Виттолово, отрезая немецкие части, обороняющиеся в Александровской. За первый день боев корпус продвинулся на 4,5 километра. С уцелевшими в траншеях гитлеровцами расправлялись специально созданные группы автоматчиков, а стрелковые взводы не останавливаясь шли вперед.

Соседи слева и справа наступали медленнее 30-го корпуса, что заставляло штаб выделять отдельные соединения для прикрытия флангов. Так 1-й стрелковый батальон 192-го стрелкового полка 63-й дивизии на рубеже Мендухари развернулся на юго-восток для прикрытия левого фланга дивизии. Сильно досталось 64-й дивизии от артиллерии немцев, которая работала на полную мощность с Дудергофских высот, со стороны Красного Села, Константиновки, Пел-голы.

Вот как вспоминает этот прорыв танкист 4-й роты 260-го тяжелого танкового полка Владимир Иванович Трунин: «Первую линию обороны немцев танки и пехота прошли легко. Потому что все укрепления наша артиллерия разрушила полностью. Никого в живых не осталось. А вот у второй линии обороны немцев дело застопорилось. Примерно в двух километрах от нас на Виттоловских высотах оказалось много немецких огневых средств, из которых немцы открыли такой плотный огонь, что наша пехота залегла. Встали и танки: без прикрытия пехоты лезть на пушки очень опасно.

Виттоловские высоты представляли собой возвышенность длиной около километра и высотой метров 30. Там было столько огневых точек, что за всю войну я нигде не видел такого количества огня. Там все

ревело. Не грохотало, а именно ревело. Выручили «Катюши». Командование вызвало полк «Катюш». «Катюши» встали около наших танков за холмом. Прицелились... И заиграли. Раздались звуки у-а-а-а, у-а-а-а. «Катюши» пели минут десять. Взрывы от «Катюш» были ярко-розового цвета, не такого цвета, как мы привыкли видеть. Без черных столбов разрыва. Видно, не нашлось тротила, и на Ржевке ленинградские химики придумали какой-то новый хитрый состав взрывчатки. Розовый огонь стоял и качался по всей длине высоты: вверх — вниз, вверх — вниз. Огромный розовый вал огня. А «Катюши» все пели. Картина была потрясающая. Такого я никогда не видел. Затем огонь стал спадать и, наконец, затих. Воцарилась мертвая тишина.

По команде поднялась и пошла вперед пехота. Пошли вперед и наши КВ. Со второй линии немецкой обороны больше не раздалось ни одного выстрела. На подходе к Виттоловским высотам я увидел мертвое поле: тысячи немецких солдат и офицеров лежали друг на друге вповалку. Всех их убило ударной волной. Тут им и пришел конец.

Вторую такую картину я увидел у Волосовского кладбища. Там немцы так же решили встретить нас. Но опять постарались наши «Катюши»: вся земля, все немецкие противотанковые пушки, все немцы либо сгорели, либо были покрыты черной копотью. Даже краска на стволах орудий сгорела»[{219}](#).

Потери за первый день боев составили 428 человек убитыми и почти две тысячи ранеными. Ночью войска корпуса старались вклиниться во второй рубеж обороны противника, но командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Георг фон Кюхлер уже нервничал, перебрасывал из-под Пушкина и Гатчины свежие части.

В течение дня 16 января части 30-го гвардейского корпуса продолжали штурмовать немецкие позиции,

продвинулись вперед на четыре километра и закрепились на отвоеванных рубежах. Командующий 42-й армией генерал И. И. Масленников требовал от Симоняка прорвать оборону немцев, чтобы все корпуса армии смогли вырваться на оперативный простор и окружить группировку 18-й армии вермахта. Соседи буксовали. Генерал Хазов 16 января продолжал вести ожесточенные бои за Александровскую. Этот маленький поселок был ключом к освобождению Пушкина. Но только на следующий день, когда в ночь на 17 января в сражение втянулась 85-я стрелковая дивизия, удалось выбить немцев из Александровской. Часть задач корпуса Хазова уже успел выполнить 30-й гвардейский стрелковый корпус. Левый фланг 42-й армии забуксовал, а попытка ворваться в Александровский парк Пушкина оказалась безуспешной. Для усиления своих войск Хазов получил 45-ю гвардейскую стрелковую дивизию из корпуса Симоняка. Сам Пушкин по-прежнему предполагалось обходить с запада. Советские командиры не горели желанием ввязываться в уличные бои, и это было правильным выбором. В итоге немцы, избегая окружения, покинули Пушкин и Павловск и устремились на заранее подготовленные рубежи в район Вырицы.

Семнадцатого января Симоняк отдал приказ А. Ф. Щеглову, командиру 63-й гвардейской стрелковой дивизии, повернуть свои части вправо, пробиваться к Дудергофским высотам — сердцевине всей неприятельской обороны на этом участке Ленинградского фронта. Главной целью был так называемый «Орех» — Воронья гора, на которой находились позиции немецкой артиллерии, наиболее ощутимо задерживавшей продвижение наших войск. К концу дня дивизия взяла Николаевку и вышла на рубеж Красного Села и Дудергофа. Ключом к этим населенным пунктам была высота 173,3, «Воронья гора» — самая

высокая точка Ленинградской области, за которую еще в сентябре 1941 года развернулись героические сражения. На этой высоте стояли наши орудия, снятые с крейсера «Аврора». В тех сентябрьских боях на пути немецких дивизий стояла одна рота, но это история для отдельного исследования.

Весь Ленинград как на ладони
С горы Вороньей виден был.
И немец бил
С горы Вороньей.
Из дальнобойной «Берты» бил.
Прислуга
В землю «Берту» врыла,
Между корней,
Между камней.
И, поворачивая рыло,
Отсюда «Берта» била.
Била
Все девятьсот блокадных дней.
Без перерыва
В голод, в горе,
В ребячий выкрик,
В хлеб и соль,
В последний свет
В последнем взоре,
В его отчаянье и боль,
В его последнее решенье,
В его: «Умрем, но не сдадим!»
И над открытою мишенью
Ревел огонь,
Клубился дым,
И в них глядел, на все готовый,
К земле всей тяжестью присев,
Четырехсотмиллиметровый

Незакрывающийся зев... —

так писал поэт Михаил Дудин в поэме «Песня Вороньей горе».

На следующий день два полка 63-й гвардейской дивизии полковника А. Ф. Щеглова при поддержке 84-го штурмового саперного батальона и минометчиков полковника И. А. Киргетова предприняли попытку взять штурмом вражескую цитадель. Безуспешно. Враг создал мощную оборонительную систему: минные поля, надолбы, колючая проволока, противотанковые рвы. Это была практически неприступная высота.

В ночь с 18 на 19 января к Вороньей горе подошли минометчики и обстреляли позиции немцев. Вслед за ними на Воронью гору прорвалась рота автоматчиков капитана В. Г. Массальского. Они ударили по немцам с тыла сразу во многих местах. В этом бою Массальский был четырежды ранен, но не покинул поля боя, увлекая бойцов вперед, к вершине. Необходимо сказать, что капитан Массальский — из рядовых, из старожил 63-й дивизии. Первую медаль «За отвагу» он получил еще на Ханко за спасение раненого командира. В 1942 году окончил курсы младших лейтенантов. Командир колоритный, жесткий, требовательный и справедливый. Первыми пошли его разведчики, вырезали ножами боевое охранение фашистов, затем рванулись автоматчики, не дожидаясь окончания работы наших минометов. Только после четвертого ранения, теряя сознание, капитан передал командование ротой своему заместителю и приказал во что бы то ни стало выполнить боевое задание. Узнав, что высота взята, Массальский сказал: «Я не сомневался, что мои орлы будут там».

Вслед за ротой автоматчиков Воронью гору обошли танки. Все пути отхода фашистов были отрезаны.

Одновременно с севера и юга пошли на штурм горы полки 63-й дивизии. Завязался яростный бой. К исходу дня 19 января лейтенант Багуновец водрузил на Вороньей горе красное знамя 190-го стрелкового полка. Советские войска двинулись дальше на запад, навстречу 2-й ударной армии.

За успешно проведенную операцию по захвату Вороньей горы гвардии полковник А. Ф. Щеглов, гвардии капитан В. Г. Массальский и командующий артиллерией дивизии гвардии полковник Ф. А. Буданов были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Для развития наступления командарм 42-й армии на несколько дней придал корпусу Симоняка 72-ю стрелковую дивизию. Она сменила части 45-й и 63-й стрелковых дивизий, обескровленные во время наступления. И тут же у Симоняка штаб армии забрал 64-ю стрелковую дивизию, переподчинив ее 109-му стрелковому корпусу генерал-лейтенанта И. П. Алферова. Это было логичным решением. 64-я дивизия наступала на правом фланге корпуса Симоняка, практически соприкасаясь с левым флангом 109-го корпуса, который серьезно пробуксовывал в наступлении на Урицк. К сожалению, артподготовка 15 января не смогла уничтожить огневую систему противника в направлении Урицк — Финское Койрово. Войскам Алферова приходилось буквально метр за метром ценой огромных потерь врезаться в оборону противника.

Но вернемся к дивизиям Симоняка. Военный совет фронта высоко оценил действия 30-го гвардейского корпуса. Тысячи солдат и офицеров были награждены медалями и орденами. Корпус выполнил поставленную фронтом задачу: войска Ленинградского фронта вышли на оперативный простор. На следующий день войска 42-й и 2-й ударной армий соединились в районе Ропши, а еще через несколько дней противник, опасаясь полного

окружения, покинул Пушкин, Павловск, Мгу. Линдемман в спешном порядке отводил части 18-й армии к линии «Пантера» под Псковом. 27 января бойцы 42-армии освободили Гатчину. Эта дата закрепилась в историографии как день полного освобождения Ленинграда от немецкой блокады. Первоначально в штабе фронта штурм Гатчины решили доверить Симоняку, и корпус даже начал бои в районе деревни Тайцы на подступах к Гатчине, но практически сразу от этого плана отказались — корпус был обескровлен в предыдущих боях.

Сохранилась фотография, где бойцы 42-й армии идут маршем по улице Гатчины. А улицы нет. И нет домов. Только остовы печных труб трехэтажных зданий торчат, как гнилые зубы. Но бойцы смеются на ходу. И не надо быть провидцем, чтобы понять их радость: они победили, освободили Ленинград и остались живы хотя бы еще на один день.

С линии фронта в Ленинград, в район Ижоры и Рыбацкого 30-й гвардейский стрелковый корпус был отведен 22 января. Потери за время проведения Красносельской наступательной операции составили 1652 человека убитыми и 8547 — ранеными. Две трети корпуса! Для фронта захват Красного Села означал выход на оперативный простор и плацдарм для наступления на Красногвардейск^[30]. А для Ленинграда — это означало конец ежедневных бомбежек.

«27 января над городом, который девятьсот дней по ночам не зажигал огней, взметнулись в небо слепящие фонтаны праздничного фейерверка. Ленинград ликовал, и Симоняк, наблюдая, как радуются люди, как летят в воздух шапки, почувствовал — что-то подступает к горлу. После салюта Николай Павлович поехал в Смольный договориться о пополнении корпуса. Кузнецов, выслушав его, сказал:

— Все, что можем, дадим. Гвардейский корпус — наш. Того, что он сделал для города, ленинградцы не забудут.

На рассвете Симоняк уезжал на фронт. Машина быстро неслась по улицам. Это уже не был тот казавшийся вымершим и пустынным Ленинград, каким он его увидел, вернувшись с Ханко. Жизнь победила смерть, стойкость — голод. Восторжествовала доблесть советского человека!»[{220}](#).

За Симоняком уже прочно закрепилось прозвище «генерал-прорыв».

С апреля 1944 года после неудачных боев под Нарвой войска корпуса готовились к Выборгской наступательной операции на Карельском перешейке. Финские войска, штурмовавшие позиции дивизии Симоняка на полуострове Ханко в 1941 году, остались практически один на один с войсками Ленинградского фронта. Но сил у них было достаточно: за несколько лет блокады финны выстроили мощную систему обороны, состоящую из трех рубежей. Так называемая «линия Маннергейма». 30-й гвардейский стрелковый корпус наступал в составе 21-й армии на участке Раяйоки — Старый Белоостров.

Утром 10 июля корпуса и соединения 21-й армии перешли в наступление после мощной двухчасовой артподготовки. На левом фланге вдоль побережья Финского залива наступал 109-й стрелковый корпус. На правом фланге — 97-й корпус со стороны Вартемяги по направлению на Каллелово, а по центру вдоль Выборгского шоссе, на острие удара в прорыв двинулся 30-й гвардейский корпус Симоняка. Общий участок фронта не превышал 30–35 километров.

В первый день наступления гвардейцы Симоняка продвинулись на 15 километров в глубину обороны противника. Были освобождены Майнила, Старый Белоостров. Старая советско-финская граница по реке

Сестре осталась позади. К концу дня бойцы вышли к поселку Яппиля.

Привычка идти вслед за огневым валом снова сыграла на руку Симоняку, хотя авианалет слегка зацепил позиции 192-го стрелкового полка майора Г. С. Холошни. К счастью, обошлось без жертв. Наиболее успешно действовали при этом 45-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора С. М. Путилова и 63-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А. Ф. Щеглова. 64-я гвардейская стрелковая дивизия оставалась в резерве у Симоняка, он планировал ввести ее в бой вторым эшелоном.

На других участках продвижение было не столь значительным — части 97-го корпуса вышли к реке Сестра, а дивизии 109-го корпуса взяли Раяйоки, Оллила и Кубккала и вышли к поселку Келломаки. Принявшая на себя главный удар 10-я финская дивизия понесла большие потери в людях и технике. 11 июня ее разбитые части были выведены в тыл для переформирования и пополнения.

«Глубоко вклинился во вражескую оборону 131-й полк 45-й дивизии. Первый батальон сразу прорвался через вражеские траншеи. А следом за ним рванулся и второй батальон. Противник не сумел оказать серьезного сопротивления. В опорном пункте на станции Алакюля он побросал заряженные орудия. К часу дня полк прошел двенадцать километров»^{221} и подошел к деревне Хаапала. Древняя финская деревня, первое упоминание о которой датируется началом XVI века, в очередной раз стала полем боя, чтобы уже окончательно остаться в составе России, сменить название в конце 1940-х и стать поселком Ленинское.

«Противник не успел даже взорвать заминированный мост. Горячий бой завязался у деревни Яппиля. Она тянулась вдоль Выборгского шоссе километра на полтора. На помощь гарнизону, который здесь

оборонялся, финское командование подбросило самокатный батальон из бронедивизии Лагуса. [К слову сказать, это была единственная финская танковая дивизия. Но это уже не могло изменить ход событий. — Д. Ф.] По захваченному мосту в Яппиля ворвались наши танки, слева и справа деревню обтекали стрелки»^{222}. В первый день боев разрушено 84 дзота, 12 блиндажей, 40 землянок, 2 наблюдательных пункта, подавлено 17 артбатарей противника. Убитыми и ранеными от действий 30-го гвардейского стрелкового корпуса финны потеряли до 3500 человек.

Ко второй полосе вражеской обороны войска корпуса приблизились на исходе второго дня наступления. «Финское командование спешно перебрасывает из Северной Финляндии и Южной Карелии дополнительные силы: две пехотные дивизии и две пехотные бригады. В район Кивеннапы прибывает танковая дивизия»^{223}. К концу дня 12 июня 30-й корпус вышел на рубеж Кивеннапы. В течение суток советская артиллерия утюжила укрепленный рубеж второй линии обороны: потери противника составили 600 человек, по сравнению с нашими войсками соотношение 10 к 1 не в пользу финнов.

Кивеннапу Симоняк помнил по зиме 1939/40 года. И как тяжело было тогда до нее дойти тоже отлично помнил. Именно сюда командующий фронтом Л. А. Говоров решил перенести направление главного удара. В течение 12 и 13 июня проводилась скрытная переброска войск с Приозерского направления на Приморское. На левом фланге был сосредоточен 3-й артиллерийский корпус. Это позволило в разы увеличить мощность артогня на небольшом участке (до 250 орудий и минометов на километр фронта). Наряду с введенным уже в бой на Приморском направлении 108-м стрелковым корпусом генерал-лейтенанта

М. Ф. Тихонова сюда также был направлен 110-й стрелковый корпус генерал-майора А. С. Грязнова.

В ходе быстро проходившей перегруппировки соединения и части 21-й и 23-й армий вели огонь по противнику, а на отдельных участках решительно атаковали его позиции, стремясь продвинуться вперед. 13 июня повторил подвиг Александра Матросова ефрейтор 2-й роты 98-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии Дмитрий Ушков, закрывший телом амбразуру финского дота. Д. К. Ушкова похоронили с воинскими почестями вблизи Ленинграда, в поселке Парголово, а Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил ему звание Героя Советского Союза, его именем были названы поселок на Карельском перешейке, деревня в Костромской области, где родился Д. К. Ушков, и одна из улиц Ленинграда (вал переименований, случившийся в 1990-е годы, не коснулся этой маленькой улицы в Выборгском районе города, она до сих пор носит имя героя).

Прорыв второй линии обороны Говоров определил в районе Кутерселькя, это левее позиций 30-го гвардейского корпуса. Но через начальника штаба фронта генерала Попова комфронта потребовал от Симоняка атаковать в полную силу. Учитывая то, что 3-й артиллерийский корпус сосредоточился в полосе главного прорыва, артиллерия фронта помочь Симоняку не могла. Изначально от него требовалась имитация удара, но планы изменились. По замыслу командующего, финны до последнего момента не должны были разгадать, в какой точке осуществляется главный удар. Симоняк с задачей справился.

Рано утром 14 июля противник контратаковал позиции 64-й дивизии силами до 350 автоматчиков. Контратака была отбита. К 13.00 части дивизии преодолели проволочные заграждения на рубеже Ахола и уничтожили боевое охранение противника, но дальше

продвинуться на смогли. 45-я дивизия атаковала финнов, но также особого успеха не имела. 63-я дивизия находилась в резерве.

Постоянные атаки частей Симоняка не позволили финнам разгадать в первой половине дня направление главного удара. Они не смогли перебросить из Кивеннапы резервы на свой правый фланг. Таким образом, 14 и 15 июня наши части взломали главную полосу вражеской обороны, открыли дорогу на Выборг. 16 июня 30-й гвардейский корпус, как выполнивший свою задачу, был отведен в тыл на пополнение и перегруппировку. Солдаты получили заслуженный отдых.

Утром 20 июня первые подразделения 108-го стрелкового корпуса ворвались на южную окраину Выборга. А уже 22 июня выходит 154-й номер газеты «На страже Родины» с небольшой статьей Симоняка. В ней он перечисляет подвиги бойцов своего корпуса. Так, гвардии младший сержант автоматчик Харитонов за три боя истребил более 30 финнов. Гвардии рядовой радист Беспрозванный во время корректировки артиллерийского огня был окружен семью финнами. Трех он убил, остальных обратил в бегство. Статья заканчивается пронзительной, железной нотой уверенного в своей правоте человека: «Мы идем вперед, и нет силы, способной нас остановить... И мы добьем немецко-финских захватчиков на их же земле!»

В этом же номере зафиксированы первые впечатления молодого лейтенанта В. Василевского после взятия Выборга. После этой заметки у многих отпадут вопросы, чей же все-таки Выборг и эта суровая Карельская земля, из столетия в столетие менявшая корону, язык, народ: «Наш Выборг разрушен и сожжен. Белая ночь озарена пожарами. Подлые временщики финны в припадке лютой злобы надругались над русским городом...

...В марте 1940 года я, красноармеец 1-й стрелковой роты, входил со своими боевыми друзьями по этой же улице в Выборг. Мы прошли сквозь снега Карельского перешейка, сквозь твердыни Хотинена, сражались в такие морозные ночи, когда даже водка замерзала. В то мартовское утро мы проходили мимо чудесного здания вокзала. Сейчас этого вокзала нет. Финны взорвали его.

...Как тихо сейчас в Выборге! Линия фронта ушла к западу. Трупы финских автоматчиков в кюветах заметены слоем пыли от проносящихся грузовиков. На бульваре стоят танки.

...Разбиты витрины магазинов. На этой улице не было боя. Финны молотками дробили зеркальные стекла. Крыса обнюхивает в витрине разбросанные бумаги, а потом, за-слыша шаги, исчезает в темноте.

...Когда вернулась в город тишина, прилетели чайки. Они легко кружатся в это тихое утро вокруг светлеющей, как огромная свеча, крепостной башни. В зыбкой полутьме белой ночи пламенеет на башне красный флаг»[{224}](#).

Еще одно важное для Симоняка событие произошло 22 июня 1944 года. Приказом Верховного главнокомандующего за номером 0172 30-му гвардейскому стрелковому корпусу было присвоено наименование Ленинградского. За Белоостровскую операцию генерал-лейтенант Симоняк был награжден орденом Суворова 1-й степени.

После освобождения Ленинграда от фашистской блокады в город перебираются дочери Николая Павловича, Зоя и Рая. Старая квартира в Благодатном переулке была разрушена попаданием снаряда, новую Симоняк не просил, поэтому на первое время определил семью в здание военной комендатуры на Садовой. При малейшей возможности старался выбираться к дочерям.

Война продолжалась.

Во время проведенной в сентябре Таллинской наступательной операции 30-й гвардейский корпус Симоняка вновь действовал на острие удара, теперь уже в составе 2-й ударной армии генерала И. И. Федюнинского. 17 сентября части корпуса форсировали реку Эмайыги и в первый же день продвинулись в глубину обороны противника на 19 километров. Осознав бесперспективность удержания Эстонии, Гитлер еще 16 сентября подписал приказ о проведении операции «Астер», предусматривающей эвакуацию немецких войск. Части войск, противостоящих 2-й ударной армии, предписывалось удерживать оборону до 19 сентября, с тем чтобы обеспечить эвакуацию войск от линии «Танненберг». 17 сентября началась эвакуация немецких войск из Таллина (морским путем удалось вывезти до 60 тысяч человек). 19 сентября корпус Симоняка расширил прорыв на 45 километров и вклинился в немецкую оборону на 65 километров. Освобождено более 700 населенных пунктов. Для гитлеровцев это был разгром. Симоняк в эти дни непрерывно перемещал свой наблюдательный пункт. Все было в движении, и комкор надолго не останавливался на одном месте. Его запыленная машина появлялась то в одной дивизии, то в другой. В связи с таким стремительным продвижением сплошная линия фронта перестала существовать. Случалось, и в тылу завязывались короткие и яростные бои. Были выделены отдельные части для уничтожения диверсионных и просто мелких групп противника, не успевших отступить с основными силами. Точно так же действовали немцы в октябре 1941 года во время своего стремительного прорыва к Москве.

Не обошлось без курьезов. Комдив 64-й гвардейской стрелковой дивизии И. Д. Романцов, догоняя на своем «Виллисе» штаб 191-го полка, вместе с шофером взял в

плен колонну солдат 1-го эстонского полка, организованно шедших без оружия сдаваться.

В Таллине Симоняк надолго не задержался. Л. А. Говоров взял его с собой под Ригу, куда вылетел для координации действий 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Первые несколько дней Симоняк действительно выполнял поручения Говорова, но потом его неожиданно вызвали в штаб 2-го Прибалтийского фронта к генералу армии А. И. Еременко. Тот вручил ему предписание: «С получением сего предлагаю вам убыть и вступить в должность командующего войсками 3-й ударной армии. Срок прибытия — 10 октября 1944 года. Основание: приказ Ставки Верховного главнокомандования. Командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта А. Еременко. Член Военного совета 2-го Прибалтийского фронта В. Богаткин».

Армейский уровень для «солдатского генерала», каким и оставался Симоняк всю свою жизнь, это крайне напряженный труд. Уже не так часто выдается время, чтобы выехать в войска, «на землю», пообщаться с солдатами и офицерами. Это больше работа штабная, много сил и времени уделяется планированию операций.

Симоняк возглавил армию во время завершения Рижской операции, затем части и соединения армии принимали участие в блокаде Курляндской группировки противника. Без сомнения, Говоров продвигал талантливого военачальника, но на уровень армии назначения утверждали Ставка ВГК и лично Сталин. Симоняка заметили на самом верху. Впрочем, это не изменило отношения генерала к службе, войскам и армейской дисциплине. Внешне Симоняк не реагировал на столь высокое назначение. Масштаб управления он почувствовал сразу. Сейчас под его началом находились не три дивизии, а три корпуса. Симоняку повезло с начальником штаба армии генерал-майором Михаилом Фомичом Букштыновичем. Бывший прапорщик царской

армии, воевавший в Первую мировую войну, командовавший до войны корпусом под Петергофом, в 1938 году Букштынович, как и многие офицеры, был арестован и осужден на 15 лет по 58-й статье. Но 31 декабря 1942 года Постановлением Президиума Верховного Совета СССР Букштынович досрочно освобожден и восстановлен в кадрах РККА с присвоением воинского звания «полковник» и в январе 1943 года назначен на должность заместителя командира 357-й стрелковой дивизии, которая принимала участие в наступательных действиях в ходе Великолукской операции. За успешное руководство войсками дивизии был представлен к ордену Красного Знамени, который не получил, но судимость была снята, а награды были возвращены. Такова кривая жизни многих офицеров того времени. Необходимость и кадровый голод заставили Сталина пересмотреть отношение к офицерам, осужденным в 1937–1938 годах.

В декабре 1944 года для участия в Висло-Одерской операции 3-я ударная армия была переподчинена 1-му Белорусскому фронту и переброшена под Варшаву. Это оперативное решение имеет далекоидущие последствия.

1-м Белорусским фронтом с ноября 1944 года командовал маршал Советского Союза Г. К. Жуков, с которым у Симоняка был конфликт во время операции «Искра». А Жуков ничего не забывал. Впрочем, отнять у Симоняка армию у него власти тоже не было — назначение утвердил Сталин, и снять мог тоже только он. Вот и вынуждены были сосуществовать и общаться два военачальника, не переносившие друг друга на дух. По крайней мере, Жуков точно сильно недолюбливал Симоняка. А у начальника всегда есть возможности сделать жизнь подчиненного невыносимой. Выручали Симоняка его слава и то обстоятельство, что 3-я ударная армия с момента своего создания не знала отступлений.

Но с каждым месяцем размах наступательных операций увеличивался.

Жукову предстояло взломать семь оборонительных рубежей на 500 километров в глубину между Вислой и Одером. Главные силы немецкой группы армий «А», в состав которой входили целых две танковые армии, были расположены на первом рубеже в районе Вислы. Командующий группой армий генерал-полковник Йозеф Гарпе рассчитывал в случае прорыва последовательно обороняться на всех остальных. Но удар Красной армии перечеркнул его планы. Советские войска продвигались вперед, обходили отдельные очаги сопротивления и за счет стремительного продвижения не давали противнику отойти на заранее подготовленные позиции. Меньше чем через неделю Гитлер сменил командующего группой армий «А», заменив его генерал-полковником Фердинандом Шёрнером.

1-й Белорусский фронт стремительно развивал наступление на запад, а его правый сосед — 2-й Белорусский — начал продвигаться на северо-запад, в район Эльбинга, и между фронтами образовался большой разрыв. 3-я ударная армия Симоняка растянулась по всей Померании и шла по только что освобожденной территории, где в отдельных поселках и укрепленных районах оставались блокированные гарнизоны. Ее частям приходилось зачищать разбредшиеся остатки разгромленных вражеских дивизий, быть готовыми вступить в бой, защитить фланг и тыл успешно продвигавшихся вперед армий фронта. Жуков не ставил армию Симоняка на направление главного удара — оставим это решение на совести маршала, не комментируя его.

Разгром Восточно-Померанской группировки противника Ставка поручила 2-му Белорусскому фронту маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. Войска же 1-го Белорусского должны были в это время

ликвидировать окруженные группировки в Познене, Шнейдемюле, Дойч-Кроне, Арнсвальде^[31], расширить плацдарм на левом берегу Одера и одновременно подготовиться к наступлению на

Берлинском направлении, выводя к Одеру основные силы правого крыла фронта. Туда двигалась и 3-я ударная. Симоняк уже несколько раз выбирался к реке, бродил по ее берегу в солдатской одежде, прикидывал, как лучше форсировать Одер и устремиться вперед на Берлин, до которого от передовых частей оставалось 60 километров.

Отношения с Жуковым обострились.

«У Николая Павловича Симоняка слабело зрение, развивалась дальноркость. А очки он не носил. Ну что это за фронтовой генерал в очках?! У каждого свое мнение, свои причуды: он вообще считал, что его дело — воевать, а отчитываться, докладывать по инстанции должны работники штаба. А у Жукова была другая привычка: каждый вечер он связывался по телефону лично с командармами и заслушивал их отчеты. Требовал детального знания обстановки, какой населенный пункт взят, за какой хутор или фольварк идет бой. А написания на подробных картах мелкие, совсем даже не для Симоняка. Поэтому при разговорах с командующим фронтом при Симоняке всегда находился либо начальник штаба, либо начальник оперативного отдела, обладавшие безупречным зрением и обязанные по должности знать все особенности обстановки.

Симоняк не «отбарабанивал» свои доклады, хоть и приблизительно, но четко, а сообщал сведения, советуясь со своими штабистами, повторяя за ними названия населенных пунктов. Это раздражало Жукова, вызывало нарекания. Дошло до вспышки. «Что вы телитесь! — разозлился Жуков. — Кто командует армией, вы или ваш подсказчик?! Обстановку не знаете, ничего не знаете! Я вас отстраняю! Выезжайте в штаб

фронта, сдадите дела моему заместителю генералу Кузнецову!»

На что Симоняк резонно ответил: «Армию до сдачи дел оставить не могу, если приказываете, пусть Кузнецов приезжает сюда». — «Я вам приказываю явиться в штаб фронта», — распорядился Жуков. Погорячился, конечно, Георгий Константинович. Командармов назначал не он, а Верховный главнокомандующий, снять Симоняка у Жукова не было прав, но отстранить на какое-то время он мог, поставив в известность Сталина. Командарм 3-й ударной прибыл в штаб фронта. Состоялся его телефонный разговор с Верховным. Симоняк изложил свое мнение. И по другим источникам Иосиф Виссарионович знал о придирках Жукова к Симоняку. Вызвав Георгия Константиновича по ВЧ, Сталин не стал ссылаться на мнение Жданова, Говорова, Василевского. Спросил:

— Товарищ Жуков, на вашем фронте есть хорошие врачи, хорошие окулисты? Направьте их к товарищу Симоняку, пусть помогут ему, пусть изготовят хорошие очки. Пять пар очков на все случаи жизни. А вы своей властью обяжите товарища Симоняка эти очки носить. И не надо капризничать, товарищ Жуков, ни вам, ни ему. Несolidно... Справитесь с такой задачей или из Москвы окулистов прислать?

— Справимся сами, — мрачно ответил Жуков.

— Мы не сомневаемся в ваших больших способностях, — одобрил Иосиф Виссарионович и продолжал: — Есть и другой вариант. Близится двадцать третье февраля, годовщина нашей армии и нашего флота. Хороший повод преподнести подарок товарищу Симоняку. Подарите ему большую лупу, чтобы видел на карте самый мелкий шрифт. Найдется трофейная лупа? Нам говорили, что в Германии есть очень хорошие лупы... Видите, товарищ Жуков, какие у вас широкие возможности. — Тон Сталина сделался более

жестким. — Так что вы вполне можете обойтись без поспешных и неоправданных мер, — закончил он»^[225].

Двадцать второго февраля маршал Жуков отдал приказ 3-й ударной и 61-й армиям, находившимся на правом фланге фронта, перейти с 1 марта в наступление, нанести главный удар севернее Реетц в направлении на Кольберг, Голлнов^[32]. После того как фронт противника будет прорван, в образовавшиеся бреши планировалось ввести две танковые армии. Вспомогательные удары нанести на флангах: на правом — 1-й армии Войска Польского генерала С. Г. Поплавского, на левом — 47-й армии генерала Ф. И. Перхоровича. Этот удар, по замыслу командующего, должен был сокрушить оборону противника. Подвижные соединения должны были продолжить наступление к Одеру, а общевойсковые армии уничтожить дивизии противника по частям.

Восточно-Померанская операция была одной из самых масштабных, в которых Симоняку пришлось участвовать. 1 марта 1945 года после мощной артподготовки в наступление перешли войска 1-го Белорусского фронта и в их числе и 3-я ударная армия генерала Симоняка.

В результате сильного удара 7-го и 12-го стрелковых корпусов 3-й ударной армии, действовавших при поддержке танковых соединений, к исходу первого дня наступления оборона противника была прорвана на глубину 15–25 километров. Практически полностью была уничтожена 5-я немецкая егерская дивизия, начавшая беспорядочный отход в район Драмбурга. Сильная группировка немецких войск оказалась в окружении. Южнее Шифельбейна в «мешок» размером 40 на 20 километров, имевший узкую горловину на севере, уже 3 марта попали X армейский корпус СС и корпусная группа «Теттау». На западной стороне «мешка» оказались дивизии 7-го стрелкового корпуса 3-й ударной,

командарму которой Г. К. Жуков приказал: не допустить отхода окруженных войск на запад и северо-запад. С юго-востока и востока вражескую группу припирала 1 — я армия Войска Польского. Ей и было поручено уничтожить попавших в западню. Симоняк повернул свой 7-й корпус фронтом на северо-восток.

Корпус задачу выполнил. К 8 марта 5-я егерская дивизия фактически перестала существовать, 163-я пехотная дивизия, дивизия № 402 и дивизия «Бэрвальде» («Лесной медведь») распались на мелкие группы, которые пытались самостоятельно просочиться через еще сохранявшуюся горловину в направлении Трептова.

Ударная армия успешно завершила операцию, разгромив врага, но общий язык с Жуковым Симоняк так и не нашел. Конфликт приобрел затяжной характер. Сошлись два сильных характера.

«В общем, взаимоотношения между двумя военачальниками не улучшались, а осложнялись, что шло во вред общему делу. Можно было не сомневаться, что Жуков добьется своего не мытьем, так катаньем. Я вынужден был спросить:

— Кого же вы видите командующим 3-й ударной?

— Кузнецова, — сразу ответил он, как говорят о давно решенном. — Василия Ивановича Кузнецова. Не Симоняку, а ему самый резон армию на Берлин вести. Симоняк уже получил все, что заслужил. От полковника до командарма дорос, хватит ему и чести, и званий. А Василий Иванович еще в Гражданскую полк возглавлял. В начале этой войны свою 3-ю армию из окружения вывел. Многие драпали, а он сумел. В особом приказе Сталина еще тогда был отмечен среди лучших генералов, помните? Под Москвой 1-й ударной командовал, контрнаступление начинал. Да что говорить, сами знаете. А теперь Кузнецов в тени, не виден и не слышен. Должность вроде высокая,

заместитель командующего фронтом, вся повседневная работа на нем, но зам и есть зам. А ему бы самостоятельно войну завершать. Заслужил.

Разумом сознавая, что Жуков не совсем прав или даже совсем не прав по отношению к Симоняку, я по-человечески понимал Георгия Константиновича и склонялся в его сторону, в сторону своего давнего и уважаемого коллеги генерал-полковника Кузнецова. И опять же сама судьба подсказывала справедливое решение. Василий Иванович Кузнецов действительно отличился в приграничном сражении, с боями отводя свою 3-ю армию. Факт, что успешно громил он гитлеровцев под Москвой, командуя 1-й ударной армией. И вот теперь, когда мы пересекли границу в обратном направлении и подступили к Берлину, не Кузнецову ли по праву возглавить армию, к тому же опять 3-ю, но не простую, а ударную! Случайны ли эти совпадения или это указующая подсказка свыше, восстанавливающая справедливость?!

Жуков смягчился, уловив, что я разделяю его мнение. Пришлось несколько разочаровать его.

— Насчет Кузнецова вы правы, но, считаю, не более. Симоняк — достойный человек и хороший командир. С сильным характером, не гнется.

— А мало ли у нас достойных должностей для достойных людей! — повеселел Георгий Константинович. — Навоевался Симоняк, хватит с него, может в тылу покомандовать или на другом фронте.

— Верховному доложу, — пообещал я. — Он сам решит. Завершая этот эпизод, должен сказать, что с переводом Симоняка в Москве торопиться не стали. Иосиф Виссарионович надеялся, что два кремня все же притрутся друг к другу. Но нет, искры от столкновения продолжали лететь. Сознавая, что столь ненормальное положение идет во вред общему делу, Николай Павлович Симоняк в середине марта направил Сталину

телеграмму с просьбой отозвать его с поста командарма. Не желая обострять взаимоотношения с Жуковым и учитывая мое мнение, Иосиф Виссарионович просьбу удовлетворил. Симоняка перевели на другую должность, подальше от Жукова. А 3-ю ударную армию возглавил генерал Кузнецов»^{226}.

Симоняк получил должность командующего 67-й армией Ленинградского фронта, которая в середине марта 1945 года располагалась на Даугаве. Когда-то он воевал в составе этой армии под командованием генерала М. П. Духанова, а сейчас сам командовал ею. Как давно это было... Полтора года назад: целая жизнь...

Опять командарм знакомился с войсками, общался с людьми. Но все же это были знакомые войска родного Ленинградского фронта, много знакомых. Симоняка знали и уважали все: от солдата до офицера.

Апрель и первые числа мая Симоняк со своей армией принимал участие в уничтожении Курляндской группировки противника. День Победы он встретил в Курляндии. Не в Берлине, что не могло не ранить его самолюбие.

Тем не менее 24 июня 1945 года генерал-лейтенант Н. П. Симоняк участвовал в историческом Параде Победы в Москве на Красной площади, маршируя в первом ряду сводного полка Ленинградского фронта, который вел маршал Советского Союза Л. А. Говоров.

В октябре 1945 года Симоняк вновь принял командование родным 30-м гвардейским корпусом.

Николай Павлович женится второй раз. Его жена — Зинаида Сергеевна, родилась и выросла в Ленинграде, в финскую войну ушла на фронт медсестрой. В Великую Отечественную ухаживала за больным генералом в госпитале. Военно-полевой роман? Может быть. Зинаида Сергеевна родила Симоняку двух детей: дочь Людмилу и сына Виктора. Внимательный читатель заметит, что

сына Николай Павлович назвал именем своего погибшего ребенка.

Кажется, сама история выводит в кризисные, судьбоносные моменты на первый план вот таких людей, как Симоняк. Казацкие корни, крепкая, вросшая в родную землю мужицкая натура, упрямство, любовь к стране и своему народу выковали боевого генерала, который выполнил свою роль в нужное время, в нужном месте. Или это Город его притянул к своим гранитным голодным плитам и сказал: спасай!

Генерал-прорыв.

Уже в 1945 году у Симоняка не только садится зрение, но и начинаются проблемы с сердцем. Отдав всего себя Городу и стране, генерал начал сдавать, когда задача по спасению Родины была выполнена. Бессонные ночи, нечеловеческое напряжение, колоссальная ответственность за солдат, матчасть, за выполнение поставленных задач, за голодных жителей блокадного Ленинграда... Организм просто не выдержал.

Осенью 1948 года Симоняк попал в больницу с инфарктом. Подлечившись, он принял решение завершить военную службу и вышел в отставку. Но разве может война оставить насовсем людей, которые прошли ее от начала до конца, наелись ее кровавой каши до предела, сражались, проливали кровь и победили?

Спустя некоторое время в том же 1948 году Симоняка вызвал маршал Говоров и дал понять, что пора возвращаться на службу: Николая Павловича ценят, уважают и ждут. Но Симоняк, что-то почувствовав в себе самом и во времени, стремительно изменившемся, принимает решение не возвращаться. В одну и ту же реку дважды не ступают.

В конце января 1956 года он получил письмо из станицы Темижбекской. Сестра писала: мать тяжело

больна и просит приехать. Николай Павлович быстро собрался в далекий путь. Навестил родных, показал жене Кубань. Приглашал летом навестить его в Ленинграде. Но до лета он не дожид.

В первых числах апреля болезнь обострилась. Недели две он почти не вставал с постели. 20 апреля 1956 года Николай Павлович скончался.

Похоронили его в Ленинграде, на Богословском кладбище. Над свежей могилой прозвучал гвардейский салют.

И когда не верящий в Бога Симоняк оказался перед Ним один на один, Николаю Павловичу было что сказать.

Петр, звякая ключами, отворил ворота — проходи! Шаг, другой...

В вечность. В бессмертие.

Мне все здесь дорого и свято,

У черных Пулковских высот:

Могила русского солдата,

На желтом бруствере осот;

Мать-мачехой и повиликой

С боков обросший капонир;

Перевороченный и дикий,

Какой-то первозданный мир;

Кирпичная щербатая стена,

Моих друзей простые имена.

Мне хочется, чтоб девушки и дети

Пришли сюда на утреннем рассвете,

Чтоб день был светел, чтобы ветер тих,

Чтоб солнце золотилось на дороге...

Забудь свои печали и тревоги, —

Здесь мертвые спокойны за живых [{227}](#).

ГОРЯЧЕЕ ЛЕНИНГРАДСКОЕ НЕБО

Петр Андреевич Пилютов,

гвардии подполковник, командир 29-го

гвардейского истребительного авиационного полка

На берегу Днепра в Гомельской области лежит деревня Лучин. Первое упоминание о ней относится к 15 мая 1480 года, именно этим числом датируется грамота короля Казимира IV купцу Л. Терентьевичу, получившему право беспошлинно торговать в разных населенных пунктах, в том числе и в Лучине. По некоторым источникам, раньше на месте деревни был древний город Лучин, который впервые упоминается в грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича в 1136 году. Основательная деревня, больше двухсот дворов, словно выросших из самих недр русской земли. Территория нынешней Белоруссии. А холодным декабрьским днем 23-го числа 1906 года не было никакой Белоруссии, Украины или Российской Федерации, а была Российская империя, в сердце которой родился Петр Андреевич Пилютов.

Вне всякого сомнения, теория о том, что в разные эпохи и периоды времени земля сама рождает героев, находит свое подтверждение во многих биографиях военных, ученых, писателей и художников. Но было бы упрощением сводить подвиг и саму готовность к нему только лишь к этой теории. Петр Пилютов родился в

семье крестьянина-середняка. С восьми лет работал пастухом. И при всем уважении к системе образования Российской империи, у мальчика были невысокие шансы стать летчиком, а в последствии — командиром гвардейского истребительного авиационного полка. Будем честны, такое возможно было только в Советском Союзе.

Обычная крестьянская семья. Двое пацанов и одна девчонка. Петр — старший из детей. Семья Пилютова Андрея Андреевича, отца будущего летчика, как малоземельная была вскоре в рамках программы по наделению землей переселена из Белоруссии в Башкирию, где переселенцы получили земельные наделы. Переселенцев было много, в основном из Могилевской губернии. Вместе с Пилютовыми приехали семьи братьев его жены, Маланьи, во главе с отцом. Все называли его «деда». Переселенцы образовали деревню Ржановское.

Вскоре началась Первая мировая война, в 1914 году Андрея Андреевича Пилютова призвали в армию. Дома остались жена и дети. Маланья к тому времени уже была неизлечимо больна чахоткой, поэтому вся домашняя работа была на восьмилетнем Петре. Что такое крестьянский труд в деревне в начале XX века — объяснять не надо: это тяжелая работа от зари и до зари. Земля кормит, но она же и забирает твои силы через пот и кровь. Такой непростой закон русской жизни. Вскоре мать скончалась.

Вот что вспоминает дочь Петра Пилютова, Тамара Петровна: «Пете было восемь лет, когда от туберкулеза умерла его мать. Ему запомнился натужный кашель матери, ее худые плечи и огромные запавшие глаза. Запомнилась деревянная миска на столе, в которую сердобольная соседка наливала молоко для больной матери. Ей уже ничего не помогало, но Петя уговаривал мать попить молока. После похорон матери Петю забрал

дед к себе на хутор. Дед был зажиточным, скупым и расчетливым. Четыре года Петя был у него пастухом, пас коров и овец. Чуть свет дед тряс Петю за плечо со словами: «Петька, вставай, хватит валяться». Набегавшись за день за скотом, Петя валился с ног, а дед не давал ему присесть. Так прошли четыре трудных года».

Воспоминания родственников — ненадежный документ, особенно воспоминания детей, услышанные из обрывочных рассказов родителей. Жизнь после смерти матери по определению не может быть легкой. По воспоминаниям сводной сестры Петра, Татьяны Андреевны Пилютовой, можно сделать вывод о том, что дед Петра был действительно непростым человеком. Младшего брата, Ивана, отдали в приют, а чтобы не потерять земельный надел, дававшийся на семью, дед взял в дом работницу Прасковью Мартемьяновну Сорокину, такую же переселенку из Белоруссии. Она же в основном и вела хозяйство вместе с Петром и его сестрой Агапой. Разумеется, маленькому Пете приходилось много работать, но земельный надел удалось сохранить и хозяйство не было ликвидировано.

Отец Петра Пилютова, Андрей Андреевич, вернулся домой только в 1919 году. В 1918 году после демобилизации старой армии он попал в Красную, воевал на фронтах Гражданской. По возвращении Андрей Андреевич и Прасковья Мартемьяновна достаточно быстро поладили и связали свои судьбы законным браком. Это еще одно доказательство особенности крестьянского бытия, отношения к жизни и смерти: некогда горевать, надобно выживать и поднимать семью. Младшего Ивана забрали из приюта, начали налаживать хозяйство. Летом Андрей Андреевич работал в деревне, на земле, зимой уезжал на лошади в город Ашу на сезонную работу. Тогда строили плотину

на реке Ашинка, а та, в свою очередь, была нужна для строящегося химзавода.

Семья постоянно увеличивалась, детей было уже восемь человек. Петр Пилютов к тому времени окончил деревенскую школу-четырёхлетку. Прасковья поехала в город Ашу, записала мальчика в 5-й класс, договорилась о его проживании в семье местных интеллигентов. За постой платили продуктами и мелкими работами, которые выполнял сам Петр. Так он окончил семь классов и устроился на метзавод молотобойцем в кузницу. Кстати, Ашинский металлургический завод, основанный еще в 1898 году, существует и здравствует по сию пору.

Петр остался на той же квартире. Когда он подросток, хозяева познакомили его с дочкой местного батюшки Антониной. Молодые решили пожениться. История этого первого брака Петра Пилютова (а будет еще и второй) окутана домыслами и догадками. Понятно, зачем он был нужен девушке. Антонина, сменив фамилию, смогла устроиться на работу, так как до этого ее, как дочь священника, никуда не брали. Не совсем понятно, зачем это нужно было Петру. О большой любви, скорее всего, речь не шла. В крестьянских семьях по любви браки случались нечасто. Тем не менее свадьбу сыграли. Родители Петра помогли, накопили денег и купили молодым дом: три комнаты и кухня. Дом записали на трех сыновей: Петра, Ивана и Василия. Как разворачивались взаимоотношения внутри семьи, нам сейчас доподлинно неизвестно, да это и неважно.

В 1928 году Петра забрали в армию. Антонина остается в семье Петра, но по некоторым обмолвкам и воспоминаниям Тамары Петровны Пилютовой, она не сошлась характером со свекровью. В 1929 году у нее родилась дочь Маргарита, а в 1930-м без предупреждения приезжает Петр Пилютов, в три дня разводится с женой и уезжает обратно.

Службу Пилутов начал в городе Куйбышеве и через некоторое время написал домой: «У меня все идет хорошо, много занимаюсь. Скоро у нас будут экзамены. Буду сдавать на старшего связиста. Такие отметки, как у меня, у нас в роте только у троих»^{228}. Петр учился в Куйбышевской школе связи, но мечтал об авиации. В 1930 году он поступил в Ленинградскую военно-техническую школу ВВС РККА (будущая Военно-космическая Краснознаменная академия им. А. Ф. Можайского), готовившую авиационных техников, и в марте 1932 года, успешно окончив ее, получил назначение в 40-ю Ленинградскую эскадрилью, базировавшуюся на Дальнем Востоке. Это был первый поворот судьбы, подталкивавшей Пилутова к Ленинграду. Он стал техником звена. Теперь у Петра Андреевича был не один, а три самолета. Возможно, в этом кроется разгадка столь быстрого развода. Два года службы плюс еще два года учебы — достаточно долгий срок для двух разделенных людей. А возможно, срок рождения дочери не укладывался в положенные девять месяцев с момента ухода Петра в армию. Впрочем, гадать не будем. Это одна из семейных тайн, которые должны оставаться внутри семьи.

Сама история этих служебных назначений и перемещений показывает, что перед нами человек целеустремленный. Но одного напора мало, еще нужно везение. И случай Пилутова как раз показывает нам, что судьба человека неотделима от судьбы страны. Оговоримся — судьба маленького человека! Особенно маленького человека. А дальше стечение обстоятельств, пересечение осей и биссектрис целей, желаний, выбора... и маленький человек начинает расти, перерастает самого себя и становится частью истории. Не думая при этом о подвигах и наградах, а просто честно делая свою работу.

Шестнадцатого июля 1933 года в путь из Ленинграда во Владивосток по Северному Ледовитому океану отправился пароход «Челюскин». Целью экспедиции было доказать пригодность Северного морского пути для снабжения Сибири и Дальнего Востока. Это был уже второй случай, когда судьбы Ленинграда и Петра Пилютова пересеклись.

В феврале 1934 года раздавленный льдами в Чукотском море пароход «Челюскин» затонул. Один человек погиб, а 104 члена экипажа высадились на льдину, часть грузов и продовольствия удалось с парохода снять.

«В 1928 году постановлением Совета народных комиссаров была учреждена Арктическая правительственная комиссия. Ее возглавил бывший главком Вооруженных сил Республики С. С. Каменев. В комиссию вошли ученые и летчики Чухновский и Бабушкин. Комиссия руководила созданием на побережье Ледовитого океана морских и авиационных баз, метеостанций и регламентировала плавание судов. Первым практическим результатом работы комиссии было спасение экспедиции Нобиле, потерпевшей аварию на дирижабле «Италия». Ее же усилиями были спасены зазимовавшие во льдах океана советский пароход «Ставрополь» и американская шхуна «Нанук». Пароход прошел весь маршрут, вошел в Берингов пролив и 7 ноября дал в Москву приветственную радиограмму. Но в проливе началось движение льдов в обратную сторону, и «Челюскин» снова оказался в Чукотском море.

Когда экипаж оказался на льду, была образована правительственная комиссия по их спасению. О ее действиях постоянно сообщалось в печати. В возможность спасения многие специалисты не верили. Некоторые западные газеты писали, что люди на льду обречены и возбуждать в них надежды на спасение негуманно, это только усугубит их мучения. Ледоколов,

которые бы могли плавать в зимних условиях Ледовитого океана, тогда еще не было. Надежда была только на авиацию. Самая большая группа самолетов и летчиков была подчинена Каманину. Это были военные летчики полка разведчиков на самолетах Р-5. Сначала их было четверо: Каманин, Пивенштейн, Демиров, Бестанжиев. Затем поступил приказ включить в группу полярных летчиков Молокова и Фариха»^{229}.

Петр Пилутов служил техником на самолете Молокова и в составе экспедиции был направлен спасти «челюскинцев». Самолеты без промедления поднялись в воздух, однако первыми из пяти самолетов до цели добралось лишь два. На одном из них был Петр Пилутов. Позже подтянулись и остальные. Один самолет мог взять на борт только трех человек. Тогда Пилутов предложил сделать ящики, обшить мехом и прикрепить их на крылья самолетов. Благодаря такой изобретательности на самолете Молокова — Пилутова было спасено 29 человек. «В связи с успешным окончанием эпопеи была учреждена высшая степень отличия — звание Героя Советского Союза. Оно было присвоено летчикам А. Ляпидевскому, М. Слепневу, В. Молокову, Н. Каманину, М. Водопьянову, И. Доронину. Галышев и Пивенштейн были награждены орденом Красной Звезды. Так же были награждены совершившие перелет бортмеханики»^{230}. За спасение челюскинцев Петр Андреевич получил высшую награду СССР — орден Ленина, это произошло 13 апреля 1934 года. Героя тогда Пилутову не дали: он не был летчиком, только лишь бортовым техником. Но полученный тогда орден Ленина он всю жизнь ценил выше остальных наград.

А дальше — как в кино!

Как вспоминала дочь будущего летчика: «На другой день в Кремле после торжества К. Е. Ворошилов беседовал с каждым членом спасательной экспедиции. И папа, краснея от волнения, сказал о своем желании

поступить в летную школу. Его просьба была удовлетворена, папу отправили в Качинскую школу военных летчиков»^{231}.

С мая 1934-го по январь 1935 года Петр Пилутов учится на летчика. Эта созданная еще в 1910 году военная школа была одним из первых еще в Российской империи учебным заведением, готовившим военных летчиков. Ее в 1939 году окончит и сын И. В. Сталина Василий. После выпуска Пилутов продолжил службу в Дальневосточном военном округе: сначала командиром звена, потом помощником командира эскадрильи. Но это уже в 1939 году после первого боевого крещения на Халхин-Голе.

Совершая плановое патрулирование вдоль границы, Пилутов увидел сверху, из-за облаков группу японских истребителей. Недолго думая он атаковал японцев, подбил один самолет и начал маневрировать, уклоняясь от вражеских атак. Он отступал в сторону советской границы, совершал виражи, поднимался вверх за облака, резко уходил вниз, не давая японцам взять в прицел свой самолет. Таким маневром он смог добраться до советского воздушного пространства, где небо уже патрулировали наши истребители. Японцы из охотников сами превратились в дичь. Еще час продолжалась гонка, только уже в обратном направлении. Тот японский самолет был первым в послужном списке Пилутова.

В 1940 году Пилутов — командир эскадрильи 145-го истребительного авиаполка. Он принял участие в боях советско-финской войны, награжден медалью «За отвагу».

К этому времени женился младший брат Иван, росла дочь Маргарита. Родных Пилутов не забывал, посылал деньги, приезжал с любой оказией. В этом тоже проявлялась его основательная крестьянская натура. То ли земля тянула, то ли впитанное с молоком матери: к своим, поближе, не разрывать связи и не рубить корни.

На финской войне воевал и брат Иван. К счастью, как и Петр, остался жив. А Пилютова после этой войны оставили служить в Ленинградском военном округе. Так судьба в очередной раз привела Пилютова в Ленинград, на этот раз окончательно. Здесь он женился второй раз, родились дочь Тамара и сын Виктор.

«Великая Отечественная война застала капитана П. А. Пилютова в Ленинграде, где он командовал группой летчиков, осваивающих новый самолет МиГ-3. Именно на этой машине Петр и вступил в свой первый воздушный бой с немецкими истребителями. Затем воевал в должности командира эскадрильи 154-го истребительного авиационного полка. Много раз подразделение истребителей под командованием Петра Андреевича успешно справлялось с возложенными на них обязанностями, и конечно, не обходилось без жертв и поломок материальной части»^{232}.

Следующую награду — орден Боевого Красного Знамени — Пилютов получил спустя месяц после начала войны: за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом доблесть и мужество. Именно так написано в приказе^{233}. Более полную картину дает наградной лист. «Товарищ Пилютов в воздушном бою сбил фашистский самолет «Фокке-Вульф-200» (летающая крепость). Летчик и радист были убиты метким огнем тов. Пилютова, штурман ранен — взят в плен, при этом тов. Пилютов получил ранение в голову, благополучно посадив свой самолет на аэродром, перевязался и снова поднялся в воздух бить врага.

За проявленную отвагу, мужество и героизм в борьбе с врагами — фашистскими разбойниками, ходатайствую перед командованием 39 НАД о представлении капитана Пилютова Петра Андреевича к присвоению звания Герой Советского Союза. Командир

154 ИАП, Герой Советского Союза, полковник Антонов. Военком 154 ИАП, Герой Советского Союза, батальонный комиссар Пономарчук. Начальник штаба 154 ИАП, капитан Минеев».

Резолюция командира дивизии: «За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецким фашизмом, представить к правительственной награде «Орден Красного Знамени»^{234}.

К слову, вместе с Пилютовым к званию Героя представляли еще троих летчиков (Г. Г. Петрова, А. Н. Сторожакова, Г. В. Диденко) — всех также наградили орденом Красного Знамени.

«Фокке-Вульф 200» или Fw 20 °Condor был немецким самолетом-разведчиком, использовавшимся так же как бомбардировщик. Все-таки один сбитый самолет на Героя не тянул.

Пилютов продолжил службу в 154-м истребительном авиационном полку. В круг задач его эскадрильи входят патрулирование своего неба и разведка вражеской территории, сопровождение бомбардировщиков и транспортных самолетов. Ежедневная изматывающая служба, постоянный риск. Воздушные рабочие войны — их подвиги самими летчиками воспринимались как нечто будничное, ежедневное, а поэтому не имеющее отношение к пафосу и героизму. Просто такая работа, они сами ее выбрали.

В конце августа 1941 года Пилютов вновь был представлен к правительственной награде. К этому моменту на его счету было 149 боевых вылетов с общим налетом 145 часов. Он лично принял участие в 30 воздушных боях, сбил семь самолетов противника. А подвиги? Их было, как говорится... 15 июля 1941 года, спустя десять дней после первого ранения в голову, Пилютов ночью совершает разведвылет на территорию, занятую немцами. Самолет его был обстрелян зенитками противника, получил пробоины, было повреждено

управление. Но Пилутов дотянул до аэродрома и доставил ценные сведения в штаб армии.

Применив военную хитрость, Пилутов 28 июля 1941 года пристроился к группе самолетов, находившихся под охраной немецких истребителей. Неожиданной атакой уничтожил два самолета противника и сорвал немецкую операцию по бомбардировке Ленинграда.

Выполняя задачу по сопровождению бомбардировщиков в районе озера Самро в Лужском районе Ленинградской области 4 августа 1941 года Пилутов встретил со своей эскадрилей девять самолетов противника, навязал им воздушный бой, уничтожил один истребитель немцев. Наши бомбардировщики успешно отбомбились, выполнив поставленную задачу.

Из наградного листа: «12.08.1941 по направлению к Ленинграду шла группа самолетов противника «Хе-113»; капитан повел свое звено в воздушный бой, сорвал операцию противника и сбил лично «Хе-113». Все остальные вражеские самолеты поспешили уйти от наших истребителей, не приняв боя».

С Хе-113 — отдельная история. Эти самолеты фирмы «Хейнкель» были не чем иным, как мифом, плодом геббельсовской пропаганды и дезинформации, кстати, вполне успешной. Поскольку в предвоенной Германии существовало четкое разделение: Мессершмитт занимается истребителями, а Хейнкель — бомбардировщиками, то конструкторы Хейнкеля захотели спроектировать и запустить в серию собственные истребители. Даже сделали опытные образцы He 100D-1. Их и выдавали за несуществующие Хе-113. Было сделано несколько снимков так называемых эскадрилий, которые тиражировались во всех специализированных средствах массовой информации. Всего было продемонстрировано три фиктивных боевых подразделения. Два из них не имели

названия, а третье называлось *Blitzgeschwader*. Мероприятия по дезинформации имели успех. Так, в СССР во всех предвоенных материалах для нужд ПВО (справочники, плакаты, таблицы) обязательно были нарисованы силуэты Хе-113. А наши летчики за Хе-113 принимали, скорее всего, самолет фирмы «Мессершмитт» Вf 109F. Советское командование до 1943 года было уверено в реальности существования Хе-113...

По совокупности заслуг командир 154-го авиационного полка вновь представил Пилютова к званию Героя Советского Союза. Представление ушло вверх 23 августа 1941 года. Через пять дней оно было согласовано командованием 39-й авиационной дивизии. Месяц наградной лист пролежал в штабе армии, пока, наконец, не была наложена резолюция: наградить орденом Ленина. Приказ о награждении вышел в конце ноября^{235}. Звание Героя опять прошло мимо, но, как говорится, Бог любит Троицу.

К декабрю 1941 года у Пилютова обозначилась личная дуэль с немецким асом. Тот летал на самолете Вf 109 с характерным отличием: нос самолета был выкрашен желтой краской. Наши летчики между собой прозвали его «желтоносый».

Декабрь 1941 года был неблагоприятным для вылетов — всего шесть дней летной погоды. И тем не менее авиация работала, оставить без сопровождения и патрулирования Дорогу жизни летчики не могли.

В первом бою, когда Пилютов встретил «желтоносого», тот подбил его ведомого. Несколько слов необходимо сказать о связке «ведущий — ведомый». Пара истребителей — это основная боевая единица в истребительной авиации. Задача ведущего, командира «двойки», — сбивать самолеты противника. Задача ведомого — прикрывать своего командира. В их взаимодействии есть множество нюансов. Ведущий не

должен идти на полной тяге, чтобы прикрывающий его ведомый всегда мог быстро догнать самолет командира. С этой же целью пикирование ведомый выполняет не так круто, как ведущий, и после маневра оказывается сверху. Работа в паре требует отличного взаимопонимания между двумя летчиками. Они фактически должны читать мысли друг друга, угадывать маневр по первому движению крыла. И в такой паре, как правило, ведомый гибнет чаще, чем ведущий.

В немецкой группе немцев было четыре самолета Vf 109, Пилутов после гибели ведомого остался один. Вступать в бой одному против четырех было крайне рискованно, но Пилутов, умело маневрируя, оттянул самолеты противника к Кобоне под огонь нашей зенитной артиллерии. Три самолета противника были подбиты, но «желтоносый» уцелел.

Вообще Vf 109 был основным и очень серьезным самолетом люфтваффе. За всю войну было около десяти различных модификаций этой машины. Истребители Vf 109G на высотах больше пяти тысяч метров имели превосходство в скорости над большинством наших самолетов-истребителей и уступали только последним их типам. Недостаток скорости наши летчики компенсировали преимуществом в высоте, возможностью увеличить скорость за счет пикирования. Быть выше противника — одно из важнейших правил воздушного боя с истребителями. Немецкие истребители Vf 109 при встрече даже с явно уступающими им в скорости истребителями (например, с «Харрикейнами»), но находящимися выше их, очень неохотно вступали в бой, так как знали, что скорость не спасает их от атаки сверху. Боевой опыт многих летчиков показал, что истребители Як-1, Ла-5, ЛАГГ-3, «Киттихок», «Аэрокобра», «Харрикейн» и им подобные, ведущие бой с самолетами Vf 109 с превышением на несколько сотен

метров, великолепно расправляются с ними. Также маневренность по горизонту у истребителя Bf 109 была невысокой. Управляемый опытным летчиком, он делает вираж за 20–21 секунду, но выполнять крутые виражи на нем трудно — самолет легко зарываемся, и поэтому крутой вираж на Bf 109 редко можно видеть. Немецкие летчики практически не вели бой на виражах, так как знали, что становящийся в вираж теряет инициативу в бою, отдавая ее тому, кто ведет бой на вертикальном маневре. Инициатива имеет огромное значение для воздушного боя. Поэтому, несмотря на то, что тактико-технические характеристики «Мессершмиттов» были выше, чем у наших самолетов, в открытом бою всё решали умение, тактика и инициатива. Всё, как и в уличной драке: бей первым!

Последующие схватки Пилютова с немецким асом заканчивались вничью. Ему негласно уступали право на поединок с «желтоносым», когда противники встречались в воздухе. Но всем было件нятно, что долго так продолжаться не может, в живых останется только один.

В советской официальной историографии описание подвига Пилютова 17 декабря 1941 года в достаточной степени мифологизировано. При этом есть неточности фактологические, не совпадающие с данными, прописанными в наградном листе. Поэтому история будет изложена на основе архивных выписок, так, как она, скорее всего, произошла в действительности.

В этот день он получил приказ сопровождать девять транспортных самолетов типа «Дуглас» через Ладогу на Большую землю. Пассажирами были дети, которых вывозили из блокадного города. При возвращении обратно в районе деревни Сумская на южном берегу Ладожского озера Пилютов принял бой с шестью «Мессершмиттами». Транспортные самолеты летели низко, практически у самого льда. Пасмурная погода и

расцветка фюзеляжа делали их невидимыми с дальнего расстояния, но принимать решение нужно было мгновенно. Если бы немцы заметили «Дугласы», одинокий истребитель Пилютова стал бы им неинтересен. Скорее всего, его блокировали бы тройкой «Мессершмиттов», а оставшиеся три самолета противника методично и хладнокровно уничтожили бы тихоходные транспортники. И здесь мы все же больше поверим наградному листу, как официальному документу, нежели послевоенным статьям о героях-летчиках. Маршал авиации А. А. Новиков в книге «В небе Ленинграда» утверждает, что нападение немецких Vf 109 произошло во время сопровождения детей^{236}, а не на обратном пути, как это указано в наградном листе^{237}. Для мифа о летчике-асе это, наверное, принципиальный момент, но для живой истории, для подвига, для тех секунд, во время которых Петр Пилютов принимал решение, это несущественно. «Дуглас» DC-3 (скорее всего именно о нем идет речь, а не, как указывает Новиков, о советском Ли-2, поступившем в серийное производство только в 1942 году) может нести до 32 пассажиров, детей же в него поместится до 40 человек. То есть во время сопровождения уже были спасены жизни более трехсот детей, и каждый сохранившийся в строю самолет — это сотни будущих спасенных, умирающих от голода в блокадном городе жителей. При этом надо понимать, что в обратный путь порожними самолеты не отправляли, а нагружали под завязку продуктами. А это еще сотни жизней в пересчете на каждый самолет. Скорее всего, Пилютов не думал об этом именно в таких формулировках. Подобного рода решения принимаются мгновенно. Но он точно отдавал себе отчет, что атаковать в одиночку на американском «Кёртисе» Р-40 шестерку «Мессеров» — это чистое самоубийство.

Развернувшись, капитан Пилутов начал снижаться, рассчитывая, что противник заметит его, а затем дал очередь из пулемета. Немцы старались загнать Пилутова в пике, на вертикаль, где их самолеты имели преимущество в скорости, а наш летчик, наоборот, уходил на крутой вираж.

В этом бою Пилутов подбил два «Мессершмитта» противника, но немцам удалось зажать его в клещи и навязать бой на вертикальном маневре. Первая вражеская очередь перебила рулевые тяги. Самолет стал неуправляемым и держался только на моторе. Пилутов повел машину к берегу. Но четверка «Мессеров», среди которых был и «желтоносый», атаковала его одновременно, задымился двигатель, и винт стал проворачиваться вхолостую. На бреющем полете летчику удалось посадить самолет пузом на снег. Немцы делали виражи и добивали поверженную машину. Сил хватило, чтобы покинуть самолет и укрыться за его корпусом. В беспомощности Пилутов пролежал на снегу несколько часов, пока его не заметил проезжающий на санях местный колхозник. Врачи насчитали 25 ранений, были обморожены руки и лицо. Но «Дугласы» благополучно вернулись в Ленинград.

На этот раз наградной лист на Героя Советского Союза прошел все инстанции. Военный совет армии сделал нетипичную для подобных документов приписку: «Очень скромный, но очень боевой истребитель безусловно достоин звания Героя Советского Союза». Спустя год Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом геройство и мужество подполковнику Петру Андреевичу Пилутову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 885). Подвиг совершил капитан, а звезду Героя вручали уже подполковнику.

А «желтоносого» с бортовым номером «19» Пилутов встретил-таки в ленинградском небе. Повстречав группу «Мессершмиттов», в которой летел «желтоносый», Пилутов отсек его от остальных и навязал бой. Очевидец этой дуэли, будущий маршал авиации А. А. Новиков, назвал его беспримерным в истории авиации. Над Ладогой сошлись два аса. И немцы, и наши по негласной договоренности не вмешивались в эту дуэль. Бой был коротким.

«Минут через пятнадцать Пилутов заметил впереди шестерку Me-109. Они шли над самой трассой, высматривая добычу. Капитан пропустил их под собой. Из-за облаков очертания вражеских истребителей казались размытыми, но Пилутов все же разглядел ярко-желтый нос ведущего. Он развернулся и вместе с ведомым стал пристраиваться в хвост «Мессерам».

Сперва капитан хотел ударить по паре, замыкавшей «клин». Внезапная атака на «желтоносого» могла сорваться. Пока «МиГи» пикировали бы на ведущего, ведомые успели бы заметить опасность и предупредить о ней своего командира, а затем моментально вцепились бы в хвосты советских истребителей, проскочивших вперед. Но «Мессеры» неожиданно стали набирать высоту и сближаться с «МиГаами». Это было на руку Пилутову, так как сокращало расстояние для атаки, и он выбрал для первого удара «желтоносого».

Когда «МиГи» нависли над противником, Пилутов перевел машину в пике и ринулся на ведущего. Он поймал в прицел кабину «Желтоносого» и, не спуская пальцев с гашетки, ждал лишь момента, когда машины сблизятся еще немного. Хотел ударить как можно точнее и наверняка. Но в самый последний миг «желтоносый» исчез в неожиданно попавшемся на его пути неплотном облаке.

Поняв, что атака все равно сорвалась, Пилутов с досады дал по противнику длинную очередь. «МиГи» с

разгона выскочили на открытое место, и почти тут же на советских летчиков накинулась пара «Мессеров». Пилутов успел развернуться и изготавиться к бою. Впереди мчался «желтоносый». Вторая пара противника заходила с тыла. Третьей пока не было видно. «Желтоносый», как и во второй схватке, шел в лобовую. Пилутов принял вызов. Раза два «желтоносый» рыскнул в сторону. Это не укрылось от Пилутова. Вероятно, гитлеровец хотел выйти из боя, но побоялся подставить себя под удар, и Пилутов окончательно утвердился в мысли, что выбранная им тактика оправдывает себя. И действительно, метров за семьдесят «желтоносый» отвалил вверх и в сторону. Пилутов на полупетле вцепился ему в хвост. Краем глаза он приметил, как на Горбачевского ринулась пара «Мессеров», а другая устремилась на помощь ведущему. В запасе у Пилутова оставались считанные секунды. По обстановке в воздухе он видел, что, если не уложится в эти секунды, «желтоносый» уйдет. Пилутов до предела форсировал работу мотора. Расстояние между истребителями сократилось еще, и капитан дал первую очередь. Огненная трасса пронеслась рядом с кабиной «Мессера». Гитлеровец сделал глубокий вираж со снижением. Пилутов следовал за ним, будто привязанный. Повторяя все эволюции «желтоносого», комэск ловил момент и нажимал на гашетку, поливая противника то короткими, то длинными очередями. Он видел, как очереди несколько раз угодили в плоскости «Мессершмитта», но в кабину ему никак не удавалось попасть.

Чувствуя за спиной обжигающее дыхание смерти, немец вертелся юлой, во всем блеске демонстрируя свое действительно незаурядное пилотажное мастерство. Но сбросить с хвоста Пилутова он так и не смог. Тогда «желтоносый» прибегнул к хитрости: свалил машину в штопор и стал имитировать беспорядочное падение,

надеясь, что Пилютов сочтет его подбитым и отстанет. Но комэск разгадал эту уловку и ринулся за «Мессером». На нисходящей прямой он быстро поймал в прицел кабину «желтоносого» и дал длинную очередь из всех пулеметов. «Мессершмитт» задымил, потом вспыхнул и лишь тогда Пилютов оставил противника. И пора было — сверху на него неслись два вражеских истребителя. Пилютов ушел от атаки и стал набирать высоту. Гитлеровцы не последовали за ним. Вероятно, неожиданная и скорая гибель командира, да еще при тройном превосходстве в силах, ошеломила немецких летчиков, и группа их, как цепь, лишившаяся одного звена, моментально распалась. «Мессеры» вдруг круто развернулись на юг и скрылись в облаках.

Пилютов окинул взглядом пустынную Ладогу — далеко внизу густо дымил «желтоносый». Порывы ветра рвали дым в клочья, но дым был так густ и тяжел, что не поддавался ветру, а только вытягивался в ленту и стлался над самым льдом»^{238}.

На этом можно было бы ставить точку в истории, но жизнь и судьба порой делают такие лихие повороты, что никакое искусственное конструирование мифов и рядом не стоит. Ничтожно малые вероятности, пересечения судеб, их столкновения, вероятно, обладают магнетическим свойством, подтверждающим существование в мире законов, не подвластных человеческому разуму. Случайности не случайны. Совпадения имеют свои внутренние формулы, по которым рассчитывается завершение истории, финальный восклицательный знак. И в этих формулах время — категория весьма относительная и уж точно не линейная. Собственно, миф и возникает тогда, когда время теряет свою линейность и выходит на новый, неведомый нам уровень всеобъемности.

После войны Пилютов долго служил в Группе советских войск в Германии. Однажды с сослуживцами в

выходной день Петр Андреевич зашел в ресторан пообедать, выпить кружку вкусного немецкого пива. К счастью, он не доживет до того времени, когда неблагодарные потомки будут сожалеть о Победе советского народа, ставя ее на весы рядом с кружкой баварского пива. Но в тот день за столом между советскими офицерами возникла дружеская беседа, вспоминали войну. И Пилутов рассказал о своем поединке с «девятнадцатым желтоносым». За соседним столиком сидели немцы. Один из них очень внимательно прислушивался к разговору.

«Вот и всё, — закончил свои воспоминания Петр Андреевич. — Сгорел на земле. Так и не стало этого аса. Жаль, что не удалось взглянуть на него хоть на мертвого. Не дешево достался он нам.

Немец, сидевший за соседним столиком, вдруг быстро поднялся и подошел к советским летчикам.

— Прошу извинить меня, — по-русски обратился он к Пилутову. — Я слышал ваш рассказ. Все в нем верно, кроме одной детали, быть может, теперь не столь существенной для вас, но весьма немаловажной для вашего противника.

Пилутов с удивлением посмотрел на незнакомца.

— Да, кроме одной, — повторил немец, внимательно рассматривая Пилутова, и добавил: — Так вот вы какой!

Пилутов, ничего не понимая, пожал плечами и спросил:

— Так что же неверно?

— «Желтоносый» не сгорел, он жив.

— Вот как! — смешался Пилутов. — Откуда это вам известно?

— Кому же и знать, как не мне! — Незнакомец вдруг щелкнул каблуками, особенно четко, как это умеют делать только кадровые военные, и, заранее наслаждаясь произведенным эффектом, медленно

произнес: — Разрешите представиться: «Девятнадцатый желтый».

Затем он рассказал, как, сбитый в последнем бою Пилютовым, все же сумел приземлиться. На льду его подобрала советские солдаты. Летчика доставили в госпиталь, а после лечения отправили в лагерь для военнопленных. В плену он научился довольно свободно разговаривать по-русски. После войны он в числе первых освобожденных военнопленных вернулся на родину и стал жить в ГДР. Видимо, пережитое на фронте и в плену оставило в бывшем асе глубокий след»^{239}.

Ахилл никому не интересен без Гектора. Давид вошел в историю только благодаря существованию Голиафа. Заклятые враги, которые оказываются спаяны навечно в памяти, в истории, в подвиге, даже в воспоминаниях друг друга.

Как в бессмертном романе М. А. Булгакова: «Мы теперь будем всегда вместе. Раз один — то, значит, тут же и другой! Помянут меня — сейчас же помянут и тебя!»

Типологически это очень верно, и Михаил Афанасьевич гениально угадал диалектику противостояния, столкновения полюсов. А подвиг, возросший до категории мифа, неподвластен времени. Пройдут столетия, нас забудут, а Пилютов будет биться в небе над Ладогой с неизвестным немецким асом и будет неизменно его побеждать. Во веки вечные. Как орлы, каждое утро клюющие печень Прометея. Именно в этом кроется отгадка смысла существования человечества.

После войны Петр Пилютов продолжил службу в авиации, принимал участие в историческом параде на Красной площади 24 июля 1945 года. Во время первых послевоенных выборов был избран депутатом Верховного Совета СССР. Пилютов выступал перед рабочими Сестрорецкого инструментального завода им.

С. П. Воскова, выдвинувшими его в депутаты, разбирал обращения, помогал, настаивал, своим весомым словом проворачивал тугой механизм бюрократического аппарата. Добился возвращения на завод квалифицированных рабочих кадров, эвакуированных во время войны. Добился выделения рабочим 80 гектаров земли для подсобного хозяйства. В голодные послевоенные годы это было существенное подспорье. Просьбы сыпались разные: электрификация квартир, увеличение маршрута рейсового автобуса, торфяные заготовки... Мелочи, казалось, но именно из таких мелочей состоит реальная помощь людям.

В 1950 году он принял командование 131-й авиационной дивизией, правда, через два года был понижен до заместителя командира. Плотный график, депутатские обязанности не мешали ему лично осваивать новую технику. Показателен один пример. Советские конструкторы поставили в войска новый самолет. Машина, которая совсем недавно считалась новинкой авиационной техники, подверглась дополнительным усовершенствованиям. Еще более возросла скорость самолета. Но вместе с тем кое-что в нем настораживало. Стало известно, что при выводе из штопора машина отличается некоторыми своеобразными особенностями.

Прежде чем разрешить полеты на новом истребителе, Пилутов решил лично испробовать его и отработать технику вывода машины из штопора. Новый самолет имел много хорошего. Но в штопоре он действительно оказался непослушным. Несколько раз Пилутову не сразу удалось вывести его из этой фигуры. Земля надвигалась настолько стремительно, что, казалось, самолет вот-вот врежется в нее. Но ни разу мастерство и воля не подвели бывалого летчика.

Не сразу удалось понять, почему так трудно вывести из штопора в общем отличный самолет. И Пилутов

садился в кабину снова и снова. Каждый раз подвергая смертельному риску, он вводил самолет в штопор и начинал борьбу с неподатливой машиной. Наконец Пилутов добился своего: раскрыл особенность нового истребителя при выполнении штопора. Затем сам, никому не передоверяя этого важного дела, обучил летчиков тому, что постиг ценой большого труда и риска.

В других частях авиационного соединения, в которое входила часть полковника Пилутова, освоение этих самолетов шло не так успешно. Командование собрало совещание, чтобы разобраться в создавшемся затруднении. Один из выступивших на совещании командиров прямо сказал: раз самолет трудно выводить из штопора — он непригоден. Слово взял Петр Андреевич. Он подробно, обстоятельно рассказал о некоторых особенностях самолета и о том, как выводить его из штопора. Слова Пилутова были убедительными. Все знали, что они проверены на практике. Пришлось ему облететь ряд аэродромов и на деле показать, как «приручить» капризную машину.

Но все чаще подводило здоровье. В 1955 году Пилутов не прошел очередную медкомиссию и был уволен в запас. Безусловно, тяжело переживал. С небом была связана вся его жизнь. Здоровье стало ухудшаться, и в 1959 году он слег, но даже тогда продолжал строить планы, планировать поездки в школы, в организации ДОСААФ... Четыре месяца он боролся с болезнью. Умер Петр Андреевич в ночь на 24 марта 1960 года. Похоронен в Александро-Невской лавре, на Коммунистической площадке. В Петербурге есть улица, названная в его честь. В городе Аша имя Пилутова носит парк.

За время всей летной службы Пилутов поднимался в небо 8788 раз. Он не считал себя героем. Просто лучше

всех умел делать свою работу, любил свою страну, верил в свой народ. Таким и должен быть русский человек.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ

Василий Егорович Ломакин,

*подполковник, командир 77-го Пушкинского
истребительного батальона*

Осень в Царском Селе — особое время года. Воспетая Пушкиным, она манит жителей, гостей, туристов. Паломничество это неостановимо. Сама русская поэзия подкрашивает кроны деревьев в желтый, рыжий, красный, золотой и звенит, разлитая в воздухе, настраивает мысли на особый, пушкинский лад. Что в нем особенного, спросите вы. Я отвечу! Пушкинский лад примечателен тем, что можно не стесняться пафосных фраз, можно не бояться показаться глупым или смешным, потому что Александр Сергеевич незримо прикрывает твои тылы и погрозит пальцем каждому, кто вздумает над твоей высокопарностью посмеяться. Красота единства природы и поэзии в царскосельских парках зовет мечтателей, влюбленных, детей, уставших после работы мужчин и женщин. Погулять по дорожкам, шурша листьями, пройти не спеша маршрутами трепетной грусти, успокоить душу.

Один из самых популярных для местных жителей парков в Царском Селе (или в Пушкине, как все зовут этот город) — Александровский парк. Секрета здесь никакого нет. Во-первых, он очень большой, в нем легко спрятаться от мира. Во-вторых, вход в него бесплатный.

Если зайти со стороны Белой башни, идти по дорожке минут пять, забирая правее, то на пересечении тропинок взору откроется монумент. Бетонная... даже

не стела, а некий набор геометрических фигур, врезанных друг в друга. Красным выбиты две цифры: 76 и 77. И на квадратном бетонном постаменте железная дата: 1941.

С 10 по 17 сентября 1941 года в этом парке погибли два истребительных батальона НКВД: 76-й и 77-й. Батальоны эти были созданы в начале войны для борьбы со шпионами и диверсантами. Также они должны были охранять предприятия оборонного значения, электрораспределительные станции, источники воды, почту, телеграф, дворцы и участвовать в строительстве оборонительных сооружений. Они полностью состояли из добровольцев, из местных жителей, рабочих, студентов и даже школьников старших классов. По возрасту % личного состава батальонов не достигла 18 лет. На первых порах у них не было формы и даже оружия. Вчерашние мальчики, гонявшие голубей.

В сентябре у памятника батальонам проходят митинги. Собираются школьники близлежащих школ, студенты аграрного университета, расположенного неподалеку, ветераны. Вспоминают погибших бойцов, которые не стали героями. Подвиг их не вошел в историю, о них не пишут книги, не снимают фильмы. Всем известен подвиг подольских курсантов, но подвиг 76-го и 77-го истребительных батальонов известен только жителям Царского Села, да и то не всем. В этом нет несправедливости, просто в каждом уголке нашей Родины от западных границ и до Москвы есть такие вот батальоны, роты, взводы, отделения или просто солдаты, которые встали намертво и погибли, защищая землю, маму, дом, страну. Нет им числа, и подвиг их бессмертен. Голоса их сливаются в общий гул, бережат душу.

Уже и не осталось в живых участников тех событий во время обороны Пушкина, но память о них не стерлась, не исчезла совсем, я впишу их подвиг в эту книгу, и

мальчишки, навечно оставшиеся молодыми, будут жить дальше. Потому что герои живы до тех пор, пока жива память о них.

«Истребительные батальоны — военизированные, добровольческие формирования советских граждан во время Великой Отечественной войны. Задачи их определялись постановлением народных комиссаров СССР от 24.06.1941 года «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов». Истребительные батальоны предназначались для охраны военных объектов и для борьбы с диверсионными, парашютно-десантными вражескими группами. Первоначально истребительные батальоны создавались в Западных областях СССР, а позже и во всех других. В каждом административном районе формировался один истребительный батальон, численностью 100–200 человек, а где-то и до 500 человек. Делились на роты и взводы. Уже к концу июля 1941 года в стране было организовано 1755 таких истребительных батальонов, а также создавались еще группы содействия»^{240}.

Точкой отсчета для Пушкина является 1 сентября 1941 года. В этот день был произведен первый массированный налет немецкой авиации на железнодорожную станцию Детское Село. Большим разрушениям подверглась железная дорога от Пушкина до Слуцка (Павловска), разрушен мост через речку Кузьминку. Немцы захватили поселок Вырица в 40 километрах от Пушкина.

Уже 12 сентября советские войска оставили Красное Село. Ранним утром 13 сентября немцы силами двух пехотных и одной моторизованной дивизии возобновили наступление на Ленинград. Советские войска стали отходить на Пушкин. В результате ожесточенных боев

противник обошел Пушкин с трех сторон, практически взяв его в полукольцо, и начал наступление на город. В тот же день Г. К. Жуков, ставший командующим Ленинградским фронтом, принял решение остановить противника на рубеже Лигово, Пулковские высоты, Шушары, Колпино. Этим решением судьба Пушкина была предрешена, и его оборона предназначалась теперь только для временного удержания противника с целью сосредоточения сил и организации обороны в районе Пулковских высот. Пушкин покидали регулярные войска. Через город тянулись группами и в одиночку, с оружием и без оружия, отходившие по приказу командования из-под Луги и Пскова. Город оставался единственными воротами из немецкого тыла для тысяч красноармейцев.

Оборону Пушкина с 14 по 17 сентября 1941 года осуществляли остатки полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии народного ополчения. Они начали отход только тогда, когда штабы и тылы отошли в расположение городской черты и район Шушары, когда прекратилась доставка частям боеприпасов, продовольствия и не было возможности эвакуировать раненых.

И еще были два истребительных батальона. Выполнение ими боевых задач по обороне города изначально не планировалось командованием. Бойцы батальонов днем работали и учились, по вечерам занимались боевой подготовкой, охраняли объекты коммунального хозяйства, склады, вели патрулирование улиц в Пушкине. Но к 10 сентября обстановка осложнилась настолько, что пришлось задействовать все имеющиеся резервы. Тогда и вспомнили о вчерашних студентах, школьниках, рабочих.

Василий Егорович Ломакин родился 8 марта 1904 года в шахтерской семье вблизи города Кривой Рог. К началу Великой Отечественной войны он служил в

пограничных войсках НКВД в звании капитана. За его плечами боевые операции в Средней Азии по борьбе с басмачеством с 1926 по 1935 год, Советско-финская война. Награжден орденом Красной Звезды. 8 июня 1940 года Василий Ломакин прибыл в Ленинград для обучения в Высшей школе НКГБ. В июне 1941 года школа готовилась к выпуску. В этой обстановке и застала Ломакина Отечественная война, и он был назначен командиром 77-го истребительного батальона.

Истребительные батальоны в Ленинградской области начали создаваться уже в июне 1941 года, их формированием занимались райкомы ВКП(б). В ведомственном отношении батальоны подчинялись органам НКВД на местах в соответствии с Приказом НКВД СССР № 00804 от 25 июня 1941 года. В УНКВД были созданы оперативные группы для координации деятельности истребительных батальонов. Начальником штаба истребительных батальонов НКВД СССР был назначен начальник Оперативно-разведывательного (1-го) управления ГУПВ НКВД СССР генерал-майор И. А. Петров.

В Ленинграде для формирования и организации деятельности истребительных батальонов в УНКВД был создан 4-й отдел, которым руководил заместитель начальника УН КГБ по Ленинградской области Сергей Иванович Огольцов — чекист со стажем, чьи руки были по локоть в крови. Карьера этого деятеля после войны взлетит резко вверх, а со смертью Сталина рухнет вниз, но в 1941 году Огольцов имел серьезный вес, и дело свое знал. Истребительные батальоны были созданы оперативно и без промедлений.

Приказ о создании истребительных батальонов вышел 25 июня 1941 года, а уже 27 июня к 22.00 командиров батальонов обязали доложить о формировании и готовности подразделений к выполнению поставленных задач. Батальоны были

созданы в два дня! Вопросы штатной численности командирам поручили решать в районах по ситуации, но не менее 100 человек рядового состава на один батальон.

Ломакин прибыл в Пушкин 26 июня в 23.00. Еще с вокзала он позвонил начальнику Пушкинского райотдела НКВД И. А. Яковлеву, тот прислал за ним машину.

«Войдя в кабинет, Ломакин увидел т. Яковлева, сидящего за столом, с бравыми черными усами, но усталым взглядом, по которому можно было определить, что он очень много работал. Он поднялся из-за стола, сделал несколько шагов навстречу Ломакину и поздоровался, крепко пожав руку. Потом пригласил его сесть и начал интересоваться, как он доехал, что нового в Ленинграде, как себя ведут ленинградцы. Чувствуя, что он задает вопросы лишь бы оживить беседу и что его интересует нечто большее, Ломакин счел нужным вручить ему предписание о назначении и кратко проинформировать о задаче, полученной несколько часов тому назад...

Здесь же т. Яковлев проинформировал, что Пушкинским РК ВКП(б) получена телеграмма за подписью А. А. Жданова от 25 июня 1941 года, в которой предписывается в Пушкине сформировать два истребительных батальона. Для этой работы при РК ВКП(б) уже создана комиссия, списки батальонов уже составлены, остается собрать людей и распределить по должностям»[{241}](#).

Эту работу провел Петр Эдмундович Гедройц вместе с будущими комиссарами батальонов. Частью рядового состава батальонов стали ученики 408-й школы, где Гедройц работал военруком, частью — студенты сельскохозяйственного института, будущего Санкт-Петербургского государственного аграрного университета.

На следующий день прибыл старший лейтенант Трофим Маркович Музыченко — командир 76-го истребительного батальона. Офицеры познакомились, тем более что их поселили вместе в Павловске, в ведомственном доме по адресу: улица Басенко, дом 12. 27 июня командиры прибыли в местный райком партии к первому секретарю Ф. И. Бабайкину. Началось обсуждение рабочих моментов: предписания, вопросы мобилизации, расквартирования, довольствия и др. Командирам также представили и назначенных к ним комиссаров — Николая Алексеевича Самуйлова (76-й батальон) и Максима Степановича Лукьянова (77-й батальон). Лукьянов был директором сельскохозяйственного института, Самуйлов — редактором районной газеты «Большевикское слово»; они же входили в комиссию по формированию истребительных батальонов. 76-й истребительный батальон был укомплектован на базе Молочного института, завода № 26 (Пушкинского машиностроительного завода), других организаций и учреждений. По сути, это был «рабочий» батальон. 77-й комплектовался из сту-центов и сотрудников сельхозинститута, школьников старших классов пушкинских школ, рабочих вспомогательного железнодорожного поезда. Этот батальон можно назвать «молодежным», но по сути он был «детским» — восторженные школьники и студенты с горячими сердцами, любовью к Родине, готовые шапками и пинками гнать немца до Берлина. Дети, которым предстояло в очень короткие сроки повзрослеть и погибнуть в тихих пушкинских парках. Впрочем, в процессе комплектования возрастной состав батальонов будет меняться. Перед командирами была поставлена задача в кратчайшие сроки обучить подразделение, сделать его боеспособным, притом что обучение приходилось начинать с нуля. На первых порах у бойцов

батальонов не было оружия, форменной одежды, амуниции. Численность батальонов определили по 272 человека в каждом, распределенных между тремя ротами.

Сборным пунктом 77-го батальона была определена 500-я школа. На тот момент это была окраина Пушкина, недалеко от железной дороги на Госпитальной улице, напротив Московских ворот.

«Войдя во двор школы, мы увидели до двухсот молодых ребят, расположившихся как попало в тени деревьев. Наше появление на них не произвело особого впечатления. Некоторая часть играла в волейбол, а другие играли даже в чехарду. Большинству из них на вид можно было дать 15–18 лет. Это были ученики 9–10-х классов пушкинских школ.

В другом месте, расположившись вдоль ограды, сидела вторая группа, примерно сто человек молодежи, отличавшаяся от первой более солидным возрастом. Это были студенты сельхозинститута.

Нас встретил преподаватель — военрук одной из школ Гедройц Петр Эдмундович и доложил, что в тени за школой находится третья группа. Подойдя к ней, мы увидели 60–70 человек взрослых мужчин в возрасте 30–50 лет и даже старше, среди них были и люди с убеленной сединой головой. Значительная их часть была одета в полувоенную форму, а некоторые имели и правительственные награды. Это позволяло полагать, что среди них есть участники закончившейся год назад войны с белофиннами. Это были люди с вспомогательного поезда, преподавательский состав школ и сельхозинститута, а также рабочие и служащие предприятий»^{242}.

Исходя из количества добровольцев, сформировать штат батальонов по 272 человека личного состава, как предполагали в райкоме, не представлялось возможным. В итоге в 77-м батальоне получилась такая картина:

Командир батальона — 1
Комиссар батальона — 1
Адъютант (начальник штаба) — 1
Командиров рот — 3
Политруков рот — 3
Командиров взводов — 9
Командиров отделений — 27
Фельдшер — 1
Оружейный мастер — 1
Старшина — 1
Писарь — 1
Рядовой состав — 122
Всего: 171 человек.

Это было больше, чем штат, рекомендованный 4-м отделом УНКВД по Ленинградской области, но необходимо отметить, что в 77-м батальоне не было связных, инструктора химзащиты и саперов, что было в штате прописано. Сохранившиеся списки 76-го и 77-го батальонов говорят о том, что этот штат не был постоянным, а менялся в зависимости от ситуации. Временами они имели по три, а временами по две роты.

С одной стороны, после первой прикидки, приглядки, после первых недель обучения командир батальона Ломакин составил мнение о каждом командире, определил их расстановку в соответствии со своим видением выполнения поставленных задач. С другой стороны, из батальонов часто забирали людей (в том числе и командиров) в формирующийся Пушкинский партизанский отряд, в другие подразделения. Поэтому необходимо понимать, что состав батальонов — это был живой организм, который менялся, перетряхивался, приходили новые люди. И с этим необходимо было считаться.

Батальоны расквартировали в общежитии сельхозинститута на Академическом проспекте, недалеко от Фермского и Александровского парков. С

учетом того, что командир 76-го батальона Музыченко был младше и по званию, и по возрасту, Ломакин стал как бы негласным начальником гарнизона. Музыченко это вполне устраивало и заслуг его не умаляло. Кстати, именно по его инициативе в Пушкине на базе Молочного завода было организовано изготовление бутылок с зажигательной смесью, тысячи которых поступили на вооружение батальонов.

По возрастному составу раскладка в батальонах сложилась следующая: 33 процента школьников и студентов в 77-м, и 50 процентов — в 76-м батальоне. Это были мальчишки, не только не знавшие военного дела, но и не имевшие даже жизненного опыта. Если про девушек можно сказать — нецелованные, то эти ребята недоиграли в казаков-разбойников, ковбоев и индейцев, не говоря уже о других жизненных познаниях.

Из городского УНКВД 29 июня поступило распоряжение: командирам батальонов срочно прибыть для получения вооружения. На начальном этапе батальоны были вооружены канадскими винтовками Ross Mk. III, использовавшимися еще в годы Первой мировой войны. Под них практически не было патронов необходимого калибра, и еще они очень часто заедали — при малейшем загрязнении, так что совершенно не были приспособлены для боя в полевых условиях. Было несколько пулеметов «Льюис» — грозное оружие времен Гражданской войны, но в 1930-х годах снятое с производства. Из плюсов — калибр был приспособлен под 7,62 мм, как у винтовки Мосина. Патронов батальонам дали до смешного мало: по 50 на винтовку и 500 на пулемет. Офицеров вооружили новыми наганами. Все оружие было новым, в заводской смазке, только что со складов. Все это говорит только об одном: к концу июня никто даже не предполагал, что враг дойдет до Ленинграда. Для охраны тыла, складов и патрулирования улиц этого вооружения было вполне

достаточно. Уже потом, в августе, батальоны перевооружились отечественными пулеметами и винтовками. Частью оружие оставляли вышедшие из Лужского окружения солдаты, частью изымали у задержанных дезертиров. В каждой школе для занятий по военной подготовке были пулеметы Дегтярева. На Ижорском заводе их привели в боевое состояние и вооружили этими пулеметами батальоны. Но это будет только в августе, когда враг подойдет вплотную к Пушкину.

С июля 1941 года батальоны приступили к боевой подготовке. Трудность состояла в том, что только школьники и студенты были свободны от занятий — шли летние каникулы. А рабочих и служащих от производства никто не отрывал. Командирам приходилось маневрировать, составлять графики несения службы с учетом занятости личного состава. Чем ближе враг приближался к городу, тем дольше люди на производстве были заняты. Излишне говорить, что заводы переориентировались на нужды военного времени.

Но когда враг вплотную подошел к Пушкину, занятость рабочих резко сократилась и они смогли посвятить все время несению службы. Объяснялось это тем, что в результате бомбардировок были практически полностью уничтожены хлебозавод, ряд мастерских. Часть заводов и производств была эвакуирована, и люди, соответственно, оказывались свободны.

Изучение устройства оружия и матчасти проводили при сельхозинституте, выезжали на стрельбы, отрабатывали тактическое взаимодействие рот, взводов и отделений в условиях боя.

Вот как вспоминает эти дни профессор, заведующий кафедрой анатомии и физиологии животных Аркадий Павлович Елисеев, а тогда аспирант, рядовой 77-го истребительного батальона: «С первых дней

формирования батальона началась ускоренная подготовка бойцов. Строевые занятия проходили на стадионе у Федоровского городка. Кроме сотрудников, студентов и аспирантов сельскохозяйственного института в батальоне были учащиеся старших классов и преподаватели школ города Пушкина. Все мы были в гражданской одежде... После строевой подготовки и занятий по тактике мы расходились домой, так как батальон еще не был на казарменном положении...

По приказу командира батальона выделялись наряды для охраны в ночное время электрической подстанции, водонапорной башни у Екатерининского дворца, телеграфа и почты на Пролетарской улице. Винтовки выдавал нам К. Я. Зинченко. Они были учебные, окрашенные в черный цвет, но подсумки получали с боевыми патронами.

В те дни мы меньше занимались строевой подготовкой, больше огневой и тактикой. Стрельбу из боевых винтовок батальон проводил в Софии, в тире военного городка, а тактические занятия в Александровском парке... Командир роты П. Э. Гедройц поставил задачу нашему взводу штурмом взять Арсенал.

...Парк пустынный. Отделение двигалось короткими перебежками, поляны и дороги преодолевали ползком по-пластунски. Каждый из нас старательно окапывался и маскировался... Помню, от молочной фермы по дороге шел мужчина. Он не заметил нас. Только когда мы стали переползать у перекрестка дорог, где стоит теперь памятник истребительным батальонам, мужчина испуганно метнулся бежать. Его задержали и отправили в штаб»^{243}.

Все это напоминает какую-то детскую игру в войнушку: парк, здание Арсенала, шпионы, разведчики, ползание по-пластунски... Даже «диверсанта» задержали. Условного противника. Или настоящего? Кто теперь скажет, что это был за мужчина, отчего он в

испуге побежал прочь? Через месяц две трети этих детей будут лежать в этом парке, стеклянными глазами смотреть на небо — и не видеть его.

«Перед Арсеналом отделение залегло. Сквозь деревья были видны кирпичные стены Арсенала и наверху парашютная вышка. После команды все поднялись и побежали на штурм здания. Но в этот момент на бреющем полете со стороны Баболовского парка появился самолет. Он летел со стороны солнца, и его трудно было опознать. Командир отделения С. И. Боголюбский подал команду «воздух». Самолет спокойно развернулся, он не заметил нас и где-то на окраине сбросил бомбы. Это был первый налет, если я не ошибаюсь, на город Пушкин»^{244}.

Игры кончились. Все по-взрослому, смерть — настоящая, бомбы взрываются, первый страх, первый враг.

Помимо задач по охране особо важных объектов и патрулированию, бойцы батальонов оказывали помощь в подготовке к эвакуации ценностей Екатерининского и Александровского дворцов. Эта работа ежедневно отрывала до половины людей.

Заградительная служба по задержанию диверсантов, дезертиров с фронта, ракетчиков, подающих сигналы и указывающих объекты для авиации противника, была наиболее объемна и требовала круглосуточного режима несения службы. Задержанные доставлялись на Дворцовую площадь Екатерининского дворца на предмет фильтрации, то есть проверки. Среди задержанных были как рядовые, так и офицеры. Представители Ленфронта тут же формировали из них новые подразделения и отправляли на передовую. Попадались и диверсанты с различной аппаратурой радиосвязи, взрывчаткой, ракетницами. Как правило, все шпионы и диверсанты маскировались под

отступающих солдат, потерявших свою часть, под беженцев из оккупированных районов.

Заняты были бойцы батальонов и на оборонных инженерных работах. Там, где сейчас Египетские ворота, — была в кратчайшие сроки установлена сложная система надолбов. Их подтаскивали тракторами на листах железа. Южнее Александровской вдоль Варшавской железной дороги был отрыт двухкилометровый противотанковый ров, в строительстве которого также принимали участие истребительные батальоны. Но при этом, по воспоминаниям очевидцев, никто и мысли не допускал о том, что Пушкин будет захвачен противником. Это объясняет, почему не была организована массовая эвакуация людей. Тем не менее эвакуация была.

«П. Э. Гедройц эвакуировал семью. Погрузка шла на станции Детское Село. К нему подошел один из наших командиров взводов посоветоваться, как быть ему со своей семьей — не хочет уезжать. Гедройц ответил, что нужно эвакуировать, иначе может погибнуть, нужно уговорить во что бы то ни стало. Назавтра утром этот же командир взвода пришел к Гедройцу и со слезами благодарил за вчерашний ответ. Оказывается, семью он успел отправить с тем же эшелоном, что и Гедройц. Эшелон ушел ночью, а утром этот командир взвода пошел домой собрать и сложить оставшиеся вещи. Дом был деревянный и двухэтажный, но командир взвода его не нашел на месте. На месте дома зияла огромная воронка от авиабомбы»^{245}.

В конце августа из 77-го батальона забрали командира взвода Ивана Воробьева, назначенного заместителем командира Пушкинского партизанского отряда. В музее Санкт-Петербургского государственного аграрного университета сохранилось письмо Воробьева, написанное им своему другу Борису Гаврилову. Это было последнее письмо в его жизни: «Добрый день, Борис! Ты

защищаешь город Ленина или работаешь по старой памяти со мною по соседству? Я очень хотел приехать к тебе, но, к сожалению, мало был в Пушкине. Семья моя уехала в Киров или в другой город. Я сегодня уезжаю по новому заданию, но не знаю куда. Получил назначение заместителем командира отряда. Боря, постарайся через райком партии гор. Пушкина узнать о моей семье. Я, возможно, через месяц вернусь на отдых, если все будет хорошо. С товарищеским приветом И. Воробьев. 27.VIII.41 г.

Обратный адрес неизвестен. На всякий случай ГССР, гор. Берлин, главный почтамт, до востребования»^{246}.

Человек уходит во вражеский тыл, судьба Пушкина, да и его собственная, неизвестна, все висит на волоске, а он указывает обратный адрес: Германская Советская Социалистическая Республика... Ни тени сомнения в грядущей победе! Иван Воробьев погиб в октябре 1941 года...

Как уже было сказано, из батальонов постоянно забирали людей: в народное ополчение, в партизанский отряд, в действующие части. Как правило, это были взрослые мужчины. Это привело к тому, что уже в начале августа батальоны начали доукомплектовываться теми, кто оставался в Пушкине: школьниками старших классов и студентами. Стали брать не только юношей, но и девушек, студенток ЛИИМПа (Ленинградский институт инженеров молочной промышленности). Так, к середине августа в 76-м батальоне одна рота полностью была укомплектована девушками, студентками ЛИИМПа, а в 77-м — школьниками старших классов и студентами 1 — го курса. К началу боевых действий в сентябре 1941 года батальоны выглядели так:

76- й батальон двухротного состава общей численностью 117 человек;

77-й батальон двухротного состава численностью 180 человек.

К концу августа батальоны полностью перешли на казарменное положение. При этом наметились проблемы в управлении: формально они подчинялись райотделу НКВД, но бывший тогда начальником РО НКВД старший лейтенант госбезопасности Пайкин вспоминал о них только тогда, когда они были ему непосредственно необходимы. В остальное время они передавались под управление начальнику гарнизона, начальнику укрепрайона, старшему полковому начальнику и даже военному коменданту города Пушкина. Все это обезличивало руководство батальонов, изматывало людей и командиров. Тяжелее всего приходилось Ломакину, бывшему негласным гарнизонным командиром.

Немцы наступали на Пушкин с двух сторон.

Девятого сентября части XXXVIII армейского и XLI моторизованного немецких корпусов (пять пехотных, две танковые и одна мотопехотная дивизии) начали наступление на Гатчину и Красное Село. XLI корпус входил в 4-ю танковую группу генерал-полковник Эриха Гёпнера. (В сентябре группу перебросят под Москву и Гёпнер заявит, что у него украли победу. В начале месяца этот мощный ударный кулак был действительно нацелен на Ленинград.) С запада со стороны Вырицы наступали 96, 121 и 122-я пехотные дивизии вермахта.

Через два дня немцы овладели населенными пунктами Большое Виттолово и Венерязи и начали разведку боем района Пулково. Это с южного клина наступления. С запада в этот же день немецкие части овладели поселком Федоровское и вышли вплотную к Павловску.

Именно здесь, на южном направлении решалась судьба даже не Пушкина, а всего Ленинграда. Если враг захватит Пулковские высоты, то ключ к городу будет у

него в руках, а его артиллерия сможет простреливать весь город вдоль и поперек.

Пулковские высоты — это длинная гряда холмов, протянувшаяся от деревни Финское-Койрово до поселка Большое Кузьмино. Сейчас этих населенных пунктов нет на карте. Они были стерты с лица земли. Самая высокая точка — 74,9 от уровня моря. 11 сентября для обороны Пулковских высот командованием фронта выделена 5-я дивизия народного ополчения, а за день до этого 10 сентября командиров истребительных батальонов Ломакина и Музыченко вызвали в райотдел НКВД, где представитель штаба Ленинградского фронта, офицер в звании подполковника, проинформировал, что на подступах к Пушкину, Павловску (Слуцку), Колпино организован укрепрайон. Он, подполковник, является представителем этого Ура, и батальоны переходят в его подчинение. Ломакину и Музыченко было приказано найти командира части из Ура, организующего оборону на рубеже Александровская — Александровский парк. Этим командиром оказался подполковник Петров. Его КП располагался у Орловских ворот, на берегу Большого пруда Екатерининского парка. Петров выслушал доклад, разрешил оставить в Пушкине по одной роте из каждого батальона для выполнения задач по охране объектов и патрулированию, а оставшиеся подразделения немедленно вывести на позиции и занять оборону. Батальонам достался участок вдоль Виттоловского канала фронтом на юго-запад. Канал располагался перпендикулярно Красносельскому шоссе и шел вдоль дороги на Александровскую, пересекая территорию Екатерининского и Александровского парков. Уже с наступлением темноты к Ломакину явился командир батареи 45-мм пушек, приданных батальону для усиления.

Дальше счет пошел на дни. 11 сентября батальоны продолжили инженерные работы по подготовке

позиций. По одному взводу из каждого батальона было отправлено в Тярлево и в Тайцы для охраны особо важных объектов. Вчерашние школьники и студенты рыли землю в том парке, где раньше гуляли с девушками. Уже со стороны Гатчины была слышна канонада боя. Удары немецкой авиации по Пушкину и Пулковско усиливались.

Ранним утром 12 сентября командир противотанковой батареи 45-мм пушек получил новую задачу, батарея снялась с позиций и убыла. Батальоны остались один на один с врагом.

В этот же день Ломакин получил задачу провести разведку в деревне Большое Виттолово и выяснить, захвачена ли она немцами. Он отправил туда двух бойцов: Н. Н. Волкова, студента, участника боев с финнами, и Е. М. Полякова, рабочего с Пушкинского Молочного завода. Переодевшись в гражданское, они направились к деревне со стороны Рехколово. Ломакин наблюдал за ними в бинокль. Вот, достигнув окраины Большого Виттолова, они заходят в распахнутые ворота сарая. Проходит несколько минут, и их выводят три немецких автоматчика, затем все скрываются в овраге. Так были добыты разведанные, стоившие батальонам первых потерь.

В этот же день Ломакина и Музыченко опять вызвали в райотдел НКВД. Там их уже ждали два полковника. Один из них, полковник Трошихин, оказался комендантом Красносельского сектора Красногвардейского укрепрайона. Второй полковник был в форме НКВД и командирам истребительных батальонов не представился. Трошихин отдал приказ батальонам сменить позиции и переместиться в район восточной окраины железнодорожной станции поселка Александровская. К 12 сентября немцы уже взяли Красное Село и прорывались к Пулковским высотам

через Александровскую и Пушкин. Усилился артиллерийский обстрел станции.

Оборона Пушкина в целом была поручена 237-й стрелковой дивизии. Это была единственная кадровая часть, не считая разрозненных соединений, вышедших из окружения, оборонявшая Пушкин. Дивизия вышла к Пушкину 12 сентября и заняла оборону на большом по протяженности рубеже Федоровское — Антропшино — Кондакопшино. Ее полки оказались малочисленны и ослаблены, активных штыков было не более двух тысяч. Сама дивизия чудом вырвалась из окружения в августе 1941 года под Шимском Новгородской области. Там же был убит командир дивизии полковник В. Я. Тишинский. Бойцы были измучены многодневными боями и отступлением. С юга оборону Гатчины (на тот момент Красногвардейска) держали войска 2-й гвардейской стрелковой дивизии народного ополчения. Но после того как немцы 12 сентября обошли Гатчину с запада и захватили Красное Село, войскам народного ополчения пришлось ее оставить, чтобы не попасть в окружение. 13 сентября они начали уходить по узкому коридору в сторону Пушкина.

Когда Музыченко и Ломакин получили новую задачу от полковника Трошихина, против выступили представители НКВД, акцентируя внимание коменданта У Ра, что истребительные батальоны выполняют функции заградслужбы. После недолгих препирательств и звонков наверх было принято решение батальоны разделить. Две роты оставить в городе, а остальные направить на оборону Александровской.

По сути в эти дни решалась судьба Ленинграда. Пулковские высоты необходимо было отстоять любой ценой, выиграть время, чтобы успеть организовать на высотах полноценную линию обороны: пристрелять артиллерию, пулеметы, составить сектора обстрела, заминировать подходы, установить надолбы, вырыть

противотанковые рвы, наладить связь между подразделениями, а самое главное... остановить выходящие из окружения разрозненные части, развернуть их и направить на врага. А бойцы тянулись вереницами: из Гатчины, из Федоровского, затем из Павловска, со стороны Антропшино, Тосно...

Чтобы хоть немного понять, что происходило с 12 сентября в Пушкине, необходимо встать на место этих мальчишек, вчерашних школьников и студентов. С одной стороны — тотальная дезорганизация, отсутствие разведданных о противнике. Группы солдат, выходящих из окружения, проходящих мимо этих школьников. Их пытались привлечь к обороне Пушкина, но большинство уходило в Ленинград, искать свои части. Необходимо отметить, что и штабы 42-й и 55-й армий в начале сентября потеряли контроль над войсками^{247}. С другой стороны, была видна отчаянная попытка наладить хоть какое-то управление в разбредавшихся войсках. Но в отсутствие достоверных разведданных ставящиеся задачи изначально были невыполнимы. Так и закончилась, не начавшись, оборона западных окраин Александровской — немцы уже входили в поселок.

Когда Гедройц с группой солдат отправился готовить позиции для батальонов в районе Александровской, он практически сразу попал под минометный огонь немцев. «Сам Гедройц до этого еще не был на войне, но как артиллерист ранее имел дело с артогнем на учебных артполигонах. Его же бойцы, школьники старших классов, впервые видели и слышали эти взрывы, казалось, рвавшие на части весь мир. Группа залегла на дно эскарпа, прижалась к земле, осколки с резким шипением и свистом проносились над их головами. Все бойцы-школьники прижались к Гедройцу. Им казалось, что так безопаснее... Глубокий эскарп спас. Стали сгущаться сумерки, огонь прекратился, немцы дали возможность группе

выполнить задачу рекогносцировки. При возвращении Гедройц обнаружил в овраге группу жителей из Александровской. Они вырыли в стенке эскарпа галереи и разместили там весь свой скромный скарб, завесив входы одеялами. Здесь были дети, старики и старухи. Рядом привязаны коровы, козы, другая живность. Это была страшная картина народного бедствия и горя»^{248}. Рекогносцировка оказалась излишней, задачу практически сразу сняли. 13 сентября 237-я стрелковая дивизия получила приказ занять оборону на южной окраине Пушкина и удерживать город до 18 сентября. Столько времени было необходимо, чтобы подготовить оборону на Пулковских высотах и обеспечить выход из окружения частей 70-й и 90-й стрелковых дивизий. (70-я дивизия отступала из района Тосно. В нее потом будут включены остатки расформированной 237-й стрелковой дивизии.)

Оборона со стороны станции Александровской был поручена 500-му полку 5-й Ленинградской стрелковой дивизии народного ополчения. 11 сентября полк отступил из района Тайцев, 12 сентября он подошел к Александровской. На юго-западную окраину поселка Александровская и Екатерининского парка был выдвинут сводный отряд, состоящий из ополченцев 1-го полка 1-й дивизии народного ополчения и бойцов 70-й стрелковой дивизии, главным образом из ослабленного 329-го стрелкового полка. Эти подразделения также вышли из окружения и были собраны в Пушкине. Позже во время оборонительных боев, в течение пяти страшных дней расстановка частей будет меняться, а пока 500-й стрелковый полк занял позиции, ранее оборудованные 76-м и 77-м истребительными батальонами. Кому теперь подчинялись сами батальоны, сказать никто не мог: царила полная неразбериха.

Ломакин, собрав батальоны, отправился на КП 500-го полка — ко всё той же землянке у Орловских ворот. По

пути батальоны попали под обстрел, появились первые раненые, среди которых были и девушки, студентки ЛИИМПа. Раненых поручили политруку 76-го батальона Г. П. Хоцко, а сами батальоны двинулись дальше. На КП их встретили командир 500-го полка майор Ф. И. Войтулевич и начальник штаба полка майор Писарев. Выяснилось, что подполковник Петров, ставивший истребительным батальонам задачу 10 сентября, ранен и отправлен в госпиталь.

Майор Войтулевич, осмотрев батальоны, восторга не выказал. Глядя на вчерашних школьников и студентов, он принял решение самостоятельного участка батальонам не давать, а влить людей в батальоны 500-го полка как пополнение. «Истребителей» распределили между 2-м и 3-м батальонами 500-го полка, большая часть оказалась во 2-м батальоне. Ломакин и Музыченко приняли решение идти туда, где оказалось большинство личного состава. Ситуация сложилась двойственная: с одной стороны, они официально оставались командирами своих частей, но с другой, 2-м батальоном командовал капитан А. И. Чернедских, а принцип единоначалия в армии никто не отменял.

Свои позиции в районе деревень Синда, Рехолово, Соболево, Баболово батальон занял вечером 12 сентября в разгар артподготовки немцев. Трое суток скитаний от позиции к позиции, переподчинения, неразберихи. В реальном бою истребительные батальоны еще не побывали, а потери уже имелись. В темноте их распределили по секторам. 77-й батальон занял оборону у деревни Новые Сузи, а 76-й — у Малого Виттолова, Рехолова и Соболева. Атаку противника ждали назавтра.

Утром 13 сентября немцы провели разведку боем: они атаковали небольшими группами на разных направлениях, прощупывая нашу оборону. Потом начался артобстрел, продлившийся полчаса. И наконец

немцы пошли в атаку. Этот день был самым тяжелым для истребительных батальонов, для 500-го полка, а может быть, и для всего Ленинграда. Немецкие солдаты шли в атаку из Большого Виттолова через Рехолово по направлению к Александровской. Шли цепью, стреляя на ходу. Их подпустили на возможно близкое расстояние, а потом открыли ответный огонь и закидали гранатами. Чернедских скомандовал: «В атаку!» Но преследования не получилось: немцы перенесли минометный огонь на наши позиции, и бойцы залегли. В этой атаке погиб комиссар 76-го батальона А. Н. Самуйлов.

Немцы повторили атаку во второй половине дня. «Немцы шли с криками «Рус, сдавайся!». Решающее действие у нас имели станковые и ручные пулеметы. Был момент, когда замолк «Максим», к нему подбежал комиссар 77-го батальона Лукьянов М. С., подменил раненого наводчика, и огонь возобновился. Вновь атака захлебнулась, вновь немцы показали спины, оставляя на поле раненых и убитых»^{249}. Немцы за этот день потеряли около ста человек убитыми и ранеными, но и потери 2-го батальона были значительные. Почти для всех бойцов истребительных батальонов это был первый бой. Они увидели, что враг сделан не из железа, его можно бить и гнать со своей земли.

С наступлением темноты на КП вернулся сержант, отправленный днем в Пушкин с донесением. Он привел 20 красноармейцев, большинство с оружием. Они были из разных частей и родов войск — солдаты, вышедшие из окружения. Иного пополнения не было. Сержант доложил, что КП полка разрушено артогнем и там никого нет. Не было никого и на запасном КП. Так была потеряна связь с командованием полка. Капитан Чернедских выслал связных в 3-й батальон. Те, вернувшись, доложили, что 3-й батальон также не имеет связи с КП полка.

В этой ситуации Ломакин принял решение восстановить связь через райотдел НКВД и вместе с Музыченко отправил в Пушкин двух бойцов с докладом о действиях истребительных батальонов и для получения новых указаний. В это же время каким-то необъяснимым чудом в 77-й батальон прибыл 2-й взвод, находившийся на охране водохранилища в Тайцах. Эта территория уже сутки как была захвачена немцами, и как взводу удалось выйти из окружения, остается загадкой. Как бы то ни было взвод не только добрался до места, но привел с собой еще около двадцати окруженцев.

В ночь на 14 сентября Ломакин, Музыченко и Чернедских распределили людей по позициям. Участок обороны достался большой, сил явно не хватало. Немцы вели беспокоящий огонь по позициям и продолжали массированную бомбардировку Пушкина. Свидетельница событий вспоминала: «13 сентября в 12 часов дня в Пушкине разорвался первый вражеский снаряд, его осколок влетел через окно в нашу квартиру. Он прошел две комнаты, пробил стенку платяного шкафа и зарылся в подушку, распространив по всей квартире отвратительный запах серы. В тот же день началась бомбардировка Пушкина. Двое суток мы не могли высунуться из наивного бомбоубежища старого 3-х этажного дома. Немецкие самолеты патрулировали над городом и обстреливали любую живую мишень»^{250}.

Чернедских отправил в Большое Виттолоро разведку за «языком», но группа вернулась, таща в плащ-палатке мертвого немца, — срезало очередь, когда возвращались к своим позициям. Врач констатировал смерть не более получаса назад, и это обстоятельство помогло избежать лишних вопросов и подтвердило рассказ бойцов.

С рассветом 14 сентября немцы особой активности не проявляли, ограничившись редкими очередями. Начал накрапывать дождь. С 10 утра у немцев стало

наблюдаться оживление, и практически сразу началась артподготовка по нашим позициям в Рехолово и Синде. У бойцов 500-го полка и истребительных батальонов артиллерии не было, отвечать было нечем. Немцы, как и день назад, пошли в атаку на Рехолово и Малое Виттолово без танков. Здесь стоял батальон Музыченко. Завязалась перестрелка.

В это же самое время немцы атаковали Пушкин со стороны Орловских ворот. Там насмерть стоял 841-й полк 237-й стрелковой дивизии. Группа немецких солдат прорвалась к Орловским воротам, но их удалось отбросить обратно. Замысел противника понятен — через Орловские ворота пройти насквозь Екатерининский парк, отсечь пути отступления для 500-го полка и истребительных батальонов и взять в клещи Александровскую.

Слева в районе Павловска и Тярлева оборону держали части 168-й стрелковой дивизии полковника А. Л. Бондарева. Враг давит со всех сторон, подмоги нет. Пушкин уже обречен, но еще не знает этого. А в это время форсированным темпом идут работы по подготовке участка обороны на Пулковских высотах. Счет идет на часы.

Очевидцы вспоминают, что вечером над Пулковом стали свидетелями воздушного боя и видели два падающих самолета. Возможно, один из них был МиГ-3 старшего лейтенанта В. П. Бухтеева, погибшего в небе над Пулковскими высотами 14 сентября. Спустя 77 лет тело летчика вместе с самолетом подняли поисковые отряды «Высота» и «Крылья Родины». Личные вещи и документы будут переданы в Пушкинский историко-литературный музей.

В ночь на 15 сентября со связным из 77-го истребительного батальона пришел на позиции начальник штаба Гедройц и доложил: «В штаб батальона днем приходил начальник У Ра полковник

Трошихин, предъявил удостоверение и письменное распоряжение штаба фронта, в котором указывалось, что все командиры частей обязаны оказывать ему помощь в укреплении и обороне УРа. Этот полковник приказал выделить в его распоряжение пять пулеметов с расчетами для охраны его КП, где-то на опушке Баболовского парка. Он же приказал доложить командирам 76-го и 77-го истребительных батальонов, что отныне наши батальоны являются полевым пополнением УРа, оставаясь на занимаемых позициях. Свой штаб полковник расположил в одной из казачьих казарм и приказал ему — Гедройцу — быть со своим штабом батальона рядом для поддержания непосредственной связи»^{251}.

Далее Гедройц рассказал, что 12 сентября в тыл к немцам вторично отправился Пушкинский партизанский отряд, а еще, что, как это ни странно, фронт в районе железной дороги Пушкин — Луга не был сомкнут и через эту брешь выходили разрозненные группы бойцов, мирные жители. Они шли через Александровскую и Екатерининский парк, там останавливались, стирали белье в Большом пруду, жгли костры, варили себе еду в котелках. Правее и левее этого района шли жестокие бои, а в Екатерининском парке почти пастораль. Такие вот будни войны. Безусловно, вся эта деморализованная масса представляла жалкое и удручающее зрелище, болезненно действовавшее на бойцов и жителей Пушкина. Улицы города уже были изуродованы бомбежкой, разрушениями и пожарами. Пушкин почти совсем опустел.

После донесения Гедройца события начинают катиться как снежный ком. Конечно, пять пулеметов с расчетом нужны Ломакину на позиции, но не выполнить приказ начальника УРа он тоже не мог. Скрепя сердце он отправил их к полковнику Трошихину. Боязнь ли за свою жизнь или служебная необходимость заставили

полковника отдать такой приказ, сейчас уже неизвестно... Также в ночь на 15 сентября прибыл связной из штаба 500-го стрелкового полка с приказом 2-му и 3-му батальонам оставить занимаемые позиции и под прикрытием темноты отступить в район Пулкова и там занять оборону. Отход должен быть обеспечен силами одной роты 2-го батальона 500-го полка, 76-го и 77-го истребительных батальонов. Ломакин, Музыченко, Гедройц и около сотни молодых мальчишек остаются, как им кажется, на своем участке практически один на один с немецкими дивизиями.

Из приказа ясно, что основные усилия по обороне Ленинграда сосредоточиваются на участке Пулково — Большое Кузьмино. Тем не менее по указанию Военного совета фронта 14 сентября, чтобы прикрыть с запада район Пушкина, срочно формируется боевая группа из состава ранее выведенных из окружения подразделений 237-й стрелковой дивизии, бойцов 1-й дивизии народного ополчения в количестве 250 человек. Командиром назначен майор В. Г. Петровский. Подразделения боевой группы к вечеру 14 сентября заняли позиции на юго-западной окраине Александровской.

Но Ломакин еще не имел всей этой информации и на момент ухода подразделений 500-го стрелкового полка чувствовал себя практически брошенным, забытым. Но письменного приказа отступить батальоны не получили, поэтому обсуждать сложившуюся ситуацию было бесполезно. Если остается приказ держать оборону — значит, его надо выполнить любой ценой. Единственное, вместе с батальонами 500-го полка Ломакин отправил и всех своих раненых. Не зная оперативной обстановки, Ломакин послал связного в штаб к Гедройцу, чтобы тот поставил в известность райотдел НКВД о произошедших переменах. Истребительные батальоны остались на позициях и вели перестрелку с противником до

середины дня 15 сентября. Было слышно, как в районе Пулкова идет артиллерийская перестрелка. Судьба города сейчас решается именно там. Немцы, не ввязываясь в бои в самом Пушкине, словно обтекали его с двух сторон. Перед Пулковскими высотами изготовились к удару части 1-й и 6-й танковых дивизий вермахта. Со стороны Ям-Ижоры наступали части XXVIII армейского корпуса генерала Морица фон Викторина. Пушкин оказался в кольце, а по его улицам продолжали тянуться группы беженцев и окруженцев, с оружием и без.

Во второй половине дня 15 сентября немцы опять предприняли атаку на Рехолово и Малое Виттолово. Но вчерашние школьники сильно повзрослели за эти несколько дней. Атаку отбили пулеметным огнем и гранатами, но вновь появились раненые и убитые. В районе Соболева бойцы 76-го батальона не выдержали, им пришлось отступить через парк. Здесь их остановили и направили на участок, обороняемый 77-м истребительным батальоном. Ломакин понимал, что обстановка ухудшается, с отступлением 76-го батальона оголяется левый фланг, возрастает вероятность окружения. Ночью он на свой страх и риск принял решение отступить к оврагу и занять оборону на восточной окраине Александровской. Южная сторона Пушкина остается неприкрытой. Такой была ночь на 16 сентября. Руководство Пушкина перемещается в подвалы Александровского дворца, туда же переносят запасы продовольствия. Городом, по сути, никто уже организованно не управляет, люди бегут как могут: пешком, на тележках, на полуторках. Сам город охвачен огнем. Комендантская и милицейская службы Пушкина практически не работали. Был пункт милиции, разместившийся в подвале Гостиного двора, — вот, пожалуй, и всё. У надолб, установленных у Египетских ворот еще силами истребительных батальонов,

образовалась пробка. Сами надолбы были расставлены в виде лабиринта, змейкой. Регулировщика рядом с ними не было, поэтому ночью полуторки, не справившись с управлением, врезались в них и намертво застревали. Водители бросали свои машины (многие с грузом) и шли в сторону Ленинграда пешком. А в машинах были продукты, снаряды, даже канистры со спиртом. Всё это оставалось на разграбление.

В штабе фронта тоже в эти дни произошли большие перемены. 13 сентября прибыл Г. К. Жуков со своей командой генералов, на следующий день он вступил в должность командующего Ленинградским фронтом. Приказ один — ни шагу назад.

Отдельного упоминания заслуживают мытарства начальника штаба 77-го истребительного батальона П. Э. Гедройца. В ночь на 16 сентября он набрел на одинокий артиллерийский расчет, которым командовал злой капитан, потерявший свою пехоту, не знавший обстановки, ругавший всех подряд. На предложение поддержать своими минометами истребительные батальоны ответил, что у него всего десять минут, вот утром подвезут снаряды, и он сразу подключится к батальонам. Утром Гедройца застал оставленный блиндаж: ни капитана, ни расчета.

В казачьих казармах около Федоровского городка располагалась рота связи. Видимо, для связи со штабом фронта. Гедройц, сам бывший когда-то начальником связи артдивизиона, договорился со связистами правдами и неправдами о выделении трех километров провода и двух телефонов, чтобы наладить связь с истребительными батальонами. За это он отдал связистам три велосипеда. Соглашение состоялось, командир роты обещал утром дать просимый провод и аппараты, так как все сейчас на линиях. Утром, разумеется, рота связи снялась и убыла в неизвестном направлении.

Начальник УРа полковник Трошихин также убыл в неизвестном направлении. Пришел, забрал пять пулеметов, приказал батальонам быть полевым заполнением УРа, а потом убыл, никого не поставив в известность. Судьба пятерых пулеметчиков, взятых у истребительных батальонов, неизвестна.

Гедройц вернулся к себе в штаб и тут вспомнил о двух командирах, представителях Ленинградского управления НКВД, прибывших 15 сентября в Пушкин и интересовавшихся судьбой батальонов. Гедройц нашел их, доложил обстановку, накормил обедом в столовой сельскохозяйственного института. Как раз во время обеда начался немецкий налет. Один из командиров от каждого взрыва выпрыгивал в окно и падал в овраг. Так продолжалось до тех пор, пока второй не сделал своему товарищу жесткое внушение. Позже, уже поздно вечером, Гедройц отвел их в штаб и уложил спать, а утром 16 сентября в штабе от них не было ни слуху ни духу.

К 16 сентября регулярных частей в Пушкине практически не осталось.

Несмотря на то, что в дневниковой записи командующего группой армий «Север» Вильгельма фон Лееба от 6 сентября 1941 года есть уже упоминание о решении Гитлера сделать Ленинград второстепенным театром военных действий, текущие события показывают, что сам фон Ле-еб не спешил выполнять приказ и перебрасывать свои 1-ю и 6-ю танковые дивизии на центральное направление. Наоборот, он запросил у Гитлера отсрочку на четыре дня, надеясь за это время ворваться в Ленинград. Изначально же ХLI моторизованный корпус генерала Георга Ганса Рейнгардта должен был остаться в распоряжении группы армий «Север» до 13 сентября.

Из дневника фон Лееба от 14 сентября 1941 года: «... Сегодня я побывал в расположении 4-й танковой группы.

Там узнал от начальника штаба, что в отличие от предыдущих оценок о том, что между XLI корпусом и Ленинградом противника почти нет, на самом деле Пулковские высоты представляют собой укрепленный район обороны, плотно занятый войсками противника. Дальнейшее наступление XLI корпуса через Пулково до ближнего рубежа окружения, как было приказано вчера, должно было бы привести к сильным потерям. Чтобы избежать этого и оставить XLI корпус по возможности боеспособным, каким он сейчас и является, ему приказано пока оставаться у дальнего рубежа окружения, исключая Пулково. Сейчас речь идет о том, чтобы овладеть участком местности у Детского Села, Слуцка и Марьино. 4-й танковой группе приказано силами L армейского корпуса и 6-й танковой дивизии наступать в этом направлении. До 15-16 сентября 6-я танковая дивизия остается в нашем распоряжении, а с 17 сентября начинается ее отвод. По этому поводу сегодня издан приказ по группе армий «Север»^{252}.

С 16 сентября в Пушкине не было ни одной зенитной батареи. Когда утром Гедройц направился в штаб обороны города, расположенный в подвале Александровского дворца, он обратил внимание, что огонь по немецким самолетам не ведется вообще. Немецкие бомбардировщики отрабатывали на низких высотах, нашей авиации в небе также не было. 15 сентября была захвачена Александровская. Фактически в городе, кроме истребительных батальонов, не осталось никого.

Под вечер 15 сентября на позиции истребительных батальонов прибыл мотоциклист. Им оказался сотрудник районного отдела НКВД М. Д. Милютин. Он передал Лوماкину приказ: сменить позиции, отойти в район Белой башни, Пенсионных конюшен и Молочной фермы, закрепиться на них, не допустить прорыва противника в Пушкин и Пулково. Фактически это уже была территория

Александровского парка, несколько сотен метров до самого города. Милютин также сообщил, что 16 сентября оборона батальонов будет усилена сотрудниками пушкинской милиции и бойцами комендантской службы. Но с батальонами по-прежнему находилась одна рота 2-го батальона 500-го стрелкового полка и ей задачу никто не изменил. Командир роты попросил Ломакина не оставлять его одного. Пока решали, как быть, прибыли связные из 500-го полка и передали приказ Чернедских о том, что рота отзывается в его расположение: попросту говоря, уходит на Пулковские высоты. Теперь уже Ломакин остался один, но посчитал себя не вправе просить комроты остаться. С бойцами народного ополчения он переправил в Пулково своих раненых, организовав прикрытие отходящим.

Утром 16 сентября Ломакин начал переводить бойцов на новые позиции. Отходили мелкими группами, не больше взвода, прикрывая друг друга. Во время отхода наткнулись на небольшую группу немцев, окапывающихся южнее железной дороги у Редкое Кузьмино. Ломакин забросал немцев гранатами. Тут же началась стрельба, затрещал пулемет, в воздух взвились осветительные ракеты. Стало понятно, что отдельные группы противника уже просочились к городу и занимают позиции восточнее Александровской, на правом фланге будущих позиций батальонов.

С наступлением рассвета батальоны окопались на новых позициях в парке. Там уже находился командир 2-й роты 77-го батальона капитан Пенин, отошедший ночью с частью бойцов из Соболева. Подошло усиление из ста красноармейцев комендантской службы. Немцы ночью проникли в Александровский парк и закрепились южнее Молочной фермы и Пенсионных конюшен. Как ни странно, Пушкин полностью еще не был окружен. На восточной окраине города в районе железнодорожной

станции Детское Село продолжали через узкую горловину выходить окруженцы.

В это время утром в городе населению было объявлено, что город оставляется войсками, магазины открыты, каждый может выбирать себе, что понравится, и уходить в Ленинград. Но батальонам (или той горстке людей, что от них осталась) по-прежнему никто не дал приказа на отступление.

Ломакин по-прежнему не знал, что к 16 сентября в городе еще оставались подразделения 237-й стрелковой дивизии, сражавшиеся в районе Екатерининского парка, в одном-двух километрах от батальонов. Со стороны Слуцка (Павловска) бои шли уже в Павловском парке. Там держали оборону части 70-й стрелковой дивизии. Но Ломакин ничего этого не знал. Ему уже казалось, что он остался в городе один. Это типичная ситуация тех дней. В отсутствии связи командиры частей действовали самостоятельно, на свой страх и риск.

С 16 сентября в оборону Пушкина включились части 2-й гвардейской дивизии народного ополчения. О ее состоянии свидетельствуют записи из дневника адъютанта командира 1-го стрелкового полка лейтенанта Б. Н. Журавлева: «13.09.41 года. 16 часов 30 минут. Дивизия отходит по направлению к Пушкину. Противник бьет по дороге. Я оставил полк в Онтолове. Полковник Уралов убит, комиссар 2-го полка Никитин убит, полковник Денисов пропал без вести, майор Василенко — тоже. Капитан Кавецкий ранен, старший политрук Жабров ранен, полковой инженер Кудрявцев убит, майор Ефимов пропал без вести, его адъютант Прудников — тоже...»^{253}. Дивизией командовал Герой Советского Союза полковник В. А. Трубачев. К 16 сентября его бойцы отошли к Александровскому парку и целые сутки вместе с истребительными батальонами, вцепившись зубами в землю, сдерживали атаки немцев.

В 12 часов дня 16 сентября немцы обрушили на позиции батальонов плотный огонь артиллерии. После артподготовки началась атака. Немцы стремились выбить «истребителей» из каменных зданий учхоза и конюшен. Бойцы батальонов действовали решительно, как только могут мальчишки, готовые пойти на смерть. Атака немцев захлебнулась, но капитан Ломакин был контужен. Позднее он вспоминал: «Передо мной вдруг вырос столб огня, затем фонтан земли. Горячая волна ударила меня справа и ударила о стенку окопа. В глазах замелькали огоньки. Приятно засыпается. Придя в себя, вижу, идет бой, все вокруг меня стреляют. Но странно, не слышу выстрелов. Хватаюсь за уши, голова забинтована. Позже узнал, что это работа нашего медфельдшера Батыченковой Анны Ивановны, бывшей студентки сельхозинститута... Вижу, фуфайка в крови, кровь шла из ушей и носа. Жажда пить, пить, с трудом добываю флягу с водой. Через несколько часов постепенно я все лучше стал слышать. Стало лучше руководить боем, а он сегодня то ослабевал, то, усиливаясь, не прекращался. Такого напряжения еще не было».[{254}](#).

В это будет сложно поверить, но раненых вывозил хим-инструктор 76-го истребительного батальона Борис Васильевич Озимов на собственном мотоцикле... «Харлей Дэвидсон». За это время он вывез с поля боя только раненых девушек 12 человек. 17 сентября он в пути был задержан, со своим мотоциклом доставлен в штаб в поселок Рыбацкое и обслуживал далее этот штаб.

Продолжался день 16 сентября, самый тяжелый для обороны Пушкина. Под вечер немцы снова пошли в атаку. Со стороны солнца их поддерживали немецкие бомбардировщики. Одновременно батареи противника вели плотный минометный огонь. Немцы подобрались к самому зданию Пенсионных конюшен. Бой достиг кульминации. Как вспоминал Ломакин, «не стреляли

только мертвые»^{255}. Наконец, немцы не выдержали и вновь отошли.

Наступила тихая ночь 17 сентября. В батальонах закончились продукты, и Ломакин отправил снабженца Н. В. Латышева на поиски продовольствия. Как ни странно, но вскоре тот вернулся и принес хлеб и сало, добытые в 5-м детском тубсанатории^[33]. Это были последние доставленные из города продукты. Одновременно пополнили запас боеприпасов. Латышев рассказал, что продолжается эвакуация населения, райотдела НКВД и других организаций.

К исходу дня немцы проникли в район казачьих казарм и Екатерининского парка, Александровский дворец был блокирован минометным огнем. Руководство района убыло в Ленинград. Штабы батальонов переместились в восточную часть города, так как создавалась угроза их окружения. Ломакин с батальонами уже был отрезан немцами, связи с ним не было. Екатерининский парк и дворец были захвачены противником. В ночь на 17 сентября Гедройц принял единственно верное решение: выходить из Пушкина с оставшимися бойцами, спасая документацию батальонов и жизни солдат.

Семнадцатого сентября немцы вновь атаковали позиции батальонов. Артиллерийские орудия, скрытно выдвинутые на позицию прямой наводки во время авианалета, начали бить в упор по батальонам. Почти все пулеметы «истребителей» были или подавлены, или уничтожены: продолжали работать только два, ручной и станковый. В этих условиях «немцам удалось захватить Молочную ферму, Пенсионные конюшни и Белую башню. Остатки батальонов отошли на рубеж Федоровский собор — Белый гараж — Дача А. С. Пушкина»^{256}.

В этом бою в 77-м истребительном батальоне были убиты Николай Завалкин, ученик 408-й школы; Семен Подлюзо, работник Военторга; Павел Бровкин, работник

хлебозавода. В 76-м истребительном батальоне также трое убитых, среди них школьник Павел Волошин, юный пулеметчик. Много раненых.

Положение было критическим. Напряжение достигло предела человеческих сил. Не было продуктов, боеприпасов. Наконец, во второй половине дня к ним пробрался связной из 3-й дивизии народного ополчения младший лейтенант Майоров. Он передал: задача по прикрытию Пулковского рубежа батальонами выполнена, и получен приказ оставить Пушкин.

Днем выйти из города было уже невозможно. «С наступлением темноты В. Е. Ломакин с несколькими бойцами и станковым пулеметом остался прикрывать выход из боя батальонов»^{257}. Людей выводил Музыченко вдоль железной дороги Пушкин — Шушары. На станции начало светать, начиналось утро 18 сентября. К батальонам у станции Детское Село присоединились группы гражданских и военных, выходящих из окружения. Это была достаточно пестрая компания. «На станции стоял товарный вагон с разбитой стенкой от взрыва бомбы. В вагоне — ящики с банками консервов — горох со свининой. Бойцы утолили голод последних суток и унесли в запас — кто сколько мог»^{258}. И пошли к своим.

Так 76-й и 77-й истребительные батальоны, мальчишки, девчонки, школьники, студенты и вчерашние рабочие стали последним регулярным подразделением, оставившим Пушкин 18 сентября 1941 года.

И все-таки можно сказать, что Ломакину повезло. Он не знал на тот момент о приказе Жукова № 0064, который вышел 17 сентября:

«ПРИКАЗ командующего войсками Ленинградского фронта № 0064 об ответственности за несанкционированное оставление занимаемых рубежей 17 сентября 1941 г.

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово, Кискино, Верхнее Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющим указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армий указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить.

3. Исполнение приказа донести шифром к 12.00 18 сентября 1941 г.

Командующий войсками Ленинградского фронта генерал армии ЖУКОВ

Члены Военного совета фронта: секретарь ЦК ВКП(б) ЖДАНОВ, дивизионный комиссар КУЗНЕЦОВ, начальник штаба фронта генерал-лейтенант ХОЗИН»[{259}](#).

Письменного приказа Ломакин не получал, но к 12.00 18 сентября батальоны уже уходили из Пушкина. Кто-то скажет, что Ломакина вместе с бойцами должны были бы расстрелять, но в реальной истории ничего подобного, конечно же, не произошло. Еще, наверное, потому, что в приказе о Пушкине нет ни слова. Военный совет фронта понимал, что Пушкин уже не удержать. А немцы дошли до южного берега реки Кузьменки и окопались там на долгие годы у подножия Пулковских высот, вклинившись в советскую оборону маленьким участком земли под условным названием «Аппендицит»...

Потерявшие бблыпую часть личного состава батальоны были расформированы 21 сентября 1941 года. Личный состав отправили в кадровые части, в ополчение. Часть бойцов зачислена в 20-ю отдельную

истребительную роту НКВД, которая несла службу в районе Волковой деревни. Впереди были три года блокады.

Около $\frac{2}{3}$ состава батальонов были убиты, ранены или пропали без вести. Такова цена обороны Пушкина, Пулковских высот, Ленинграда. Небольшой эпизод, называемый в военной науке «боями местного значения».

Также будет расформирована и 237-я стрелковая дивизия. Ее 2608 человек и матчасть будут переданы 55-му запасному стрелковому полку. 367-й отдельный саперный и 705-й отдельный автотранспортный батальоны с сохранением номера будут отправлены на укомплектование соединений 55-й армии.

После расформирования батальонов Ломакин продолжал воевать в частях НКВД, стал начальником отделения штаба истребительных батальонов в Управлении НКВД по Ленинградской области. После войны еще служил какое-то время, а в 1953 году в звании подполковника вышел в отставку.

29 сентября 1969 года в Александровском парке был торжественно открыт памятник, посвященный подвигу истребительных батальонов. На открытии присутствовали подполковник Ломакин, его бывший начштаба Гедройц, другие ветераны батальонов, которым посчастливилось пройти всю войну.

В живых из бойцов батальона на сегодняшний день не осталось никого. Но память о них останется на этих страницах, а значит, войдет в маленькую историю подвига маленьких еще людей, делавших первые шаги во взрослой жизни.

ДЕВЯТЬ СТРАНИЦ

Таня Савичева,

ленинградская школьница

Этот очерк — самый короткий и самый страшный. Потому что отчетливее всего безнадежность и ужас войны проявляются тогда, когда гибнут ни в чем не повинные дети. Потому что не хватит сердца принять тот выбор, который в конце ноября встал перед правительством Ленинграда: снизить смертность от голода среди бойцов, или спасти будущее города — детей. Выбор был сделан в пользу солдат РККА. Он понятен: не будет солдат — не будет и города, не будет и никакого будущего. Логика войны и власти диктовала безжалостные условия.

«Во избежание перебоев в обеспечении хлебом войск фронта и населения Ленинграда установить с 20 ноября 1941 г. следующие нормы отпуска хлеба:

- рабочим и ИТР 250 г;
- служащим, иждивенцам и детям 125 г;
- частям первой линии и боевым кораблям 500 г;
- летно-техническому составу ВВС 500 г;
- всем остальным воинским частям 300 г.»

(Постановление Военного совета Ленинградского фронта № 00409).

Выбор этот можно понять, но нельзя принять.

Дневник Тани Савичевой, девять страниц, написанных размашистым детским почерком в маленькой записной книжке, оставшейся от сестры, стал символом Блокады, ее бесконечной болью,

незаживаемой раной. Эта рана к нашим сытым и спокойным дням зарубцевалась, но она никогда не зарастет на сердце. Вот такой убийственной силой обладают эти девять страниц. Дневник стал известен потому, что отразил в своих скупых строчках участь тысяч блокадных семей. Маленькая девочка, не умея, верно, литературно оформить свои переживания, не имея места в маленьком, обтянутом шелком блокноте, закричала на весь мир своими простыми словами. И мир содрогнулся от этого крика.

«Этот небольшой блокнотик, подаренный братом Леонидом (Лекой) сестре Нине, служил рабочим справочником чертежника-конструктора. Половину его страниц Нина заполнила данными котловой арматуры: задвижек, клапанов, вентилей, а другая половина этого самодельного справочника, с алфавитом, оставалась чистой. Этой незаполненной алфавитной части записной книжки и суждено было стать скорбным дневником, в котором синим карандашом сестры Таня делала ставшие бессмертными записи»^{260}.

Появившийся в конкретном месте в определенное время, будучи связан крепче канатных узлов с трагедией миллионов советских людей, дневник Тани Савичевой стал легендой, знаменем, практически мифом. За ним простому обывателю уже сложно увидеть обычного ребенка, который умел смеяться, любил музыку, радовался успехам в школе, не всегда слушался маму, обожал своих старших братьев и сестер, — словом, жил обычной жизнью маленького человека одиннадцати лет от роду. Наверняка ей уже нравились мальчики тем первым робким детским чувством, в котором еще нет ничего пошлого, а только чистая симпатия и учащенное сердцебиение при мыслях о предмете воздыхания. Возможно, она нравилась мальчикам той же самой детской симпатией. Об этом мы уже никогда не узнаем.

Таня была восьмым, самым младшим и любимым ребенком в семье Николая Родионовича Савичева и Марии Игнатьевны Федоровой. У Тани было две сестры — старшие Евгения и Нина, а также два старших брата — Леонид «Лека» и Михаил. Еще трое детей Савичевых умерли в младенческом возрасте от скарлатины до рождения Тани.

Семья была большой и дружной, было в ней что-то от дореволюционной традиции купеческих семей: совместные чаепития, музицирование, поездки летом на дачу.

Николай Родионович по современным понятиям был мелким предпринимателем. В 1910 году он вместе с братьями открыл «Трудовую Артель братьев Савичевых». При артели также были открыты пекарня и булочная-кондитерская, располагавшиеся на 2-й линии Васильевского острова в доме 13/6. На предприятии трудились сам Николай Родионович с женой Марией и трое братьев: Дмитрий, Василий и Алексей.

В этом же доме Савичевы и жили. В одной квартире — семья Николая Родионовича и Марии Игнатьевны, этажом выше — брат Дмитрий с женой Марией Михайловной и два брата-холостяка Василий и Алексей. Удивительно, как в послереволюционное время семью не расселили, но все же каток репрессий коснулся и Савичевых.

В 1935 году артель братьев Савичевых, как пережиток нэпа, была ликвидирована. «Дядя Вася — человек разносторонне образованный — стал директором магазина «Букинист» на Петроградской стороне, а дядя Леша до пенсии работал заводским снабженцем. Только отец Тани Николай Родионович до конца своей жизни оставался непревзойденным мастером хлебопечения. За свою коммерческую деятельность... попал в ту пору в категорию «лишенцев»

и был выслан с семьей из города [за 101-й километр под Лугу. — Д. Ф.]. Правда, вскоре решение о высылке семьи было пересмотрено, и они смогли вернуться в Ленинград, в свою квартиру, но без отца. В 1936 году Николай Родионович приехал сюда на лечение уже безнадежно больным, будто предчувствовал свой печальный конец. 5 марта его не стало, он умер от рака»^{261}.

Тане было пять лет, это была первая смерть близкого ей человека.

Дата рождения самой Тани обросла мифическими предположениями. Мария Игнатьевна, мать Тани, на последнем месяце беременности отправилась к своей сестре Капитолине, которая жила в деревне Дворищи Новгородской области. Марии был уже 41 год, и она опасалась осложнений при родах, а муж ее сестры был врачом, и на его помощь она очень надеялась. В Ленинград она вернулась, когда Тане уже было несколько месяцев.

Первая возможная дата рождения — 25 января 1930 года. Она встречается во многих источниках и удивительным образом совпадает с Татьяниным днем, больше известным сегодня как День российского студенчества. Другая возможная дата рождения — 23 февраля 1930 года, вероятно, подгонялась исследователями ко Дню основания РККА. И, наконец, 23 января 1930 года. Лилия Маркова в своем исследовании отправляет нас именно к этой дате.

Воспоминания Лилии Марковой, лично знавшей Танину сестру Нину, являются одними из самых достоверных исследований биографии Тани Савичевой. Будем придерживаться этой даты, хотя для мифа куда больше подходит Татьянин день.

Итак, родилась Таня Савичева 23 января 1930 года в большой семье. Квартира в доме 13 по 2-й линии Васильевского острова — самая обычная для

предвоенных времен. Никаких излишеств. «Кровать с никелированными шарами на высоких спинках отгорожена гигантским буфетом и трехстворчатой ширмой. Сам буфет с резными дверцами и бесчисленными ящичками разделяет комнату на две части: спальню и гостиную. Ширма красного дерева с узорчатыми стеклами — сбоку»^{262}. Раздвижной стол, на котором обычно лежали музыкальные инструменты: «гитары, банджо, балалайка, мандолина. Мандолина итальянская, с инкрустацией, на ней Лека играет»^{263}. Еще «в доме было множество статуэток из фарфора, керамики, стекла, деревянных и металлических. Пастушки с ягнятами, мальчики со свирелями, собачки, птицы, котята в корзинках, девичьи фигурки в кринолинах и даже большой, полуметровой высоты рыцарь... Все Савичевы, конечно, знали про бабушкину слабость»^{264}.

Когда началась война, Савичевы, как и все остальные, не понимали, к каким последствиям она приведет. Все были готовы «бить врага на его территории». Тем не менее и Лека, и дядья отправились записываться добровольцами. Леку не взяли из-за зрения, дядьев — по возрасту, хотя у Василия Родионовича был боевой опыт участия в Первой мировой, даже награды имелись.

Жизнь семьи, как и жизни миллионов советских граждан, круто переломилась.

Женя, старшая сестра, работала в архиве Невского машиностроительного завода, но помимо работы регулярно сдавала кровь для раненых. Она жила не со всеми, а в квартире на Моховой, оставшейся от первого мужа Юрия. Жизнь с ним не сложилась, развелись. Мама, как лучшая швея, была отправлена на производство военного обмундирования. Сама Таня помогала очищать чердаки от мусора, собирала

стеклянную тару для изготовления зажигательных смесей.

Еще одна сестра Нина работала на том же заводе, где и Женя, только в конструкторском бюро. А после начала войны была мобилизована на оборонные работы. Помогала рыть окопы в районе Рыбацкого. А дядья — Василий и Алексей — работали в службе противовоздушной обороны. Брат Леонид работал строгальщиком на Адмиралтейском судостроительном заводе, средний брат Михаил — слесарем-сборщиком.

Отпуск в июне 1941 года семья Савичевых собиралась провести в селе Дворищи, там, где Таня и родилась 11 лет назад. 21 июня первым уехал Михаил. Никто тогда не знал, что они видят друг друга последний раз. Возможно, это обстоятельство спасло ему жизнь. Или погубило жизнь всей семьи. Блокадные судьбы переплетались порой причудливо, выпукло и выводили в жизнь или в смерть с совершенно неожиданных сторон.

Если взглядеться в толщу времен, то можно увидеть молодого парня, который одной рукой держит легкий фанерный чемодан, а другой обнимает мать, младшую сестренку. Нина и Женя на работе, с ними он попрощался с вечера. Лека поедет провожать его на вокзал. Через две недели после дня рождения бабушки семья планирует воссоединиться. Они машут ему рукой, желают легкой дороги, Таня просит, чтобы он взял ее на рыбалку, на Вельское озеро. Почему на рыбалку? Откуда взялась такая ассоциация? Девочки должны играть в куклы, в дочки-матери... Сохранилось фото, сделанное за несколько дней до начала войны. Одиннадцатилетняя Таня Савичева с младшей племянницей Машей Путиловской стоят на берегу реки, закрываются тряпичными зонтиками от палящего солнца. На Тане платье в горошек, а взгляд... усталый какой-то, вымученный. Вот потому что река, солнце, лето —

поэтому обязательно должна быть рыбалка. И Миша конечно же обещает сестре:

— Об-б-язательно порыбачим. — Михаил с детства заикается.

Поезд на Кингисепп отправлялся вечером. Вышли проводить Михаила. Полный чемодан продуктов, узелки, котомки: мука, макароны, хлеб... С продуктами в Дворищах не богато. Очень скоро такая поклажа в Ленинграде станет на вес золота.

На вокзал Мишу провожал только Лека. Таня с Василием Родионовичем дошли до трамвайной остановки у моста Лейтенанта Шмидта.

Трамвай шестого маршрута Кондратьевский проспект — Балтийский вокзал подошел почти сразу же. Михаил взбирается на подножку, укладывает багаж. Двери уже закрываются, но он успевает махнуть рукой на прощание. Вот этот взмах и есть та точка, определившая жизнь одного и смерть других.

Трамвай уезжает, увозя брата навсегда, а в воздухе тает лишняя хлебная карточка рабочего.

250 граммов хлеба с ноября по декабрь 1941 года.

Михаил ехал в деревню Дворищи, раскинувшуюся у Вельского озера вблизи древнего города Гдова. Путь недолгий, но сложный. Сначала на поезде до Кингисеппа, потом десять километров полями и лесами: где пешком, где на подводе. Когда-то там жили бабушка с дедушкой, остался их рубленый дом-пятистенник, а неподалеку — построенный отцом в конце 1920-х годов новый дом, семейный, основательный. В этом новом доме и родилась Таня. «В Дворищах живут дяди: дядя Гриша (Григорий Родионович) и дядя Гаврюша (Гавриил Родионович) — братья отца, и тетя Капа (Капитолина Игнатьевна) — мамина сестра»^{265}. Такое семейное гнездо, не дворянское, но со своей историей и традициями. Дед Тани Савичевой Игнат Федоров когда-то был направлен из Петербурга в Дворищи, был

рабочим-металлистом, участником революционного подполья. Их семья Арсеньевых-Федоровых также была большая, порода — русая, сероглазая. Отец Тани в Дворищах и повстречал Марию Игнатьевну, там и поженились, и жили какое-то время, туда и приезжали на лето.

«Дворищи очень быстро оказались на оккупированной гитлеровцами территории. Михаил ушел к партизанам в лес. В январе 1944 года в одном из боев был тяжело ранен и отправлен на лечение в Ленинград, освобожденный уже от гитлеровской блокады. А через полгода он вышел из госпиталя инвалидом, на костылях»^{266}. Семьи уже не было. Все умерли. Дом стал чужим, в квартире жили другие люди. Михаил «уехал в Дворищи к тете Капе, но в сентябре 1944 года навсегда переехал в шахтерский город Сланцы Кингисеппского района, работал там на почте. Михаил Николаевич Савичев умер в 1988 году. Похоронен в городе Сланцы»^{267}.

В 12.15 22 июня 1941 года по радио объявляют о начале войны.

Леку, как уже говорилось выше, в армию не взяли из-за зрения — сильная близорукость с самого детства. Из-за этого — крест на любимом футболе, на профессии и карьере радиста-полярника, о которой молодой парень страстно мечтал. Белый билет. Негоден. Было ему 24 года. Он остался работать на родном судостроительном заводе, в срочном порядке переведенном на военные рельсы.

В конце июля и в августе, вплоть до 8 сентября, началась эвакуация жителей. Достоверно ответить на вопрос, почему семья Тани не эвакуировалась из Ленинграда, когда была такая возможность, наверное, нельзя, но с большой долей вероятности можно предположить следующее. Большею частью эвакуировались те семьи, в которых один из родителей

работал на предприятии, подлежавшем эвакуации: в экстренном порядке перевозили за Урал заводы, фабрики, лаборатории, НИИ, музейные экспонаты. Соответственно, предприятия эвакуировались вместе с работниками и членами их семей. При этом не было запрета на эвакуацию остальных жителей. Каждая семья решала этот вопрос самостоятельно.

Во многих современных исследованиях истории блокады повторяется мысль, что фактически население было предоставлено само себе. Оно должно было для себя решать, эвакуироваться ему или нет. Это утверждение не соответствует истине. И поскольку во многих источниках эта мысль повторяется из раза в раз, необходимо остановиться подробнее на этом вопросе, чтобы раз и навсегда поставить точку в манипуляциях недобросовестных исследователей.

Первые решения об эвакуации детей были приняты уже 22 июня. В первую очередь стоял вопрос вывоза детей из летних лагерей и дач, которые попали в зону боевых действий: «Эвакуация началась вечером 22 июня 1941 г. По всем районам за исключением пригородов (Кронштадт, Колпино, Петергоф и Пушкин) были выделены уполномоченные, которые вечером 22/VI и выехали на автомашинах за детьми. В течение 3–4 дней дети были вывезены из опасной зоны».^{268}.

По решению бюро горкома и обкома ВКП(б) 27 июня была создана Ленинградская городская эвакуационная комиссия, председателем которой стал Б. М. Мотылев. «Первоначально предполагалось, что комиссия займется всем комплексом вопросов, связанных с вывозом населения, учреждений, оборудования предприятий, военных грузов и других ценностей. Но огромный объем работы сразу внес существенные коррективы. В тот же день, 27 июня, Ленгорисполком создал комиссию (председатель Е. Т. Федорова) по размещению и эвакуации граждан, прибывающих в Ленинград из

районов, оказавшихся под угрозой оккупации (Карелии, Прибалтики, позднее Ленинградской области). А 28 июня Военный совет Северного фронта назначил своим уполномоченным по эвакуации председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова, в июле он возглавил Правительственную комиссию по эвакуации, занимавшуюся, главным образом, вопросами вывоза промышленных предприятий»^{269}. Все трое будут репрессированы по «Ленинградскому делу» в 1949 году. Попкова расстреляют.

Эвакуация жителей Ленинграда проходила в несколько этапов. В первую очередь вывозили детей. 29 июня 1941 года согласно постановлению Ленгорисполкома «О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области» началась эвакуация детских образовательных учреждений. По плану предполагалось вывезти 390 тысяч детей и сопровождающих. Также были приняты постановления «О мероприятиях по медицинско-санитарному обслуживанию населения в пути» (14 августа) и «Об уполномоченных по эвакуации женщин и детей в области и автономные республики» (17 августа). Возможно, из-за неудач при планировании эвакуации эти распоряжения не были опубликованы. 29 июня из города отправились десять эшелонов, в которых находились 15 192 ребенка. Предполагалось размещать детей в летних городских лагерях и базах отдыха на юге Ленинградской области, куда и смещалась от западных границ линия фронта. Из-за стремительного продвижения немецких войск 170 тысяч детей были привезены обратно в Ленинград. «В Отчете Ленгорисполкома в Плановый отдел Лен-исполкома указывается, что общее число вывезенных таким образом на 6 июля 1941 г. из Ленинграда детей составило 234 833 человека. Из них горисполком вывезено 211 766 детей <...>

Эвакуация такого большого числа детей с небольшим количеством сопровождающих не могла не вызвать серьезные организационные трудности. Исправлению недостатков в организации эвакуации был посвящен приказ наркома просвещения РСФСР «О наведении порядка по обслуживанию школьников [Мосгороно, Ленгороно в эвакуации. — Л. Г.]» (Пр. № 547 от 17 июля 1941), а затем Инструкция № 01-1-5/55 от 20.VIII.1941 г. «Об эвакуации детей и матерей» Наркомата здравоохранения СССР. В то же время важнейшим вопросом стало финансирование нахождения детей в эвакуации. 19 июля 1941 г. было опубликовано постановление Ленгорисполкома «О порядке взимания платы с родителей за детей, вывезенных из Ленинграда», Пр. № 48, п. 7, к которому прилагалась Инструкция для управляющих домами (комендантов), согласно которой средства за содержание в интернатах, в размере от 25 до 210 рублей в зависимости от дохода на одного члена семьи, собирались с родителей через специальные инкассаторские пункты и сдавались в городскую контору Комбанка на текущий счет общегородского бюджета № 2740, в течение пяти дней со дня выхода Постановления»^{270}.

Наверное, и это решение о финансировании было не самым удачным. Не каждый родитель, во-первых, отпустит своего ребенка одного с чужими людьми неизвестно куда. Во-вторых, взимание платы наверняка отпугнуло многих небогатых родителей, решивших, что проще прокормить детей самостоятельно. Среднемесячная зарплата штатного работника дошкольного детского дома, к примеру, составляла 192 рубля в месяц^{271}. В-третьих, никто до конца не верил, что город Ленина вот так вот, за несколько месяцев будет отрезан от Большой земли, что Гитлер примет решение блокировать Ленинград, уморить голодом

жителей и защитников. В такой ход событий здравомыслящий советский человек поверить просто не мог. Хотя слухи о зверствах оккупантов доходили и до Ленинграда от тысяч беженцев, спасавшихся в городе от войны.

После 6 июля была разрешена эвакуация детей с матерями, но к этому времени уже возникли непреодолимые трудности транспортного характера. С 9 июля было закрыто движение поездов до Пскова, с 19 июля — до станции Дно, 14 августа была закрыта станция Луга, а с 27 августа, после захвата немцами Мги, эвакуация по Октябрьской железной дороге прекратилась. Всё происходило стремительно, в считанные дни и недели, поэтому понять, какое количество детей было все-таки эвакуировано из Ленинграда, можно только сравнив финансовые документы города за 1941 год. Средства на эвакуацию детских учреждений проходили именно по его линии. По «Заключительному балансу по бюджетным и внебюджетным средствам Ленинградского города на 1 января 1942 года» 768 700 рублей были закрыты как расход на эвакуацию, что соответствует расходу примерно на 76 870 детей^{272}. Однако в балансе отражена дебиторская задолженность 226 300 рублей (дебиторы по эвакуации детских учреждений), возникшая в результате отсутствия отчета по расходам на эвакуацию около 22 600 детей. Это может говорить либо о хищении в особо крупном размере, либо о том, что 22 тысячи детей... пропали без вести.

Трагедия первой волны эвакуации детей Ленинграда становится понятной из воспоминаний Ады Евгеньевны Милеант, работавшей в 1941 году старшим инспектором отдела образования Приморского района: «События на фронте развернулись так быстро, что поезда с детьми попадали под жестокую бомбежку фашистского зверья, горели целые составы поездов, гибли взрослые,

сопровождаявшие детей. При первой эвакуации Приморского района погибли заведующие детскими интернатами Мария Васильевна Опарина и ее дочь, Рыжкова Наталья Михайловна, Хомякова Елена Владимировна. Заведующая интернатом Полина Захаровна Бляхер сумела вынести из горящего вагона всех детей, но не вынесла только свою трехлетнюю внучку, которую считала вправе спасти лишь в самую последнюю очередь...»[{273}](#).

«По официальным данным Городской эвакуационной комиссии (ГЭК), за 1941 г. было вывезено из города в 1941 г. всего детей: 219 691, вместе с сопровождающими взрослыми. По данным Ленгороно, из вывезенных летом 1941 г. с детучреждениями 234 833 чел. (с коррекцией 235 123) было реэвакуировано в город 130 000 человек»[{274}](#).

Решение об эвакуации трудоспособного населения было принято гораздо позже, а именно 7 июля 1941 года. ЦК В КП (б) запланировал вывоз из Ленинграда совместно с предприятиями 500 тысяч членов семей рабочих и служащих. Но события развивались столь стремительно, что уже 10 августа перед Ленгорисполкомом была поставлена задача о вывозе 400 тысяч человек, а 13-14 августа — еще 700 тысяч. Все эти планы были осуществлены в минимальном объеме, а по сути, остались на бумаге: 27 августа железнодорожное сообщение Ленинграда со страной было прервано.

«По данным Городской эвакуационной комиссии до начала сухопутной блокады из города выехали 488 703 ленинградца и 147 500 жителей Прибалтики и Ленинградской области»[{275}](#).

Наверное, необходимо было предусмотреть для эвакуации более отдаленные регионы страны. Наверное, необходимо было начать эвакуацию раньше. Наверное. Знал бы, где падать, соломку бы подстелил. Нерешенные вопросы по эвакуации населения

Ленинграда еще ждут своего исследователя. Но говорить, что Ленгорисполком не занимался организованным вывозом населения из города, — это просто продемонстрировать собственную некомпетентность.

Атмосфера в городе очень быстро менялась. От залихватского «бить врага на его территории» не остается и следа.

«Белые ночи кончились, но фонари не зажигались. С заходом солнца город погружался в настороженную темноту. Все окна были перечеркнуты бумажными крестами, плотно зашторены, ни один лучик не пробивается.

Автомобильные фары закрыли щитками с узкими щелями, в трамваях и троллейбусах тлели подслеповатые синие лампочки...

Магазинные полки опустели, исчезли даже банки с камчатскими крабами, которых до войны и за еду не считали. С мясом и маслом трудности, но овощей у зеленщиков и на рынках полным-полно и очереди в булочную не очень длинные»^{276}.

Голода еще нет, но его предчувствие бродит по Городу, свистит гулким ветром на Неве. Нина продолжает работать на рытье окопов в Рыбацком. Враг уже рядом с Колпином, его артиллерия бьет по окраинам Ленинграда, появляются первые убитые, раненые.

«В Румянцевском саду военный бивак: машины, повозки, фургоны; стреноженные кони; солдаты вокруг жарких костров; дымят полевые кухни, котлы на колесах.

В бывшем Кадетском корпусе теперь госпиталь. У главного входа всегда толпится народ, ищут своих, показывая фотокарточки, называя фамилии сыновей, братьев, отцов ходячим раненым: «Не встречали?»

Какой-то нерадивый обозник-фуражир, проезжая по набережной, рассыпал овес. Дикае голуби и воробьи подбирали зерна, сыто гулькали, чирикали весело. Все — как всегда, но и сам город построжел, переделся в полевую форму.

Золоченые шпиди и шлемы замазаны маскировочной краской, Адмиралтейская игла зачехлена мешковиной, купол и ротонда Исаакиевского собора сделались похожими на каску с шишаком.

Медный всадник огражден деревянным саркофагом, обложен снизу мешками с песком. Защищены многие статуи, а клодтовские кони покинули Аничков мост, зарылись в землю. Только сфинксы из древних Фив по-прежнему открыты на своих местах»[{277}](#).

Первый массированный налет немецкой авиации состоялся 6 сентября. Сотни самолетов заволонили небо. Город бомбили жестоко, планомерно, бездушно. Через сутки налет повторился. Таня вместе с семьей привыкала спускаться в бомбоубежище. Под рукой всегда сумка с документами, продовольственными карточками, запасом продуктов. Очень скоро этих запасов не станет.

Телефонную связь в квартире Савичевых отключили 16 сентября.

Тем не менее в конце октября возобновились занятия в школе. Ленгорисполком принял решение открыть 103 школы. Таня Савичева ходила в школу № 35 по Кадетской линии: до нее от дома всего 5-10 минут. Она перешла в 4-й класс, училась прилежно. Класс ее был на третьем этаже, сейчас там музей ее памяти.

Норма выдачи хлеба детям была снижена до 200 граммов. Голод крадется аккуратно, неспешно. Он еще не сводит с ума, но ощущение вечной несытости становится привычным. А в школу... В школу ходят еще и потому, что там дают тарелку супа.

Обучение в блокадном Ленинграде — это отдельная тема для исследования. Достаточно сказать, что редкий урок не прерывался сиреной, оповещавшей о налете немецкой авиации или артобстреле. К этому быстро привыкли. Без паники и суеты школьники вместе с учителями спускались в бомбоубежище, и урок продолжался под гул вражеских самолетов и разрыв снарядов. Учителя писали два плана урока: для нормальной работы и на случай бомбежки.

В декабре 1941 года в большинстве школ занятия прекратили совсем, но 39 ленинградских школ продолжали обучение. Урок длился не более 25 минут, записей голодные дети не вели, да и при желании не смогли бы этого сделать: классы не отапливались, поэтому чернила просто застывали в чернильницах-непроливайках.

В ноябре разбомбили здание общежития Академии художеств. Дом был как раз напротив дома Тани Савичевой. Случайность уберегла в тот раз. Зачем? Пусть это прозвучит жестоко, но лучше умереть сразу под завалами со всей семьей, чем видеть, как уходят твои близкие, чем понимать, что ты осталась совсем одна. Но Город уже отметил эту девочку своей тяжелой десницей и вел по своим улицам, охраняя от людоедов, отводил бомбы. Ради девяти страниц маленькой записной книжки, которым суждено войти в историю.

Тринадцатого ноября в очередной раз снизили норму хлеба: 300 граммов — рабочим, 150 — детям и иждивенцам.

Шестнадцатого ноября в доме Савичевых отключили центральное отопление и водопровод.

У Савичевых пропал кот Барсик. В городе тут и там встречаются объявления: «Куплю собаку».

Город в условиях блокады старался изыскать внутренние резервы.

«С пивоваренных заводов увезли солод и дрожжи, у интендантов отняли лошадиный корм — овес, на кожевенных фабриках изъяли опойки, шкурки молодых телят. В торговом порту обнаружили тысячи тонн жмыха подсолнечника, в мирное время его сжигали в пароводных топках. Соскребли многолетнюю производственную пыль со стен и потолков в мельничных цехах, вытряхнули, выбили каждый мешок из-под муки и круп.

Ячменные и ржаные отруби, хлопковый жмых и шроты — выжимки сои, кукурузные ростки и проросшее зерно, поднятое водолазами со дна Невы из затонувших барж, — все, что годилось или могло сгодиться в пищу, взяли на строгий учет и под охрану»^{278}.

И все же массового голода еще не было. Люди гибли от обстрелов артиллерии и авианалетов. А потом...

Двадцатого ноября вновь снижена норма выдачи хлеба: 250 граммов — рабочим и 125 — детям и иждивенцам. Эта норма продержится целый месяц до 25 декабря.

И вот тогда пришел Голод.

Самое безопасное и теплое место в квартире — кухня. Окна выходят во внутренний двор-колодец, нет нужды закрывать их фанерой. Вероятность попадания бомбы в колодец двора практически нулевая. Дядья откуда-то раздобыли буржуйку. Савичевы решили жить вместе, питаться вместе — одной большой семьей. Им казалось, что так легче обмануть смерть.

Водой приходилось запасаться впрок. Хорошо только дворнику: у него в дворницкой жилконтора поставила бак-кипяtilьник. Теперь там всегда тепло и есть горячая вода. Кипяток продается с часу до трех дня по одному литру на человека: 3 копейки за литр. Если выпить много горячей воды разом, то на какое-то время можно обмануть голод. Но такое злоупотребление

приводит к водянке: начинают распухать руки и ноги, лицо становится отечным, как после похмелья.

По официальным данным, в ноябре от голода и бомбежек в Ленинграде умерло 11 085 человек, из них 2012 детей в возрасте до одного года. В декабре — 52 881 человек, детей до года — 5959...

Савичевы живут вместе... кроме Жени. Та по-прежнему ходит на работу из своей квартиры на Моховой. Ее норма служащей такая же, как у Тани — 125 граммов. Объяснение здесь только одно: она не хотела обременять семью своим присутствием, своим лишним ртом, как бы грубо это ни звучало!

На улице —30, отопление не работает, стоят трамваи, заметенные снегом. Люди бредут медленно, как тени из загробного мира, и это не фигура речи. Присаживаются в сугроб, чтобы отдохнуть несколько минут, и больше не встают никогда. Трупы свозят на пустырь возле Пискаревки. Там еще в 1939 году появилось кладбище — хоронили солдат, погибших на финской войне. Земля мерзлая, рвы взрывают динамитом. И штабеля трупов вокруг.

Жене все хуже.

Первую запись в блокноте Таня сделала 28 декабря. Умерла сестра Женя. Умерла в своей квартире на Моховой. За несколько дней до смерти ее навещала мать, Мария Игнатьевна. Женя уже не выходит на работу. Просто лежит на кровати, закутавшись в ворох одеял и пальто. Сил нет, чтобы затопить буржуйку. Сил нет, чтобы отovarить карточки. Взгляд ее безумен. Мать топит печурку обломками стульев, греет чай. Женя привстает, пьет горячую жидкость, взгляд ее не теплеет. Три дня назад увеличили норму выдачи хлеба на 50 граммов, но ее это уже не может спасти. Когда через несколько дней Нина вновь приходит навестить сестру — та угасает у нее на руках. Часы. Настенные. С боем. Время — 12.30.

Когда маленькой одиннадцатилетней девочке приходит мысль вести отчет смертям в блокноте? Когда и почему? Это не дневник в полном смысле этого слова. В нем больше нет никаких других записей. Только фиксация смерти.

Таня достает из шкафа тоненький блокнот, берет синий карандаш и пишет: «**Женя умерла 28 дек в 12.30 час утра 1941 г**». Немного думает и подчеркивает имя сестры: «**Женя**». Это будет первое и единственное подчеркивание в ее дневнике. Буквы не ровные, но еще такие, как учили в школе по прописям: вензель над буквой «т», в букве «р» орфографический крючок. Потом письмо станет небрежнее, жестче, и «т» превратится в «т», «р» станет кружочком с черточкой.

Одиннадцатилетняя девочка вдруг решает писать некролог собственной семьи. Эту мысль нам надо вместить в наше светлое и спокойное настоящее и понять простую вещь: сам Город пишет свою короткую и страшную летопись Таниной рукой. Потому что на девяти страницах блокнота — вся летопись Ленинградской блокады!

Карточки умерших полагалось сдавать вместе с другими документами, иначе не выдавали свидетельства о смерти. Смерть Жени скрывали два дня, получая за нее хлеб. Так делали многие ленинградцы в то время. Мертвые с того света помогали живым. Женю похоронили на Смоленском кладбище, там же, где лежали отец Николай Родионович и умершие от скарлатины брат и две сестренки.

В первых числах января Таня получила пригласительный билет на новогоднюю елку. Ленгорисполком на заседании от 23 декабря 1941 года протоколом № 57 п. 33 утвердил проведение в Ленинграде новогодних елок для детей. Были привлечены средства профсоюзов в размере 60 тысяч рублей. Обеды обеспечивал Ленглавресторан, подарки

для детей — отдел торговли Ленгорсовета. Стоимость елки для детей составляла пять рублей, при этом были предусмотрены бесплатные билеты для семей военнослужащих, пенсионеров и остро нуждающихся^{279}. Обед — горячая чечевичная похлебка, макароны с котлетой, хлеб и желе. Подарки — несколько шоколадных конфет и мандарин. История о том, как мандарины попали в блокадный Ленинград, обросла многими домыслами, подробностями. Но на самом деле все было просто и буднично, как на войне. Полуторку с мандаринами доставил по льду Ладожского озера водитель Максим Твердохлеб.

Двадцать четвертого января 1942 года прибавили еще 50 граммов к суточной норме хлеба. Это был праздник для всех Савичевых. Но длился он недолго. На следующий день умерла бабушка Тани, Евдокия Григорьевна, но в свидетельстве о смерти стоит дата 1 февраля. Почти неделю Савичевы пользовались ее хлебной карточкой. И жили в одной квартире с покойницей. Таня вновь открыла записную книжку, нашла букву «Б» и записала: «**Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.**». Это вторая запись в ее блокноте. Боялась ли Таня на него глядеть? Брала ли в руки в другие дни и часы? Или прятала в ящик комода и старалась забыть о нем, не думать, вычеркнуть из памяти, из настоящего? Я пытаюсь поставить себя на ее место. Этот блокнот должен жечь руки. Это не дневник. Это могильная плита. Книга мертвых. Но Таня находит в себе силы делать в нем записи.

Очередная прибавка блокадной нормы хлеба 11 февраля довела ее до всеобщей: рабочим — 500, служащим — 400, иждивенцам и детям — 300. Но дистрофия у тысяч людей уже была необратимой.

Со смертью бабушки дом обезлюдел. Дядья жили у себя в квартире этажом выше, Савичевы продолжали

ходить друг к другу в гости, но пустоту уже было не спрятать.

В феврале 1942-го пропала Нина. Ушла на завод и не вернулась. Таня так и не узнала, что завод, на котором она работала, вместе с сотрудниками в срочном порядке эвакуировали. У нее не было времени и возможности сообщить об этом семье. Получается, пропала без вести. Как это бывает в Ленинграде сплошь и рядом. Умирают в сугробах, на производстве, просто пропадают без следа... Но Таня не знала об этом доподлинно, она не видела ее тела, ей никто не сообщил о смерти. И она не сделала в своем блокноте никакой записи по поводу Нины. Это может показаться странным, но если сам Город писал рукой девочки, то Город же и давал надежду. Сделать запись — это как вынести приговор. И Таня не трогает свой страшный блокнот.

«Чудо готовилось долго. В феврале начали расчищать трамвайные пути и сращивать оборванные провода. Но все равно трудно было поверить, что замерзшие на проспектах и улицах вагоны придут в движение. И вот 5 марта от Технологического института проехал по Загородному грузовой трамвай, а после воскресников и субботников пошли пассажирские поезда»^{280}. Город боролся. И люди боролись, не сдавались.

О смерти Леки сообщила его подруга Валя. Он умер на Судомеханическом заводе во время работы. Лека стал первым, кого Савичевы не смогли похоронить. Его отвезла на Пискаревское кладбище похоронная команда, собиравшая трупы на улицах, в квартирах и на предприятиях.

Таня открывает блокнот на букве «Л»: «**Лека умер 17 марта в 5 часутр в 1942 г.**». Это слитное «часутр» выбивается из общего ритма. Так пишут в полуобморочном состоянии, забывая пробелы, путая склонения и падежи.

В марте только одним трестом «Похоронное дело» похоронено 89 968 человек. Это последствия дистрофии и жуткой блокадной зимы. Первой зимы, самой страшной и самой холодной на свете.

Весну ждали с тревогой: растает лед, прервется Дорога жизни.

Весну ждали с надеждой: разрешат огороды, начнет расти трава.

13 апреля умирает дядя Вася. Василий Родионович Савичев.

Город выводит Таниной рукой: **«Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г.»**.

Блокнот пухнет от боли.

«4 мая в Ленинграде открылось 137 школ. К учебе вернулись почти 64 тысячи ребят. Медицинский осмотр показал: из каждых ста лишь четверо не страдают цингой и дистрофией»^{281}.

Дистрофия продолжала уносить жизни тысяч ленинградцев. В каждом районе Ленинграда открывались столовые усиленного питания. Попасть туда можно было лишь по направлению врача. К началу мая к ним прикрепили 100 тысяч больных.

В мае на Васильевском острове съели всю акацию. В блокноте появилась еще одна запись: **«Дядя Леша 10 мая в 4 ч дня 1942 г»**. Листок с буквой «Л» занят записью о Леке, поэтому Таня пишет на развороте. Слово «умер» она пропускает. Не из страха, не из суеверия. В этом слове больше нет необходимости. Блокнот настолько напился смертью, что все понятно без слов. К чему тратить лишние силы?

Уже лежит и не встает мама. Желудок ее сохся от голода. Дистрофия достигла необратимых последствий. Это когда человек еще жив, но его уже ничем не спасти и счет идет на дни, а то и на часы.

Тринадцатого мая появляется самая мучительная запись в блокноте Тани Савичевой на странице с буквой

«М»:

«Мама в 13 мая в 7.30 час утра 1942 г».

Всё.

Голодные дети сами не встают в 7.30 утра. Поэтому точное время Таня могла знать лишь в одном случае: она заснула рядом с мамой, обнимая ее, стараясь согреть, а проснулась оттого, что самый родной на свете человек вдруг стал холодным.

Трудно представить, какой личный ад ей пришлось пережить в эти минуты. Пустая квартира. За окном из громкоговорителя раздается привычный звук метронома, но жизни уже нет. Вот мама. Еще вчера она пыталась говорить, улыбалась сквозь силу, а сейчас она лежит, пустая и холодная. И не хватит дров во всем блокадном Ленинграде, чтобы ее согреть.

Маму увезли на Пискаревку в тот же день. Помогла соседка Ираида Ивановна. До утра следующего дня Таня остается одна в своей квартире. О чем она думала? Что вспоминала? Маленькая одиннадцатилетняя девочка, оставшаяся одна на всем белом свете...

На столе лежит блокнот. Лист с буквой «Т» пока чист, не запятнан. И, наверное, в этот момент к ней приходит Город. Худой, высокий, с ввалившимися щеками, пахнущий Невой и промасленными канатами, болотом и порохом. Он молча указывает ей на блокнот: еще не все написано, не все, надо подвести черту и поставить точку в этом некрологе.

Где смерть твоя, Город? Смерть моя в блокноте. Блокнот в ларце, ларец в девочке, девочка уже мертва, но не знает об этом. Будет смерть моя лежать за семью печатями, за семью замками, за стальными дверями в железном ящике, в хранилище. Сторожить ее будут злобные собаки с Египетских берегов. И быть по сему во веки вечные до скончания мира. Пиши, девочка! Так и запиши!

Таня вновь открывает свой блокнот. Находит страницу с буквой «С» и старательно выводит слабой рукой: «**Савичевы умерли**».

Перелистывает, находит букву «У»: «**Умерли все**».

И последняя запись на букве «О»: «**Осталась одна Таня**».

Молодец, девочка, молодец, милая, шепчет Город. Мы с тобой крещены голодом, а значит, неразлучны теперь во веки вечные. Вспомнят меня — и тебя помянут... Образ худого старика начинает таять в сгустившихся утренних сумерках. А был ли старик? А была ли девочка?.. Дай нам, Господи, сил не сойти с ума!

На следующий день Таня «отправилась к бабушкиной племяннице — тете Дусе... Евдокия Петровна Арсеньева жила в коммунальной квартире на Лафонской улице (дом 1а, комната 3), которая называлась так по фамилии одной из начальниц Смольного института. В 1924 году она была переименована в улицу Пролетарской диктатуры, но горожане по-прежнему продолжали называть ее Лафонской»^{282}. Расстояние для голодного ребенка неблизкое. Но уже что-то менялось в сопротивляющемся Городе.

«Ленинградская правда» напечатала 12 апреля постановление «О возобновлении пассажирского трамвайного движения». Началась нормальная эксплуатация пяти маршрутов. С Васильевского острова к Лафонской улице можно было доехать на трамвае двенадцатого маршрута»^{283}.

Евдокия Петровна была коренной ленинградкой. После смерти родителей в 1918 году их разлучили с сестрой Ольгой. Евдокия отправилась нянькой в деревенскую семью, а Ольгу поместили в детский дом в Царском Селе. Еще до войны сестры нашли друг друга и приняли совместное решение вернуться в Ленинград. Евдокия Петровна устроилась работать на слюдяную

фабрику. Вынужденная разлука сделала ее характер нелюдимым, замкнутым, и дороги сестер во взрослой жизни вновь разошлись.

Вещей с собой Таня не взяла. Исключение составила небольшая лакированная шкатулка с красивой палехской росписью, в которой хранились мамина свадебная фата, венчальные свечи, свидетельства о смерти Савичевых и... блокнот.

«С Васильевского острова тетя Дуся перевезла в свою комнату на хранение многие вещи Савичевых и взяла опеку над Таней. Уходя на работу, отправляла ее на воздух, на солнце, а комнату запирала на ключ. Нередко случалось, по возвращении заставала Таню, спящую прямо на лестнице.

Дистрофия прогрессировала, необходимо было срочно помещать Таню в стационар. И в начале июля 1942 года тетя Дуся, сложив с себя опеку, определила ее в детский дом № 48 Смольнинского района, который готовился тогда к эвакуации в Горьковскую область»[{284}](#).

Об отношении тетки к Тане Савичевой мы можем почерпнуть скудную информацию из письма Василия Крылова Нине Савичевой, находившейся в эвакуации вместе с заводом.

«Дорогая Ниночка!

Какое счастье, что ты нашлась. Меня ведь, как и тебя, внезапно, прямо из цеха отправили — Оказывается, мы совсем рядом трудились. — Потом нашу бригаду откомандировали в — В общем, вернулся не скоро, мои уже не надеялись, что живой.

Получив твое письмо, сразу пошел к вам и узнал от соседей, что все Савичевы — а Таню забрала к себе со всеми вещами Арсеньева Евдокия Петровна. Наведя справки, пошел на Лафонскую. Квартира в бельэтаже.

Танюша спала прямо на лестнице. Тетка, уходя на работу, запирает комнату, боится за барахло.

Танюша здорово вытянулась, но очень худая и неухоженная, больная. Очень обрадовалась, что ты жива-здоровая и хорошо устроилась в колхозе. Рассказала, как вся ваша семья — один за другим. Я, как назло, забыл дома твой адрес, договорились, что принесу в другой раз, но выбраться скоро не — и хотелось поднакопить хлеба, продуктов каких-нибудь. У нас с этим, — Нина? Прости, но больше я Танюшу не видел. Десятого или одиннадцатого июля тетка сдала ее в детдом, сложив с себя опеку. Очень что-то недолго оно продолжалось... Детдом срочно был — на Большую землю. Куда точно, узнать не удалось. Арсеньева Е. П. и на порог не пустила. Разговаривала так, будто я ее грабить пришел.

Ниночка, не переживай особенно! Это хорошо, что Танюшу вывезли. Сейчас идет — Кроме того, — Но мы все равно выстоим! Думал обрадовать тебя, а вышло наоборот. Прости.

Жду в Ленинграде!

12. VI. 42 г. Твой верный...»[\[285\]](#).

Прочерками обозначены слова и фразы, зачеркнутые, скорее всего, военной цензурой.

Это письмо говорит нам об одной простой вещи: Таня узнала, что ее сестра жива. То есть обрела хоть какой-то смысл жизни, понимая, что не одна осталась на этом свете, что есть небольшой, но шанс встретиться, воссоединиться. Что сестра узнает, не бросит и найдет...

Во второй половине июля детский дом № 48 был эвакуирован из Ленинграда. 140 детей вырвались из блокадного кольца. Вместе с ними была и Таня. «Эшелон, в котором находились ленинградские дети, неоднократно попадал под бомбежки и только в августе 1942 года прибыл, наконец, в село Красный бор, расположенное в 25 километрах от Понетаевки[\[34\]](#).

Детей разместили в одном из зданий средней школы, где они должны были пройти двухнедельный карантин. 140 истощенных, больных и раненых, измученных тяжелой дорогой ребятишек выхаживало все село»^{286}.

Таня была самым тяжелым ребенком из всей партии, и слово «тяжелый» здесь не о весе. Она также была единственным ребенком, который был болен туберкулезом, из-за чего ее не допускали к другим детям, и единственным человеком, который с ней общался, была приставленная к ней медсестра Нина Михайловна Середкина. Эта сердобольная женщина делала всё, чтобы облегчить Танины страдания, и через какое-то время Таня самостоятельно могла ходить на костылях, а позже передвигалась, держась руками за стенку. Но здоровье ухудшалось. В конечном итоге ее перевезли в дом инвалидов в селе Понетаевке. Это случилось в марте 1944 года, когда уже был освобожден от блокады Город, надиктовавший ей смерть.

Дальше Тане становится только хуже. У нее обостряется туберкулез, и девочку помещают в инфекционное отделение Шатковской больницы. Последним человеком, который ухаживал за Таней, была санитарка Анна Михайловна Журкина.

В начале 1944 года, после тяжелого ранения, брата Тани, Михаила Савичева, переправили в госпиталь в Ленинград, уже освобожденный от фашистской блокады. Он долго и тяжело восстанавливался после ранения. Еще находясь в госпитале, попытался разузнать о судьбе Тани, сделал запрос во все районные центры Горьковской области. Одна добрая душа откликнулась.

«Ленинград, 9 П/Я 445, палата 20, Савичеву Михаилу
Уважаемый товарищ Савичев. Получив Ваше письмо, я спешу ответить о Вашей сестре. Тани у нас нет. Она в соседнем детском инвалидном доме. Я ее бывшая воспитательница и пишу о ней. Она приехала

дистрофиком. Затем постепенно поправилась. 9 месяцев не вставала. Но затем у нее получилось нервное потрясение всего организма. И эта болезнь у нее прогрессировала. У нее потеряно зрение, она уже не могла почти читать, тряслись руки и ноги. А потому ей нужно было лечение, но в наших условиях это невозможно.

Ваше письмо и телеграмму я посылаю ей. Ее адрес: Горьковская область, Шатковский р-н, Понетаевский д/инв. С приветом!

А. Карпова

Открытка Карповой пришла весной. От Тани не получили ни строки. Ни весной, ни летом — никогда»^{287}.

Последствия блокады, цинга, нервное потрясение и туберкулез окончательно подорвали ее здоровье.

Таня Савичева умерла 1 июля 1944 года от туберкулеза кишечника. Ей было 14 лет. Она стала единственной умершей из всех прибывших тогда детей детского дома № 48. Перед смертью у нее невыносимо болела голова.

Похоронили ее в тот же день на местном кладбище, а Анна Михайловна Журкина по велению сердца стала ухаживать за Таниной могилой. Сердобольная натура русского человека: придет своих ушедших навестить, заодно у могилки безродной девочки посидит, сорняки вырвет, оградку подправит.

В 2000-х годах рассматривался вопрос о перезахоронении Тани: символ блокады должен лежать на Пискаревском кладбище. Но запретила перенос сестра Нина, которая до конца своих дней продолжала жить в Петербурге. В этом решении есть внутренняя правда русского человека: негоже тревожить мертвых. Пусть всё останется так как есть.

Нина Савичева умерла 6 февраля 2013 года в возрасте 94 лет.

На этом историю можно было бы закончить, если бы не блокнот. Его Нина нашла в той самой палехской шкатулке, которая вместе с остальными вещами Савичевых хранилась у Е. П. Арсеньевой в ее квартире на Лафонской улице. «У тети Дуси оставаться не хотелось и Нина разыскала Беллу Велину — вторую жену Юрия (бывшего мужа сестры Жени), которая, со слов И. Л. Миксона: «работала переводчицей в штабе и жила, как многие другие военные и вольнонаемные, на Литейном проспекте, в Доме Красной Армии». Она-то и познакомила Нину с майором Л. Л. Раковым»^{288}.

Лев Львович Раков был личностью в высшей степени незаурядной. Он с 1931 года работал в Эрмитаже, его не обошел маховик репрессий (целый год с 1938-го по 1939-й он провел в одиночной камере по подозрению в участии в «контрреволюционной меньшевистской организации»). После снятия обвинений был восстановлен в должности ученого секретаря Эрмитажа, позже возглавил там отделение оружия и военного дела. В июле 1941-го добровольцем пошел на фронт, воевал под Синявино, прорывал блокаду Ленинграда. Войну закончил в звании полковника.

В 1947 году Л. Л. Раков был назначен директором публичной библиотеки, но проработал в должности всего три года. В 1950 году во время кампании по борьбе с космополитами его повторно арестовали, приговорили к высшей мере наказания — расстрелу, который был заменен 25 годами тюрьмы с полной конфискацией имущества. Отбывал заключение Л. Л. Раков во Владимирской тюрьме. Его сокамерником был писатель и философ Даниил Андреев.

В этом должен быть промысел судьбы или воля Города, чтобы блокнот Тани Савичевой попался на глаза именно такому человеку, мгновенно оценившему его уникальность и ценность для истории. И «он предложил Нине поместить блокадный дневник в экспозиции

выставки «Героическая оборона Ленинграда», в формировании которой он с конца 1943 года по поручению Политуправления Ленинградского фронта принимает активнейшее участие. <...> В декабре 1943 года Военным советом Ленинградского фронта было принято Постановление № 1823 о размещении этих выставок в Соляном городке в помещениях бывшего сельскохозяйственного музея, но уже с новым названием — «Героическая оборона Ленинграда»^{289}. Это был первый шаг к созданию Музея обороны Ленинграда, который появится через два года 27 января 1946 года.

Новый «музей занимал весь комплекс зданий так называемого Соляного городка в квартале, ограниченном Соляным переулком, улицей Гангутской, набережной реки Фонтанки, улицей Пестеля. Отмечая масштабность музея и интерес к нему широкой публики, необходимо отметить, что прежде всего это был военный музей. И несмотря на то, что именно здесь впервые были представлены блокадные дневники и символ самого тяжелого блокадного времени — зимы 1941/42 — 125-граммовый кусок хлеба, главными героями экспозиции музея были не жители и защитники города, а коммунистическая партия и руководство страны»^{290}.

Судьба музея сложилась трагично. Как учреждение культуры его ликвидировали в 1953 году. Его экспозиция была признана идеологически ошибочной, «извратившей ход исторических событий», и в 1949 году музей был закрыт.

Окончательно его уничтожили после Распоряжения Совета министров РСФСР от 21 января 1953 г. № 239-р. Исполкому Ленгорсовета было дано указание ликвидировать Музей обороны Ленинграда, фонды передать Государственному музею истории города Ленинграда.

А что же блокнот Тани Савичевой? С тех пор он и находится в музее истории Города. И в этом тоже есть определенная воля судьбы, предопределенности, — называйте, как хотите. Бесчисленные копии дневника разошлись по всему миру.

Бытует легенда, по которой блокнот Тани Савичевой явился одним из обвинительных документов на Нюрнбергском процессе. К сожалению, это всего лишь легенда, которая кочует из статьи в статью, включается в стихотворения, но оснований под собой не имеет. В 1961 году вышло семитомное издание «Нюрнбергский процесс», и Таниных записей в перечне обвинительных документов нет.

А Город не обманул. С тех самых пор, говоря о блокаде Ленинграда, мы вспоминаем маленькую девочку, похоронившую свою семью и умершую от дистрофии и болезней.

«19 мая 1972 года в Шатках на могиле Тани была поставлена небольшая памятная плита, а рядом по предложению местных школьников сооружен памятник, запечатлевший в металле страницы блокадного дневника на красной кирпичной стене, символически изображающей разрушенное бомбами здание. Этот проект предложил ученик девятого класса Дима Курташкин. И только через девять лет (31 мая 1981 года) на самой могиле был сооружен гранитный памятник с бронзовым барельефом-портретом Тани (скульптор Т. Г. Холуева, архитекторы Б. Ф. Холуев, Гаврилов). Позже рядом с кладбищем оформили площадь, на которой поставили памятник Матери-Родине, ставший композиционным центром мемориального комплекса. А неподалеку одну из улиц назвали именем Тани Савичевой»^{291}.

Чуть позже, после установки памятной плиты ее именем назвали одну из малых планет Солнечной системы — астероид № 2127, открытый советским

астрономом Людмилой Ивановной Черных 29 мая 1971 года. Международный планетарный центр утвердил названия новых планет, открытых советскими астрономами в 1980 году.

Так появилась планета **Таня**.

В этом есть элемент мифотворчества: одна во всей Вселенной, в бескрайнем черном космосе, как тогда, 13 мая 1942 года в своей квартире на Васильевском острове.

Будем честны: если бы Таня осталась жива, не получилось бы мифа; трагедия бьет нас наотмашь только тогда, когда она полна и безысходна. И вновь приходится вспоминать Федора Достоевского и его «слезинку одного ребенка», которого необходимо замучить для всеобщего счастья. Да будь проклято такое счастье!

За время блокады в Ленинграде умерло от голода и бомбежек 632 тысячи человек. Такая цифра фигурировала на Нюрнбергском процессе. Но в нее не входят неопознанные блокадники, погибшие в черте города и умершие во время и после эвакуации.

Таня Савичева в эту статистику не вошла.

Она вошла в вечность.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ МАДОННА

Ольга Федоровна Берггольц,

поэтесса

Десятого ноября 1908 года молодой студент медицинского факультета Дерптского университета Федор Христофорович Берггольц написал письмо своей подруге: «Здравствуйте много и премногоуважаемая Мария Тимофеевна! Вас, наверное, несколько удивит мое решение написать Вам в данное время, когда, быть может, Вы давно уже вычеркнули меня из списка даже просто знакомых. Тем не менее я не могу не поблагодарить Вас от чистого сердца за Ваше внимание, которое Вы проявили ко мне, и тем самым напомнить Вам опять о своем существовании. Я, быть может, виноват во многом перед Вами, оправдываться в данное время во всем этом я считаю нецелесообразным, я это откладываю до более удобного случая; на бумаге всего не выскажешь. Но смею Вас уверить, что память о Вас, несмотря на мою неаккуратность в ответах, никогда не покидала меня. Если взор мой за Невской заставой мог отдохнуть и остановиться на ком-либо как на воплощении человека, в лучшем смысле этого слова, то только на Вас, Мария Тимофеевна. Мысль эту я высказывал себе не раз. Все это я пишу к тому, чтоб подчеркнуть наиболее густо то впечатление, которое я вынес от Вас, и чтоб рассеять то состояние, в котором находитесь или же будете поставлены моим письмом. Вот все то, что я могу открыть перед Вами. Жму Вашу

руку в ожидании более подробного и откровенного суда. Ваш полностью Ф. Берггольц»^{292}.

Федор Христофорович, сын управляющего Александро-Невской мануфактурой «К. Я. Паль», конечно же, был прощен Марией Грустилиной, бедной девушкой без приданого. Молодые вопреки воле родителей обвенчались и через два года родилась Ольга Берггольц — поэтесса, которой суждено было стать голосом блокадного Ленинграда.

Феномен Ольги Берггольц — это феномен попадания в нерв времени. В блокадном городе были и другие поэты, не меньшего дара. Вообще о Берггольц, да простят меня ее поклонники, можно говорить, как о крепком, талантливом поэте, но крупный поэтический дар, равный Ахматовой, Пастернаку, Мандельштаму, Луговскому, Корнилову у нее, конечно же, отсутствовал. А в блокадном Ленинграде, в войсках Ленинградского фронта воевали, выживали и творили Михаил Дудин, Эдуард Асадов, Владимир Лифшиц, Елена Вечтомова. Да что там, Анна Ахматова застала кусок блокады перед эвакуацией в Ташкент. Но Ленинград выбрал Берггольц. Это ее тихий голос давал измученным людям надежду, веру, воскрешал из мертвых, вливал силы в окоченевшие руки и ноги. В чем магия? В чем секрет? «Блокадная Мадонна», «наша Оля», «блокадная муза»... Из автора милых, но малоизвестных детских книжек и сценариев она, сама того не понимая и не желая, стала голосом Города. А Город не ошибается.

Попробуем разобраться в этом чуде!

Ольга Берггольц родилась 18 мая 1910 года, менее чем через шесть месяцев после свадьбы родителей. Этому, конечно же, было объяснение. Федор Христофорович оказался честным молодым человеком и женился на девушке, зачавшей от него ребенка. Он перевелся из Дерпта в Санкт-Петербург и продолжил обучение в Военно-медицинской академии. Не все

гладко было в их семье. Свекровь травила Марию Тимофеевну: за бедность, за зачатого в грехе ребенка, просто за то, что она оказалась рядом с ее сыном.

Маленькая Оля стала жить в доме Берггольцев на Палевском проспекте. Федор Христофорович «перевелся обратно в Тартуский университет, а Мария Тимофеевна, оставив дочь на попечение бабушки и дедушки, уехала работать в город Боровичи Новгородской губернии преподавательницей кройки и шитья... Мария Тимофеевна была вынуждена вернуться под крышу дома Берггольцев, когда вновь забеременела. В конце августа 1912 года она родила вторую дочь — Марию»^{293}. Впоследствии в автобиографической повести «Дневные звезды» Ольга Берггольц вернется к тем далеким детским воспоминаниям и опишет Невскую заставу и уютный мещанский быт патриархальной семьи. И все это будет вплетено в ткань блокадного Города, в ежедневную смерть от голода и холода. И само это ощущение конечности жизни, страсти, взлетов, ежеминутного горения (как перед смертью, как в последний раз) станет центральным мотивом в ее творчестве.

В 1914 году отец Ольги завершил, наконец, учебу в Дерптском университете, «но уже в сентябре был призван в армию... В октябре 1915 года отец побывал дома. Привез дочерям в подарок немецкую каску, всей семьей сходили в зоопарк и снялись в фотоателье: Христофор Фридрихович, Ольга Михайловна, Федор Христофорович, Мария Тимофеевна, Ольга и Муся»^{294}.

Но вскоре отец снова уезжает на фронт и там встречает сестру милосердия Варвару Николаевну Бартеневу. У них случился роман. Мария Тимофеевна догадывалась, почему муж не очень-то стремится к семье, и это стало для нее ударом. Их брак начинает медленно, но верно разрушаться.

И вот наступила революция. «Участок на углу Палевского и Шлиссельбургского проспекта сожгли почему-то не в феврале, а в октябре семнадцатого года, — вспоминала Ольга. — Утром мы ходили с мамой на проспект и видели, как еще дымились развалины участка, а по Шлиссельбургскому мчались грузовики, в кузове которых, опираясь на ружья, стояли рабочие в кожанках и матросы, крест-накрест опоясанные пулеметными лентами, и ветер раздувал у них на груди огромные красные банты.

После революции, когда жизнь в доме на Палевском стала совсем тяжелой, свекровь прямо сказала невестке, что та должна искать пропитание себе и дочерям. Тогда Мария Тимофеевна взяла детей и в начале июня 1918 года уехала с ними в Углич, где жили родственники»^{295}. Об этом периоде жизни у Ольги Берггольц останутся самые яркие и светлые детские воспоминания. Несмотря на тяжелые условия жизни (они поселились в келье Богоявленского монастыря), на недостаток хлеба, маленькая Оля своим неопытным детским сердцем что-то узрела в суровых монастырских стенах, в людях, населявших монастырь, в самом неспешном угличском укладе, — месте определенно сакральном для всей русской истории. И эту глубинную память (нет, не счастья, но возможности иной судьбы, иного человеческого предназначения, иных временных координат) она сохранила на всю оставшуюся жизнь.

Уже в Углич за ними приехал отец, теперь красный командир, начальник медицинского военного поезда.

«Мне было десять лет, а сестре восемь, когда однажды утром я проснулась и вдруг увидела, что какой-то военный стоит посередине кельи, спиной к нашей кровати. Его красноармейская шинель была нараспашку, в правой руке он держал мешок, а левой обнял маму и, быстро похлопывая ее по плечу, говорил негромко:

— Ну, ничего, ничего...

Невероятная догадка озарила меня.

— Муська, — закричала я, — вставай! Война кончилась! Папа приехал!

Тут папа обернулся, шагнул к нашей кровати, и мы оцепенели от страха: голова у него была бритая, лицо худое, темное и без усиков, а мы знали, что он должен быть с красивыми усиками и волнистыми волосами: мы почти семь лет — с тех пор как он ушел на войну еще с германским царем Вильгельмом — знали его по студенческому портрету и давно забыли, какой он — живой»^{296}.

С отцом Ольге Берггольц пришлось знакомиться практически заново, заново узнавать его, привыкать к нему. Сложные отношения останутся у них надолго, пока новая война и новые испытания не толкнут их друг к другу, заставляя проснуться дремавший голос родной крови.

Федор Христофорович в 1921 году перевез семью обратно в Петроград. Чтобы не попасть под уплотнение, в двухэтажный дом Берггольцев вселилась и семья Грустилиных, а вскоре и еще несколько семей хороших знакомых, практически родственников. Дедушка Ольги, Христофор Берггольц, был выбран домоуправом. Ольга и Муся были записаны в 117-ю школу на Шлиссельбургском проспекте. Оля начала писать первые детские стихи. Мать трепетно относилась к увлечению дочери, всячески поощряла и бережно хранила каждый исписанный неумелыми строфами листок.

Ольга росла во времени, взрослела вместе с молодой республикой Советов, с ее подвигами, с ее трудностями. Как и сотни тысяч мальчишек и девчонок, чье детство пришлось на смену эпох, она восторженно приняла новую жизнь, идеи строительства коммунизма и братства народов. В этом не было карьеризма или

подпевания общей линии. Это всё шло из глубины души, искренне, с огромной верой в светлое будущее. Дети революции, не видевшие ужасов Гражданской войны, смертей, братоубийственной бойни, — только они и могли построить новый светлый мир. А самое главное, они твердо знали, что ИМ суждено его построить.

В 1924 году умирает Ленин. «...Смерть Ильича была для нашего поколения тем рубежом, с которого мы из детства шагнули прямо в юность, почти миновав ту тревожную, неопределенную пору, которую называют отрочеством... Я написала о том, что тогда было:

Как у нас гудки сегодня пели!
Точно все заводы
встали на колени.
Ведь они теперь осиротели.
Умер Ленин...
Милый Ленин...

...когда я написала свое самое первое стихотворение о революции, о Ленине, я прочитала его папе... Через два дня он пришел с работы важный, даже какой-то напыщенный, и в то же время явно ликующий — он совершенно не умел прятать радость, хоть на время прикрывать ее важностью или безразличием, ему не терпелось раздать ее другим. В то же время он не умел жаловаться на невзгоды — он стыдился, если был несчастен, точно сам был виноват в этом.

— Ну, Лялька, дела обстоят так... — важно начал он и тут же воскликнул, хлопая в ладоши: — Напечатали! Понимаешь, в нашей стенгазете напечатали! Сказали — отлично. Поздравляю. Теперь, пожалуй, ты настоящий поэт: напечатали.

Мне стало ужасно приятно и даже страшно. Я покраснела, выскочила в другую комнату и, закрыв

глаза, расставив руки, немножко, но очень быстро покружилась, как тогда, когда была маленькой. Потом посмотрела на себя в трюмо: ну-ка, какая я стала после того, как мое стихотворение напечатали? Ведь я же теперь... настоящий поэт».[{297}](#).

С этого момента начинаются восторженность и одержимость революцией, жажда подвига, геройства. Ольге хочется броситься на баррикады, как герои Парижской коммуны. Все это, безусловно, поощрялось в советской системе воспитания, в пионерских и комсомольских организациях, набиравших силу и массовость, но напрасно относить эту вовлеченность в советское настоящее только лишь на счет пропаганды. Для людей, на глазах которых творилась история, произошла смена вех и начался невиданный за все время существования человечества эксперимент, — слова Ленин, партия, коммуна, труд — не пустой звук. Молодые люди по всей стране вовлекались в процесс даже не строительства коммунизма, но конструирования новой реальности, в которой человек человеку — брат. И эта великая идея захлестнула их с ног до головы, понесла вперед, навстречу новому будущему, которое просто обязано быть светлым. Не осталась в стороне от этих процессов и Ольга.

Ее стихи и очерки начинают появляться в газете «Ленинские искры». Примерно в это же время к шестнадцати годам Ольга начинает посещать литобъединение для рабочей молодежи «Смена». Занятия проходят несколько раз в неделю в Домпросвете, знаменитом Юсуповском дворце. Сюда приходили начинающие поэты Борис Корнилов, Геннадий Гор, Александр Решетов и др. Руководил «сменовцами» Илья Садофьев, поэт, ныне известный только литературоведам, а тогда — глава Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов, получивший благосклонную оценку своих стихов

от самого Брюсова. Также одним из руководителей «сменовцев» был Виссарион Саянов, чьи хулиганские и даже приклатненные стихи были очень популярны в молодежной среде того времени.

Ольгины же ранние стихи совершенно неотличимы от тысяч девичьих опусов, которые пишутся во все времена молодыми девушками в 14–15 лет:

Я дева белой молочной ночи,
Меня творили Невы напевы,
Гляди смелее, гляди мне в очи,
Ведь я, — не бойся, ночная дева...

Скромный талант просвечивается, как можно видеть из приведенного отрывка, но не более того.

Впрочем, Ольгу в «Смене» запомнили и отметили. В первую очередь ее недурственную внешность. Но и стихи с определенными оговорками были приняты. Ольгу Берггольц зачислили в разряд «подающих надежды» — самый жуткий, страшный и бессмысленный разряд для поэта. В нем можно остаться до конца дней и так никогда и не выбраться в большую литературу.

«Смена» входила в Ленинградскую ассоциацию пролетарских писателей (ЛАПП), которая, в свою очередь, являлась частью Российской ассоциации (РАПП). Во второй половине 1920-х годов это новое писательское объединение по своему размаху вытеснило все остальные писательские группы и течения. Ольга Берггольц совершенно сознательно и искренне влилась в организацию, претендовавшую на создание нового литературного кода молодой республики Советов. Судьба многих рапповцев незавидна: РАПП вместе с ВОАПП (Всесоюзным объединением) были ликвидированы Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-

художественных организаций» от 23 апреля 1932 года, которым одновременно создавался «единый союз советских писателей». Отдельные руководители РАППа, такие как А. А. Фадеев, В. П. Ставский и др., нашли себя в новой организации и даже заняли высокие посты в Союзе писателей, другие спустя несколько лет были обвинены в троцкизме и в конце 1930-х репрессированы. Близкое знакомство с руководством РАППа впоследствии сыграло трагическую роль в судьбе Берггольц.

С 1925 по 1929 год Ольга Берггольц активно участвовала в работе литературных кружков и компаний Ленинграда, печаталась в периодике, заводила полезные знакомства. Всего за этот период ею было опубликовано 35 стихотворений в газетах, журналах и альманахах. Первенство принадлежит пионерской газете «Ленинские искры» — десять публикаций, за которой следовали комсомольская газета «Смена» — восемь публикаций; журнал «Резец» — шесть; журнал «Юный пролетарий» — пять; газета «Красная панорама» — четыре. В альманахах были опубликованы два ее стихотворения. 36—37-я стихотворные публикации принадлежат московской газете «Комсомольская правда»^{298}.

О Берггольц того периода современники писали так: «Самая молодая и больше других «мятущаяся» поэтесса в «Смене». Удивительно удаются ей стихи, построенные на бытовом материале. С удовольствием прочитываются стихи «Астраханская селедка», «Фонарь», «Белье» и т. д., сквозь все эти стихи лейтмотивом проходит какая-то специфическая наивность (в лучшем смысле этого слова).

Но Берггольц увлеклась за последнее время также книжными темами. Нам известны ее стихи «Народоволец», «Академик», печатавшиеся в «Смене». Удивительная схематичность!

Берггольц должна вернуться к бытовому материалу. Кроме того, ей больше надо работать над словарем»[\[299\]](#).

Темы стихов Берггольц выбирала созвучные времени: стройки, Днепрогэс, заводы, колхозы, самоотверженный труд советского человека. Одновременно с этим поэтесса искала себя в жанре детской литературы. Положительные отзывы ее опытам дал Корней Чуковский. Но обретение собственного, узнаваемого, ни с кем не сравнимого голоса еще впереди.

Достаточно извилистым путем складывалась ее литературная судьба в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Сначала приехавший из Москвы один из руководителей РАППа Юрий Либединский исключил ее из организации за незнание жизни рабочего класса. Затем он же посоветовал ей через некоторое время подать заявление на восстановление, что она и сделала. Параллельно она искала знакомства с известными писателями и литературными начальниками: посещала квартиру Анны Ахматовой, читала ей свои стихи; тесно общалась с Либединским. Ольга вела богемно-советскую жизнь, если можно так выразиться. Не чуралась бюрократических, аппаратных и откровенно заказных статей, посещала правильные компании: то здесь мелькнет, то там ее заметят, обмолвятся, порекомендуют. В ее защиту следует добавить, что это был естественный образ жизни для молодого литератора советской эпохи. Подобное поведение не вызывало осуждения. Все было в рамках заданных правил игры. К слову, ничего не изменилось в нашей действительности с тех пор. Разве что сменился вектор «правильных» компаний, организаций и площадок для публикаций.

Еще в период «Смены» в 1926 году Ольга впервые услышала стихи Бориса Корнилова, одного из самых

талантливых поэтов своего времени. Ей суждено было стать его женой. Ему — ее первым мужчиной, отцом ее ребенка. В 1928 году она вышла замуж за Бориса Корнилова. Ольга вспоминала о начале их отношений: «В литгруппе «Смена» в меня влюбился один молодой поэт, Борис К. Он был некрасив, невысок ростом, малокультурен, но стихийно, органически талантлив... Был очень настойчив, ревнив чудовищно, через год примерно после первого объяснения я стала его женой, ушла из дома»^{300}. И еще: «Борис, весь содрогавшийся от страсти, сжав и целуя меня, — шептал: «Моя?.. Моя?.. Хочешь быть моей? Только моей, а я — только твоим?...?» И я сказала — «да, хочу»...а он, впившись мне в губы, рукой так терзал грудь, что я кричала и выбивалась, — но он был совсем как зверь...»^{301}.

Чутье не обмануло Ольгу. Корнилов был действительно одним из самых талантливых поэтов своего поколения. Их брак продлился всего два года, был тяжелым, изматывающим для обоих. Борис ревновал и много пил. Ольга не желала жертвовать молодостью и талантом ради мужа; роль «подруги поэта» ее не устраивала. Она сама строила свою биографию, если не равновеликую, то совершенно точно самодостаточную. Сохранилась их совместная фотография: Ольга словно выглядывает из-за снимка, подается вперед и смело, с некоторым вызовом смотрит на мир, а Корнилов, наоборот, со своим узнаваемым, чуть приспущенным правым веком говорит всем своим видом: суета сует, копошение и детский лепет... Пусть такими они и останутся в нашей памяти.

В 1928 году у Ольги Берггольц родилась первая дочь Ирина. Забегая вперед, скажем, что счастье материнства будет пронзительным и недолгим в ее судьбе и станет определенной вехой, этапом, после которого перед нами предстанет совершенно другая Берггольц: с искаленной душой, разбитым,

выжженным нутром и взятой новой поэтической высотой. Потому что хорошо это или плохо, но поэт за свои строчки платит всей жизнью, всей судьбой, всем своим существом. Только тогда эти строчки набирают вес и будоражат сердца людей.

Дикая, разнузданная сила Бориса Корнилова, ярко выраженное грубое, мужское начало в какой-то момент становятся невыносимыми для Ольги. В 1929 году его исключили из комсомола. А Ольга совершенно осознанно выбрала свою дорогу вместе с партией, с РАППом. Само время все дальше разводило их друг от друга.

Юрий Либединский, ухаживавший в это время за Марией Берггольц, писал ей 25 февраля 1930 года: «Я не доволен, что Борис и Ольга помирились. И ты не дружи с Борисом. Бывают люди, которых нужно, чтобы они были хорошие, — ласкать. А бывают — которых надо бить. Он принадлежит ко вторым. Кстати, я это понял благодаря тебе, благодаря твоим рассказам о нем. Надо, чтобы ему стало плохо, тогда он поймет, чем может быть для него Ольга и чем он сам. Мне кажется, что в интересах Оли — да и, пожалуй, Бориса — чтоб они не мирились. Ну, впрочем, это их семейные дела»^{302}.

Память об этой любви-страсти, любви-уничтожении надолго останется в сердце у обоих поэтов. Корнилов в поэме «Моя Африка» так будет вспоминать Ольгу:

Вы все такие —
в кофточках из ситца,
любимые, —
другими вам не быть, —
вам надо десять раз перебеситься,
и переплакать,
и перелюбить.
И позабыть.
И снова, вспоминая,
подумаешь,

осмотришься кругом —
и все не так,
и ты теперь иная,
поешь другое,
плачешь о другом.
Все по-другому в этом синем мире,
на сенокосе,
в городе,
в лесу...
А я запомню года на четыре
волос твоих пушистую лису.
Запомню все, что не было и было.
Румяна ли? Румяна и бела.
Любила ли? Пожалуй, не любила,
и все-таки любимая была [{303}](#).

Они развелись в 1931 году, хотя фактически уже год не жили вместе, у каждого из них была своя жизнь. Напомню, Ольге на тот момент — 21 год. Борису Корнилову — 23. А они оба — уже поэты.

На этот образ-воспоминание в поэме «Моя Африка» Ольга Берггольц ответит Корнилову в 1939 году, когда уже умрет в возрасте семи лет их дочь Ирина, когда сама Ольга пройдет издевательства и пытки в тюрьме НКВД.

О да, я иная, совсем уж иная!
Как быстро кончается жизнь...
Я так постарела, что ты не узнаешь,
а может, узнаешь? Скажи!
Не стану прощенья просить я,
ни клятвы
напрасной не стану давать.
Но если — я верю — вернешься обратно,
но если сумеешь узнать, —

давай о взаимных обидах забудем,
побродим, как раньше, вдвоем, —
и плакать, и плакать, и плакать мы будем,
мы знаем с тобою — о чем.

Обратно Корнилов не вернулся. На момент написания стихотворения он был уже год как расстрелян за участие в троцкистском заговоре. Ольга об этом не знала, потому и обращалась к бывшему супругу как к живому.

В 1930 году она познакомилась с Николаем Молчановым — будущим мужем и главной любовью всей своей жизни. Оба — студенты филологического факультета Ленинградского университета. «Он с первого взгляда ей понравился. Молчанов отвечал всем ее представлениям об идеальном советском человеке. Он был аскетичный, честный, порядочный и настоящий комсомолец. Именно такого мужчину Ольга хотела видеть рядом с собой. «Донской казак по происхождению, высокий, удивительно ладный, он был необычайно, строго и мужественно красив, и еще более красив духовно», — писала она в автобиографии»^{304}.

После окончания учебы их вместе отправили в Казахстан по распределению корреспондентами газеты «Советская степь». Собственная молодость звучала в унисон с грандиозными задачами строительства молодой республики. На казахские мотивы Ольга написала через несколько лет повесть «Журналисты», одним из героев которой был Михаил Якорев. Прототипом для этого персонажа стал журналист Леонид Дьяконов, родственник Николая Заболоцкого, печатавшийся под псевдонимом Анк. Все трое — близкие товарищи, делающие одно дело. Они выезжали на поля, на сбор хлопка, описывали строительство социализма в Казахстане в правильном идеологическом ключе, хотя

не могли не видеть, как идет коллективизация в Средней Азии, сколько приписок, разгильдяйства, саботажа, бедности и нищеты вокруг. Но линия партии требовала терпеть, описывать успехи и победы, и Ольга искренне верила, что так правильно, так и должно быть. К несчастью, именно знакомство с Дьяконовым сыграло трагическую роль в судьбе Берггольц — он будет одним из немногих, кто даст против нее показания, оговорит ее на допросах. К несчастью для Берггольц и к счастью для Ленинграда (да простят мне этот невольный цинизм): сейчас можно совершенно определенно сказать, что не будь тюремного периода в ее жизни, травли в писательской организации, следствия, допросов, исключения из партии — не обрел бы ее голос ту звенящую высоту, которая позволила ей стать «Ленинградской Мадонной». Писали о блокаде изнутри и Николай Тихонов, и Александр Прокофьев, и Вера Инбер, все трое получили Сталинскую премию «за блокаду», а голосом Города, его жителей, стала только Ольга Берггольц.

Через какое-то время Ольга вернулась в Ленинград, а Молчанов остался в Казахстане. Статус их пока не был определен. Ленинград закрутил Берггольц в вихре знакомств, литературных продвижений, богемных посиделок. Она познакомилась с Максимом Горьким и с одним из руководителей РАППа Леопольдом Авербахом. Авербах был родственником Генриха Ягоды, имел доступ к высоким кремлевским кабинетам, решал судьбы писателей.

В письме Николаю Молчанову в сентябре 1931 года Ольга восторженно писала: «Потом приехал Авербах... По приезде он сразу проявил максимум заинтересованности ко мне. Мы с ним сразу подружились. Ходили, разговаривали, ужинали в Европейской и т. д. Колька, что это за человек, наш Князь! Интересно, что ему 28 лет! А человек два раза

был на нелегальной работе в Германии и Франции, его там били, выслеживали и т. д. Да всего не расскажешь. Ведь он, кроме того, член первого ЦК КСМ, организатор его и т. д. В общем — князь, князь. И (деталь) потом вдруг еще открылась его сторона, вдруг (?) говорит: «неделями тянет к револьверу» и т. д. <...> Ну ладно, потом приезжает небезызвестный тебе Горький. Маршак тянет меня к нему насчет «Костров». Идем, долго говорим (больше я, чем Маршак). Спорим. Горький заинтересован, заражен. Пишет рассказ о Ленине, воззвание относительно «Костров». Колька, Горький до того милый, хороший парень, что я просто обалдела. Сидела с человеком, который написал «Клима Самгина», и чувствовала себя лучше, вернее, непринужденнее, чем с Авербахом. Тоже, если писать, книжку надо»^{305}.

Ольге 21 год, конечно, у нее кружилась голова от открывающихся перспектив. Да и с Авербахом завязывался фривольный роман. Молчанов (еще не муж) подозревал, но ничего не мог поделать. Или не желал. Он был единственным человеком в ее жизни, который принимал Ольгу Берггольц такой, какая она есть. Он терпел и прощал все ее измены, верно ждал, не отрекся, когда она попала в тюрьму. И, конечно, любил ее до конца своей жизни нежно и горячо, как редко умеют любить мужчины.

А связь с Авербахом сыграла в ее судьбе роковую роль. За всё приходится расплачиваться...

Сразу по возвращении из Казахстана Николая Молчанова забрали в армию. Ольга поселилась в Ленинграде в доме-коммуне, называемом в народе «Слеза социализма». Этот дом в стиле конструктивизма стоит и поныне на улице Рубинштейна, он хорошо известен петербуржцам — любителям и знатокам городской архитектуры.

В 1932 году у Ольги и Николая Молчанова рождается вторая дочь — Майя. Берггольц наполнена материнством

до отказа. Омрачает радость жизни лишь одно: Николая Молчанова комиссуют из армии с тяжелой болезнью. Во время учений рядом с ним разорвался снаряд, его тяжело контузило. Вследствие этого у него открылась эпилепсия. Но они оба молоды, жизнь продолжается. Перспективы — блестящие. По крайней мере, у Ольги.

Год 1933-й — это рубеж, после которого жизнь Берггольц круто изменилась. 25 июня в больнице в Сиверской умирает ее девятимесячная дочь Майя. Пережитая трагедия словно приоткрывает в поэтессе силы, ранее дремавшие, спящие в ожидании своего часа. Через боль, через страдание прорастает настоящий, живой голос:

На Сиверской, на станции сосновой,
какой мы страшный месяц провели,
не вспоминая, не обмолвясь словом
о холмике из дерна и земли.
Мы обживались, будто новоселы,
всему учились заново подряд
на Сиверской, на станции веселой,
в краю пилотов, дюн и октябрят.
А по кустам играли в прятки дети,
парашютисты прыгали с небес,
фанфары ликовали на рассвете,
грибным дождем затягивало лес,
и кто-то маленький, не уставая,
кричал в соседнем молодом саду
баском, в ладошки: «Майя, Майя! Майя!..»
И отзывалась девочка: «Иду...»

Эти строчки появилось спустя три года, когда умерла вторая дочь, Ирина. Стихотворение-диптих так и будет называться «Два стихотворения дочери». Но в

этих строчках уже будет слышен ритм «Февральского дневника»:

А девушка с лицом заиндевелым,
Упрямо стиснув почерневший рот,
Завернутое в одеяло тело
На охтинское кладбище везет...

Оттого и оживут блокадные стихи Берггольц, и отдадутся мгновенным узнаванием в сердцах людей, что сама Блокада зарифмуется с пережитым прошлым: все это Ольга уже видела, уже пропустила сквозь себя, а потому имеет право говорить от имени сотен тысяч ленинградцев.

На фоне личных трагедий литературная жизнь Ольги Берггольц вполне благополучна и даже успешна. Она сотрудничает с издательствами «Детская литература», «Молодая гвардия». О ее повести «Углич» комплиментарно отозвался Максим Горький. В околосредствительных кругах стали ходить слухи о ней, как о приспособленке, двигающейся «по линии партии». Ольгу это задевало, безусловно, но она уже осознавала меру своего таланта и места в литературной иерархии 1930-х годов. Она верный, искренний советский писатель. Громила в печати обэриутов, Хармса и Введенского, начинающего Юрия Германа. Ее приняли во вновь образованный Союз писателей. Но внутренний надлом уже был определен, и это стало не только следствием пережитых личных несчастий. Ее вера в социализм (не безосновательная, надо сказать) сталкивается с окружающей реальностью. Муж, Николай Молчанов, был более осторожен в оценках происходящего. Они часто спорили. У Николая портилось здоровье, стали учащаться припадки эпилепсии. Ольга начинала терять друзей из-за своей непримиримой

позиции в отношении партии и коммунизма. После смерти Кирова в 1934 году общественно-политическая обстановка в стране стала стремительно накаляться, начались отставки, исключения из партии, аресты. К 1936 году массовые посадки людей уже стало невозможно не замечать. Ольга искала компромисс в своей душе, пыталась соотнести реальность и идеал, веру в партию. «Иду по трупам? — пишет она в дневнике. — Нет, делаю то, что прикажет партия»^{306}.

В марте 1936 года умерла дочь Ирина. После ангины у девочки началось осложнение, уходила она тяжело, мучительно, задыхалась, теряла сознание. Вместо традиционного креста Ольга распорядилась поставить на могиле пирамиду с красной звездой. По воспоминаниям сестры Марии, когда на место захоронения пришел священнослужитель, чтобы отпеть усопшую, Ольга закричала и в гневе прогнала попа. Убежденная атеистка, она и в горе оставалась верна своим принципам. Пройдет несколько лет, и, оставленная всеми (а главное, партией, которую она любила всем сердцем, которой была предана всем своим существом), находясь в застенках тюрьмы, Ольга переосмыслит действительность, себя в этом страшном и героическом времени. От прежней идеалистки не останется и следа. И вот такой, обновленной, она войдет в Блокаду. А стихов, посвященных Ирине, будет написано много. Все они впоследствии войдут в цикл «Память».

Отец Ирины, первый муж Берггольц поэт Борис Корнилов, на похороны не пришел. А 20 марта 1937 года его арестовали. Новая жена Корнилова, Люся Борнштейн, была на третьем месяце беременности. Перед тем как уйти навсегда, он успел сказать жене, что, если родится девочка, пусть назовет Ириной. Так и случится. Ирина Басова только в 1960-х годах узнала, что ее настоящий отец — великий советский поэт

Корнилов. 20 февраля 1938 года Борис Корнилов был расстрелян.

Стали сгущаться тучи и над самой Ольгой. Плюс ко всему брак с Молчановым стал напряженным, трудным после смерти Ирины. Ольга Берггольц пыталась унять депрессию с помощью вина. И сама откровенно говорит об этом в своих дневниках: «Есть и еще выход — пить. Говорю без всякой позы: очень, очень вино помогает. Все становится каким-то легким, преходящим, невесомым. Я испытала это раза три за эти месяцы, но этого-то и испугалась... И слезы тогда какие-то легкие, и главное, не жаль ничего, ничего...»^{307}.

В 1937 году было разгромлено издательство «Детская литература». Арестованы Заболоцкий, Хармс, Введенский, ряд других, менее именитых писателей и редакторов. Арест грозил Маршаку. Берггольц, работавшая в это время в «Литературном Ленинграде», прекрасно видела, что происходит, но старалась не думать, не анализировать, цепляясь за веру в партийную линию, как утопающий за соломинку.

«Она даже не понимает, что арест угрожает и ей. И только когда придут за главным редактором «Литературного Ленинграда» — ее близким другом Анатолием Гореловым, она в растерянности запишет в дневнике: «15 марта 1937. Первое чувство — недоумение. Рыжий — враг народа? Или тут перестраховка известных органов, или действительно надо быть исключительной чудовищности гадом, чтоб быть врагом народа, вдобавок ко всему, что мы слышали от него на партсобраниях. Не может быть, чтоб он был арестован только за то, что мы знали. Пока — непонятно.

Второе чувство — опасение за собственную судьбу»^{308}.

В марте 1937 года арестовали Леопольда Авербаха. За связь с «врагом народа» привлекли и Ольгу. Беда не

обрушивается внезапно, а ходит вокруг да около. Сначала Ольгу Берггольц исключили из Союза писателей. После этого партийная комиссия на родном заводе «Электросила» исключила ее из кандидатов в члены ВКП(б). Это был самый черный знак того времени. Дальше мог следовать только арест. Ольга попала в больницу с преждевременными родами. У нее очередной выкидыш.

Беда приходит откуда не ждали. В Кировске арестовали близкого знакомого Берггольц, друга семьи писателя Леонида Дьяконова. Донос на него написал некто Алдан-Семенов, председатель Кировского отделения Союза писателей. Через год, впрочем, арестуют самого Алдан-Семенова. «Я вам расскажу обо всем, — заявил он. — Я — враг советской власти. В августе 1936 года мною по поручению Акмина была создана террористическая группа: М. Решетников, Л. Лубнин, Л. Дьяконов, были связи с О. Берггольц, К. Алтайским (Королевым), П. Васильевым. На собраниях отделения союза писателей Заболотский, Уланов, Колобов, Васенев, Решетников, Дьяконов вели антисоветскую агитацию»^{309}.

Дьяконов и арестованный позднее по тому же делу «вятских литераторов» Игорь Франчески под угрозами и побоями дали показания против Ольги Берггольц. Алдан-Семенов 12 лет провел в лагерях, где был, по мнению некоторых исследователей, осведомителем НКВД. После выхода писал книги, воспоминания, изданные большими тиражами, вел сытую жизнь советского писателя, пострадавшего от сталинских репрессий.

Берггольц арестовали в ночь на 14 декабря 1938 года под Ленинградом в Доме творчества как «участницу троцкистско-зиновьевской организации» и доставили в Шпалерку — тюрьму Большого дома. В постановлении об аресте говорилось, что Ольга

Берггольц входила в «террористическую группу, готовившую террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского правительства (т. Жданова и т. Ворошилова)». Вот протокол первого допроса. Короткий, лаконичный, ничего не объясняющий. Только время вызывает оторопь: три часа!

«Вопрос. Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Признаете себя виновной в этом?

Ответ. Нет. Виновной себя в контрреволюционной деятельности я не признаю. Никогда и ни с кем я работы против советской власти не вела.

Вопрос. Следствие не рекомендует вам прибегать к методам упорства, предлагаем говорить правду о своей антисоветской работе.

Ответ. Я говорю только правду.

Записано с моих слов правильно. Протокол мною прочитан. О. Берггольц.

Допросил Иван Кудрявцев.

Обозначено и время: с 21.30 до 00.30»[{310}](#).

Ровно через год, оказавшись на свободе, она записала в своем дневнике: «13 декабря 1938 г. меня арестовали, 3 июля 39-го, вечером, я была освобождена и вышла из тюрьмы. Я провела в тюрьме 171 день. Я страстно мечтала о том, как я буду плакать, увидев Колю и родных, — и не пролила ни одной слезы. Я нередко думала и чувствовала там, что выйду на волю только затем, чтобы умереть, — но я живу... подкрасила брови, мажу губы...

Я еще не вернулась оттуда, очевидно, еще не поняла всего...»[{311}](#).

Как уже говорилось, основанием для ареста послужили показания Алдан-Семенова и Дьяконова. Вот выдержки из этих показаний.

А. И. Алдан-Семенов (показания от 5 апреля 1938 года): «...В Алма-Ате Дьяконов был связан с троцкисткой О. Берггольц, которая потом переехала в Ленинград. В

начале 1937 г. Дьяконов приезжал в Ленинград, где связался с О. Берггольц. Берггольц обещала нам полную поддержку».

Л. В. Дьяконов (показания от 14 апреля 1938 года): «...Подобно мне она уже готовила себя для террористической деятельности. И на мой первый же вопрос, как она смотрит на террор? Ольга ответила: только положительно»^{312}.

В то время подобных показаний было более чем достаточно, чтобы арестовать человека. Во время тюремного срока Берггольц неоднократно подвергалась психологическому и физическому воздействию. Говоря проще, ее били, на нее кричали, не давали спать. В тюрьме она потеряла ребенка. Выкидыш произошел на шестом месяце беременности. Ей больше не суждено будет родить. Каждый раз на шестом месяце беременности организм, запомнив этот точный срок, будет отторгать дитя.

«Следователь. Подумайте хорошо! Вы еще можете спасти ребенка. Только нужно назвать имена сообщников.

— Нет, гражданин следователь. Я ребенка не сохраню. (И в это время кровь как хлынет...) Немедленно отправьте меня в больницу!

— Еще чего захотела!

— Называйте меня на вы. Я — политическая.

— Ты — заключенная.

— Но ведь я в советской тюрьме...

Меня все-таки повели в больницу. Пешком. По снегу. Босую. Под конвоем.

— Доктор Солнцев! Помогите мне!

Сидели несколько врачей. Не подошел никто. Молодой конвойный со штыком наперевес, пряча слезы, отвернулся.

— Ты что, солдатик, плачешь? Испугался? А ты стой и смотри, как русские бабы мертвых в тюрьмах рожают!

— Доктор Солнцев! Вы на воле. Вы можете передать моему мужу, что Степки больше нет... всего два слова, понимаете, два слова: «Степки нет!»

С тех пор ни мальчики, ни девочки у меня больше не рождались»^{313}.

Берггольц освободили из тюрьмы за недоказанностью состава преступления. Она не признала вину и никого не оклеветала. Вышла страшная, обновленная, с уничтоженной верой в партию, необретенной верой в Бога. Не сломленная. Пытающаяся жить дальше. Было ли это чудо или «пересменка», когда сменивший Н. И. Ежова во главе органов госбезопасности Л. П. Берия проводил чистку ставленников своего предшественника, в связи с чем некоторые старые дела пересматривались, на какие-то просто махнули рукой, какие-то расследовали объективно. Или это уже Город вмешивался в ее судьбу, готовя Берггольц для большего? Понимая, что ни один поэт-мужчина не сможет стать пульсом и голосом сотен тысяч голодных ленинградцев? Как знать...

И тем не менее первое, что сделала Ольга Берггольц после освобождения, — подала заявление в бюро райкома ВКП(б) Московского района Ленинграда о восстановлении в кандидатах в члены ВКП(б). 17 июля 1939 года ее восстановили, а в феврале 1940-го Ольга стала членом партии. Но уже без восторга, без пиетета перед членским билетом, не веря в его силу и правду, просто потому, что таковы правила игры. Но человеку обязательно надо во что-то верить. Мечта оказывается сильнее. В дневнике 6 ноября 1939 года Берггольц записала: «Завтра 22 года Октябрьской революции.

Я приветствую вас, Мария Рымшан, Ольга Абрамова, Настасья Мироновна Плотникова, Елена Иванова, жена Шабурашвили, — коммунистки, беспартийные честные товарищи, сидящие или не сидящие в камерах Арсеналки и Шпалерки!..

Я с вами, товарищи, я с вами, бойцы интернациональных бригад, томящиеся в концлагерях Франции. Я с вами, все честные и простые люди: вас миллионы, тех, кто честно и прямо любит Родину, с поднятой головой и открытыми устами!

Я буду полна вами завтра, послезавтра, всегда, я буду прямой и честной, я буду до гроба верна мечте нашей — великому делу Ленина, как бы трудна она ни была! Уже нет обратного пути.

Я с вами, товарищи, я с вами!»[{314}](#)

Это не статья для газеты, это дневник. Здесь нет смысла врать или кривить душой. Напрасно некоторые исследователи стараются представить Берггольц как антисоветчицу. Будучи перемолота тюрьмой, растерявшая веру в партийный аппарат, в людей, определяющих дальнейший путь страны, презирая бюрократию — она осталась верна мечте социализма, делу Ленина. И это искренне в ее душе, по-настоящему и до конца. В это же время она формулирует исходный постулат отношения к действительности и миру: «Я думаю, что ничто и никто не поможет людишкам, одинаково подлым и одинаково прекрасным во все времена и эпохи. Движение идет по замкнутому кругу, и человек с его разумом бессилён»[{315}](#).

В дневниках 1941 года прорываются уже тревога, ожидание предстоящей войны, но лишь изредка, неким отголоском *memeto mori*: «Успехи немцев подавляют меня. Падение — Югославии, на днях несомненное падение Греции. Неужели прожить и умереть при торжестве фашистского режима?! Страшно, жалко!..»[{316}](#) «Если наше правительство избежит войны — его нужно забросать лавровыми венками»[{317}](#). И, наконец, запись от 22 июня 1941 года: «14 часов. ВОЙНА!» Как бы цинично это ни звучало, но война стала тем недостающим пазлом, который упорядочил жизнь Ольги Берггольц, внес в нее смысл и цель. Она

почувствовала себя, наконец, НУЖНОЙ своей стране, своему народу. И хотя в дневниковых записях военных лет будет прорываться скепсис относительно своего места, роли, значимости этой роли в обороне Города, но судьба уже все решила за нее. А самое главное для нее, как для поэта, происходит как будто бы случайно, исподволь, незаметно, но органично: она обретает свой голос, доводит его до предельных высот. Блокадные стихи Берггольц обладают, при всей кажущейся их простоте, невероятной силой еще и потому, что обращены не в самое себя, не внутрь собственной души, а наружу, ко всем людям. Это и не стихи даже, а в чистом виде блокадная агиография, где святыми становятся все блокадники, от мала до велика.

Муж ее, Николай Молчанов, скрыв свою эпилепсию, 26 июня 1941 года ушел добровольцем на фронт, но уже через месяц был комиссован. Ольга потом утверждала, что, когда Николай вернулся с фронта, они «влюбились в друг друга с какой-то особой обостренно-нежной, предразлучной влюбленностью... Помню, стояли мы один раз с ним на солярии, бомбежка была дикая, было светло от пожаров как днем, и этот свист от бомб — подлый и смертный. Я изнемогала от страха, но стояла, я же была комиссаром дома. И Коля вдруг подошел ко мне, взял мое лицо в ладони, поцеловал в губы и сказал: «Знаешь, если один из нас погибнет, то другой обязан досмотреть трагедию до конца», я ответила: «Ладно, Коля, досмотрю»^{318}. Николай Молчанов был один из немногих, кто не отвернулся от Ольги во время ее ареста, писал письма всем, кому только можно и нельзя. А на комсомольском собрании, когда его поставили перед выбором, спокойно положил свой комсомольский билет на стол со словами: «Отрекаться от жены — недостойно мужчины». По воспоминаниям современников, это был очень светлый, чистый человек. Ольга всю жизнь будет хранить память об этом свете,

как о пределе, образце не человеческой, но небесной природы. И всю жизнь будет к этому свету тянуться.

В конце июня Союз писателей направил Ольгу на работу в Радиокомитет. Его редактором стал молодой военкор Юрий Макогоненко, который сразу же начал за Ольгой ухаживать. Она с благосклонностью принимала эти знаки внимания.

На радио в те первые месяцы войны выступали многие поэты и писатели, от Бориса Лавренева, Сергея Прокофьева и впоследствии погибшего Ореста Цехновицера до Анатолия Мариенгофа и Анны Ахматовой. Ольга Берггольц в те первые месяцы не выделялась среди других, но уже тогда в ее стихах стали появляться те ноты личного обращения к каждому ленинградцу, которые через несколько месяцев будут дарить людям надежду и давать силы в замерзших, темных декабрьских квартирах. В архиве Ленинградского радио сохранился список писателей, поэтов и журналистов — корреспондентов Радиокомитета в период блокады. В этом списке 67 имен, не считая штатных сотрудников. Но Голосом блокадного Ленинграда стала одна Берггольц.

Ольга записала в дневнике: «22 августа 1941. Ровно два месяца войны. В этот день, два месяца назад, мы о ней узнали. Какой суровый подъем был, как все надеялись... А сейчас — уныние, упадок, страх. Мы проигрываем войну — это ясно.

Мы были к ней абсолютно не готовы, — правительство обманывало нас относительно нашей «оборонной мощи». За восемь лет Гитлер сумел подготовиться к войне лучше, чем мы за 24 года»^{319}.

В конце августа война подошла практически к стенам Города. Но несмотря на внутренние сомнения, в том же августе Ольга написала полные жизни и надежды стихи:

...Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады —
мы не покинем наших баррикад.
И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.
Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю
я, горожанка, мать красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою:
Мы будем драться с беззаветной силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей.

К слову сказать, в конце августа неуверенность в собственных силах проявилась на самом высоком уровне. В тот день, когда Ольга писала о неготовности к войне, между Ставкой и Смольным состоялся очень тяжелый разговор. Сталин осудил создание Военного совета обороны Ленинграда, спрашивал, почему в него не вошли А. А. Жданов и К. Е. Ворошилов, приказал отменить выборный принцип батальонных командиров. Пожалуй, впервые у него появились сомнения в возможности действующего руководства отстоять Город. Ольга обо всем этом не знала, да никто не знал. Люди просто жили своей трудной военной жизнью. И в дневниковой записи от 24 сентября 1941 года — дикая,

крамольная мысль: «Они, наверное, все же возьмут город. Баррикады на улицах — вздор. Они нужны, чтоб прикрыть отступление Армии. Сталину не жаль нас, не жаль людей, вожди вообще никогда не думают о людях...»^{320}.

Только через несколько дней Военному совету стало понятно, что Город немцы не возьмут, атаки прекратились и противник перешел к позиционной войне. Но в те сентябрьские дни всё висело на волоске. Отметим лишь, что если бы Берггольц не попала в тюрьму в 1938 году — появление такой записи в дневнике было бы просто невозможно представить. Абсолютно преданная партии и социализму, восторженный певец строек и заводских будней. Но, наверное, такой поэт не смог бы стать голосом Города. Здесь сплелось все: и личная трагедия, и тюрьма, и многочисленные романы с мужчинами, и бесконечная череда выкидышей. И даже в голодном, замерзшем Ленинграде, навещая в больнице умирающего мужа, Ольга спешила на обратном пути к Макогоненко, проводила с ним ночь, методично отмечая это в своем дневнике, — и душа ее не болит, и нет стыда, и совесть не мучает. Находясь ежедневно на пороге гибели — смещается шкала ценностей, невозможное становится обыденным. Голод стирает все границы, хотя Ольга и будет получать в Радиокomitee повышенный паек.

Уже 30 августа 1941 года Комиссия ГКО решением № 601сс упразднила Военный совет обороны Ленинграда, передав его функции Военному совету Ленинградского фронта. Другим решением комиссия обязала власти города на Неве немедленно переселить из пригородов Ленинграда местное немецкое и финское население в количестве 96 тысяч человек. Что и было большей частью выполнено^{321}. Эта мера, о справедливости и необходимости которой можно спорить, коснулась отца Берггольц. Но в первый раз

Ольга, подключив свои связи, смогла отвести от него беду. Федор Христофорович остался в Ленинграде. В своем дневнике Берггольц записала: «2 октября 1941. Сегодня моего папу вызвали в управление НКВД в 12 час[ов] дня и предложили в шесть часов вечера выехать из Ленинграда. Папа — военный хирург, верой и правдой отслужил Сов[етской] власти 24 года, был в Кр[асной] Армии всю гражданскую, спас тысячи людей, русский до мозга костей человек, по-настоящему любящий Россию, несмотря на свою безобидную старческую воркотню. Ничего решительно за ним нет и не может быть. Видимо, НКВД просто не понравилась его фамилия — это без всякой иронии.

На старости лет человеку, честнейшим образом лечившему народ, **НУЖНОМУ** для обороны человеку, наплевали в морду и выгоняют из города, где он родился, неизвестно куда»^{322}.

На фоне гибели, бомбежек, эвакуации, на грани распада и неверия — с Ольгой произошло перерождение внутреннее. Она влюбилась в Георгия Макогоненко и написала в сентябре 1941 года:

...Я никогда с такою силой,
как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
такой влюбленной не была...

В конце сентября Ахматову на правительственном самолете отправляют в Москву. Ее должна была сопровождать Ольга Берггольц. «Мне предлагали уехать, — писала Ольга 1 октября, — улететь на самолете в Москву с Ахматовой. Она сама просила меня об этом, и другие уговаривали. Я не поехала. Я не могу оставить Кольку, мне без него все равно не жизнь, несмотря на его припадки, доставляющие мне столько

муки... Я не поехала из-за Кольки, из-за того, что здесь Юра, Яшка и другие. В общем, «из-за сродственников и знакомых», которые все здесь, в городе, находящемся под угрозой иноземного плена, под бомбами и снарядами»^{323}.

Можно сказать, что именно в этот период Город сделал свой выбор. И это не метафора и не красивые слова ради образа. Берггольц осталась в Ленинграде носителем Миссии (именно так, с большой буквы), которую никто другой просто бы не вынес. Ради этого она жила, появилась на свет, развивала свой скромный дар, которому суждено было стать обжигающим, неистовым и спасительным. Об этом, наверное, можно будет забыть через 100 лет, но я еще помню рассказы бабушки, которая тринадцатилетней девочкой в декабре 1941 года слушала по радио стихи Берггольц, и они давали ей силы взять в руки ведро и идти к Неве за водой.

«Постоянное недоедание и непрерывное нервное напряжение обострили болезнь Молчанова. Николаю становилось все хуже и хуже. Первый тяжелый эпилептический припадок, ставший прологом к гибели, случился у него 27 октября 1941 года. Ольга записывает: «Сейчас у Кольки был страшный припадок — боюсь, что это начало статус-эпилепсии. Как он весь, просветленный, с неземным каким-то, божественно озаренным и красивейшим лицом, тянулся ко мне после припадка, целовал меня и говорил нежнейшие, трепещущие слова любви...

А я вчера провела ночь с Юрой М... я радовалась ему, и было даже неплохо в чисто физическом отношении, — но какое же сравнение в том же отношении с Колькой, — совсем не та сила, не тот огонь и сосредоточенная, огромная, отданная только мне — страсть. Но все же он очень мил мне, и он нежен и страстен, и влюблен, — не знаю только, понравилась ли я ему, как женщина, — я

так исхудала за время войны, даже знаменитая моя кожа стала плохой. Но он мил мне, — все же... Только что, выйдя из припадка, Коля стал уговаривать меня уехать из Ленинграда, если будет эвакуироваться Союз писателей. Я должна уехать, чтоб спасти его, — ему тут очень трудно — он недоедает остро, нервничает (не из страха и трусости, конечно), стареет, хворает. Но я не хочу уезжать из Ленинграда из-за Юрки, и, главное, из-за внутреннего какого-то инстинкта, — говорящего мне, что надо быть в Ленинграде»^{324}.

Этот внутренний инстинкт — и есть предчувствие той Миссии, которую Ольге суждено исполнить. Когда сама история выбирает человека из мутного потока времени и ведет его, несет, как песчинку, как щепку, и нет воли, чтобы изменить этот ход. Фатализм? Нет, метафизика истории. Именно это и произошло с Берггольц.

В декабре в Ленинграде отключили электричество, перестала работать канализация. Люди в Ленинграде вели себя по-разному. Потому что близость смерти и голод слизывают с человека тысячелетия цивилизации, обнажая его натуру до дна, выталкивая на поверхность всё низменное, тяжелое, грязное; вбивая в кружащую голову, что человек — не образ и подобие Божие, а всего лишь животное, которое жрет, пьет, сношается, убивает, грабит и насилует. Нет барьеров. И надо было обладать твердой волей и иметь неиссякаемый запас человечности, чтобы не упасть в эту первобытную яму чистого озверения.

Уже осенью начало снижаться количество заявлений о приеме в члены ВКП(б). «Партийные информаторы сообщали, что передовики производства отказывались вступать в комсомол и в кандидаты в члены ВКП(б), опасаясь прихода немцев. Оценивая положение с приемом в партию в Красногвардейском, Ленинском и Московском районах осенью 1941 г., горком ВКП(б)

вынужден был констатировать, что на ряде предприятий прием совершенно прекратился»^{325}. Настроения в городе были разные, в том числе и упаднические, и пораженческие. Наивно было бы предполагать, что в городе с довоенным населением в 2,5 миллиона человек все бы сплотились, как один. Но массовой паники и протестных настроений все же не было.

Тем не менее «в период с 15 октября по 1 декабря 1941 г. число арестованных за «контрреволюционную деятельность» Управлением НКВД достигло 957 человек, в том числе была раскрыта 51 «контрреволюционная группа» общей численностью 148 человек. Несмотря на некоторый средний рост числа арестованных, можно с уверенностью говорить об отсутствии в Ленинграде осенью 1941 г. сколько-нибудь значительного организованного сопротивления власти. В среднем в каждой «группе» было менее трех человек, а более 800 арестованных никакими «организационными» узами связаны друг с другом не были.

За то же самое время УНКВД пресекло деятельность 160 преступных групп неполитического характера общей численностью 487 человек, которые занимались бандитизмом, хищениями и спекуляцией. Это почти втрое больше, нежели численность «контрреволюционных» групп. Всего же за «экономические» преступления с 15 октября по 1 декабря 1941 г. были арестованы 2523 человека. Таким образом, осенью 1941 г. на одного «политического» приходилось трое «неполитических», избравших для себя иной путь борьбы с голодом и трудностями блокады»^{326}.

Ольга продолжала жить, писать стихи, выступать по радио. Все, что происходило в Ленинграде, — происходило на ее глазах: как примеры беспримерного мужества и героизма, так и страшные, дикие вещи, о которых говорили шепотом на кухне: людоедство. Слухи

по голоду ползли страшные. Все хуже становилось Николаю Молчанову. Ольга методично отмечала в своем дневнике: «Николай не дотянет — это явно. Он стал уже не только страшен внешне, но жалок внутренне. Он оголодал до потери достоинства почти что. Он падает без сознания. Он как-то особо медлителен стал в движениях. Он ест жадно, широко раскрыв глаза, глотает, не чувствуя вкуса. Он раздражает меня до острой ненависти к нему, я ору на него, придираюсь к нему, а он кроток, как мама. Я знаю, что я сука, но ведь и на мне должно было все это сказаться»[{327}](#).

Пришли холода, непривычные, очень сильные холода. Зима 1941/42 года по совокупным показателям являлась одной из самых холодных за весь период систематических инструментальных наблюдений за погодой в Санкт-Петербурге — Ленинграде. Среднесуточная температура устойчиво опустилась ниже 0 °С уже 11 октября и стала устойчиво положительной лишь после 7 апреля 1942 года — климатическая зима составила 178 дней, то есть половину года.

И в то же время Берггольц, ежедневно видя гибель людей, ухаживая за безнадежным мужем, писала потрясающие по силе воздействия стихи:

...Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже недосчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
Что слезы вымерзли у ленинградцев.

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не дает.
Нам ненависть залогом жизни стала:
Объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,

Чтоб мстила, мстила, мстила, как могу,
Ко мне взывает братская могила
На Охтинском, на правом берегу [{328}](#).

И все же до декабря 1941 года Берггольц пыталась уехать из Ленинграда. Ей крайне важно спасти мужа. О себе она не думала. От одной из безумных попыток вырваться ее отговорил Георгий Макогоненко. Крайне мало изучен вопрос, как в декабре 1941 года люди, осатаневшие от голода, пытались самостоятельно вырваться из города: договориться с «левыми» шоферами, уйти по льду Ладоги. Именно таким путем хотела вырваться и Ольга, отчаявшись дожидаться очереди на эвакуацию.

«Недалеко от контрольно-пропускного пункта неширокой цепочкой, прямо на снегу сидели закутавшиеся с головою люди. Несколько сотен вконец истощенных ленинградцев привела сюда, на берег Ладоги, надежда перебраться по льду на Большую землю. Матери и жены, еще державшиеся на ногах, спасали своих детей и свалившихся от голода мужей. Закутав и запеленав их всем теплым, что было в доме, усадив их на салазки, они начали свой страданный путь сначала до Финляндского вокзала, затем от станции до озера. Здесь они и остановились — их не пускали на лед, терпеливо объясняя, что не дойти им до другого берега. Да и сами люди только теперь начинали понимать безумие своего замысла — пройти тридцать километров по пустынному льду, где бушевал ветер.

Отчаявшиеся умудрялись самовольно уходить и через час-другой замерзали в пути. Оставшиеся усаживались на берегу и ждали чуда: раз установился лед, то пойдут же по озеру машины, они-то и перевезут! Это был страшный исход из заблокированного Ленинграда. Спасавшиеся бежали от голода, а он настигал их на

самом краю надежды... Они сидели и ждали, а их заносил снегом свирепый ветер»[{329}](#).

В начале января Николай Молчанов окончательно потерял связь с окружающим миром. Его перевели в больницу. Ольга навещала его раз в несколько дней, но сердцем уже понимала, что мужа не спасти. И не узнавала в опустившемся от голода мужчине своего любимого.

Николай Молчанов умер в больнице 29 января 1942 года. Как и тысячи ленинградцев. Умер от голода и болезни. От надрыва. От всего того, что им вместе с Ольгой довелось пережить. Берггольц осталась с Георгием Макогоненко. Нет, Берггольц не хранила верность, не несла строгий траур. Она выживала в умирающем городе и продолжала писать стихи. После смерти мужа Ольга напишет поэму «Февральский дневник» — одно из самых пронзительных произведений о блокаде, написанных за все время. Свою жизнь и свои поступки она давно определила в дневниковой записи от 22 сентября 1941 года: «Будущий читатель моих дневников почувствует в этом месте презрение: «героическая оборона Ленинграда, а она думает и пишет о том, скоро или не скоро человек признается в любви или в чем-то в этом роде». (Хуже всего, если я смотрю выжидающими глазами.) Да, да, да! Неужели и ты, потомок, будешь так несчастен, что будешь считать, будто бы для человека есть что-то важнее любви, игры чувств, желаний друг друга? Я уже поняла, что это — самое правильное, единственно нужное, единственно осмысленное для людей»[{330}](#).

Как вспоминал Георгий Макогоненко, чтобы как-то отвлечь Ольгу от обрушившейся на нее трагедии, он и тогдашний начальник литературно-драматического вещания Ленинградского радиокomiteта Яков Бабушкин уговорили Ольгу взяться за поэму о блокаде. Срок — к 23 февраля, ко Дню Красной армии. Берггольц раньше

поэм не писала, но, видимо, сам текст, его структура уже внутренне вызрели в ней, оформились интонационно и стилистически. А самое главное — содержание подсказала сама окружающая действительность. После смерти мужа Берггольц окончательно переехала в Радиокомитет. «Ольга Федоровна сидела в дневное время на диване, закутавшись в платок, и что-то писала, тихо «бормоча» рождавшиеся стихи»^{331}. Так, фактически за полмесяца, родилась поэма «Февральский дневник». Поэма была впервые прочитана Ольгой Берггольц 22 февраля 1942 года в 195-м выпуске «Радиохроники». Это был бессознательный рубеж, навеки связавший маленькую хрупкую женщину с Ленинградом. А 25 февраля Ольга встретила в Доме писателей... свою сестру Мусю. Узнав в Москве о смерти Молчанова, Муся добилась приема у секретаря Союза писателей СССР Александра Фадеева, смогла организовать грузовик с продуктами для ленинградских писателей и сама, в качестве добровольца-сопровождающего, провела машину в Ленинград через полстраны и по льду Дороги жизни. По другим данным, машину организовал Николай Тихонов, прибывший в Москву для выполнения срочного задания и рассказавший другому секретарю Союза писателей СССР Владимиру Ставскому о бедственном положении писателей Ленинграда. Именно Ставский добился разрешения послать машину с продовольствием из Москвы.^{332}

Как бы там ни было, в конце февраля сестра приехала к Ольге Берггольц в Ленинград. А 1 марта 1942 года Ольгу самолетом переправили в Москву. Казалось бы, всё позади: голод, холод, бомбежки. Но Ольга не смогла найти себе места в сытой Москве.

«Здесь все чужие и противные люди. О Ленинграде все скрывалось, о нем не знали правды так же, как о ежовской тюрьме... Нет, они не позволяют мне ни

прочитать по радио — «Февральский дневник», ни издать книжки стихов так, как я хочу... Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас», — записала Ольга в своем дневнике сразу по приезде в Москву^{333}. И спустя неделю: «Я совершенно не понимаю, что не дает мне сил покончить с собой. Видимо — простейший страх смерти... Нет, я не тешу себя мыслью о самоубийстве. Мне просто очень трудно жить. Мне надоело это. Я не могу без него»^{334}. «Живу в гостинице «Москва». Тепло, уютно, светло, сытно, горячая вода. В Ленинград! Только в Ленинград... Тем более что вовсе не беременна — опухла просто. В Ленинград — навстречу гибели...»^{335}.

Город не отпускал Ольгу. Не отпускали личная трагедия, близкие люди, Миссия, дыхание которой она уже почувствовала. В письме к Макогоненко от 8 марта 1942 года она писала: «Знаешь, свет, тепло, ванна, харчи — все это отлично, но как объяснить тебе, что это еще вовсе не жизнь — это СУММА удобств. Существовать, конечно, можно, но ЖИТЬ — нельзя. И нельзя жить именно после ленинградского быта, который есть бытие, обнаженное, грозное, почти освобожденное от разной шелухи»^{336}.

В Москве Ольга развернула активную деятельность, пытаясь помочь Ленинграду, писателям, оказавшимся в кольце блокады. Она давала творческие вечера, буквально выбивала в Наркомпищепроме продукты для ленинградских писателей: лимоны, апельсины, сгущенное молоко, кофе. По негласному распоряжению А. А. Жданова адресные посылки для организаций Ленинграда не приветствовались. С одной стороны, распоряжение жестокое, с другой — перед голодом все равны, а слухи об отдельных категориях граждан, находящихся на особом положении, и так бродили по городу. Москва отталкивала Ольгу. Она все больше убеждалась, что на Большой земле не представляют

реальные тяжесть и последствия блокады. Тем не менее люди везде разные. И в Москве находилось очень много искренних, по-настоящему переживающих за Ленинград писателей.

«В Москве и Союзе писателей есть отдельные люди — полны самой настоящей боли за Ленинград, самого настоящего стремления помочь ему. И они делают все что могут. Тут в первую очередь надо говорить о Тихонове, потом о Ставском (он наладил вторую солидную посылку ленинградским писателям и несомненно поможет в добыче лекарств и для Радиокомитета), о Маршаке, у которого, правда, очень невысок КПД, но все же он хлопочет и т. д., о Фадееве, который, к сожалению, сейчас болен воспалением легких. Я слышала от Ставского, что и вообще — «тот, кому это нужно», о Ленинграде знает и старается, чтобы поскорее пришла помощь городу...»^{337} «Тот, кому это нужно», закавыченный в письме Берггольц, вероятно, товарищ Сталин. Так она называет «вождя народов», не произнося его имени вслух, предвосхищая на много десятилетий знаменитый псевдоним Воландеморта из саги Джоан Роулинг. О Владимире Ставском — особый разговор. Это тот самый случай, когда партийный функционер не был лишен личной храбрости, а доносы писал не из страха или выгоды, а искренне, по велению души, исходя из видения текущего момента и идеалов социализма. В 1938 году он написал докладную записку на имя Н. И. Ежова, требуя «решить вопрос о Мандельштаме». Нарком внутренних дел обращению внял и вопрос был решен. О. Э. Мандельштама повторно арестовали, и в этом же году он умер от сыпного тифа в пересыльной тюрьме. Тот же Ставский написал донос на имя Сталина о «грубых политических ошибках» М. А. Шолохова. Но Шолохов был не той фигурой, которую можно свалить одним доносом, даже на имя Сталина. И тот же Ставский храбро воевал в

Гражданскую войну, был военным корреспондентом в самых горячих точках на Халхин-Голе и во время финской войны, где получил тяжелое ранение. От пуль не прятался, дважды награжден орденом Красного Знамени. Погиб во время вылазки за нейтральную полосу вместе со снайпером Клавдией Ивановой недалеко от Невеля в 1943 году. Его пример наглядно демонстрирует нам две простые истины. Во-первых, личная храбрость еще не является гарантией внутренней порядочности; во-вторых, невозможно служить добру драконовскими методами. Всегда, как бы высоко ни заводи́ла нас жизнь, необходимо помнить, как свет, как отцовский наказ: дьявол начинается с пены на губах у ангела. Посылка, собранная по ходатайству Ставского, вероятно, спасла многие жизни в блокадном городе. Но в памяти потомков он останется как человек, оклеветавший и убивший Мандельштама.

А «Февральский дневник» Берггольц расходился в списках по Москве, без малейших усилий принося автору бешеную популярность. Хотя сама Ольга терзалась сомнениями насчет художественной силы поэмы. Всё ей казалось, что сказано не то, не так. Параллельно с творческими выступлениями и хождениями по кабинетам, Берггольц составляла книгу стихов, посвященных блокадному Ленинграду. И снова чувствовала себя маленькой пылинкой в реке времени. «И вот вожусь с книжкой, все еще не снесла ее в издательство, кажется она мне слабой, рассыпчатой, недостойной Ленинграда, недописанной»^{338}.

Ее раздражало то, что правда о Ленинграде замалчивается. «Ни слова о голоде, и вообще, как можно бодрее и даже веселее. Мне ведь так и не дали прочитать по радио ни одного из лучших моих ленинградских стихов. Завтра читаю «Машеньку», «Седую мать троих бойцов», «Ленинградские большевички». Даже «Новогодний тост» признан

«мрачным», а о стихотворении «Товарищ, нам горькие выпали дни» — сказано, что это «сплошной пессимистический стон», хотя «стихи отличные» и т. д.»^{339}.

В Москве газета «Литература и искусство» предложила Ольге Берггольц стать их военным корреспондентом. Для нее это был большой соблазн: командировки по всем фронтам, возможность увидеть всю воюющую Россию. К тому же газета была нееженедельная, что давало возможность внимательно и вдумчиво готовить материал. Но для Берггольц выбор был очевиден, о нем она и писала в письме Георгию Макогоненко: «Я ни одной минуты не думала бы — принять или нет это предложение, если бы не было на свете Ленинграда и тебя... «Аще забуду тебя, Иерусалиме»...»^{340}. Письмо датировано 16 марта 1942 года, но к этой библейской фразе из 136-го псалма Псалтыри Ольга обращалась и раньше, в дневниковой записи от 9 марта. «Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя». И адресована эта фраза была погибшему мужу, Николаю Молчанову. Убежденная атеистка, Берггольц обращалась к Богу, как к последней инстанции, как к высшей воле, дающей наказание за грехи, но и дарующей крест, понять всю тяжесть которого можно только испытав то, что испытала в жизни сама Берггольц.

В Москве Ольга узнала, что ее отца, Федора Христофоровича, все-таки выселяют из Ленинграда. Причина все та же — немецкая фамилия. Она бросилась к Фадееву, тот обещал похлопотать. Хотя умом все понимают, что такой выход — все же лучше, чем оставаться в блокированном городе. Тем более что в Чистополе, куда он выслан, ему предложена хорошая работа главврачом поликлиники.

Берггольц не покидало чувство вины за смерть мужа. «Сегодня все время приступами — видение Коли

во второе мое посещение госпиталя на Песочной: его опухшие руки в язвах и ранках, как он озабоченно подставлял их сестре, чтоб она перевязала их, и озабоченно бормотал, все время бормотал, мешая мне кормить его, расплескивая драгоценную пищу. И я пришла в отчаяние, в ярость и укусила его за больную, опухшую руку. О, сука, сука!.. Мне нельзя жить. Это все равно не жизнь. Я оправдываю свое существование только тем, что слишком уж широк выбор гибели»^{341}. Ее терзали чувство вины и какая-то раздвоенность бытия. Она в прямом смысле сходила с ума от собственной совести, но ничего не могла поделать. «Живу двойственно: вдруг с ужасом, с тоской, с отчаянием — слушая радио и читая газеты — понимаю, какая ложь и кошмар все, что происходит, понимаю это сердцем, вижу, что и после войны ничего не изменится. Это — как окна в небе. Но я знаю, что нет другого пути, как идти вместе со страдающим, мужественным народом...»^{342}.

Ольга Берггольц вернулась в Ленинград 20 апреля 1942 года, и это возвращение стало очередным рубежом в ее жизни. В дневнике становится все меньше самобичующих записей. Ольга спокойно приняла свой крест и свой путь, как и полагается большому русскому поэту.

Голода в жизни Берггольц больше не будет. Во-первых, к маю 1942 года Ленинград немного оправился после блокадной зимы. С февраля 1942-го суточную норму выдачи хлеба подняли. Во-вторых, снабжение редакторов Радиокomiteта все же осуществлялось на несколько ином уровне, чем для всего остального населения, за исключением партийной номенклатуры. И паек был повышенным, и кормили в столовых общего питания, и талоны на крупу и мясо выдавали.

Первого мая 1942 года в Ленинград из Москвы прилетели Александр Фадеев, Николай Тихонов,

Маргарита Алигер. Писатели провели встречу с коллегами в Доме радио на том самом седьмом этаже.

По инициативе Михаила Шолохова 5 июня 1942 года в Ленинграде вышел, наконец, отдельным изданием «Февральский дневник». Ольга в Городе — почти икона. Ее знают все, ей пишут письма благодарности. «Какая-то страшная пожилая женщина говорила мне: «Знаете, когда заедает обывательщина, когда чувствуешь, что теряешь человеческое достоинство, на помощь приходят ваши стихи. Они были для меня как-то всегда вовремя. В декабре, когда у меня умирал муж, и, знаете, спичек, спичек не было, а коптилка все время гасла, и надо было подталкивать фитиль, а он падал в баночку и гас, и я кормила мужа, а ложку куда-то в нос ему сую — это ужас, — и вдруг мы слышим ваши стихи. И знаете — легче нам стало. Спокойней как-то. Величественнее»...»{343}

А в августе того же года неожиданно из Радиокomiteта уволили Макогоненко. Причиной стали стихи. Не Берггольц, а замечательного поэта Зинаиды Шишовой. Макогоненко пустил в эфир ее поэму «Блокада», даже не поэму еще, а наброски, отдельные главы. Поэму Шишова закончила только в 1943 году, но и того, что ушло в эфир, было достаточно. Передача по радио еще не закончилась, как раздался звонок из горкома партии, трансляцию пришлось прервать. Возможно, из-за этих обнаженных строк:

...Ты просишь пить — и я опять иду
И принесу — хотя бы полведра...
Не оступиться б только, как вчера!

Вода, которая совсем не рядом,
Вода, отравленная трупным ядом,
Ее необходимо кипятить,
А в доме даже щепки не найти...

Наш дом стоит без радио, без света,
Лишь человеческим дыханием согретый...
А в нашей шестикомнатной квартире
Жильцов осталось трое — я да ты,
Да ветер, дующий из темноты...

Нет, впрочем, ошибаюсь — их четыре.
Четвертый, вынесенный на балкон,
Неделю ожидает похорон [{344}](#).

Такую откровенность горком ВКП(б) счел преждевременной. Макогоненко был уволен, что означало лишение брони и возможную отправку на фронт. Впрочем, как видно из дневников Ольги Берггольц, сам Макогоненко не был рыцарем без страха и упрека. Горком запретил поэму к эфиру, предупредил об этом И. М. Широкова, директора Ленинградского радиокомитета. Широков об этом никому не сказал (забыл?), а Макогоненко, не зная о запрещении, дал поэму в эфир. Горком был в ярости, Широков и Я. Л. Бабушкин свалили все на Макогоненко. После увольнения Макогоненко некоторое время проработал в политуправлении Балтийского флота и только в сентябре 1943 года был восстановлен на работе в Радиокомитете.

В июне — июле 1942 года Берггольц написала «Ленинградскую поэму» — не просто стихи, а попадание в нерв блокадного Города.

Я как рубеж запомню вечер:
декабрь, безогненная мгла,
я хлеб в руке домой несла,
и вдруг соседка мне навстречу.
— Сменяй на платье, — говорит, —

менять не хочешь — дай по дружбе.
Десятый день, как дочь лежит.
Не хороню. Ей гробик нужен.
Его за хлеб сколотят нам.
Отдай. Ведь ты сама рожала... —
И я сказала: — Не отдам. —
И бедный ломоть крепче сжала^{345}.

Как до этого и с «Февральским дневником» — успех оглушительный. «Успех поэмы превзошел все мои ожидания. Нет смысла записывать все перипетии борьбы за нее — походы к Маханову^[35], разговоры с Шумиловым и т. д. Главное, что с очень небольшими, непринципиальными словесными изменениями (разумеется, ненужными и ухудшающими эти строки) она была напечатана в «Ленинградской правде» от 24 и 25 июля и читана мною по радио 21/VII»^{346}.

Чтобы понять причину внезапного успеха Берггольц, необходимо, во-первых, представить, как много значило радио для жителей блокадного Города. Одним из худших моментов Блокады, по воспоминаниям многих очевидцев, был декабрьский день, когда по техническим причинам радио не работало три часа. Даже метроном не стучал. Полная тишина. Голодные люди оказались в полной неизвестности, не зная, захвачен город или просто сбой на линии. Во-вторых, необходимо просто послушать, как она читает свои стихи. С легким груссированием, невероятной искренностью, по живому, что называется. Воистину, голос Города!

«Едва этот голос произносил первые слова, как его интонация уже становилась как бы твоей собственной, словно она жила в тебе все время, но — мучимая голодом, бедою, страхом — не смогла ожить и зазвучать; горожанин, услышавший этот голос, тоже напрягал все свои усилия в отчаянном рывке к жизни и победе, и он,

естественно, воспринимал его как свой собственный, но только — многократно усиленный — голос победоносно звучал из пробитых осколками уличных громкоговорителей, и в заводских цехах, и в «тиши глухих обледеневших зданий»^{347}.

В Ленинграде Берггольц и Макогоненко жили на Рубинштейна, 22: большая квартира, есть даже кабинет для творчества. Известность Ольги принесла ей повышенный паек и возможность работать на дому. С продуктами перебоев больше не будет, жизнь войдет в относительно спокойную колею. Ольга не оставляла попыток построить семью, забеременеть, но каждая беременность заканчивалась выкидышем.

Когда 18 января 1943 года советские войска после ожесточенных боев прорвали кольцо Блокады, Ольга на страницах дневника поделилась радостью с покойным мужем Николаем Молчановым. Что происходит в ночь на 19 января в Ленинграде — не передать никакими словами. 24 января она написала сестре слова, полные счастья и боли: «...Как я думала о тебе, сестренка, в ночь с 18 на 19 января... У нас все клубилось в Радиокomiteте, мы все рыдали и целовались, целовались и рыдали — правда! И хотя мы знаем, что этот прорыв еще не решает окончательно нашу судьбу, — ведь, черт возьми, так сказать, с другой стороны, немцы-то еще на улице Стачек, 156, все же весть о прорыве, к которой мы были готовы, обдала совершенно небывалой, острой и горькой в то же время радостью... Мы вещали всю ночь, без всякой подготовки, но до того все отлично шло — как никогда...

До чего это трогательно было и приятно, что именно сюда, в Радиокomiteт, стремились люди. Одна старушка в пять часов утра встала и шла из Новой Деревни пешком, не в силах дожидаться трамвая, «поговорить по радио», ее выпустили, конечно...

Повторяю, хотя мы еще накануне кое-что существенное знали и, слыша гром нашей артиллерии, понимали, что он значит, — известие меня ошеломило. Просили, чтоб я написала стихи, — но рифмовать я ничего не могла. Я написала то, что просилось из души, с мыслью о Коле, вставила две цитаты из «Февральского», — и как будто бы вышло. Когда села к микрофону, волновалась дико, и вдруг до того начало стучать сердце, что подумала, что не дочитаю — помру. Правда. И потому говорила, задыхаясь, и чуть не разревелась в конце, а потом оказалось, что помимо текста именно это «исполнение» и пронзило ленинградцев.

Мне неудобно даже тебе писать об этом, но факт, при этом для меня совершенно неожиданный: на другой день все говорили об этом выступлении («Вот сказала то, что все мы думаем, и так, как все чувствовали») — и до сегодняшнего дня я продолжаю получать письма — отклики на это выступление — в стихах и прозе. Некоторые пишут: «Мы сразу после известия о победе стали ждать Вашего выступления — и не ошиблись: мы услышали Ваш уже так знакомый и милый голос, и Вы сказали то, что у всех у нас горело в сердце». Но что мне действительно приятно — это сообщение Любы Спектор, которая в эти минуты была на Волховском фронте, соединившемся с нашим. Она прибежала ко мне 20.1 и, захлебываясь, рассказывала: «Понимаешь, именно в той землянке, откуда генералы руководили боем, они тебя слушали и ревели, понимаешь, ревели генералы, и бойцы тоже слушали, и все говорили: увидите ее — обнимите»^{348}.

Вот что сказала Берггольц ленинградцам и всей России: «Здравствуй, Большая Земля!

Ленинградцы, дорогие соратники, товарищи, друзья!
Блокада прорвана! Мы давно ждали этого дня. Мы всегда верили, что он будет. Мы были уверены в этом в

самые черные месяцы Ленинграда — в январе и феврале прошлого года. Наши погибшие в те дни родные и друзья, те, кого нет с нами в эти торжественные минуты, умирая, упрямо шептали: «Мы победим». Они отдали свои жизни за честь, за жизнь, за победу Ленинграда. И мы сами, каменея от горя, не в силах даже облегчить свою душу слезами, хороня в мерзлой земле их без всяких почестей, в братских могилах, вместо прощального слова клялись им: «Блокада будет прорвана. Мы победим!» Мы чернели и опухали от голода, валялись от слабости с ног на истерзанных врагом улицах, и только вера в то, что день освобождения придет, поддерживала нас. И каждый из нас, глядя в лицо смерти, трудился во имя обороны, во имя жизни нашего города, и каждый знал, что день расплаты настанет, что наша армия прорвет мучительную блокаду.

Так думали мы тогда. И этот час наступил — ночь с 18 на 19 января 1943 года.

Мы знаем, нам еще многое надо пережить, многое выдержать. Мы выдержим все. Уж теперь-то выдержим, теперь-то мы хорошо почувствовали свою силу.

Мы знаем, что сейчас с восторгом, с гордостью, со счастливыми слезами слушает сообщение о прорыве блокады вся Россия — вся Большая Земля. Здравствуй, здравствуй, Большая Земля! Приветствуем тебя из освобождающегося Ленинграда! Спасибо тебе, Большая Земля, за твою помощь! Клянемся тебе, что мы будем бороться, не жалея никаких сил, за полное уничтожение блокады, за полное освобождение всей советской земли.

О, дорогая, дальняя, ты слышишь?
Разорвано проклятое кольцо!
Ты сжала руки, ты глубоко дышишь,
в сияющих слезах твое лицо.
Мы тоже плачем, тоже плачем, мама,

и не стыдимся слез своих: теплей
в сердцах у нас, бесслезных и упрямых,
не плакавших в прошедшем феврале.
Пусть эти слезы сердце успокоят...
А на врагов — расплавленным свинцом
пускай падут они в минуты боя
за все, за всех, задушенных кольцом.
За девочек, по-старчески печальных,
у булочных стоявших, у дверей,
за трупы их в пикейных одеяльцах,
за страшное молчанье матерей...
О, наша месть — она еще в начале, —
мы длинный счет врагам приберегли:
мы отомстим за все, о чем молчали,
за все, что скрыли от Большой Земли!
Нет, мама, не сейчас, но в близкий вечер

я расскажу подробно обо всем,
когда вернешься в ленинградский дом,
когда я выбегу тебе навстречу.
О, как мы встретим наших ленинградцев,
не забывавших колыбель свою!
Нам только надо в городе прибраться:
он пострадал, он потемнел в бою.
Но мы залечим все его увечья,
следы ожогов злых, пороховых.
Мы в новых платьях выйдем к вам навстречу,
к «Стреле», пришедшей прямо из Москвы.
Я не мечтаю — это так и будет.
Минута долгожданная близка.
Но тяжкий рев разгневанных орудий
еще мы слышим: мы в бою пока.
Еще не до конца снята блокада...
Родная, до свидания!
Иду
к обычному и грозному труду

во имя новой жизни Ленинграда»^{349}.

«Стрела» из Москвы — это что-то нереальное в представлении жителей блокадного Ленинграда. Как весточка с Марса, сигнал из другой галактики. И этот сигнал прорвался сквозь черноту космоса, сквозь все черные дыры, и руками советских солдат было сотворено Чудо: прорвана Блокада!

Ольга продолжала выступать по радио. С прорывом Блокады бомбежки города не прекратились.

Весной 1943 года из Радиокomiteта уволили Бабушкина. Яков Львович лишается «брони», и 23 июня его призывают в армию, а 1 февраля 1944 года он погибает под Нарвой — человек, усилиями которого Ленинградская симфония Шостаковича прозвучала в блокадном Городе. Сборник своих стихов и радиопередач «Говорит Ленинград» Ольга Берггольц посвятила его памяти.

Сейчас действительно сложно понять, почему именно Берггольц стала «Блокадной Мадонной». Не самые гениальные стихи с точки зрения стихосложения. Не самый правильный взгляд на партию и власть. Не самый целомудренный образ жизни. Все «не самое». А вот случилось попадание в нерв ленинградского быта.

В декабре 1941-го — феврале 1942 года жизнь ленинградцев вышла за предел человеческих возможностей. И то, что Город выжил — свидетельство Промысла Божьего. День блокадника был поделен на череду маленьких подвигов. Спуститься к реке и принести воды — подвиг; раздобыть дров — подвиг; отоварить карточки — подвиг; не упасть на улице — подвиг. И так каждый день. И в этой череде свершений тихий голос Ольги смог упорядочить расшивающееся на куски бытие. Она своими стихами, как клеем, скрепляла блокадную действительность, сосредоточенную в душе

каждого отдельного человека. Быт Города вырастает из быта его жителей, каждого в отдельности. И если человек — это микрокосм, целый непознанный мир, то не существует универсального ключа, отмыкающего все духовные засовы. К каждому потребен свой ключик. Но в том-то и секрет Берггольц, что она такой ключ нашла, выточила, сама, может быть, того до конца не осознавая. И люди поверили ей. А значит и Город повернулся к ней навстречу своим высохшим серым лицом.

Немного коряво, восторженно и даже панибратски, но при этом наиболее точно этот феномен объяснила дальняя подруга Берггольц — Ольга Хузе — в письме от 12 июля 1942 года: «Родная моя, то, что ты написала, это ж то, что испытано миллионами, — «такими мы счастливыми бывали, такой свободой дикою дышали, что внуки позавидовали б нам». Ты перестала быть маленькой ленинградской поэтессой — ты стала чувствилищем тысяч и тысяч нас, вот теперь ты стала поэтом.

Такое пишется тогда, когда между поэтом и жизнью ничего нет между, никаких оглядок, никаких мелочных беспокойств о свежести рифм, образов, — тут уверенность в правоте каждого слова, а слово полноценно, весомо, зримо-полновесное зерно, о котором мечтал всегда Маяковский»^{350}.

В апреле 1945 года, ровно за месяц до Победы, Ольга Берггольц закончила поэму «Твой путь» — лучшее, что было написано о Блокаде во все времена. В этой поэме она берет высоту гения, равного ее расстрелянному мужу Борису Корнилову, равную «Двенадцати» Александра Блока, равную «Медному всаднику» Пушкина. Она достигает поэтического потолка, выше некуда, выше только звезды и небо. В этой поэме нельзя выкинуть ни единого слова, ни единой запятой. В ней — ни строчки о непобедимой

Красной армии, партии и зверствах фашистов, но вместе с этим предельно сжатая суть Блокады, человека внутри бесчеловечного, — ода любви, силе духа. Ни единой строчки о Боге — и вместе с тем — самое христианское, что было ей написано за всю жизнь. Она в ней пишет о себе, поочередно обращается на «ты» к погибшему мужу и Георгию Макогоненко, так внезапно, так случайно и вместе с тем выверено, что два любимых мужчины в ее жизни сливаются в одно — в один образ, равный Городу. А тысячи неизвестных, погибших в Блокаду, не сдававшихся — оживают в неизвестном, вмерзшем в лед человеке. Он — жуткий и честный символ умерших и съеденных, и вместе с тем — не сломавшихся и выживших. Как Берггольц это сделала, для меня остается загадкой — это Чудо поэзии.

...И на Литейном был один источник.
Трубу прорвав, подземная вода
однажды с воплем вырвалась из почвы
и поплыла, смерзаясь в глыбы льда.
Вода плыла, гремя и коченея,
и люди к стенам жались перед нею,
но вдруг один, устав пережидать, —
наперерез пошел
по корке льда,
ожесточась пошел,
но не прорвался,
а, сбит волной,
свалился на ходу,
и вмерз в поток,
и так лежать остался
здесь,
на Литейном,
видный всем, —
во льду.

А люди утром прорубь продолбили
невдалеке
и длинною чредой
к его прозрачной ледяной могиле
до марта приходили за водой.
Тому, кому пришлось когда-нибудь
ходить сюда, — не говори: «Забудь».
Я знаю все. Я тоже там была,
я ту же воду жгучую брала
на улице, меж темными домами,
где человек, судьбы моей собрат,
как мамонт, павший сто веков назад,
лежал, затертый городскими льдами.

Вот так настал,
одетый в кровь и лед,
сорок второй, необоримый год [{351}](#).

И — впервые — Ольга смело обращается к самому
Городу, узнавая, подтверждая свою случайную
избранность. Смело и во весь голос проговаривая вслух
те тонкие материи, которые в принципе проговаривать
не принято. Но ложная скромность уже не работает в
случае поэта, твердо знающего, зачем он родился на
свет.

Я счастлива.
И все яснее мне,
что я всегда жила для этих дней,
для этого жестокого расцвета.
И гордости своей не утаю,
что рядовым вошла
в судьбу твою, мой город,
в званье твоего поэта.

Не ты ли сам зимой библейски грозной
меня к траншеям братским подозвал
и, весь окостеневший и бесслезный,
своих детей оплакать приказал.
И там, где памятников ты не ставил,
где счесть не мог,
где никого не славил,
где снег лежал
от зарев розоватый,
где выгрызал траншеи экскаватор
и динамит на помощь нам, без силы,
пришел,
чтоб землю вздыбить под могилы,
там я приказ твой гордый выполняла...
Неся избранье трудное свое,
из недр души я стих свой выдирала,
не пощадив живую ткань ее...

И ясно мне судьбы моей веленье:
своим стихом на много лет вперед
я к твоему пригвождена виденью,
я вмерзла
в твой неповторимый лед-[{352}](#).

Поэма автобиографична. Николай Молчанов и Георгий Макогоненко. Любовь и Смерть. Все рядом. Все до конца. Но не только факты личной биографии выводят этот текст на уровень величайших поэтических произведений, написанных на русском языке, — надсмысл, надиктованный самим Городом. Испытания, заставившие пройти Ольгу сквозь муки ада (физического и внутреннего, ада совести, самокопания и вины), — высекли каждое слово этой поэмы ленинградским гранитом: щербатым, холодным, неповторимым и вечным. Выскажу страшную мысль, но

может быть Город (как сумма земного и метафизического) устоял только потому, что жила в нем маленькая хрупкая женщина, сдерживавшая ад своими стихами.

Критики и недоброжелатели не упустили повода обрушиться на Берггольц. Мотив верности погибшим мужьям в послевоенной литературе стал не высказанным вслух указующим лейтмотивом. Поэтому сама возможность счастья с другим человеком, после того как твой муж умер от голода, не уместалась в партийную линию соцреализма.

«И вот вне всякой связи с постановлением, — писала она в дневнике через год после выхода поэмы, — появился в одной ленинградской газете огромный подвал, где в разнузданно-хамских тонах опорочивались мои блокадные стихи и в особенности поэма «Твой путь». Писалось текстуально следующее: «В этом произведении рассказывается о том, как женщина, потеряв горячо любимого мужа, тотчас благополучно выходит за другого. Эта пошлая история не имеет ничего общего с героической победой Ленинграда»^{353}.

Мало кто понимал, что никакая критика, никакие постановления и осуждения не могли вынести Ольге приговора тяжелее, чем вынесла она сама себе.

«Когда поэма уже вышла, Ольга, перечитывая свой военный дневник, записывает: «Где-то затерялся день, когда однажды Коля немисливо нежным голосом уговаривал, молил меня: «Оленька, уедем, солнышко, Псоич, уедем...» Я сидела рядом с ним на кровати, положив ему голову на грудь, и сказала только: «Ладно, уедем».

Как он собирался, как складывал все в мешки, сшитые им же крупными, черными стежками. Он чувствовал, что гибель подходит к нему. А у меня это только до ума доходило, а до сердца — нет. Черствое и легкомысленное оно было.

И неверным он выглядит из этих записок. Да, он и жалок был, и оголодал дико, но в то же время — сколько доброты и кротости в нем было, и весь он жил мыслью — спасти меня, увезти. Ведь он и от Юры хотел меня увезти — я знаю, я и тогда догадывалась об этом.

Господи, только бы не забыть ничего.

Пусть мучит его лицо, его облик весь, пусть совесть терзает все так же жгуче, — как посейчас, только бы не забыть ничего.

Добрый мой, прекрасный, мука моя пожизненная и отрада, — не уходи из меня.

ЛЮБОВЬ МОЯ,
ВЕЧНАЯ КАЗНЬ МОЯ,
ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ МОЯ»[{354}](#).

После войны, после Победы, когда все испытания были пройдены, когда пришла по-настоящему всесоюзная слава, когда Берггольц обрела ясный и звонкий поэтический голос, — случился надлом. Как это произошло? Что стало последней каплей? Лучше всего на эти вопросы отвечает сама Берггольц в автобиографии.

«Вино я пила и до войны, и во время войны — эпизодически, в компании. Средством утешения и забвения оно для меня не было. <...> Сил еще было много, и до знаменитого бублика, съев который после двух калачей чувствуешь себя сытым по горло, — было еще далеко. Но дело не в вине. Дело в жизни, о ней и буду продолжать писать. К 46 году у нас был уже уютный, красиво и хорошо обставленный дом, хлебосольный, любимый друзьями, все более совершенствующийся, требующий все большего внимания хозяйки. Мы оба с любовью им занимались. <...> Но уже с начала 46 года призраки стали возвращаться. <...>

Затем, в августе 1946 г., известное постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Я, как и все писатели, не была к нему подготовлена — надо было много продумать, понять, а сначала оно меня ошеломило. Кроме того, Анну Ахматову я знала с 18 лет, дружила с ней, любила ее и ее стихи, и все об этом знали, и хотя я никак не упоминалась в постановлении, и хотя мое творчество прямо противоположно ахматовскому, вокруг меня в Лен. отд. Союза писателей начали некоторые братья-писатели и критики поднимать свистопляску. Среди них были и те, которые исключили меня из партии в 37 году.

За 9 истекших с того времени лет имена их не стали широко известны советскому читателю, а мое, к их прискорбию, стало. <...>

Потом, так как я не «разоблачила» Ахматову, меня отовсюду повыгоняли — из Правления, из редсовета издательства, выступление мое по поводу постановления на решающем собрании — ленинградская печать признала «неправильным», «несамокритичным» и т. п., и т. п., мою книгу «Избранное», включенную в «Золотую серию» к 30-летию Октябрьской Революции, ленинградский союз с восторгом вычеркнул из списка. И открылись во мне раны 37–39 гг... И вот, вкупе с общими и другими ощущениями, — это был тот самый бублик. <...>

К концу 48 года я закончила трагедию в стихах, пять актов с прологом, — о Севастополе (трагедия «Верность»). Покойный А. Я. Таиров и Алиса Коонен заявили, что такой трагедии они ждали много лет, что это будет их «лебединая песнь». Театр принял трагедию, увлекся ею. Н. П. Охлопков прочел и стал уговаривать меня отдать эту вещь «только ему». Главрепетком запретил трагедию «за мрачность» и «искажение действительности», Комитет по делам искусства заявил, что не согласен с запрещением, но просил меня «сделать трагедию повеселее». Я ответила, что с созданием такого новаторского жанра, как

«веселая трагедия», заведомо не справлюсь, и положила ее в стол. Она «отлежалась», я ее все же доработаю, превратив в драматическую поэму. Она написана в результате нашей поездки в только что освобожденный Севастополь в 44 г., после ликвидации блокады, ее тема — «великое доверие народа к Советской власти в период отчаянного положения» — то, о чем говорил Сталин в известном своем тосте.

В начале 49 г. я взялась за поэму «Первороссийск», задуманную и начатую даже еще до войны. Юра в это время выпускал свою книгу о Радищеве, она выходила в Москве. <...>

Он нанял дачу, далеко от Ленинграда, на Карельском, утащил меня туда, мы жили там весь сентябрь. <...>

Там, в 49, на даче я все же начала писать «Первороссийск», вцепившись в него, как в спасательный круг. Писала запоем, меньше чем за год написала 2000 строк, не считая множества вариантов, вложила в поэму все, во что свято верила и верю, что люблю бесконечно, чем жила и живу.

С июля 50 г. началось прохождение поэмы по редколлегии и ответственным инстанциям; дельные советы, необходимые по совести переработки и доработки перемежались изнурительным отстаиванием того, в чем автор был убежден и не хотел портить... Отняло это у меня столько нервов, что не сосчитать. Все время при этом ощущала — уже потребность — в определенном допинге. Последний, 1951 год, несмотря на читательский большой успех «Первороссийска», а затем получение Сталинской премии, был в отношении «допинга» самым тяжелым. <...>

Может быть, все это вышло по формуле Достоевского — «страданье есть — виновных нет»^{355}.

Автобиография была написана весной 1952 года по просьбе врача психоневрологической больницы на 15-й

линии Васильевского острова Якова Львовича Шрайберга. Именно он осознал ее ценность и впоследствии передал в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). В клинике Ольга лечилась от алкогольной зависимости.

С 1947 года, после получения денежной премии за пьесу «Они жили в Ленинграде», в семью пришел достаток. Ольга обставила дом роскошной мебелью, стала давать обеды для друзей с обилием деликатесов, без оглядки шикавала, словно все происходящее — в последний раз. С Макогоненко возникает некоторая двусмысленность в отношениях. С одной стороны, он популярный преподаватель университета, молодой, красивый, аспирантки и студентки вьются вокруг него толпой, с другой — уязвленное самолюбие мужчины, которого не устраивает роль всего лишь «мужа Берггольц». И, конечно, тень Николая Молчанова незримо присутствовала в их доме.

Александр Крон в своих воспоминаниях не обходит тему «допинга»: «Застолье в доме на улице Рубинштейна никогда не было пустой болтовней, говорили о жизни и о литературе, было весело, и все-таки, вспоминая наши встречи, я не могу отделаться от укоров совести, не думать о том, как мы, друзья, нежно любившие Ольгу, мало ее берегли, как скоро мы привыкли к тому, что Оля — «свой парень», и забывали, что она все-таки женщина, притом многое пережившая, с незалеченными травмами, с необыкновенно тонкой, легко возбудимой нервной организацией, и не всегда понимали, что Ольга заметно отличается от нас, в большинстве своем здоровенных мужиков, своей незащищенностью. Ольга ни в чем не знала удержу и беречь себя не умела»^{356}.

Изменилась и тональность дневниковых записей Ольги Берггольц. Они стали... не унылыми, нет — усталыми! Возникла мания преследования.

«29 января 1948. Сижу и думаю над моей жизнью — и все более странной, мучительно-странной кажется мне она. В сущности — она катастрофична: такое счастье, как две мои дочери, — и их страшная гибель. Коля — и страшная его гибель. Настоящая, народная, честнейшая, всей правдой и только правдой заработанная слава — и непрерывное ожидание кары за нее, удара сверху, это имеет основания и в общей судьбе искусства, и в том, что «наверху» не только, т. е., не санкционировали эту славу, но демонстративно не признают ее — замалчивая меня в течение ряда лет или глупо ругая, не награждая, не выдвигая — т. е. не соблюдая элементарных традиций. Это бы — плевое дело, если б за всем этим не стояла «угроза каторгой». И я, как щедринский тип, который неизвестно за что сосчитан «злодеем»... трепещу ежемгновенно и прежестoko — а почему, собственно?! За что этот вечный страх, отравляющий жизнь? Эти уши и глаза — всюду, всюду...»[{357}](#).

В 1948 году, 7 ноября, скончался отец, Федор Христофорович.

В 1949 году начало раскручиваться печально известное «Ленинградское дело», которое рикошетом затронуло и Берггольц: книги о Ленинграде убирают с полок магазинов, разгоняют и закрывают Музей обороны и блокады Ленинграда, книга Берггольц «Говорит Ленинград» оказывается под запретом, из библиотек изымают все экземпляры. ЦК ВКП(б) стремительно, одним махом решает уничтожить героику Блокады, вытравить саму память о ней, о подвиге сотен тысяч жителей, рабочих, солдат. За изъятием книги в сталинское время обычно следовал арест. Ольга с Юрием Макогоненко решили уехать из Ленинграда на дачу.

«31 октября 1949. <...> Ощущение погони не покидало меня. Шофер, как мы потом поняли, оказался халтурщиком, часто останавливался, чинил подолгу

мотор, — а мне показалось — он ждет «ту» машину, кот[орая] должна нас взять. Я смотрела на машины, догоняющие нас, сжавшись, — «вот эта... Нет, проехала... Ну, значит, — эта?»

Уже за Териоками, в полной темноте, я, обернувшись, увидела мертвенные фары, прямо идущие на нас. «Эта». Я отвернулась и стиснула руки. Оглянулась — идет сзади. «Она». Оглянулась на который-то раз и вдруг вижу, что это — луна, обломок луны, низко стоящий над самой дорогой... Дорога идет прямо, и она — все время за нами. Я чуть не зарыдала в голос — от всего»[{358}](#).

В эти дни на рукописных тетрадках Ольгиных дневников появилось несколько сквозных дыр. Опасаясь возможного обыска, Макогоненко прибил их молотком к тыльной стороне скамейки.

На этот раз беда прошла мимо.

Весной 1952 года Ольга с группой писателей была отправлена в командировку на Волго-Донской канал, строительство которого вступило в завершающую стадию. Канал возводили пленные немцы, заключенные и лишь малую его часть — вольные рабочие. После возвращения она записала в дневнике: «Путь с Карповской в Сталинград, зимой после пуска станции: во вьюге свет машины выхватывал строителей, которых вели с торжества с автоматами наперевес... и окружали овчарки. В темноте, под вьюгой. Сидела в машине, закинув голову, и куда-то глубоко внутрь, как свинец, текли слезы. За стеклами машины шел мой народ, 90 % из него были здесь ни за что... Чего они удивляются, что я запила после этого? Если б я была честным человеком, мне надо было бы повеситься или остаться там»[{359}](#).

После возвращения с Волго-Дона Ольга ушла в запой и оказалась в психоневрологической больнице. Вот он, последний бублик после двух калачей.

И уже в психиатрической клинике беспощадные к самой себе и своей стране слова: «...А внутри все голосило от бешеного протеста: как?! Так я вам и выблюю в ведро все, что заставило меня пить? И утрату детей и самой надежды на материнство, и незаживающую рану тюрьмы, и обиды за народ, и Николая, и сумасшедший дом, где он погиб, и невозможность говорить правду, и сомнения в Юрке [уже знала об его пошлейшей измене в 1949 году, и очень это болело], — и вот все так и остается кругом, и вы думаете, что если я месяц поблую, то все это во мне перестанет болеть и требовать забвения? Ну, куда же денется эта страшная, лживая, бесперспективная жизнь, которой мы живем, которой не видно никакого конца? Как же мне перестать реагировать на нее? Кем же мне стать? Ничего, кроме отвращения к человеческой тупости, ощущения какого-то бездонного расхождения с обществом, — конкретно, с «лечащими» меня людьми, — сестрой, приятелями, частично с мужем, — это «лечение» мне не принесло. И еще — глубокую грусть: оттого, что никак не объяснить им, что лечить меня от алкоголизма — не надо»^{360}.

Срыв произошел в сентябре 1952 года, когда события, накопившись, как снежный ком, напрочь снесли Ольгу с размеренной жизненной колеи: «Последние события, — партколлегия, привлекавшая якобы за «недостойное поведение» — за пьянство, с подъемом всего 37–39 гг. «упаднического творчества» и т. д. с доносами... наконец, сентябрь 52 г., когда я вошла в страшнейший запой, и этот звонок, анонимный, правда, когда мне сообщили, что у Юры любовница, и занесение меня в черные списки перед съездом, и Юрина декларация, — «как женщина, ты мне давно противна, я себя искусственно настраивал (как будто бы я сама этого не замечала!). Хочешь вешаться — вешайся.

Исключат — пусть исключают. Посадят — пусть сажают. Я на тебя насрал»^{361}.

Когда Ольга абсолютно теряет контроль над собой, ей на помощь приходит мать. О том, что творится у дочери дома, Мария Тимофеевна писала Ирэне Турской: «3/XII 54 г. Сейчас пришла от Ольги. Ирена дорогая, мне кажется, что и я заболеваю! Что творится! Прихожу к Ольге. Макогоненко дома нет. Вхожу в ее комнату. Лежит она на постели и, свесив голову, шарит рукой около постели. И спрашивает домработницу слабым пьяным голосом: — Зина, а мое тут стоит? — Да, да стоит около вас, — отвечает домработница. Я подхожу и вижу, стоит большая бутылка коньяку, в бутылке уже немного. Это уход за ней дома такой. Чтобы она не ушла. Так две домработницы и говорят: «Хозяин уходит, только так ее и успокаиваем». Я знаю много случаев, что так делалось и по его распоряжению... Ведь ее запой это не распутство, а тяжкая болезнь, и без врачебной помощи она погибнет»^{362}.

С 1952 года курсы лечения в больнице после тяжелейшего запоя, когда уже нет сил самостоятельно из него выбраться, стали регулярными. Ольга разрушалась нравственно и физически. Алкоголь давал ей ощущение свободы, возможность паясничать и в лицо говорить всем самую неудобную правду, поносить начальство и партию. Ее пьяные выходки были на слуху всей литературной общественности Советского Союза. Одну из таких выходок вспоминал Даниил Гранин, когда к нему пришла бумага из КГБ с требованием исключить Берггольц из партии. К чести Гранина, ему в этот раз удалось отстоять Ольгу.

Трещал по швам брак с Макогоненко. С 1952-го всё катится в пропасть, набирая скорость с каждым прожитым годом. Макогоненко изменяет, Ольга прощает и снова сходит с ума от ревности. Пьет запоями. Лечится. Снова пьет. Наконец в 1959 году он

окончательно от нее уходит: от другой женщины у него рождается дочка. Другая женщина дарит ему радость отцовства — то, что Ольга была подарить не в силах. Это был конец, окончательный разрыв. А расставшись с мужем, мысленно Берггольц возвращается к Николаю Молчанову, убеждая саму себя, что ее тогдашняя измена в 1941 году стала (неявно, но на высшем, небесном уровне) причиной его гибели.

После разрыва с Макогоненко Ольга стала редко появляться на людях, запирается в своей маленькой комнате, как в скорлупе. Мало писала. Уходили в мир иной лучшие друзья. Сначала Шварц, потом Светлов, в 1967 году — Юрий Герман, за ним — Твардовский. У Ольги началась затяжная депрессия.

В 1974 году Лев Левин и Александр Крон навестили Берггольц в ее квартире. Вот как вспоминал эту последнюю встречу Левин: «Я не видел Ольгу около четырех лет. Она катастрофически переменилась. Передо мной лежала старая женщина, почти ничем не напоминающая прежнюю Ольгу. Разве только смеялась она еще по-прежнему.

Мы с Кроном незаметно переглянулись. По выражению его лица я понял, что он думает о том же самом. <...>

После нескольких глотков коньяка Ольга оживилась, на лице появился слабый румянец. Она едко иронизировала по поводу некоторых наших общих знакомых. На мгновение возникла прежняя Ольга — умная, злая, острая на язык. <...>

На прощание Ольга подарила каждому из нас свою пластинку, недавно выпущенную фирмой «Мелодия».

Придя в гостиницу, я прочитал надпись: «Другу юности, зрелости и нынешних лет».

«Нынешних лет», — невольно повторил я. Употреблять более уместное в данном случае слово «Старость» Ольга не захотела.

С одной стороны бумажного футляра, в который была упакована пластинка, на меня смотрела Ольга времен нашей юности и зрелости — золотоволосая, с умным и веселым взглядом, с неповторимой, единственной на свете золотисто-льняной прядкой, падающей на высокий и чистый лоб.

Такой запечатлел ее в 1950 году Натан Альтман.

Такой я помню и буду помнить ее до конца моих дней.

Ольгу «нынешних лет», лежавшую в январе 1974 года в своей квартире на Черной речке, я всячески стараюсь забыть»[{363}](#).

Она умерла 13 января 1975 года, ей было 65 лет. Похоронили ее на Волховом кладбище, рядом с писателями Петербурга — Ленинграда, хотя сама Берггольц просила похоронить ее на Пискаревке. Но большое начальство не захотело выполнить волю усопшей.

Город выбрал ее — одну из сотен тысяч, вознес на вершину народной любви, отобрал самого любимого и дорогого человека. И одно из своих последних стихотворений Ольга пишет Ленинграду:

Теперь уж навеки,
теперь до конца
незыблемо наше единство.
Я мужа тебе отдала, и отца,
и радость свою — материнство.

И нет мне дороже награды,
чем в годы военной угрозы
моих благодарных сограждан
скупые и светлые слезы

За все и за всех виноватой,
душе не сказавшей «прости»,

одной мне из этой палаты,
одной никогда не уйти.

Одна палата — это клетка блокадной больницы, где в бреду, привязанный к кровати, умирал Николай Молчанов. Другая палата — это палата психбольницы, где лечилась сама Ольга от запоев. И не было голоса, который, как в далекий январский вечер 1942 года, дал бы ей силы подняться, когда она, ослабев от голода, упала на улице, споткнувшись о чей-то труп. Улицы были совершенно темны — и вот, упала на полузаметенного снегом мертвеца. И от слабости и ужаса не нашла сил подняться. И вдруг услышала над собой свой собственный голос, читающий стихи... На мгновение ей показалось, что она уже умерла, и только когда голос смолк и диктор объявил следующую передачу, Ольга поняла, что где-то рядом работает репродуктор. Она встала и пошла на голос, зная наверняка, что с этого момента ее судьба принадлежит Городу, холоднее, беспощаднее и прекраснее которого нет на всем белом свете...

ХОЗЯИН ДОРОГИ

Михаил Александрович Нефедов,

капитан 1-го ранга,

начальник военно-автомобильной дороги № 101

Эх, Ладога, родная Ладога...

Дорога жизни.

Дорога смерти.

До сих пор она хранит свои тайны: затонувшие баржи с людьми, продуктами и боеприпасами, сбитые самолеты, ушедшие под лед полуторки... «В 1965 году группа дайверов в честь 20-летия Победы прошла по дну озера, по Дороге жизни. После прохождения маршрута они сообщили, что фактически шли по крышам автомобилей»^{364}.

Массовая эвакуация населения Ленинграда через Ладожское озеро началась еще до начала Блокады. Жителей города перевозили на баржах и катерах от Осиновца до Новой Ладоги. Но уже в сентябре стало понятно, что этот маршрут смертельно опасен. Во-первых, штормящая Ладога непредсказуема и коварна. Перегруженные людьми старые баржи в штормящем озере становятся неуправляемыми. Во-вторых, для немецкой авиации на открытой воде они являлись идеальными мишенями. Самая страшная трагедия произошла 17 сентября 1941 года, когда баржа № 752 затонула во время шторма, забрав на дно более семисот человек.

«Нашу баржу кидало из стороны в сторону. Буксирный трос, соединявший нас с «Орлом», лопнул, и мы остались один на один с разъяренной стихией. Деревянная обшивка старой баржи разошлась, и в образовавшиеся щели начала поступать забортная вода. Вода заполняла трюмы, и баржа погружалась в озеро все глубже и глубже...

В довершение всего баржа треснула и разломилась. «Орел» все это время находился недалеко, однако из-за огромных волн не мог подойти, чтобы снять людей с разваливающейся баржи. Но мы не паниковали, а сопровождавшие нас командиры вели себя достойно, как и полагается настоящим морским офицерам. Хотя всем уже было ясно, что помощи и спасения ждать неоткуда. Выяснилось, что на барже нет не только шлюпок или плотов, но даже спасательных кругов и поясов. Вообще ничего, что полагается иметь на судне, перевозящем людей. Выяснилось также, что нельзя было отправлять нас без всякого прикрытия с воздуха. Мы поняли это, когда над нами стали летать, обстреливая из пулеметов, немецкие самолеты. На палубе началась паника. Отчаянно кричали женщины, плакали дети. Среди выпускников медицинской академии раздались выстрелы. У них были пистолеты, и некоторые, не выдержав, кончали самоубийством»^{365}. Были сделаны оргвыводы, 13 октября командующим Ладужской военной флотилией был назначен бывший командир 1-й бригады торпедных катеров капитан 1-го ранга В. С. Чероков. Одним из первых его приказов было запрещение перевозок людей неуправляемыми баржами.

Но уже в сентябре 1941 года все понимали насущную необходимость живого коридора с Большой землей. 13 сентября датируется постановление Военного совета Ленинградского фронта «Об организации транспортной воздушной связи между Москвой и Ленинградом». Речь

пока не шла о массовой перевозке людей воздушным транспортом. Коридор налаживали для доставки из Ленинграда в Москву грузов оборонного значения, а также ценных специалистов военной промышленности. В сентябре о голоде еще никто всерьез не думал, поэтому в Москву из Ленинграда отправляли в первую очередь людей — ценные кадры с семьями, а также продукцию ленинградских оборонных заводов: танковые пушки, авиаприборы, телеграфные и телефонные аппараты. В Ленинград с Большой земли поступали снаряды, патроны, взрывчатые вещества, стрелковое оружие, моторы, средства связи, оптические приборы и другая необходимая для армии продукция. Но уже в ноябре характер грузов резко изменился. «Самолеты стали доставлять в Ленинград в основном продовольствие. 9 ноября 1941 г. И. В. Сталин подписал специальное постановление, определявшее план перевозок продовольствия в Ленинград на пять дней. По плану в город ежедневно доставляли 200 тонн следующих продуктов: концентраты — каша пшенная и суп гороховый — 135 т; колбаса и свинина копченые — 20 т, сухое молоко, яичный порошок — 10 т, масло сливочное — 15 т, комбижир, сало топленое — 20 т»^{366}.

Тем не менее, не умаляя важности авиационного сообщения с заблокированным городом, все понимали, что воздушный путь снабжения может играть лишь вспомогательную роль. При этом каждый транспортный самолет необходимо было усиливать истребительной группой сопровождения. Решить проблему доставки грузов в Ленинград и обратно можно было, только задействовав Ладогу.

В нашем представлении Дорога жизни — это путь по льду Ладожского озера, полупорки, груженые продуктами, стоят девушки-регулировщицы, а вокруг — бескрайняя ледяная пустыня. В реальности же Дорога жизни — это самый сложный логистический комплекс,

включающий организацию водного пути в весенне-летний период, строительство причалов, обеспечение их охраны, складские помещения, инженерные сооружения, взаимодействие тыла и фронта, работа гидрометеорологических служб. Плюс к этому огромный отрезок военно-автомобильной дороги № 102 (ВАД-102), проходивший по южному фасу межозерья Ладоги и Онеги — это 300 километров по болотам и непроходимым лесам. Эта часть Дороги жизни, начинавшаяся от маленькой и неизвестной станции Заборье, зачастую оказывалась куда более тяжелой, чем ледяная трасса по Ладожскому озеру. Достаточно сказать, что первая колонна в количестве 20 автомобилей 389-го автобатальона прошла этот участок трассы за две недели.

После того как 8 сентября немцы заняли Шлиссельбург, отрезав Ленинград от Большой земли, единственной артерией, питающей Ленинград, должна была стать южная часть Ладожского озера, находившаяся в непосредственной близости к противнику. В мирное время в серьезных перевозках по открытой воде не было необходимости, поскольку суда использовали более удобные приладожские каналы. Но теперь каналы были заняты немецкими войсками. На южном побережье Ладоги практически не было портов и причалов, ощущалась острая нехватка приспособленных для плавания на озере судов.

«Государственный комитет обороны уже 30 августа 1941 г. принял постановление [№ 604] «О транспортировке грузов для Ленинграда». [В нем] наркоматам военно-морского и речного флотов предлагалось выделить 75 озерных барж грузоподъемностью по 1 тыс. т и 25 буксиров, обеспечив курсирование ежедневно по 12 барж от пристани Лодейное Поле до Ленинграда. Для перевозки горючего

предлагалось выделить 1 танкер и 8 наливных барж. <...>

Вопрос о строительстве новых пристаней на озере возник еще до потери Шлиссельбурга. 30 августа 1941 г. Государственный комитет обороны [в том же 604-м постановлении] предложил немедленно подготовить фронт разгрузки в районе железнодорожной станции Ладожское Озеро для направления сюда барж в случае необходимости. 1 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта приказал начальнику Управления пути Северо-Западного бассейна Наркомречфлота Бородину произвести рекогносцировку возможных мест разгрузки озерных барж от мыса Осиновец до мыса Морьин Нос и составить технические проекты постройки причалов для приема 12 озерных барж ежедневно»^{367}. Работы проводили специалисты При-ладожского техучастка управления под руководством военного инженера В. К. Шурпицкого. Шурпицкий со своей группой в трехдневный срок выполнил рекогносцировку, составил проект постройки причалов для приема барж в бухтах Осиновец и Гольцмана. Южный берег Ладоги достаточно мелкий по сравнению с северным. Чтобы обеспечить судам подходы к причалам, во многих местах нужно было углублять дно. Работать приходилось и во время шторма, и при налетах немецкой авиации. И надо понимать, что в сентябре вода в Ладоге не просто холодная — она ледяная. Но несмотря ни на что, к концу сентября 1941 года поставленная задача была выполнена. Центральным стал причал в Осиновце, так как в бухте Гольцмана даже после проведения дноуглубительных работ было невозможно разгружать более трех судов одновременно. В Осиновце эта цифра достигала двенадцати. «Срок готовности гавани к приему одного судна был установлен 11 сентября, 5

судов — 18 сентября, 12 судов — 25 сентября 1941 г.»[{368}](#).

Как настырные муравьи, в рекордные сроки бойцы строительных и саперных батальонов и ленинградские рабочие построили на западном берегу склады, пирсы, причалы, землянки. От основной железнодорожной магистрали к Осиновцу, гавани Гольцмана и бухте Морье протянулись узкоколейки. Из Ленинграда доставили подъемные краны, другое строительное оборудование и к концу сентября ускоренными темпами возвели два причала в Осиновце, два причала в гавани Гольцмана и одну дамбу в бухте Морье с глубинами на подходах от 1,7 до 2,5 метра. Тот, кто хоть раз побывал на берегу Ладоги в этой части озера, знает, чего это стоило: можно на 100 метров отойти от берега, а воды будет по пояс.

Взаимодействие различных ведомств, служб и родов войск при организации перевозок порождало на первом этапе неразбериху и безответственность. Поэтому к 30 сентября 1941 года Военный совет фронта выстроил новую схему взаимодействия и подчинения. Уполномоченным по всем перевозкам был назначен генерал-майор А. М. Шилов, руководитель сложный и непростой. Запомним эту фамилию. Афанасий Митрофанович был заместителем начальника тыла Ленинградского фронта. Военный совет фронта наделил его широкими полномочиями: его распоряжения, касающиеся обеспечения перевозок, подлежали немедленному и беспрекословному выполнению всеми учреждениями и организациями. Ладожская флотилия выделила для обеспечения перевозок канонерские лодки «Селемджа», «Вира», «Нора», «Бурья», «Шексна»; транспорты «Совет», «Чапаев», «Вилсанди»; тральщики и буксиры № 126, 127, КП-19, «Норек», ТЦ-37, «Орел», «Связист»[{369}](#).

Военный совет Ленинградского фронта подчинил порт Осинец начальнику тыла фронта, но фактически — генерал-майору Шилову. Начальником порта был назначен капитан госбезопасности М. Г. Евграфов. Кадровый разведчик, впоследствии начальник ОКР СМЕРШ 34-го стрелкового корпуса Юго-Западного фронта. Подобное назначение показывает важность и секретность осинецкого порта. «Начальник порта Осинец, имея в своем подчинении пристани Морье, Гольсмана и Осинец, отвечал за прием, разгрузку и погрузку грузов, строительство, ремонт и поддержание в порядке гаваней, причалов, путей, складов, гидротехнических сооружений, аварийно-спасательную службу, охрану, конвойную службу, санитарную службу и ПВО»^{370}.

А. М. Шилов управлял такой огромной машиной с помощью системы военно-морских комендатур в портах на станциях разгрузки. Также была создана должность инспектора по водным перевозкам.

Водная артерия начала свою работу.

Столь долгое вступление к описанию жизненного пути и деятельности Михаила Александровича Нефедова, начальника ледового участка ВАД-101, нужно, что понять, чем была Дорога жизни для Ленинграда, как создавалась, какие этапы в себя включала. И только тогда подвиг одного человека, отвечавшего за перевозки и состояние ледовой трассы в зимний период, будет высвечен во всей своей объективности.

Постоянной угрозой была авиация противника, а также дальнобойная артиллерия. «Командование Ленинградского фронта с самого начала навигации на Ладожском озере принимало меры по защите водных перевозок. Однако в начале сентября 1941 г. в районе ст. Ладожское Озеро, Морье, Осинец действовал только один зенитный артиллерийский дивизион,

средств которого было недостаточно для надежного прикрытия перевалочных баз на западном берегу Шлиссельбургской губы. Поэтому Военный совет Ленинградского фронта [22 сентября] создает Осиновецкий бригадный район ПВО во главе с командующим генерал-майором артиллерии С. Е. Прохоровым»^{371}. В его состав входили семь зенитных артиллерийских дивизионов и две отдельные зенитные железнодорожные батареи. С ноября 1941 года Ладожский бригадный район ПВО будет подчиняться непосредственно Военному совету фронта, а не командованию ПВО. Помимо зениток водную трассу прикрывали авиационные группы Балтийского флота и 7-го истребительного авиакорпуса ПВО.

Несмотря на колоссальный объем проделанной работы, начальник тыла Ленинградского фронта генерал Феофан Николаевич Лагунов так охарактеризовал впоследствии создавшееся положение: «Настоящего объединения всех перечисленных организаций не было. Не было и единого руководящего оперативного органа, который бы возглавил перевозки и полностью отвечал за выполнение плана перевозок»^{372}.

А теперь к герою нашего рассказа!

О довоенном жизненном пути Нефедова известно крайне мало. Михаил Александрович Нефедов родился 21 ноября 1899 года в селе Капустин Яр Царевского уезда Астраханской губернии. Его военная карьера, как у многих из его поколения, началась после революции 1917 года. В рядах Красной армии он принял участие в Гражданской войне, во время которой, в 1918 году, вступил в РКП(б). Поскольку проявил себя Нефедов по политической линии, в январе 1922 года его направили на усиление в Электроминную школу в Кронштадте политлектором. Так, возможно несколько неожиданно для себя, он оказался в рядах Рабоче-крестьянского

Красного флота, но политрук будет служить там, куда его направит партия... С июля 1922 года Нефедов служил сначала инструктором, а затем начальником агитпропотдела политуправления Балтийского флота. В следующем году он стал комиссаром учебного отдела военно-морского училища. И пойти бы ему по линии агитации и пропаганды на карьерной лестнице, но в 1926 году его направили в составе делегации военных советников в Китай.

Китай 1926 года — это хаос, гражданская война, Северный поход Чан Кайши, борьба правительства Гоминьдана с генералами Бэйянской группы, а впоследствии и с Коммунистической партией Китая. Но в 1923 году правительство Гоминьдана договорилось с Советской Россией о сотрудничестве. Начиная с этого года в Южный Китай начали приезжать советники из СССР, наиболее значительным из которых был представитель Коминтерна Михаил Бородин. Главная задача Коминтерна состояла в том, чтобы наладить сотрудничество между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая, в результате чего был создан Первый объединенный фронт двух партий. Вот в эту обстановку на юг Китая и был направлен Нефедов. О деятельности его в Китае также мало известно, но вернулся он оттуда в январе 1928 года и сразу же стал помощником начальника 3-го отдела Учебно-строевого управления Военно-морского флота (УВМФ РККА).

В 1930 году его откомандировали на учебу на Курсы по усовершенствованию высшего начальствующего состава, которые он успешно окончил в следующем году, после чего в апреле 1931 года возглавил сначала 7-й сектор 1-го управления, а в октябре 1932-го — 3-й сектор 3-го управления УВМФ. Затем он учился на основном курсе Военно-морской академии РККА им. К. Е. Ворошилова и в 1935 году сдал выпускные

экзамены. В конце 1930-х годов он был назначен начальником 4-го отдела Разведывательного управления РККА. 4-й отдел — это военно-морская разведка. Тогда же ему было присвоено звание капитана 2-го ранга.

Столь яркий взлет, от агитатора до начальника военно-морской разведки, безусловно требует отдельного исследования. К сожалению, белых пятен в довоенной биографии Нефедова предостаточно. Крайне сложно, например, объяснить тот факт, что с марта 1938-го по июнь 1939 года Нефедов занимает должность заместителя начальника разведывательного отдела ВМФ, а в июне 1939 года — резкое понижение, практически вывод в тираж — его назначают всего лишь старшим преподавателем кафедры тактики Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе в Ленинграде. В чем причина такого падения? Клевета? Доносы? На сегодняшний день нам это неизвестно.

Но стоит отметить, что понижение было временным. Такими кадрами, как Нефедов, не разбрасываются. В июне 1939 года он поступил в распоряжение наркома ВМФ СССР и получил назначение начальником группы контроля при наркоме. Теперь он занимался инспектированием частей и военно-морских учебных заведений, контролировал ход строительства военно-морских объектов. Возможно, именно нарком Н. Г. Кузнецов и вывел его в тень, когда в армии и на флоте началась печально известная чистка кадров 1937–1939 годов.

Мы бы ничего не узнали и о военном периоде его биографии, если бы не записные книжки, которые он регулярно вел с 22 июня 1941 года. Нам открывается человек умный, твердый, жесткий руководитель, требовательный к самому себе, к своим подчиненным и к вышестоящему руководству. Не прощающий слабости и ошибок. Не боящийся критиковать различные решения и приказы командования. Но в то же время спокойный,

выдержанный, не склонный к паникерству, горячо любящий свою Родину, преданный партии и делу Ленина, умный, тонко чувствующий, интеллигентный.

В день начала войны Нефедов записывает в своем дневнике: «22.06.41 г. Страница перевернулась. Еще вчера планировали целый ряд мероприятий, в каждой семье, в каждом уголке мирно трудились. Все чувствовали войну, но думали, что она придет попозже. Сегодня все планы радикально изменились. Фашистские изверги вероломно напали на нашу Родину. Надо всеми средствами и силами защищать, иначе станем рабами этих оголтелых зверей. Мирные планы должны быть отложены. Суровый лик войны глянул в каждый дом, в каждое село, город, фабрику — и все должно быть подчинено этому суровому, но важному для нас делу защиты Родины — отечественной войне против этих мракобесов. Теперь мы должны исходить из одного плана как можно скорее и победоноснее разгромить германских фашистов.

Вечером был у наркома. Завтра сдаю дела и уезжаю»[{373}](#).

На следующий день посла начала войны Нефедов отбыл к новому месту службы — в Ригу. Он был назначен начальником тыла Рижской военно-морской базы. Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов лично проинструктировал Нефедова перед отправкой, поручив ему, скорее всего, некоторые задачи разведывательного характера под прикрытием основной должности.

Прибыв на место службы, Нефедов застал отнюдь не радостную картину. Полная неопределенность, отсутствие четких установок и приказов. Командование Рижской военно-морской базы не стремилось проявлять инициативу. Немцы к тому времени вплотную подошли к Лиепе и теперь находились по прямой в 195 километрах от Риги. То есть практически вплотную подошли к базе.

«25.06.41 г. в 4 часа вступил в исполнение служебных обязанностей. Настроение у работников поскорее эвакуироваться, а главное эвакуировать жен и вывезти барахло. Надо было это преодолеть, но корень этих настроений не в рядовых работниках, а в высшем звене.

Враг продвигается, вместо упорного сопротивления начался отход, который деморализующе действует на население. «Айзсарги» и прочая сволочь поднимает голову, за это платимся. В городе постреливают из окон и с чердаков»^{374}.

Айзсарги — это некий аналог современной Национальной гвардии. Организация была создана в 1919 году как отряды самообороны, но функции и полномочия их были значительно больше, чем у обычных дружинников. Они совместно с полицией проводили обыски и аресты, патрулировали дороги, боролись с бандитами и мародерами. Не армия, не полиция, но при этом внушительное военизированное формирование. Организацию распустили в июле 1940 года, когда советские войска вступили на территорию Латвии. Руководителей и видных членов айзсаргов депортировали.

Но выслать, конечно, успели не всех. А у каждого члена организации имелось личное оружие. Латвия, бывшая до войны преимущественно сельской страной с рассыпанными по всей стране хуторами, маленькими поселениями, была благодатной почвой для возникновения партизанских очагов.

Военно-морская база в Риге была создана всего несколько дней назад. Приказ о создании Прибалтийской ВМБ был подписан наркомом ВМФ адмиралом Н. Г. Кузнецовым 21 июня, за день до начала войны. Теперь же она оказалась не в состоянии обеспечить базирование на ней кораблей передового отряда Балтийского флота и управление авиацией и

береговой артиллерией. «В порту в моральном отношении начался перелом, люди стали думать не об отступлении, а об обороне и наступлении. Идет подготовка минного и артиллерийского боезапаса. Атмосферу удалось создать спокойную и работоспособную. Наехала масса контролирующих и проверяющих, все хотят получить информацию, охают, ахают и только мешают. Ночью вызывают в штаб. Обстановка усложнилась, будем отходить»^{375}. Эту запись Нефедов сделал через несколько дней после вступления в должность, 26 июня, уже на следующий день части вермахта вышли к Западной Двине, а в 3.00 27 июня пришел приказ об эвакуации Рижской базы, которая должна была быть завершена к вечеру того же дня. В Риге началось антисоветское восстание, нарушилась связь со штабами Прибалтийского военного округа и 8-й армии. Не имея связи, командование базы неверно оценило обстановку и форсировало эвакуацию, вследствие чего часть грузов уничтожили на месте, часть оставили врагу. Но самое главное — не успели произвести минирование фарватера Рижского залива.

Нефедов вспоминал: «В 18 часов приходит Чубуков. Приказано закончить эвакуацию. Сколько у меня времени? — спрашиваю его. «Приказано закончить эвакуацию. Свертываем». На рейде Оленецкий учинил очередной бедлам. Разогнал и растащил все буксиры. Только неорганизованность и партизанщина, несогласованность отдельных начальников губит дело и усложняет обстановку. Посадил на транспорта всех. Пошел взрывать крепость и взорвал ее в 21 ч. Пересел после этого на транспорт «Веронич» и пошли к Пярну»^{376}.

Как и везде в первые месяцы войны, хаоса и неорганизованности хватало с избытком. «Ввиду отсутствия централизованного руководства эвакуацией, переход кораблей был организован плохо. Особенно

плохо было организовано охранение на переходе. Отряд легких сил имел в охранении четыре торпедных катера, а бригада подводных лодок — два тральщика и два торпедных катера. Не была организована служба оповещения. Так, например в 2.15 29 июня дозорный эсминец «Сердитый» обнаружил на подходе к южному входу в пролив Муху-Вяйн подводную лодку. Не зная о движении наших подводных лодок, командир дозорного корабля запросил об этом по радио командование, находившееся на крейсере «Киров». Но адмирал сам не знал обстановки и ничего не мог ответить на запрос командира эсминца. С «Сердитого» открыли огонь. После двух выстрелов подводная лодка дала свои «опознавательные» сигналы — это была С-9. Огонь немедленно был прекращен, и лодка без повреждений пришла на рейд Куйвасту»^{377}.

Из Пярну эскадра направилась в Виртсу. Нефедов прекрасно видел все недостатки и сложности эвакуации, отметив отсутствие воли у командующего Рижской ВМБ контр-адмирала П. А. Трайнина: «У нашего «золотого козырька» начинает проявляться воля к борьбе, он все еще мямлит и не принимает определенных решений. Действительно, как правильна мысль, изложенная в уставе «Лучше на что-нибудь решиться, чем не решаться ни на что». Этой нерешительностью и обладает наш Трайнин»^{378}. Контр-адмирал был арестован 28 июля 1941 года. Его обвинили в оставлении части имущества и в отсутствии управления во время эвакуации. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР его разжаловали и осудили на десять лет лишения свободы, но уже 11 сентября судимость была снята, Трайнина восстановили в звании и отправили на фронт.

В ситуации неразберихи Нефедов не боялся принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность. Взрыв крепости в Риге и минного боезапаса базы он организовал на свой страх и риск, не

дожидаясь приказа от Трайнина, и в ближайшее время подтвердилась правильность такого решения.

На оставлении Риги эвакуация не закончилась. То, в какой обстановке она проходила, какие решения принимались, хорошо иллюстрирует вот такой эпизод: «Время тянется медленно. Начали поджигать деревянные постройки. Поднялся дым и огонь, кое-где горит нефть. Рвутся бочки, к небу поднимаются клубы дыма с большими огненными языками сквозь дым. С моря доносится шум мотора. Идет торпедный катер. На пристань заходит командир дивизиона капитан I ранга (Кливенский), выражает свое неудовольствие, что зажгли здания, не дождавшись противника. Сейчас же потушить и не жечь. Доложил ему, что я выполняю приказ контр-адмирала, действую в духе указаний Сталина, прошу сообщить: отменяет ли он приказ контр-адмирала и прикажет ли ждать противника, и лишь после того, как он подойдет, начать взрывы? Между прочим, армия уже взорвала телеграф и телефон, и порвали связь с Таллином. Хорошо, доложу и сейчас же привезу новое распоряжение. Ушел. Поджоги прекратили. Через некоторое время приходит контр-адмирал. Почему задержали взрывы и поджоги? Ваш заместитель отменил Ваше приказание. Сейчас же жечь и рвать, я приказания не отменял, черт знает, что такое. Так как наехало много начальства, то сразу же начался беспорядок. До этого подбежал пограничник, который задает мне вопрос: а ему не попадет, что он уходит?

Не знаю, мне не известна ваша задача. Ну, тогда я лучше не поеду. Полковник дал мне неопределенные, путанные задачи. Тогда выбирайте по самому опасному варианту. Хорошо, я не поеду»[{379}](#).

Кто он, тот неизвестный пограничник, который не поддался панике и принял решение остаться и дожидаться врага? Выжил ли он? Или попал в плен? Вот из таких судеб, из таких людей и ковалась Победа.

Нефедов прибыл в Таллин 14 июля. Обстановка, которую он там застал, обрадовала его еще меньше. Неразбериха не прекращалась, а отдельные случаи нарушения дисциплины вызвали у него настоящее возмущение. В дневнике он записал: «18.00. В Таллине та же неопределенность. Пока неясно с организацией тыла островного района, ясно одно — надо как можно скорее гнать топливо. Решили погубить еще одно хорошее начинание: Трайнина назначили командующим Ладожской военной флотилией. Дело загубит и разложит! Тяжелое впечатление производит обстановка в г. Таллине. Неясность, неопределенность, нерешительность по-прежнему царят среди так называемых адмиралов. Сколько мы их зря наплодили. Сегодня (задержали) одного подполковника, который напился пьяным, стрелял в крыс. Прикидывается больным. Какой-то кисель, трус, с ним далеко не уедешь, а таких сволочей, видимо, не мало. От этой мрази надо очиститься и пробудить волю к победе, к бою. Ворошилов должен это сделать. Пора, пора прекратить «спасать» корабли. Лучшее спасение для них — это победоносное сражение, и только сражение спасет боевые корабли от гибели и разложения. Но трайнины ли это сделают? Нет. Они никогда этого не сделают, а своей натурой пропя погубят важное дело»^{380}.

После 19 июля Нефедов с тыловыми частями вернулся в Рохукюлу, которую немцы так и не заняли. Сам Нефедов не скрывал злости: «...Около 24.00 прибыли в Рохукюлу. Какое печальное зрелище. Валяются обломки металла и обгоревшие головни. Сердце сжимается от злости, что так глупо из-за различных Трайниных получилось. Зря, из-за отсутствия связи, воли к сухопутной обороне, нежелание ее организовать, сожгли эту базу. Будь другой начальник, поручи это дело командования базой мне или

(неразборчиво), мы до боя с противником ни за что не ушли бы. А теперь, к сожалению, получились одни развалины, на которых надо организовать работу острова»^{381}.

Тем не менее работу он организовал. «Устраиваемся на ночлег. Бойцов привожу в христианский вид. За время переездов с одного места на другое они превратились в цыганский табор, хотя и до переездов не представляли из себя воинской части»^{382}.

Задач много: наладить снабжение с частями, установить связь, подготовить оборону острова, организовать регулярное сообщение с материком, добиться установки на острове средств ПВО. Тыловую базу надо было восстанавливать практически с нуля, притом что не было четкой определенности у командования, иметь ли им постоянный тыл или рассредоточить средства по островам. Впрочем, работы Нефедов не боялся. Боялся он только паники, безволия и бардака. Привыкший действовать четко и решительно, он принялся за дело.

Главную мысль, которую он извлек из первого месяца войны, Нефедов сформулировал четко, как аксиому, не допуская ни на йоту сомнений в будущей Победе. А в июле 1941 года такие мысли дорогого стоят: «Нам нужен культурный, грамотный, исполнительный, инициативный, волевой средний и старший командир. Сейчас война производит переоценку ценностей в людях. Выявляются подлинные характеры воинов, бабы и трусы отсекаются, армия приобретает боевой опыт, и война вступает в свой критический период, когда мы от обороны перейдем к наступлению и активному победоносному наступлению. Так будет и этого мы добьемся любой ценой и жертвой, добьемся!»^{383}.

В эстонском военном порту Рохукюла Нефедов пробыл недолго. «Около 4 часов 5 июля контр-адмирал Трайнин получил приказ от командующего флотом

немедленно приступить к вывозу на Сааремаа Хийумаа всего имущества, которое может быть использовано для усиления обороны островов. Все остальное, что не удастся вывезти, предписывалось уничтожить в последний момент, сообразуясь с обстановкой. Командир Прибалтийской базы, не имея связи с армейским командованием, решил отойти на острова. К 9 июля из Роукюлы было вывезено все имущество и снаряжение»^{384}. Тыловые соединения, за которые отвечал Нефедов, были размещены в Палдиски. Во время эвакуации по-прежнему много неорганизованности, но уже начало появляться централизованное командование. «После оставления Роукюлы Прибалтийская военно-морская база решением Военного совета от 10 июля, просуществовав на новом месте всего 8 суток, была расформирована. <... > Вся ответственность за оборону Моонзундских островов и Рижского залива была возложена на коменданта БОБР [береговой обороны Балтийского района. — Д. Ф.] генерал-майора А. Б. Елисеева»^{385}. Впрочем, и ему Нефедов дает нелестную характеристику: «Елисеев не понял ни организации, ни положения с тылом. Он отличается от других тем только, что больше шумит и командует, но в его шуме чувствуется не здоровая тревога за положение, а нотки смятения и растерянности. Не случайно поэтому сначала он заговорил о транспортах на случай отхода, а потом поправился, что он отсюда никуда не уйдет и даже собирается высадить десант на Виртсу, все это говорится главным образом для самоуспокоения»^{386}.

В данной ситуации сказались многодневное напряжение, общая неразбериха и незнание Нефедовым оперативной обстановки. На самом деле Елисеев уже получил приказ от Военного совета флота высадить десант и отбить у противника Виртсу, что и было сделано в ближайшее время.

В августе 1941 года Нефедов организовал тыловое снабжение частей, базируясь на острове Сааремаа (Эзель). В начале сентября на него возложили обязанности председателя Комитета заготовок и прав использования материальных ресурсов острова. Если перевести на русский язык, то Нефедову и его подчиненным надо было убедить крестьян добровольно сдавать мясо и продукты на нужды фронта. А мы понимаем, что на прибалтийских территориях этот процесс не мог пройти гладко по определению. Обстановка на фронте складывалась таким образом, что население и даже активисты не верили, что Сааремаа удастся отстоять. Было зафиксировано очень много случаев саботажа, крестьяне не хотели сдавать мясо. И Нефедов лично начал объезжать окрестные села. Где разъяснением, где уговором, а где и применяя силу, поставки мяса удалось наладить.

«09.09.41 г. Поездил по селам. Саботаж среди крестьян преодолевается, нужна твердость и решительность действий. К вечеру уже поступило 85 голов и 60 баранов. Дело сдвинулось с мертвой точки. Будем солить и отправлять мясо по назначению. Надо обдумать поставки мяса без машин.

09.09–13.09 продолжаем заниматься заготовками. Местные власти упорно этому (скрыто) сопротивляются. Сопротивление преодолеваем. Скот поступает регулярно. Начались операции по отражению высадки десанта на Муху»^{387}.

В эти сентябрьские дни Нефедов оказался в эпицентре трагической и несправедливо забытой обороны Моонзунда.

Моонзундский архипелаг состоит из трех крупных и множества мелких островков, общая протяженность с севера на юг составляет около 150 километров. В древности эти острова были прибежищем пиратов и лихих людей всевозможных мастей и оттенков. Их

стратегическое расположение таково, что три больших острова позволяют надежно перекрыть морские выходы в Рижский и Финский заливы, полностью контролировать обстановку в центральной и восточной частях Балтийского моря. Поэтому бои за архипелаг разворачивались во время всех войн на Балтике. И после захвата немцами Таллина первостепенной задачей для вермахта стало установление контроля над островами Хийумаа (Даго), Муху и Сааремаа.

Также необходимо добавить, что аэродром на острове Сааремаа был единственным, откуда в августе осуществлялись налеты советской авиации на Берлин. Этот факт сильно тревожил А. Гитлера и Г. Геринга, убежденных в превосходстве люфтваффе. Вскоре после первых налетов Гитлер потребовал от своих генералов и адмиралов: «Совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-морские и военно-воздушные базы на островах Даго и Эзель, и в первую очередь — аэродромы, с которых производятся налеты на Берлин».

Командующий 18-й немецкой армией Георг фон Кюхлер направил на архипелаг 61-ю и 217-ю пехотные дивизии при значительной поддержке авиации, флота, инженерных частей. Принимал участие в захвате Моонзунда и финский батальон.

К сентябрю немецкое командование сосредоточило на побережье группировку общей численностью до 50 тысяч человек и около 350 десантных плавсредств (против 23 тысяч советских солдат и моряков). Ее поддерживали бомбардировщики, три легких крейсера («Лейпциг», «Кёльн», «Эмден») и флотилия миноносцев. 9 сентября начались бои за остров Муху. 14 сентября немцы высадили десант одновременно на южной и северной частях острова. Несмотря на упорное сопротивление наших войск, противник закрепился на острове Муху и в течение трех дней планомерно

выдавил обороняющиеся советские войска. Гарнизон острова вынужден был отойти на Сааремаа.

Генерал Елисеев 17 сентября отдал Нефедову приказ сосредоточить тыловые части на Цереле. Это южная оконечность полуострова Сырве, который вытянулся продолговатым отростком на южной части острова. Полуостров был удобен для обороны с суши — необходимо было перекрыть небольшой перешеек в районе Салмэ. На Цереле в 1917 году русские моряки героически обороняли от немцев проход в Ирбенский пролив, не давая им проводить минное траление. Гарнизон батареи № 43 на мысе Цереле погиб тогда практически в полном составе. Спустя четверть века история сделала круг и вышла на новый виток.

Нефедов в спешном порядке отправил на полуостров скот, продовольствие, боеприпасы, оружие, горючее — всё то, без чего армия не может существовать. Впрочем, и здесь не обошлось без неразберихи.

«20.09.41 г. Отправка на полуостров идет ускоренным маршем. Послышался звонок с КП около 2 часов ночи — взрывать аэродром. Дали сигнал, через минуту звонок — отставить взрыв, и так продолжалось до вечера. Вечером перебазировались на полуостров. Наши части с боем отходили. 20.09 в 1.10 части упорно ведут бой, но как красноармейцы и солдаты деморализованы авиацией, она безнаказанно буквально издевается, бомбит наши войска»^{388}.

Рубеж на полуострове Сырве советские войска держали до 30 сентября. После чего войска были вынуждены эвакуироваться на остров Хийумаа. 3 октября катер с командованием покинул Сааремаа, перед этим Нефедов отдал приказ уничтожить всё, что не удалось вывезти буксирами и катерами.

О причинах поражения на Сааремаа и перспективах обороны Хийумаа Нефедов высказывается беспощадно в своем дневнике. Главная мысль состояла в том, что

нельзя было уходить из Таллина, напротив, бросить все силы на оборону города. Тогда не потребовалось бы сейчас сражаться за острова. После объезда острова Даго — последнего плацдарма защитников Моонзунда — Нефедов сделал неутешительный вывод: гарнизон не продержится и десяти суток.

Необходимо отметить одно совпадение. Судьба сталкивала Нефедова в начале войны с людьми, чья участь во многом трагична. Адмирал Трайнин был арестован. Елисеев уже был в апреле 1938 года осужден за вредительство, но тогда его спасло чудо и заступничество на самом высоком уровне во флотской иерархии. По ходатайству наркома ВМС Н. Г. Кузнецова Елисеев в октябре 1939 года восстановлен в кадрах и назначен комендантом Северного укрепленного района Балтийского флота. Судьба его сложится трагично.

Бои за остров Даго были кровавые, ожесточенные и отчаянные. Советские солдаты и моряки, оказавшись в кольце, яростно сражались, продавая жизни задорого. «Ярким примером могут служить действия береговой батареи № 44 под командованием старшего лейтенанта М. А. Катаева. Она оказалась окруженной вражеским десантом. Гитлеровцы многократно пытались ее атаковать, но каждый раз откатывались, неся большие потери. Бой в окружении продолжался целый день. Были израсходованы почти все снаряды. С наступлением темноты, взорвав орудия, личный состав батареи штыками и гранатами расчистил себе путь на север. В артиллерийском погребе, где находился остаток боеприпасов, добровольно остался сержант комсомолец Е. Ф. Попов. Когда гитлеровцы подошли к батарее, он закрыл за собой люк и взорвал погреб. Прорвавшиеся артиллеристы вышли в район полуострова Тахкуна, куда отходили наши части, и приняли участие в последующих боях. 13 октября было получено приказание командования эвакуировать личный состав гарнизона

Хиумы на остров Ханко и остров Осмуссар. На другой день вечером началась эвакуация. До 22 октября успели вывезти 570 человек. Оставшаяся на острове часть гарнизона продолжала героически сражаться с врагом и должна была покинуть его на катерах, присланных из Ханко. Однако катера из Ханко так и не смогли прорваться»^{389}. Гарнизон острова практически полностью был уничтожен.

А генерал Елисеев был эвакуирован специальным самолетом в Кронштадт. Во всех известных источниках указывается, что генерал вылетел с Даго 20 октября 1941 года. Тем не менее из дневника Нефедова следует, что эвакуация произошла 8 октября: «Генерал был настолько подавлен бесперспективностью борьбы, что военком островов Г. Зайцев радировал в Военный совет флота, предложив отозвать коменданта. За Елисеевым был прислан на Даго самолет.

При гибели корабля командир покидает его последним. Это требование Корабельного устава прошло неизменным сквозь века. Дореволюционное русское офицерство твердо придерживалось его. Не только корабельное, но и сухопутное. Несомненно, был бы обречен на презрение начальник осажденного гарнизона, покинувший своих подчиненных»^{390}.

После эвакуации для Елисеева начинается череда понижений. Сначала он был назначен помощником командующего Балтийским флотом по береговой обороне и комендантом Кронштадтской военно-морской базы, затем через десять дней — только комендантом Кронштадтской военно-морской базы. Через полгода в апреле 1942-го он становится начальником Научно-испытательного морского артиллерийского полигона, а в декабре того же года без объяснения причин снят с должности. Страх ареста в то время для многих был выше страха смерти. 22 декабря 1942 года Елисеев застрелился из табельного оружия.

Причина, по которой генерал взял с собой начальника службы тыла, скорее всего, простая. Понимая, что в Ленинграде ему придется дать полный отчет об организации обороны, генералу нужен был живой свидетель, который мог бы подтвердить необходимость и своевременность тех или иных приказов. В этой связи Нефедов подходил по всем статьям. Во-первых, его отсутствие на Даго не сыграло бы решающей роли в обороне острова. Во-вторых, руководить Нефедову было практически нечем. Тыла на Моонзунде больше не существовало.

Нефедов вылетел в осажденный Ленинград 8 октября. Началась новая страница его боевой биографии. О героической обороне и падении Даго он узнал уже из новостей, скупно поступающих в осажденный город.

Два месяца Нефедов провел в Ленинграде, об истории его назначений за этот период нам неизвестно. Он достаточно активно вел свои записи, но в них нет ни слова о планах и новой работе. Он с тревогой размышлял об усиливающейся милитаризации Японии, угрозах Советскому Союзу на восточном направлении, о наступлении немцев под Москвой. О нехватке продуктов в Ленинграде писал скупно, больше о немецких бомбежках.

В это же самое время подготовка к организации перевозок по льду Ладоги шла полным ходом. Достаточно сказать, что в период с 6 по 9 ноября было составлено пять (!) проектов Постановления Военного совета Ленинградского фронта «О постройке ледяных дорог через Ладожское озеро». В каждом из проектов корректировалось направление движения транспорта по льду озера. Наконец 13 ноября был подписан приказ начальника тыла Ленинградского фронта «Об организации постройки ледяной дороги по водной трассе мыс Осиновец — маяк Кареджи».

Дорогу было решено делать шириной не менее десяти метров, с обязательными пунктами обогрева, медицинской помощи и питания по пути следования колонн автотранспорта. «К работе по устройству ледяной дороги, — говорилось в приказе, — приступить с 14 ноября с. г., произведя усиление льда путем искусственного намораживания с учетом окончания ее постройки одновременно с ледоставом». 19 ноября вышел приказ войскам Ленинградского фронта «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро». Строительство дороги было возложено на начальника Автодорожного отдела военинженера 1-го ранга В. Г. Монахова, но непосредственно руководил постройкой военинженер 3-го ранга Б. В. Якубовский, которому были подчинены 165-й строительный батальон, 88-й отдельный мостостроительный батальон, снегоуборочная техника.

Уже 16 ноября из Кобоны выехала первая пробная автоколонна из семи полуприцепов, груженых мукой. «Так как толщина льда не превышала 12-15 см, были приняты меры предосторожности. Машины шли уступом. Водители стояли на подножке и в случае опасности провала автомобиля под лед должны были покинуть машину. Отряд... проехал по льду от Кобоны 20 км. Но дальше пути не было — лед кончился, начиналась полынья. Отряду пришлось, выгрузив муку на лед, вернуться обратно»^{391}.

Необходимо было произвести доразведку ледовой трассы, и 17 ноября из деревни Коккореево в направлении Зеленцы — Кобона вышел в разведку отряд 88-го отдельного мостостроительного батальона численностью 30 человек. 18 ноября группа прибыла в Кобону, а на следующий день без происшествий вернулась обратно, ориентируясь на выставленные по ходу маршрута вешки. Уже 23 ноября первая автоколонна доставила в Ленинград 70 тонн муки. А на

следующий день вышел приказ войскам Ленинградского фронта № 00172, называвшийся «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро». Приведем его полностью:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ Военного совета Ленинградского фронта № 00419

24 ноября 1941 г.

1. Для подвоза продовольствия, горючего и боеприпасов в Ленинград и эвакуации населения и имущества из Ленинграда построить к 30 ноября 1941 г. фронтную автомобильную дорогу на трассе: ст. Заборье, Сребрянская, Великий Двор, Лахта, Никульское, Шаньгово, Еремина Гора, Новинка, Ямское, Корпино, Новая Ладога, Кобона с общим грузооборотом в оба конца — 2000 тонн в сутки, с открытием на ст. Заборье перевалочной базы.

2. Строительство дороги возложить на комиссию Ленинградского Обкома ВКП(б) (т. Воротов) со сроком окончания к 1 декабря 1941 г.

3. Начальником фронтной дороги назначить генерал-майора интендантской службы Шилова с подчинением его начальнику тыла Ленинградского фронта. Помощниками начальника дороги назначить: инженера 1-го ранга Щепенникова — по железнодорожным перевозкам; инженера 1-го ранга Кузьмина — по дорожно-комендантской службе; интенданта 1-го ранга Харитонов — по интендантской службе. Штат Управления дороги установить — 35 чел.

4. Начальник дороги отвечает за состояние дороги, за движение транспорта и своевременную подачу грузов, за дорожно-комендантскую службу и за состояние автомобильного парка.

Начальнику дороги подчиняются: дорожно-эксплуатационные части; автобатальоны подвоза; перевалочная база (Заборье); питательно-обогревательный пункт; пункты санитарной помощи.

5. Председателю Исполкома Ленинградского Горсовета депутатов трудящихся т. Попкову:

а) к 25 ноября 1941 г. мобилизовать на период работы дороги из народного хозяйства города 500 автомашин разных марок и 100 автоцистерн (исправных) с водительским составом, передав их командиру 17-й отдельной автотранспортной бригады в эксплуатацию на дороге;

б) к 27 ноября 1941 г. выделить в распоряжение начальника дороги т. Шилова необходимый инвентарь и оборудование из расчета на 10 питательных пунктов с пропускной способностью в 4000 чел. каждый;

в) к 25 ноября 1941 г. выделить в распоряжение командира отдельной автотранспортной бригады единовременно 3000 комплектов резины для автопарка дороги.

6. Начальнику Авто-бронетанкового управления Ленинградского фронта полковнику Дементьеву к 26 ноября 1941 г. выделить из состава армейского транспорта Ленинградского фронта 1000 автомашин и 100 автоцистерн с водительским составом, передав их в распоряжение командира 17-й ОАТБ для работы на дороге.

7. Заместителю начальника штаба Ленинградского фронта генерал-майору Семашко к 27 ноября сформировать:

а) два дорожно-эксплуатационных полка и из выделенных Исполкомом Ленгорсовета и начальником АБТУ фронта машин — 4 автомобильных батальона, из них 1 батальон для подвоза горючего, 2 — для подвоза продовольствия и 1 батальон для подвоза боеприпасов;

б) управление перевалочной базы.

8. Начальнику тыла Ленинградского фронта генерал-майору т. Лагунову:

а) к 27 ноября 1941 г. выделить в распоряжение начальника дороги лимит продовольствия для

питательных пунктов с Череповецкой базы Ленфронта;

б) к 28 ноября 1941 г. организовать пункты медицинского обслуживания по трассе дороги за счет средств санитарного управления фронта, областного и городского здравоохранения.

9. Дорогу разбить на 4 дорожно-эксплуатационных участка в границах:

Первый участок (Ефимовский район) — Заборье, Лахта;

Второй участок (Капшинский район) — Лахта исключительно, Еремина Гора включительно;

Третий участок (Пашский район) — Еремина Гора исключительно, Шаньгово включительно;

Четвертый участок (Волховский район) — Шаньгово исключительно, Кобона включительно. Обязать председателей Райисполкомов Ефимовского, Капшинского, Пашского и Волховского в пределах границ, через начальника дороги, поддерживать дорогу в проезжем состоянии.

10. Для поддержания дороги в проезжем состоянии обязать комиссию Обкома ВКЛ(б) (т. Воротов) привлекать местное население в порядке трудгужповинности по требованию и заявкам начальника дороги генерал-майора т. Шилова.

11. Обязать начальника Октябрьской ж.д. т. Колпакова к 1 декабря 1941 г. подготовить железнодорожный состав для перевозки эвакуированного населения со ст. Финляндская до Осиновца на 7 000 чел. ежедневно.

12. Начальнику Управления связи Ленинградского фронта генерал-майору т. Ковалеву обеспечить связь управления автомобильной дороги со штабом фронта и линейную связь на протяжении трассы автомобильной дороги.

13. Просить Государственный Комитет Обороны Союза ССР:

а) санкционировать устройство зимней фронтальной автомобильной дороги на трассе ст. Заборье, Серебрянская, Великий Двор, Лахта, Никульское, Шаньгово, Еремина Гора, Новинка, Ямское, Корпино, Новая Ладога, Кобона с общим грузооборотом в оба конца 2000 тонн в сутки, с открытием на ст. Заборье перевалочной базы;

б) обязать т. Хрулева из центральной базы НКО для нужд фронта и народного хозяйства ежедневно отгружать с отправкой до ст. Череповец: муки — 840 т; крупы — 325 т; мяса — 210 т; жиров — 104 т; сахара — 164 т; фуража — 100 т; автобензина — 300 т, в том числе 150 т для нужд дороги; авиабензина — 75 т; керосина — 150 т и боеприпасов — 200 т по заявкам начальника артиллерии Ленфронта генерал-майора т. Дорофеева.

14. Установить временное местопребывание управления дороги — Новая Ладога.

Командующий войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенант ХОЗИН

Члены Военного совета фронта

Секретарь ЦК ВКП(б) ЖДАНОВ

Дивизионный комиссар КУЗНЕЦОВ»[{392}](#).

Из постановления мы видим, что продуманы были все мелочи. Эвакуация населения из блокадного Ленинграда предполагалась в количестве семи тысяч человек ежедневно, что впоследствии и было осуществлено.

В этот же день, 24 ноября, в дневнике Нефедова наряду с анализом ситуации на других фронтах появилось первое упоминание о дальнейшей деятельности: «24.11.41 г. Осатанелые гитлеровцы лезут, не считаясь ни с какими потерями, к Москве. Наши части отстаивают каждую пядь земли, а там победа за нами, мы сумеем создать резервные армии и бросить их против орд сволочей. В Ливии англичане бьют итало-германцев.

17.00 В Осиновец выехал на разведку трассы»^{393}.

«Начальником дороги был назначен В. Г. Монахов, с оставлением в должности начальника Автодорожного отдела. Ему были подчинены перевалочные базы, весь работающий на трассе автотракторный парк, дорожно-комендантская служба (через командира 64-го ДЭП), ПВО, наземная охрана и оборона»^{394}. При этом важно обратить внимание на четкое разделение обязанностей. Начальнику дороги подчинялись перевалочные базы на обоих берегах Ладоги, весь транспорт и силы охраны, но обеспечивал он только перевозки по льду. А вот за подвоз грузов к восточному берегу отвечал уполномоченный Военного совета фронта генерал А. М. Шилов. С 26 ноября 1941 года приказом по тылу Ленинградского фронта ледовая дорога стала именоваться Военно-автомобильной дорогой № 101 (ВАД-101).

М. А. Нефедов был назначен начальником ледового участка ВАД-101 7 декабря. Вероятно, назначение Монахова изначально было временной мерой, совмещать две должности, начальника Автодорожного отдела и начальника Дороги жизни, долгое время было невозможно. Кандидатура Нефедова подходила идеально: бывший морской разведчик, имеющий опыт управления тыловыми частями, снабжения войск, организации перевозок в боевых условиях, — он как никто другой мог справиться с поставленной задачей. А задача была одна: не дать умереть Ленинграду с голоду.

Девятнадцатого ноября было создано Управление ледовой дороги, которое занималось вопросами планирования перевозок, использования транспорта, работой перевалочных баз, организацией эвакуации перевозок, строительными и ремонтными работами, организацией пунктов питания и обогрева, охраной ледовой трассы и примыкающих грунтовых дорог.

Первый конно-транспортный обоз вышел из Коккореево 20 ноября. Он насчитывал 350 упряжек. Шли медленно, на девятом километре путь перегородила широкая трещина, пришлось искать обходные пути. Колонна растянулась на несколько километров, местами люди и лошади проваливались под неокрепший лед, но тем не менее 21 ноября обоз прибыл в Осиновец.

Несмотря на то, что начальником ледового участка Дороги жизни Нефедов назначили только 7 декабря, он уже в конце ноября понимал перспективы своей дальнейшей службы. Нефедов выезжал на трассу, осматривал ее, делал свои замечания: не обвехованы отдельные опасные участки, мало регулировщиков, нет пунктов обогрева. Всё тщательно фиксировалось и заносилось в записную книжку.

Первый рейс грузовых автомашин по ледовой дороге совершили автомобили 389-го отдельного автотранспортного батальона 17-й отдельной автотранспортной бригады. 10 машин 21 ноября благополучно прибыли из Осиновца в Кобону. Следующий рейс командир батальона В. А. Порчунов сформировал уже из 60 машин. Колонна благополучно добралась из Осиновца в Кобону, погрузила муку и 23 ноября 70 тонн груза благополучно прибыли в Ленинград. Начало большого пути было положено.

О своем назначении Нефедов писал в записных книжках: «6.12.41 Выскочило новое для меня предложение: взять управление Ладожской дороги на свои плечи. Меня осматривают как невесту со всех сторон. Боятся идти на решительный шаг, хотят назначить зам. начальника (Соловьева, Логунова). Мой ответ: либо отвечать мне за работу полностью, либо на эту работу не идти. Ушел домой. Решают и колеблются.

7.12.41 г. Вызвали снова на переговоры. Продержали до 12 часов. Решили назначить ответственным за дорогу»[{395}](#).

В начале декабря 1941-го ледовая дорога ВАД-101 еще была самостоятельным участком. Но в тот же день, когда состоялось назначение Нефедова, из Москвы пришла правительственная телеграмма за подписью заместителя председателя СНК СССР А. И. Микояна. В ней он предлагал создать Управление дороги во главе с начальником, отвечающим за погрузку, разгрузку и движение транспорта, которому должны быть подчинены начальники баз в Подборовье — Заборье, в Новой Ладоге и в Осиновце и весь транспорт, то есть речь шла об объединении двух дорог — ВАД-101 и ВАД-102. Начальником объединенной дороги А. И. Микоян предложил поставить генерал-майора интендантской службы А. М. Шилова. У А. А. Жданова возражений по этому вопросу не возникло. Но, вероятно, возражения были у Нефедова. И впоследствии отношения с Шиловым у него сложились достаточно напряженные. Приказ о назначении Нефедова заместителем Шилова будет издан только 22 февраля 1942 года.

Тем не менее Нефедов уже 8 декабря выехал на трассу для первого знакомства с участком, людьми, сложностями и задачами. А трудностей на трассе хватало.

Во-первых, движение автотранспорта по льду, не запорошенному снегом, было крайне медленным, машины буксовали, поэтому шоферы в нарушение инструкций часто сворачивали в сторону, где снежный покров обеспечивал хоть какое-то сцепление с колесами. Но здесь подстерегала другая опасность: под снегом лед был тоньше, и машины проваливались.

Во-вторых, много трудностей создавали трещины. В начале декабря из-за резкого перепада температур верхнего и нижнего слоев льда образовывались трещины по всему маршруту следования. Если температура верхнего слоя доходила до 30 градусов

мороза, то в нижних слоях, у самой воды она равнялась нулю. Такие перепады приводили к вспучиванию и разрыву льда. Это были «температурные» трещины. Но были еще трещины «мокрые». Они образовывались в результате колебания уровня воды, а также из-за длительного воздействия динамических нагрузок, передаваемых от шин автомобилей. Из-за веса полуторок такие «мокрые» щели расширялись до 8—10 сантиметров, становились сквозными, наполнялись ледяной водой, и дорога в этих местах становилась просто опасной. Вследствие этого уже 26 ноября 1941 года, то есть через три дня после начала работы ледовой дороги, движение автотранспорта пришлось перенести на новую трассу. За первый месяц работы ледовой дороги ее трассы менялись четыре раза, а отдельные участки еще чаще: в районе банки Астречье — 6 раз, а на участке от острова Зеленцы до Кобоны — 12 раз.^{396}.

Осложняли движение и постоянные трещины, которые образовывались вследствие движения воды и льда к северной части озера. Даже в самые суровые зимы Ладога не замерзает полностью, в центральной его части остаются свободные ото льда пространства. И при сильном южном ветре огромные массы воды и льда смещаются на север со стороны Шлиссельбургской губы. Уровень воды в южной части озера понижается, что приводит к колебанию льда и образованию глубоких, незамерзающих трещин.

В первые же дни управления ледовой трассой Нефедов столкнулся с трудностями. Машин много — бензина нет, и бензин не дают. По нескольку раз на дню звонил сам командующий фронтом генерал М. С. Хозин, орал, требовал начать транспортировку грузов и угрожал расстрелом. В такой обстановке только крепкие нервы кадрового разведчика позволили Нефедову не

наделать глупостей и организовать движение автотранспорта.

К концу декабря ему удалось навести относительный порядок во вверенных частях. Действовать приходилось жестко, каких-то офицеров он отдал под трибунал, других снял с должности. В сухом остатке: управление налажено. В подчинении у Нефедова находились 64-й дорожно-эксплуатационный полк, 57-й дорожный батальон, две роты регулировщиков, большая группа машин во главе с 17-й автомобильной бригадой, гужевой полк и 14-й восстановительный автобатальон.

В записной книжке Нефедов сам себе ставил задачи: «Якубовский не ведет постоянного наблюдения за трассой. Прокладку новой трассы прогнал на след. день. Он должен знать все опасные места. Всю работу он должен суммировать, наблюдать за людьми. Наблюдение за состоянием дороги после проезда (надо иметь легковые машины). Иметь запасы вех для изменений трассы. Запасные трассы. Каждый участок на 3 км для прочистки трассы иметь свои два-три треугольника, закрепить коней и машины. Срубить торос, выделить 10 машин для посыпки трасс песком. Очистить все торосы. Заготовить мосты на льду»^{397}.

Вся трасса была поделена на участки, и основная нагрузка по ее содержанию, ремонту и обслуживанию легла на 64-й дорожно-эксплуатационный батальон. В документах он проходит как 64-й ДЭП. Силы 64-го ДЭПа Нефедов распределил следующим образом: 1-я и 3-я рота располагались в Коккореве и обслуживали трассу в районах Ириновского и Вагановского спусков и до десятого километра ледового участка. 2-я путевая рота располагалась на островах Зеленцы и обслуживала трассу с 10-го по 20-й километры. 4-я рота была размещена в Кобоне и следила за трассой от 20-го километра до восточного берега озера. Каждой роте был придан взвод регулировщиков. Свой штаб Нефедов

разместил в Кобоне, но ночевал там редко. Целыми днями колесил по маршруту ледовой дороги, указывая на недостатки, ставя задачи по расчистке трассы. Записные книжки превращались в перечень задач. Больше нет размышлений о самой войне — отрывистые, рубленые предложения, много сокращений и пропущенных знаков препинания: «Давать подробный учет по лицевому счету поголовный осмотр саней машины. Люди должны быть на разгрузке, выгрузке. Сводка в 24.00. Бытовой порядок: красноармейцы довольствуются своим пайком, им разрешено по 50 гр. концентратов, 50 гр. водки, кто работает на льду, и кому вытаскивать машины. Ввести премию, представлять на звание. С гражданскими лицами без разрешения никого не выпускать. Прокуратура там. Сводки в 12 часов. Состояние дороги 24.00, сколько машин, коней, рабочих, сколько привезли, температура, состояние льда, налеты противника, результаты. Задание ПВО мы даем. График движения. Диспетчера. Посмотреть какие нужны теплые вещи. Машина должна работать круглосуточно»^{398}.

К 27 ноября количество регулировочных постов по маршрутам трассы было увеличено с 20 до 45. В задачи регулировщиков входил контроль за дистанцией между автомобилями, так как на гладком льду резкое торможение было фактически невозможным. Днем регулировщики обвеховывали трассу, ночью включали фонари. В случае обнаружения опасных мест они также должны были отводить трассу в сторону.

В связи с увеличивающимся количеством трещин возникла необходимость в специальных аварийных командах. Они также формировались из числа путевых рот 64-го ДЭПа. Их обязанностью было наведение мостов через трещины. «23.12.41 г. Начали делать настоящий большой мост. Появились большие трещины. Сейчас спрямляем дорогу, удивительно безынициативный народ, только когда стоишь над душой, добиваешься

результатов. Поступление грузов увеличивается. Нужно делать несколько дорог и делать очень срочно, иначе мы завалим важнейшее дело снабжения Ленинграда и его защитников»^{399}.

Недовольство Нефедова вполне объяснимо, но преувеличивать возможности 64-го ДЭПа тоже не следует. Для примера, в первый период работы ледовой трассы козелками и вехами было обставлено 120 километров дороги. Для обслуживания подобных трасс одного полка, конечно же, было недостаточно. А если вспомнить, что полк состоял из четырех путевых рот (чуть больше батальона по штату мирного времени), то становится понятным, что силы и средства путейцев были весьма ограничены.

Немцы бомбили ледовую трассу регулярно, причем бомбили с умом, ровно поперек трассы длинной широкой линией, используя тяжелые бомбы, таким образом, чтобы максимально затруднить прокладку дороги в объезд разбомбленного участка. От таких бомбежек лед давал радиальные трещины, и зачастую приходилось прокладывать новую трассу.

В конце декабря в дневнике Нефедова появилась долгожданная запись: «Вчера в Л-де увеличили норму. Это подняло огромный энтузиазм у населения. Грузоподъемность льда не более 6–7 тонн. Грузопотоки шли хорошо. Перевезли 1033 тонны, дадим ли завтра столько же, все зависит от транспорта, дорога пока не лимитирует нас. Все внимание уделить дороге, надо чтобы дорога нас не лимитировала»^{400}. «Лимитирование дороги» — это ее состояние, ее проходимость, трещины, торосы; это ее пропускная способность. И Нефедов сделал всё, что в его силах, чтобы поддержать дорогу в наилучшем состоянии, насколько это возможно в тех условиях.

Действительно, от погодных условий зависело очень многое. Во время буранов и метелей грузопоток резко

сокращался. Приходилось ждать, пока погода наладится, потом тратить драгоценное время на расчистку трассы (где грейдерами, а где и вручную). Дорогу загромождали провалившиеся, но не ушедшие полностью под лед машины. Требовались дополнительные силы и средства, чтобы вытащить засевшие в полыньях автомобили, пока они полностью не скрылись подо льдом.

«На льду озера, — вспоминал один из командиров 88-го ОМСБ А. Г. Торгашев, — были созданы небольшие станции (офицер и 2-3 солдата), которые тщательно следили за изменением ледовой обстановки, толщиной и прочностью льда, появлением трещин и т. п. Сведения, добываемые этими станциями, были очень нужны подразделениям, эксплуатировавшим трассу. Оперативно переданные станциями сигналы об обнаруженных воронках, трещинах, полыньях и других дефектах льда спасли от аварий немало автомашин, спешивших с грузом к Ленинграду. Эти сигналы позволяли своевременно переключать движение на новые участки трассы, быстро доставлять к поврежденным пунктам ремонтные материалы, мостовые конструкции и ограждения»^{401}.

Всю жизнь, все свободное время Нефедов отдавал службе. В быту он был неприхотлив, минимум личных потребностей. Капитан 1-го ранга С. Я. Прикот, начальник штаба ВАД-101 и по совместительству комендант Осиновецкого порта вспоминал о Нефедове: «Управление дороги ВАД-101 было в Коккореве, в избушке. Нефедов там практически не был. Приезжал раз в неделю — поесть горячего. Ему там старуха готовила щи, и мылись у нее (в ее доме), во время тумана. Все личные вещи Нефедова были в машине у Фокина (2 кителя — рабочий и более или менее терпимый). Кабинет находился в землянке в три наката.

Наверху стояла армейская палатка под сосной, в которой он спал. Моя стояла чуть подальше.

Был скромнен в быту: питался солдатской пищей. Фокин приносил в котелке, и мы втроем ели: Фокин, Нефедов и я. С котелка, с кружки, с консервной банки.

Скромность до наивности, никогда не повышал голос. Трудолюбие, всегда был в действии. Неприхотлив.

Внешность Нефедова — немножко выше среднего роста, плотный, лысоват, чисто выбрит (независимо от бомбежек), одет всегда аккуратно по форме. В походе, на льду в валенках, полушубке.

У Нефедова было еще одно пристрастие: по гидрометеорологии. Вел дневники, собирал атласы.

Любил слушать песни на патефоне, арии из опер Римского-Корсакова. Когда слушал музыку, кричал: «Прикот, иди сюда, послушай музыку». Сидел в байковой рубашке, печка — чугунок горит, и пишет свои дневники. Отдыхал в ненастную погоду»^{402}.

С 1 января возобновились проблемы с горючим. «Началась новая лихорадка, вследствие глупой политики и боязни поставить вопрос на попу и прямо. Начали вертеться, Шилов почти ничего не сказал о горючем и весь парк замер — дорога замерзла, машины становятся. Мороз крепкий, доходит до 37 градусов. План не выполняется, дорога идеальная, а машин нет. Положение с горючим снова стало очень острым. Парк стоит. Шилов горючего не добыл. Пришлось снова вмешаться. Звоню Логунову, ни привет, ни ответа. Снова звоню Соловьеву, он приказал Логунову выдать»^{403}.

Николай Васильевич Соловьев — председатель Леноблисполкома — по прямому поручению А. А. Жданова отвечал за Дорогу жизни. В своих дневниках Нефедов отмечал его как грамотного руководителя. Когда все средства исчерпаны — иди к Соловьеву, он решит вопрос своей властью. При этом

следует отметить и возможности самого Нефедова: у него была прямая телефонная связь с высшими должностными лицами Ленинграда. (В 1949 году Соловьева арестуют в рамках «Ленинградского дела». 27 октября 1950 года Военная коллегия Верховного суда СССР за участие в «контрреволюционной антипартийной группе врагов народа» в Ленинграде приговорила его к смертной казни. В тот же день он был расстрелян.)

Несмотря на увеличение нормы выдачи хлеба, положение в Ленинграде к концу декабря стало особенно тяжелым. На 1 января 1942 года продовольственные запасы Ленинграда для снабжения населения составляли: муки — 980 т, крупы и макарон — 334 т, мяса и мясопродуктов — 624 т, масла животного — 16 т, масла растительного — 187 т, прочих жиров — 102 т, сахара — 337 т^{404}. Этого запаса городу хватило бы на двое-трое суток. Только в декабре 1941 года, по официальным данным, в городе умерло 53 тысячи человек. Это больше, чем за весь предыдущий год. Спасение было только в увеличении грузопроходимости Дороги жизни, а значит, в качестве самой ледовой трассы, во взаимодействии 17-й автомобильной бригады и 64-го ДЭПа, в работе огромного механизма из тысяч людей, машин и лошадей, который назывался военно-автомобильная дорога, ВАД-101 и ВАД-102.

Бензина по-прежнему не хватало. Это была основная причина, наряду с погодными факторами, тормозившая грузоперевозки. В донесении начальника политотдела бригады от 5 января 1942 года говорилось: «Частое отсутствие бензина не дает возможности батальонам высылать на трассу все ходовые машины. В результате вполне исправные машины вынуждены целыми днями простаивать в парках. Так, например, в 390-м ОАТБ 29 декабря 1941 г. и 1 января, 3 января 1942 г. из-за отсутствия бензина машины не выходили на трассу до 16 час. В 385-м ОАТБ 1 января 50 автомашин в течение

дня простояли на трассе без бензина. По тем же причинам в 388-м ОАТБ 2 января 37 машин до 16 час. не вышли из парка на трассу, а 22 машины — до 18 час. Имеют место случаи простоя машин, перевозящих бензин из Тихвина в Кобону для заправки машин бригады. Так, 2 автоколонны 3-го батальона простояли в Тихвине в течение 28, 29 и 30 декабря в ожидании бензина»^{405}.

Управление трассой в таких условиях требовало железной воли и дисциплины. К тому же в первых числах января 1942 года резко испортилась погода. Каждый день — метель, поземка, дорогу заносит. 4 января командование 17-й автомобильной бригады ввиду ухудшения погодных условий попросило прекратить движение по трассе. Нефедов запретил. На лед вышли все, включая руководящий состав: проталкивали машины всеми силами и средствами, по трассе выставили прожекторы, служащие маяком для шоферов.

«Приехал генерал Шилов, — пишет в дневнике Михаил Александрович, — и теперь практически узнает, что значит пурга на озере и что здесь не только в желании или нежелании чистить дорогу, а дело и в кое-каких других вещах. На грунте тоже большие заносы. Шилов просидел между Ленинградом и Коккоревом в сугробах часа два»^{406}.

Несмотря на сильные морозы в начале января 1942 года, на Ладоге продолжал трещать лед. Образовались глубокие продольные и поперечные впадины, торосы. Нефедов постоянно возвращался к причинам образования трещин, пытался систематизировать информацию, сделать некий аналитический срез и выявить закономерности. «Все же я думаю, что причины здесь разные в появлении трещин. Прежде всего, ветры и резкость уровня воды, потом уже резкость температур между верхним и нижним слоем льда, наконец

динамическая сила удара способствует расширению трещины и проламыванию льда. Сейчас лед очень толстый, толщина достигает до 75 см, а лед ломается и трещит и выходит, как у Толстого, в одной из пьес герой говорит: «Черт его знает, формула верна, а газ взрывается», так и мы должны были сказать: «Лед толстый, а ломается и проваливается», тоже формула верна, а лед ломается»[{407}](#).

«Постановлением Военного совета от 4 января 1942 г. было предусмотрено с 5 января выпускать на линию как минимум 1500 автомашин (в условном полуторатонном исчислении), с 15 января — 1700 и с 1 февраля — 2000 автомашин»[{408}](#). Речь идет, конечно же, о всех этапах перевозки, включая ВАД-102. Городу нужен был хлеб, а значит, необходимо было сделать все возможное и невозможное. 9 января 1942 года была запущена Лавровская ветка трассы (от островов Зеленцы до станции Лаврово), что позволило увеличить количество перевозимых грузов. Но трещины не давали выполнить план.

«У Букаева опять лопнула дорога, образовалась трещина и пар валит. Мы имеем уж таких 8 точек, поистине нам приходится выполнять... ую работу. Вчера я от Шилова потребовал предоставить мне следующее количество тракторов по дороге Коккорево — Кобона для 64-ого ДЭП. 0—10 км. — 4 тр. нати ЧТЗ — 4 тр. 10—20 км. — 8 тр. нати и 4 тр. ЧТЗ, 20—30 км. — 6 тр. нати и 4 тракт. ЧТЗ, ветка Лаврово (о. Зеленец — Лаврово) — 6 тракт, нати и 4 ЧТЗ. Кроме того, для 22 ДЭП на Лавровском участке надо 12 тр. нати и 6 ЧТЗ»[{409}](#). Совершенно очевидно, что без наличия тракторов и грейдеров ледовая дорога встала бы через несколько дней, поэтому недооценивать их роль в работе трассы не следует.

Погода и непредсказуемость льда — вот главные враги начальника ледовой трассы. Сохранился в архиве

список провалившихся машин за один только день — 8 января 1942 года.

«СПИСОК ПРОВАЛИВШИХСЯ МАШИН

1. На 14 км провалилась ремлетучка судьба экипажа неизвестна.

2. На 15 км ЗИС-5 № 10-34 446 АТБ оба задних колеса провалились. На буксире вела ГАЗ-АА провалилась передними колесами.

3. На 16 км ЗИС-5 № 68-01 цистерна с горючим провалилась боком, 446 АТБ шофер Марков.

4. На 17 км ГАЗ-АА с мукой провалился задними колесами.

5. ЗИС-5 № 22-46 на 17 км со снарядами провалилась одним боком.

6. На 17 км без № цистерна с горючим провалилась задние колеса 446 АТБ.

7. На 15 км цистерна шофер Михайлов машина засела задними колесами.

8. ЗИС-5 цистерна без № 447 автобатальона, шофер Бедерин, провалились задние колеса на 20 км.

9. ЗИС-5 совсем ушла под лед на 20 км.

10. ЗИС-5 № 88-54 47-й арт. полк с боеприпасами, шофер Стрелков. Провалилась задними колесами по самый кузов.

11. ЯГ-6 № 47-72 автобат, шофер Дунаев, с боеприпасами, провалилась задними колесами на 21 км.

12. ЗИС-5 без № 446 автобат, шофер Медев, с бензином, провалилась задними колесами на 21 км.

13. Трактор с грейдером на 24 км.

14. ГАЗ-АА № 23-43, водитель Соколов 804 АТБ провалился весь кузов на 23 км.

15. На 25 км ЛГ-5^[36] № 49-55 390 АТБ.

16. На 25 км 1 машина находится подо льдом.

Начальник штаба — капитан Левашев

8.1.42»^{410}.

Лавровская ветка проработала несколько дней, после чего ее пришлось закрыть на ремонт из-за большого количества образовавшихся трещин. Тем не менее в начале января 1942 года наметился «неуклонный рост количества перевозимых грузов. Если 3 января 1942 г. части 17-й ОАТБр перевезли 805 т продовольствия, а 4 января — 864 т, то 6 января было перевезено 1410 т, а 7 января — 1418 т. Многие водители делали по два рейса в сутки»^{411}. Это, конечно же, давало дополнительную нагрузку на ледовую трассу, но Ленинград смог хотя бы судорожно вздохнуть, как глотает свежий воздух утопающий, на мгновение вырвавшийся на поверхность. После взятия советскими войсками Тихвина расстояние от перевалочной базы Жихарево до Осиновца стало занимать 44 километра, из них половина по льду озера. Чтобы избежать заторов на дороге, трассу сделали кольцевой. Длина всего кольцевого рейса составляла 87 километров. Была также построена вторая кольцевая дорога протяженностью 111 километров. Это облегчило логистику перевозимых грузов, позволило увеличить грузопоток, но при этом потребовало дополнительных усилий от ДЭПов, обслуживавших ледовый участок.

Нефедов продолжал обслуживать свой участок и, зачастую, не владел всей полнотой оперативной обстановки. 12 января он записал в дневнике: «Шилов постепенно нас обдирает на наиболее легкий участок, он берет лучшие части, так взял 88 ОСБ, 71 ДЭП и понемножку отбирает другие части. И все же народ у нас боевой, и мы из положения выйдем. Люди работают упорно и настойчиво, воют со стихией и побеждают ее. Сегодня утром облачно, мороз 22 градуса, надо ожидать днем метели. Это уже хуже всего»^{412}.

Генерал Шилов отбирал части неспроста. И 88-й отдельный мотострелковый батальон, и 71-й дорожно-эксплуатационный полк, как и многие другие части,

были брошены как раз на строительство двух кольцевых дорог. Работы велись в нечеловеческих условиях, на морозе, под свирепым зимним ветром. На отдельных участках приходилось валить лес и прокладывать дорогу по целине. Тем не менее 16 января кольцевые трассы заработали на полную мощность. Не останавливаясь на достигнутом, сразу после постройки двух кольцевых трасс Военный совет Ленинградского фронта предложил построить прямую железнодорожную ветку по плечу от станции Войбокало до окончания песчаной косы на восточном берегу Ладоги. Государственный Комитет Обороны дал добро на строительство и обязал Наркомат путей сообщения в месячный срок железную дорогу построить. Ввиду срочности строительство железнодорожной ветки пришлось вести без проектов и смет по облегченным техническим условиям для зимней эксплуатации. Для понимания масштабов следует сказать, что на строительство Москва отпустила 18 миллионов рублей. Наркомторг СССР должен был выделить продовольственные фонды на 20 тысяч человек. Вновь закипела работа.

А на ледовой трассе свой быт, свои проблемы.

«На дороге масса колдобин и выбоин, или, как их называют шоферы, вы...боны.

Их надо срезать, засыпать снегом, залить водой и тогда это сравняется, дорога станет гладкой и удобной.

22 ДЭП начал работать лучше, расширяет дорогу и улучшает, надо срочно ставить знаки ограждения.

Можаев зазнался и хуже стал смотреть за дорогой. Надо не давать ему успокоиться, иначе дело засыпит.

Сегодня прекрасный день, перевезли продовольствия 2539,6 т + транзит 237,8 = 2777,4 тонн, других грузов 538,4 тонны, а всего 3315,8 тонн»^{413}, — продолжал вести свой дневник Нефедов.

Дни на ледовом участке идут своим чередом, один похож на другой, и при этом каждый новый день сродни лотерее: что-то принесут сегодня немец, погода, лед... Там особая жизнь, свои задачи, свой взгляд и свое видение ситуации. Нефедов в своих дневниках то хвалит отдельные ДЭПы, то ругает их же, почему свет стоит. Каждый день приносит свои сюрпризы: новые трещины, бомбежки, выход из эксплуатации отдельных участков.

«21.1.42 г. лед рвет. Дорога местами стала опасной для езды, приходится выключать целые куски дороги. И так каждый раз в течение трех дней после бури рвет лед и происходит незаметная, но вредная передвижка льда.

Фашистские мерзавцы с утра пораньше, в 8.00 начали обстрел трассы. Тов. Соловьев приказал проверить состояние охраны склада, где много хищений и принять меры к устранению их. Идет мало машин, автомобилисты кивают на дорожников, дорожники на автомобилистов. На трассе развился бандитизм: еще одного регулировщика сбили. Вся Лавровская ветка из-за трещин выведена из эксплуатации. На грузовой трассе провалилось 6 машин, две из них вытащили. Сукины сыны! Из 22 ДЭПа перевернули трактор. Судить мерзавцев! На 9 км утонул один ЧТЗ. С 15 до 24 шел снег, потом стихло»^{414}.

Несмотря на то, что к середине января 1942 года были построены две кольцевые дороги от станции Жихарево до Ленинграда и начато строительство железнодорожной ветки Войбокало — восточный берег Ладоги, по-прежнему сказывалась нехватка транспортных автомашин. Нефедов отмечал, что машин мало, используются они зачастую нерационально, на износ, без должного ремонта и обслуживания. Также ощущается большой дефицит топлива. Но все равно грузопоток неуклонно рос.

Увеличение грузопотока сказывалось и на жизни Города. «С 24 января 1942 г. ленинградцы стали

получать по рабочей карточке 400 г хлеба в день, служащие — 300 г, дети и иждивенцы — 250 г. С 20 января была увеличена норма выдачи мяса в войсках. Для частей передовой линии она была доведена до 150 г, а для тыловых частей и учреждений — до 75 г в день. Калорийность суточного рациона полевого пайка была повышена до 2830 калорий, а тылового пайка — до 1863 калорий»[{415}](#).

В конце января по ледовой дороге впервые прошли своим ходом тяжелые танки KV. Начинается переброска целых частей вместе с артиллерией в войска Ленинградского фронта. Тогда же появилась еще одна короткая запись, значение которой недооценить достаточно сложно. В этих строчках — десятки и сотни спасенных жизней: «Надо срочно спасти детей. Отдал приказание, несмотря на запрещение на порожняке перебрасывать женщин и ребят. Так и будем делать!»[{416}](#).

Так всё и бывает в жизни.

Одна строчка.

Один приказ.

Сотни необорвавшихся судеб.

«5 февраля 1942 г. была закончена укладка главного пути на перегоне Войбокало — Лаврово, и вечером этого же дня на ст. Лаврово прибыл первый поезд с продовольствием для Ленинграда весом 1200 тонн»[{417}](#).

Для приема грузов по новой железнодорожной ветке были построены три дополнительные станции: Лаврово, Кобона и Коса. От станции Коса до Осиновца была проложена новая ледовая трасса.

Отношения Нефедова с вышестоящим начальством складывались непросто. С одной стороны, в армии всегда была жесткая вертикаль власти. Там, где заканчивается дисциплина, — заканчивается и армия. С другой стороны, особенностью характера Нефедова было резко нетерпимое отношение к

непрофессионализму. Он терпеть не мог профанов и неучей, лентяев и разгильдяев. Когда это было в его власти — наказывал нещадно. Но когда встречал непрофессионализм со стороны высшего руководства — едко и не всегда справедливо расписывал это в своих дневниках. С генерал-майором интендантской службы Шиловым отношения у него складывались напряженно.

Вот несколько примеров.

Запись из дневника от 2 февраля: «В 5.00 Звонок от Шилова. Были ли пробки? Да были. Почему? Потому что шли части и создали эти пробки. Мы их рассосали. /500 тн. корова как языком слизнула, ответил Шилов. Потом добавил, что 22 ДЭП снимается и обслуживание трассы передается 64 ДЭПу. Хорошо, когда снимаешь? Утром. Силами 64 ДЭПа построить и новую дорогу.

Потом позвонил ему о механизмах, и назвал его тов. Шилов. Кто Вам дал право так называть меня? Я Вам приказываю называть меня по званию. Почему Вы не называете меня по званию и т. д.?

Хорошо, виноват, отныне этого не будет.

Ну и дурак, умный человек это сделает деликатно, а дурак грубо. Шилов не умный и очень недалекий человек. Ну что же, будет называться «генерал-майор инт[ендантской] службы», но потребуем и к нам обращаться по званию. Устав одинаков для всех»^{418}.

Из дневника: «28.01.42 г. звонит Каленицкий, он сообщает, что Шилов прислал Кузьмина проверить, действительно ли это так (не врем ли мы насчет трещин). Даже его ставленник должен был признать нашу правоту и дать заключение, что дорога грузовая опасна. «Генералы» Шилов и Логунов решили вместе с нами сделать совещание в Лаврово в 11 часов. Испугались, между тем трещина явление для нас гибельное...»^{419} Звание Шилова и Логунова Нефедов закавычивает, подчеркивая ироничное отношение к ситуации.

Из Приказа ВАД Ленфронта № 97 (дата не указана):

«1. С сего числа 64 ОДЭБ и 165 ОСБ во всех отношениях подчиняю себе.

2. Моим заместителям и начальникам отделов ВАД все распоряжения отдавать минуя начальника ледового участка — непосредственно командирам 64 ОДЭБ и 165 ОСБ.

3. Начальник ледового участка капитан 2 ранга т. НЕФЕДОВ — является моим заместителем по ледовому участку с функциями контроля за исполнением моих приказов.

Нач-к ВАД Ленфронта генерал-майор — / Шилов/»[{420}](#).

Интересен их обмен телеграммами 19 марта 1942 года. Шилов приказал Нефедову во всех документах именовать себя начальником ледового участка ВАД ЛФ, а не начальником ВАД-101, прекратить издание самостоятельных приказов и сдать гербовую печать и угловой штамп ВАД-101 в секретную часть военной автомобильной дороги Ленинградского фронта. Требование Шилова понятно: ему нужен заместитель, а не самостоятельный начальник, который вроде бы и подчиняется ему, а вроде бы и нет. И эта неопределенность генерала Шилова раздражала.

Нефедов незамедлительно ответил, что распоряжением Военного совета Ленфронта и начальника тыла Ленфронта от 7 декабря 1941 года № 0712 он назначен начальником ледовой дороги ВАД-101 и другого распоряжения Военного совета по этому вопросу не имеет. По всем уставам Нефедов имел право издавать собственные приказы, тем более что начальник тыла Ленфронта по-прежнему продолжает именовать ледовый участок «ВАД-101». Тем не менее печать и угловой штамп он отослал с писарем в секретную часть ВАД ЛФ. Взаимоотношения были не простые. До открытого конфликта, впрочем, не дошло.

Все понимали, что делают одно дело. При этом Нефедов отвечал только за ледовый участок, а генерал Шилов за всю военно-автомобильную дорогу ВАД-102, являясь при этом заместителем начальника тыла Ленинградского фронта. Дополнительно он исполнял обязанности уполномоченного Военного совета фронта, отвечая за обеспечение подвоза в осажденный Ленинград продовольствия и других материально-технических средств. Ответственность двух руководителей несопоставима.

С увеличением объемов доставки грузов к западному берегу Ладоги возникла новая проблема. Теперь уже Ириновская железнодорожная ветка перестала справляться с количеством грузов, которые перевозились по льду Ладожского озера. Возникла необходимость строительства дорог от станции Ладожское Озеро до осажденного города. Военный совет Ленинградского фронта 7 февраля дал приказ начальнику тыла фронта генералу Ф. Н. Лагунову в кратчайшие сроки построить грунтовку от Ленинграда до Вагановского спуска и передать ее в ведение начальника ВАД генерала А. М. Шилова.

Впервые за несколько месяцев Нефедов приехал в Ленинград 14 февраля, по служебной надобности. Город произвел на него гнетущее впечатление, которое вдвойне усиливалось грузом ответственности за подвоз продовольствия. Каждая недовезенная тонна груза — это десятки человеческих жизней. В ту поездку Нефедов понимал это ясно и отчетливо. «15.02.42 г. Город медленно умирает, надо его радикально вытаскивать из этого положения — разгромить врага и разорвать блокаду (нет воды, света, топлива, полно сугробов, много гробов по улицам). Да, тяжелая и грустная картина. Да, надо как можно скорее выбить врага из занятых им укрепленных пунктов»^{421}.

После того как новая железнодорожная ветка была построена вплотную к восточному берегу Ладоги, сократилось движение автотранспорта от станций Жихарево и Войбокало. Все движение было практически сосредоточено на ледовом участке, поэтому от состояния ледовой трассы зависело всё. Не умаляя значение других участков ВАД, ледовая дорога воистину стала Дорогой жизни. Соответственно, причалы на маяке Осиновец уже не обладали необходимой грузопропускной способностью. В конце февраля Нефедов получил приказ построить новую дорогу на мыс Гольцмана.

«Позвонил т. Соловьеву, что дорогу на м. Гольцмана к исходу дня 26.02 сделаем, но сделаем ее в одну полосу.

26.02.42 г. Идет строительство дороги. Уже сделано 4,5 км. Много торосов. Но какие-то безынициативные наши командиры... И все же дорогу сделаем, но очень много торосов, они мешают ходу машин. Надо будет кирковать лед и сбивать торосы»^{422}.

В целом в феврале 1942 года ледовая трасса функционировала как автомобильная магистраль. Были построены отдельные дороги для гужевого, тракторного, автомобильного транспорта. Даже для пешеходов была проторена отдельная дорога. Скорость движения полуторок составляла 35–40 км/ч, в ясные и беснежные дни доходила до 60 км/ч. Все это было обеспечено ежедневным и ежечасным титаническим трудом дорожных служб.

Нефедов и все строительные команды, переданные ему в подчинение, знали трассу полностью и досконально. Выделялись опасные участки. Так, много трещин и торосов образовывалось на знаменитом 9-м километре. 5-й и 11-й километры подвергались наиболее плотному огню вражеской артиллерии. Для борьбы с разрушениями ледовых трасс, нанесенными

противником, в период с 5 января по 25 марта дорожниками 64-го ОДЭП было построено 160 километров объездов и новых дорог и сделано 60 погонных метров новых мостов^{423}.

В начале марта Нефедов снова ругал в дневниках генерала Шилова за то, что тот снимал подразделения и перебрасывал их на другие участки, а чистить ледовую трассу практически некому, но мы помним, что с 1 по 8 марта 1942 года все силы были брошены на строительство и расчистку грунтовой дороги от Ваганово до Ленинграда.

В марте для Нефедова наступает самый напряженный этап. Наряду с метелями и пургой начинается весенняя передвижка, ломка, таяние льда.

Вместе с возросшей перевозкой грузов увеличивался и поток эвакуируемых из Ленинграда жителей. Если в январе 1942 года через Ладогу было перевезено немногим более 11 тысяч человек, то в феврале — уже около 117,5 тысячи, а в марте — около 222 тысяч человек^{424}.

В конце марта наступил один из самых трудных и героических этапов работы Дороги жизни: борьба за продление ее работы на максимально возможный срок. С 23 марта 1942 года началось потепление. Нефедов записал в дневнике: «23.03.42 г. Началось потепление. Грузов мало, очень мало. Противник тоже помалкивает. Надо готовиться к возможным огневым налетам. Температура все повышается и повышается. Думаю, что проехать до 15, как многие хотели бы, да не удастся. Надо рассчитывать на 10.04 и не больше. До 1.04 должны быть закончены все приготовления к весне.

24.03.42 г. Температура повышается, продолжается таяние снега. Вот тебе и 40 утренников старого деда. Мостки перевозят, но очень медленно. Хлам почти не собирают и все потому, что впутываются разные

черноруки и лезут в части через голову. 15.10 Прошло 16 аэросаней. Говорят, что 16.03 утонул один «КВ».

25.03.42 г. Температура продолжает повышаться. Дороги выходят из строя. Циклон захватил наш район и нарушил планы. Вечером в 18.00 началось торошение на 9 км. Чертова трещина дает себя знать и дает знать очень скверно. Все мосты поломало. Построили новые мосты. На дорогах лужи»[{425}](#).

Скорость машин была ограничена до 30 км/ч, а в отдельных местах до 15 км/ч. Доклады о состоянии дороги командиры 22-го и 64-го ДЭПов готовили два раза в сутки, был запрещен обгон на трассе, интервал между машинами увеличили до 80 метров. Категорически запрещено было одновременное движение двух и более машин на подъемах и спусках. Для наблюдения за состоянием ледовых путей и оказания помощи транспорту, для буксировки застрявших и эвакуации оказавшихся в аварийном состоянии машин на каждом линейном участке вводилась аварийно-патрульная служба (одна грузовая машина и команда в составе семи-девяти бойцов) и выделялся дежурный трактор НАТИ.

Десятого марта генерал Шилов издал приказ по ВАД № 057, в котором всю ответственность за обеспечение зимнего и весеннего содержания дорог на ледовом участке и обеспечение по ним нормального бесперебойного движения возложил на Нефедова, при этом 64-й и 22-й ОДЭБы, а также 136-й ОМСБ подчинил ему лично с «безоговорочным выполнением его приказаний в отношении содержания ледовых трасс».

Когда Нефедов 31 марта прибыл по вызову начальства в Ленинград, он отметил в своих дневниках, что город оживает, освобождается от голодного зимнего морока: «Ленинград понемногу стал преображаться, жители очищают его от грязи, снега. Город-великомученик, город-герой отстоял себя. Жителей надо

питать и питать, они очень ослабели. Лучшая помощь городу — это активное наступление и скорейший прорыв блокады. Погода хорошая»^{426}.

«4 апреля 1942 г. начальник Военно-автомобильной дороги издал приказ, в котором говорилось, что задачей всего личного состава дороги является использование льда до последней возможности»^{427}. Но уже после 6 апреля эксплуатировать дорогу становилось все труднее и труднее. Вода разливалась по всем дорогам, прокладка новых трасс уже не могла спасти положения. Разрушающаяся структура льда требовала немедленного снятия с участков тракторов и тяжелых грейдеров: хрупкий покров просто не выдерживал тяжелую гусеничную технику. А это значит, что расчищать торосы приходилось фактически вручную. 9 апреля Нефедов во время контрольного объезда попробовал уйти с трассы, свернуть на снег, но и там воды оказалось столько же, как и на дороге. Перед Хозяином дороги, как его за глаза называли подчиненные, замаячила перспектива массового провала машин под лед. Шилов требовал продолжить расчистку дорог, но Нефедов вопреки его приказу снял тяжелую технику с озера. Для расчистки луж тракторы бесполезны. «10.04.42 г. Воды много, но лед прочный, движется теплая погода. Генерал боится воды и очень нервничает, ему хочется получить нашу санкцию на снятие машин. Не даем, ругается. Машины идут по нашим каналам Венеции, как буксиры. Отдал приказ буксируемые машины на лед не пускать»^{428}.

Через два дня, 11 апреля, состояние ледовых трасс стало еще хуже. Заместитель Нефедова А. И. Кальницкий этим же вечером докладывал начальнику ВАД-102 А. М. Шилкову: «Слои воды на льду от 5 до 12 см, на подходах к трещине — до 25 см. На Лавровской ветке воды значительно больше — до 30 см... От действия поверхностной воды лед на 8—

12 см имеет игольчатую структуру, общее уменьшение толщины льда до 15 см... Во второй половине дня имелось 4 провала автомашин... Жертв и потерь не было. Все автомашины подняты и отправлены по назначению»^{429}. Учитывая состояние льда, руководство тыла Ленинградского фронта приняло решение прекратить перевозку грузов и эвакуацию населения с 24 часов 12 апреля 1942 года, а до 14 апреля снять со льда все имущество. А дальше история приобретает практически детективный оборот.

За день до этого приказа Нефедов присутствовал при разговоре, на котором решалась судьба ледовой трассы. В нем участвовали генералы Шилов, Лагунов, полковник Монахов.

«На Борисовой Гриве встреча двух генералов. О чем говорили, неизвестно. Только приказали мне, так как я их не видел, явится вслед за ними в Кобона. Лед хороший, только есть талая, поверхностная вода. Как только въехал на грунт, так и увяз. От Кобона до Низова, где помещается генерал Шилов, можно ходить только пешком и то в резиновых сапогах. На квартире у Шилова — Лагунов и Монахов. Они уже предрешили закрытие дороги. Я доложил им ледовую обстановку и предложил ездить до конца, до 15-го же мы безусловно проедем полногружно, а затем будем постепенно снимать машины и уменьшать нагрузку на них. Лагунов считает, что надо машины снимать все сразу, так как лед будет ломаться не постепенно, а сразу. Надо кончать. Если вы считаете, что мы уже обросли жирком и лишняя тысяча нам не играет роли. Да, но осенью мы каждым десяти тоннам были рады. Мне кажется, что надо рисковать и здесь. Лишняя тысяча тонн не мешает. Нет, это уже роли никакой не играет. Иоселев (главный ветродуй), видя откуда дует ветер, сейчас же переориентировался и начал «подводить погоду» на необходимость закрытия дороги. Вечером началась писанина приказа»^{430}.

Скорее всего, перед закрытием ледовой трассы Лагунову и Шилову было желательно заручиться согласием Нефедова. Но Михаил Александрович такого согласия не дал. Мотивы Лагунова понятны — его первостепенная задача сохранить в целостности и сохранности транспорт. Если машины массово пойдут ко дну — спросят с него, с начальника тыла фронта. Нефедов же понимает, что каждая тысяча тонн груза — это десятки тысяч спасенных жизней. Лишний день работы ледовой трассы — это живые судьбы, это ленинградцы, это женщины, дети и старики, солдаты и матросы. Тем не менее все остаются при своем мнении. Лагунов готовит приказ. А дальше происходит следующее.

Утром 12 апреля на трассу приезжает член Военного совета фронта Соловьев, устроив Шилову и Лагунову настоящий разнос. Даже формулировка слово в слово: неужели вы так обросли жирком, что лишняя тысяча тонн для вас не играет никакой роли? Может быть, вам не дороги интересы Ленинграда? «Дорога работает, — сообщал Соловьев А. А. Жданову 12 апреля, — и будет работать, по-моему, до 20 апреля. Прекращение работы дороги может быть решено по обстановке, когда проезд с грузом невозможен. Вчера вечером и сегодня утром лично проезжал по Ладожскому озеру, никаких опасностей в работе дороги по льду не нахожу. Вчера ехал 2 часа, сегодня — 1,5 часа»^{431}.

Безусловно, Соловьев приехал не просто так. Учитывая, что в предыдущих дневниковых записях Нефедов периодически упоминал о имеющейся у него возможности в отдельных случаях звонить Соловьеву напрямую, минуя тыл фронта, всех генералов и начальников, можно сделать вывод, что и 11 апреля он позвонил Соловьеву и доложил о готовящемся приказе. Результаты не заставили себя ждать. В докладе Жданову Соловьев четко говорит о 20 апреля. Эта дата

тоже не могла возникнуть из головы, предварительно он обязан был посоветоваться с Нефедовым, как с самым компетентным в этом вопросе человеком.

«12.04.42 г. Вам не дороги интересы Ленинграда! (С-в) Кто будет отвечать за потопленные машины? (Ш-в) Я буду отвечать, говорит Соловьев, я дам вам расписку, и тут же берет бумагу и пишет распоряжение что делать. Я хочу сделать одно добавление, говорит Лагунов, что мероприятие с военной точки зрения неграмотно. Идите вы знаете куда с таким заявлением... Я неграмотный, но интересов Ленинграда не продаю. По-вашему так полковник Н-дов неграмотен? Неграмотен я, неграмотен, так что же, одни генералы грамотны. Делайте так-то, а не закрывайте дорогу. До этого как раз Логунов бросил замечание, что Лапшин и Н-в безответственны, они за транспорт не отвечают. Ни полковник Лапшин, ни я на дороге не являемся посторонними зрителями (Н-в). Мы этот вопрос затрагивать здесь не будем. Поедемте на дорогу, т. Нефедов, везите нас. Повел их по дороге на Лаврово. Машина С-ва идет хорошо, а те устали, несколько раз вылазили и все думали, когда эта чертова дорога кончится, и когда эти беспокойные люди перестанут нам портить настроение. Мы портим настроение за то, возим Ленинграду.

Итог: 1. Отменено приказание не возить ночью. 2. Продолжать возить пока не кончится лед. 3. Заставить Прозорова не снимать пулеметов»^{432}.

И Дорога жизни продолжила свою работу. Тысячи тонн продуктов были доставлены в Ленинград за оставшуюся неделю.

О последней неделе работы ледовой трассы лучше всего расскажут записные книжки Нефедова и выписки из приказов. Продолжались обстрелы немецкой артиллерии, налеты «Мессершмиттов», которых Нефедов кроме как «стервятниками» не называл. Портилась дорога, все чаще машины проваливались под

лед. Но трасса жила и по ней шли в Ленинград драгоценные грузы.

«14.04.42 г. Придется Иоселеву брить бороду — будем ездить дольше, чем он предсказывал. 8.50 два М-109 обстреливали 9 км дороги. Дорога на косу очень скверная, много колдобин. Тов. Соловьев говорит, здорово ты их подковырнул. Я не собирался их отковыривать, они сами себя сковырнули. Вчера, когда я сказал Логунову, что мне нужен мостовой батальон для постройки моста с берега на лед, он ответил, бросьте мне сказки рассказывать, ваши арабские сказки, довольно мне их. Вы хотите ездить до 1 июня. До первого не до первого, а как лед позволит. Ночью был мороз, это нам на руку — дед «Мороз» за нас, большевиков.

15.04.42 г. Солнце, ветер и мороз работает на нас. Дорога живет и крепко держится. Если мы продержимся на льду еще дней пять-семь, это лишние 14 тыс. тонн. Нужна только изобретательность и желание. Фриц и стреляет и бомбит (обстреливает из пулеметов). Шилов решил отыгаться на Кальницком, он назвал его брехуном и пригрозил, что я до вас доберусь, несмотря ни на что. Вы там сидите герои, больше всех знаете, грамотней всех и т. д., а в общем работайте.

16.04.42 г. Пока, что везет. Село несколько машин задними колесами, их уже вытащили. Перевезли сегодня 3600 тн.

18.04.42 г. Наступает горячее время. Структура льда резко меняется. Под действием температуры лед из кристаллического превращается в игольчатый. Машины проваливаются очень часто. Сегодня провалились три бензовоза и 7 машин. Цистерны с эксплуатации надо снимать. Приехал т. Шилов. Несмотря на решение ВС, он испросил согласие т. Соловьева пустить бензоцистерны 19.04 до 18 час. Я настаивал на снятии цистерн. Все же

решил пустить. Посмотрим, как дело сложится, ну, тепло подводит»^{433}.

И, наконец, в записных книжках Нефедова 20 апреля появилась следующая запись: «20.04.42 г. Всю ночь и весь день пропускаем транспорт, он садится, мы его вытаскиваем, уже вытащили около 90 машин. Хватит. Надо принимать более радикальное решение. Предупредил Шилова, что сегодня, возможно, закроем движение. Доложил об этом т. Соловьеву: условились движение грузов закрыть»^{434}. В этот же день, 20 апреля, приказом по войскам Ленинградского фронта движение автотранспорта через Ладожское озеро было закрыто с 12 часов 21 апреля. После этого срока как исключение разрешалось следование одиночных легковых машин и людей по разовым пропускам. Для транспорта, двигавшегося на западный берег, пропуска выдавались с разрешения начальника ВАД А. М. Шилова, а для транспорта, направлявшегося на восточный берег, — с разрешения начальника ледового участка М. А. Нефедова. Закрытие ледового участка было оформлено соответствующим актом...

«И все-таки ледовая дорога продолжала работать. 22 и 23 апреля по ней из Ленинграда на восточный берег было переброшено 10 850 бойцов с вооружением — пополнение для 54-й армии. 23 и 24 апреля на западный берег было доставлено около 60 тонн лука. С восточного берега до кромки льда у западного берега его доставляли на санях, запряженных лошадьми, а отсюда по рыхлым ледяным полям, преодолевая большие трещины и разводья, лук был перенесен людьми на руках»^{435}.

К 12 часам 25 апреля с ледовой трассы были сняты регулировщики, связисты, перевезено на берег все дорожное имущество 22-го и 64-го ОДЭБов. Застрявший автотранспорт был разобран и переправлен на берег по частям.

«За три недели апреля на западный берег Ладожского озера было доставлено более 87 250 тонн различных грузов и вывезено на восточный берег около 163 400 человек. Кроме того, за 14 дней апреля из Ленинграда было отправлено 520 железнодорожных вагонов различных грузов»^{436}.

После того как перевозки по льду Ладожского озера были остановлены, Нефедов на несколько дней уехал в Ленинград, где в начале мая получил назначение в Новую Ладогу, заместителем командующего Ладожской военной флотилией по перевозкам, чуть позже ему в нагрузку дали должность командира Осиновецкой военно-морской базы и Осиновецкого порта. Погоня флотского офицера тянула Нефедова обратно к воде.

Работа его в должности начальника ледового участка была отмечена еще 2 марта 1942 года. Приказом № 0508/н по войскам Ленинградского фронта М. А. Нефедов был награжден орденом Красной Звезды. А вот по результатам работы ледовой трассы осенью 1941-го — весной 1942 года наград не последовало. 9 мая 1942 года в газете «Правда» на первой полосе вышла большая статья «Воля к борьбе и победе». В ней было отмечено мужество всех, кто обеспечивал бесперебойную работу ледовой трассы: шоферов, регулировщиков, ремонтников. Нефедов в своих дневниках упомянул эту статью в положительном ключе: история делает ставку именно на лед, а не на весь участок военно-автомобильной дороги. После статьи опубликован длинный список награжденных: 12 человек награждены орденом Красного Знамени, 114 человек — орденом Красной Звезды, 62 солдата и офицера получили медаль «За отвагу», 150 человек — медаль «За боевые заслуги». Заслуги генералов А. М. Шилова, Ф. Н. Лагунова и бригадного комиссара И. В. Шикина были отмечены орденами Ленина. Фамилии Нефедова в списке не было.

Безусловно, Михаила Александровича задела подобная несправедливость. Служил и воевал он не за награды, но чувство справедливости у него было обостренное, реагировал всегда мгновенно и жестко.

«Исторический спор решился в нашу пользу, в пользу ледовиков. Мы настаивали на том, что центральным звеном ВАДа 102 является лед, Шилов — Шикин и Лагунов говорили вообще о трассах. «Правда» сказала свое веское слово и сказала в нашу пользу. А практически Лагунов с Шиловым обвели главных ледовиков, они затаили злобу, что мы их заставили возить лишних 12 дней, а когда время подошло к «расчету стройся» из списков вычеркнули, как передают, что лимиты де, мол, не позволили. На деле же получилось другое и мотивы другие»^{437}.

Итогом работы военно-автомобильной дороги Ленинградского фронта стало спасение Ленинграда. Ни много ни мало. Всего была доставлена 361 тыс. т различных грузов, из которых 262,5 тыс. т — продовольствие.

«На первом месте среди продовольственных грузов были мука и зерно — около 142 тыс. т. Различных круп и концентратов было завезено более 36 тыс. т. Лишь после того как были созданы некоторые запасы муки и круп, развернулись в больших масштабах перевозки других продуктов. Мясопродуктов было завезено около 35 тыс. т, жиров — более 14 тыс. т, овощей — около 5 тыс. т, клюквы — 833 т, варенья-повидла — 752 т, орехов — 126 т, сухофруктов — 1470 т. По мере того как совершенствовалась деятельность дороги, ассортимент продовольственных грузов неуклонно расширялся. В него были включены шоколад, сыр, кондитерские изделия, кофе, какао, творог, сметана, яичный порошок и др.»^{438}.

Помимо продовольствия в Ленинград было доставлено 32 тыс. т боеприпасов, 35 тыс. т горюче-

смазочных материалов. С февраля 1942 года по специальной трассе в Ленинград стал доставляться уголь, которого до конца существования ледовой дороги было завезено более 22 800 т.

«Перевозки войск из Ленинграда составили 20 % от всех перевозок. Только в декабре 1941 г. — январе 1942 г. в период подготовки многофронтной стратегической операции с целью разгрома главных сил группы армий «Север» и освобождения Ленинграда от блокады, для усиления 54-й армии, действовавшей за пределами блокадного кольца, по ледовой дороге на автомашинах были переброшены 80-я, 115-я, 11-я, 177-я, 198-я и 265-я стрелковые дивизии с вооружением и боевой техникой. В начале февраля 1942 г. была перевезена также 124-я танковая бригада вместе с тяжелыми танками КВ»^{439}.

И, наконец, 550 тыс. человек мирного населения было эвакуировано из Ленинграда по льду Ладожского озера. 550 тыс. спасенных жизней.

«История Ладожской дороги — это поэма о мужестве, настойчивости и стойкости советских людей. Дорога жила полнокровной фронтовой жизнью. Это и был фронт», — написано в газете «Правда» 9 мая 1942 года.

А Нефедову на новой должности хватало забот: контроль строительства пирсов, приемка новых барж, выработка новой системы учета плавсредств и многое, многое другое, от чего зависит жизнедеятельность военно-морской базы.

Из Кобоны в Осиновец 21 мая прибыл буксирный пароход «Гидротехник». Тут же выяснилось, что в Осиновце нет мазута, чтобы заправить судно на обратный путь. Ночь искали мазут, по воспоминаниям Нефедова, получили нахлобучку от самого А. А. Жданова.

Характер работы по управлению военно-морской базой кардинально отличался от управления ледовой дорогой. Тем не менее Нефедов — опытный моряк и грамотный работник тыла. Со скрипом, но база в Осиновце начала выравнивать свою работу, хотя недостатки всплывали повсеместно тут и там.

С 23 мая корабли начинали регулярно приходить под погрузку. Основной груз — люди, ленинградцы. В мае 1942-го продолжилась эвакуация мирного населения из осажденного Города. Все это происходило под бомбами немецких люфтваффе. И, конечно, не следует забывать про голод, который никуда не отступил: «...Налетело 84 самолета и начали бомбить базу и пирсы. Налет был сделан звездный [так в тексте. —Д. Ф.], так что приходилось только успевать поворачиваться. Пострадали склады, железн[ая] дорога (подожжены вагоны), разрушена голова пирса № 2 и произведено прямое попадание в к[анонерскую] л[одку] «Бира». Много убитых и раненых. Моряки держались стойко и геройски. Они упорно работали и несмотря на продолжающиеся налеты приводили себя в порядок. <...> Масло, яблоки, мозги, кровь, мясо, уголь, — все смешалось в кровавое месиво. И все же нашлись люди, которые всю эту мешанину собирали в котелок с желанием сожрать. <...> Убитых моряков похоронили и стали продолжать заниматься погрузкой людей»^{440}.

Не всё ладилось с погрузкой. Как всегда во время большого дела, за составные части которого отвечают разные руководители, начались простои, проволочки, тут и там стали возникать непредвиденные обстоятельства, накладки.

«К началу навигации 1942 года причальные линии Осиновецкого порта составляли уже несколько километров; порт занял огромную территорию по берегам бухт Морье, Гольцмана и Новой. Он мог принимать ежесуточно до 2 тыс. т грузов. В центре

Осиновецкого порта находилась железнодорожная станция Ладожское Озеро Ириновской ветки. Здесь формировались составы, отсюда они отправлялись в Ленинград. От работы этой однопутной ветки в значительной мере зависела судьба блокированного города и войск Ленинградского фронта. Поэтому по приказу Военного совета фронта на Ириновской ветке стали срочно прокладывать новые пути, расширять станционное хозяйство, и в 1942 году эта дорога была превращена в развитую магистраль, а станция Ладожское Озеро стала большим железнодорожным узлом. Теперь пути заходили на причалы осиновецких пирсов в бухте Морье, к пирсу паромной железнодорожной переправы. Был сооружен и слиповый железнодорожный подводный путь для спуска в озеро боевых катеров, а позднее — порожних железнодорожных цистерн, буксируемых по воде на восточный берег озера»^{441}.

Осиновецкий порт был огромным организмом, тысячи людей работали на погрузке, разгрузке, охране, навигации, тыловом снабжении базы. И все для того, чтобы Ленинград продолжал жить и сражаться.

Сам Нефедов никогда не оставался на одном месте. Несмотря на то, что штаб его располагался в бухте Морье, появлялся он там редко. Колесил на катере от Кобоны до Осиновца, к станции Ладожское Озеро, а оттуда снова на восточный берег Ладоги. Должность обязывала — он отвечал за перевозки всей Ладожской военной флотилии.

В конце июня состоялось совещание Военного совета фронта, на которое вызвали Нефедова вместе с генералами Лагуновым и Шиловым. По его результатам было принято следующее решение: Лагунов и Шиллов занимаются погрузками, Нефедов — исключительно перевозкой. Его задача, чтобы транспорт дошел в целостности и сохранности точно в срок. Тем не менее

задача эта была непростая, учитывая уровень подготовленности и техническое состояние кораблей. Когда же Нефедов прямо поставил вопрос о качестве плавсредств, внятного ответа никто дать не смог. Да и вряд ли он вообще существовал на тот момент. Поддержал Нефедова начальник тыла Балтфлота генерал-лейтенант береговой службы М. И. Москаленко: «Ленфронт грузит и разгружает, мы возим и поставляем тоннаж». После этого вечером А. А. Жданов по очереди заслушал всех начальников. На повестке стоял только один вопрос: как лучше наладить погрузку и выгрузку на западном берегу. Заседание длилось до трех часов ночи 26 июня. Резолюция совещания была следующей: начать реорганизацию портов. Но самое главное — Жданов лично предложил кандидатуру Нефедова в качестве начальника Осиновецкого порта. Военный совет фронта поддержал кандидатуру единогласно, за исключением генерала Шилова и адмирала Трибуца. В разговоре один на один Жданов заверил Нефедова, что знает о непростых взаимоотношениях его с генералом Шиловым, но обещает со своей стороны всяческое содействие: «Мы знаем ваши взаимоотношения, только хорошо работайте, в обиду не дадим, поддержим, оцениваем мы по работе. Нам важен человек, а не нашивки и звания»^{442}. Так Нефедов стал начальником Осиновецкого порта.

На следующий день адмирал Н. Г. Кузнецов, который и «вел» Нефедова с момента его службы в разведке ВМФ, уточнил задачу: «Мы поэтому вас и назначили, чтобы иметь своего человека»^{443}. Вот так остро стоял вопрос кадров и доверия этим кадрам. Особенно в части снабжения Ленинграда.

«28.06.42 г. Выехал в Осиновец. Прошел по всем пирсам и владениям. Туда же приехали Лагунов и Шиллов. Что бросается в глаза — многоначалие, а

вследствие этого и неразбериха. Вечером отбыли в Кобону»^{444}.

А дальше не без некоторой гордости обмолвился: «Как-то грустно уезжать и оставлять уже налаженное хозяйство. Видимо, уж такова моя судьба, что, где плохо, где прорыв, туда меня и бросают. Сделался специалистом по ликвидации прорывов. Что же, роль почетная, но довольно неблагодарная, но неважно, где бы ни работать, а лишь бы приносить максимальную пользу Отечеству»^{445}.

Из воспоминаний помощника Нефедова, Сергея Яковлевича Прикота: «Я с ним служил только в порту (с мая по декабрь 1942 г.). Непосредственно был прямым подчиненным Нефедова, начальником штаба Осиновецкого порта, затем адъютантом Управления Осиновецкого порта. В декабре был назначен помощником командира «морского охотника», затем командиром.

Напротив ст. Ладожское озеро были вырыты землянки, штук 10-15. В них находилось Управление порта. На бугре, у самого берега, в густых соснах. Там был командный пункт начальника порта. Огромный коридор вел к комнатам Нефедова, Прикота (я), комиссара порта — Желдина. Чуть подалее отдельный ход — сообщение в диспетчерский пункт порта, где был стол, на столе — панорама Ладожского озера и порта в масштабе из пресс-папье (средства ПВО, причалы). У диспетчера были телефоны, связь с портом (5 бухт, 20 причалов), связь с диспетчером по перевозкам Северо-Западного речного пароходства, Ладожской флотилией, со Смольным (с Управлением тыла Ленинградского фронта, ген. — лейтенантом Лагуновым). В Управление передавали сводку. Там же находились: Плановый отдел, начальник — капитан Иохельчук, Хоз. отдел, продпункт, столовая, прачечная — ст. лейтенант

Шамарин. Гл. инженер порта — Овсянников, перешел с СЗРП, гл. электрик порта — Неймарк.

Нефедов думал только о своих обязанностях. Интересовался: как обеспечены подчиненные, как грузчики. Везде старался сам посмотреть, своими глазами. В случае аварии всегда появлялся сам. Старался локализовать. Были тяжелые случаи: однажды обвалился причал.

О взрыве причала в бухте Новой, где разгружался тендер с боезапасом, в конце августа 1942 г. никто не пишет. Погибли все, кто разгружал. Была ли это диверсия — неизвестно. В следствие никого не вызывали. Взрыв произошел километрах в пяти от землянок. Сразу приехали. Никого. Дымится воронка. Тендер затонул»^{446}.

Взрыв в бухте Новая произошел 11 августа. Погиб и пропал без вести 91 человек.

Сам Нефедов редко писал о себе в записных книжках. Даже понимая, что когда-нибудь эти записи попадут к потомкам и исследователям, не старался приумножить собственную значимость.

Отдельное место в его дневниках занимали размышления о сути войны и о будущем: каким оно предстанет? Что нужно, чтобы к нему подготовиться? И мы видим уже не воина, а философа, что по большому счету совершенно не исключает одно другого. А отдельные его мысли не потеряли актуальности и сегодня, протягивая свой пророческий смысл тонкой нитью сквозь десятилетия: «С миром капитализма нам придется столкнуться еще не раз, к сожалению, не последний раз, а поэтому мы должны воспитать поколение воинов, воинствующих большевиков, патриотов, не ораторов, которые красно бают, клянутся и ломают копья за формулировки, а бойцов, воинов, таких, каким было старшее поколение...

Война сейчас поставила вопросы (проблемы) национальные во всю ширь: речь идет не только о социальных завоеваниях, но и о национальном существовании народа. Будет ли физически существовать народ, национальность или он будет истреблен, германизирован? Не зря мы обращаем свои взоры к истории и вспоминаем героев прошлого, которые оружием утверждали государство Российское и защищали Отечество, поднимали в народе национальную честь, воспитывали его в духе героизма, преданности Родине»^{447}.

С назначением Нефедова начальником Осиновецкого порта резко выросла производительность погрузок. Если первоначальный план был 3 тыс. т в сутки, то теперь цифра стала доходить до 5 тыс. т. Несмотря на то, что практически каждый рейс подвергался атакам с воздуха. Эвакуация населения происходила следующим образом.

Главный эвакуопункт находился в поселке Борисова Грива, в 20 километрах от Осиновца. Он был один на весь Ленинград. Возглавлял его Лаврентий Аронович Левин. Эвакуопункт был обеспечен врачами, медсестрами и даже нянечками. На прибывавших ленинградцев оформлялись документы, выдавался суточный паек, потом с сопровождающим людей везли до причала. Сопровождающий шел к дежурному коменданту, предъявлял направление. Комендант выдавал посадочный талон на 30 человек. В лесу у причала формировались команды. После подачи транспортного судна следовал приказ на погрузку. Всё было организовано четко, по-военному.

«В июне за день поступало в среднем по 2790 человек, в июле — по 7820 человек. А всего за 170 дней действия водной трассы через эвакуопункт прошло 448 694 человека — в среднем по 2640 человек в день. В эти цифры не включены ленинградцы, перебивавшиеся на

восточный берег озера самостоятельно. А таких было немало»^{448}.

Непредсказуемая погода на Ладоге путала Нефедову все карты, срывала планы: штормы на Ладоги достигают 7–8 баллов. Баржи выбрасывало на берег в такую погоду, уносило в озеро. Ветер выворачивал деревья с корнями, рвал связь, сворачивал причалы и мостки. Потом все это приходилось в спешном режиме восстанавливать.

Случались и диверсии.

«12.08.42 г. Результаты катастрофы дают себя знать. Люди начали страховаться, как бы чего не вышло. Весь день работает комиссия, выясняет — кто же виновник катастрофы. На пирсе Морья нашли в перекачивающейся будке динамит и тол. Работает рука врага. В 15.15 баржа с вагонами отошла наконец-то на тот берег. В Коредж прибыли в 19.30.

13.08.42 г. Сегодня инженерное управление снова выкинуло фокус — прислало понтон с селитрой, где также оказались бертолетка и два взрывателя упрощенного типа. А среди химикатов (едкого натрия) нашли бочку бертолетки на барже 4093. Да, на том берегу явно неблагополучно с погрузкой»^{449}.

Даже начального курса химии хватает, чтобы понимать, что селитра во взаимодействии с бертолетовой солью дает стопроцентное взрывчатое вещество. Достаточно только малейшей детонации.

В порту Нефедов продолжал работать до поздней осени 1942 года, пока не остановилась летняя навигация. 12 ноября его вызывает нарком Н. Г. Кузнецов. Речь шла о дальнейшей службе Нефедова. Никаких определенных решений принято не было, но Кузнецов дал понять, что начальником ВАД второй раз он Ленфронту Нефедова не отдаст. 5 декабря остановилась навигация, наступил тот короткий момент,

когда корабли уже не ходят, а для транспорта, даже гужевого, лед еще слишком тонок.

Нефедов не был бы Нефедовым, если бы смирился с остановкой навигации. 12 декабря он настоял на проведении ледовой разведки. На следующий день в 9.00 корабли «Бира» и «Гидротехник» вышли на ледовую разведку. В 15.00 они вошли в тридцатисантиметровый лед. Пробивались по полмили в час. За новостями следили из Смольного, звонил Жданов, интересовался судьбой ледовой разведки. На следующий день корабли прошли, прорвались к пирсам сквозь лед.

«14.12.42 И все же несмотря на сопротивление различных ведомств, мы корабли заставили пойти, и они пошли на восток, пробились к пирсам. За первой тройкой пошла еще пара. Так заставили служить нашему делу людей уже почивавших на лаврах. Погода хорошая, но барометр поднимается и есть опасность, что будет похолодание. Льда у берега нет. Начался рокот волн, где-то далеко дует северный ветер, который дает себя знать в виде прибоя и волн у нас»^{450}. Несколько дней грузы доставлялись на кораблях, а 19 декабря трасса открылась для пеших людей и гужевого транспорта. 23 декабря на лед вышли первые 100 машин. Так ледовая трасса начинала свою вторую жизнь за время блокады Ленинграда.

Получив 26 декабря расчет в Управлении перевозок Ленфронта, Нефедов остался ждать нового назначения по линии ВМС. Вскоре он был освобожден от должности начальника Осиновецкого порта и назначен командиром Осиновецкой военно-морской базы. Дела он принял у капитана 1-го ранга А. В. Ванифатьева, которого прекрасно знал по работе в порту. Поменялась должность, но не место службы.

«Задачами Осиновецкой военно-морской базы являлись оборона сухопутного участка базы на западном берегу озера, обеспечение базирования и ремонта

кораблей, продолжение портового и гидротехнического строительства по генеральному плану развития порта Осиновец, обеспечение зимних перевозок по ледовой трассе через Ладожское озеро»^{451}.

Нефедов принял новое назначение как должное: он готов работать на благо Родины на любом участке фронта. К сожалению, проработать ему довелось недолго. Его жизнь трагически оборвалась 24 мая 1943 года. Во время налета немецкой авиации на бухту Морье, где располагался штаб Осиновецкой ВМБ, машина, в которой находился Нефедов, подверглась обстрелу. По воспоминаниям Сергея Яковлевича Прикота, Нефедов никогда не выходил из машины при атаках с воздуха. Возможно, это и сыграло роковую роль. Он погиб в возрасте 44 лет. За несколько дней до гибели Нефедов получил назначение заместителем начальника тыла Краснознаменного Балтийского флота. Он должен был работать в непосредственном подчинении генерал-лейтенанта М. И. Москаленко. Его новая должность в масштабе флота была равна должности генерала Шилова, в подчинении которого он проработал первую блокадную зиму. Это было серьезное повышение по службе. Иные задачи. Иной масштаб... Не судьба.

В тот день Нефедов сдал дела по должности командующего военно-морской базой. Но началась бомбежка, и он поехал к месту пожаров в Морье. В это время немецкий штурмовик атаковал его автомобиль. Машина остановилась. С ним были начальник штаба военно-морской базы Петр Ильич Барабан и шофер и порученец Анатолий Фокин. Шофер и начальник штаба выскочили из машины и укрылись в кювете, а Нефедов остался. Осколок снаряда отскочил от здорового валуна и попал точно в голову. По решению Военного совета Ленфронта Нефедов был похоронен в Александрово-

Невской лавре, на Коммунистической площадке. Такой чести сподобились не многие военные деятели.

О чем он думал, когда «Мессершмитт» заходил на атаку? Что пронесет, что он заговоренный и пули просвистят мимо? Или просто доверился судьбе, выполнив главное дело своей жизни, то, для чего он был рожден на свет? О чем он думал в последнюю секунду перед гибелью? Вспоминал ли семью, которая осталась в Москве? Или видел Победу в мае 1945-го?

Каждый человек проходит свой путь сам, и знание последних секунд жизни, когда душа отрывается от тленного тела, — интимное, сакральное знание. В него невозможно вторгнуться и вывернуть на всеобщее обозрение. Это знание человек уносит с собой в могилу. Но мне очень хочется верить, что в последние секунды перед смертью он видел Ладогу в апреле 1942 года, когда озеро от растаявшего снега практически полностью покрылось водой над слоем льда. Получилось «озеро над озером». В отдельных местах этот водный покров достигал полуметра. Нефедов умирал и видел, насколько хватало глаз, как люди, машины, обозы, повозки, сани заполнили собой горизонт... и шли по воде, аки посуху. И невыносимый свет вокруг...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ

1941 год

22 июня — нападение Германии на СССР, начало Великой Отечественной войны.

24 июня — образование Северного фронта на базе управления, объединений, соединений, частей и учреждений Ленинградского военного округа.

29 июня — вступление Финляндии в войну.

10 июля — 26 августа — бои на Лужском оборонительном рубеже.

23 августа — образование Ленинградского фронта путем разделения Северного фронта на Ленинградский и Карельский фронты.

6 сентября — 26 сентября — Демянская оборонительная операция.

8 сентября — захват немцами Шлиссельбурга, начало блокады Ленинграда.

8—10 сентября — бомбардировка Бадаевских складов, город лишился 5 процентов запасов продовольствия.

10 сентября — 26 сентября — 1-я Синявинская наступательная операция.

16 сентября — выход немцев на берег Финского залива, образование Ораниенбаумского плацдарма.

17 сентября — захват немцами городов Пушкина и Павловска, выход к Пулковским высотам.

20 сентября — высадка десанта Ленинградского фронта на левый берег Невы, образование Невского пятачка.

5—10 октября — Стрельно-Петергофская наступательная операция, высадка и гибель Петергофского десанта.

20-28 октября — 2-я Синявинская наступательная операция.

10 ноября — 30 декабря — Тихвинская стратегическая наступательная операция.

20 ноября — установка минимальной суточной нормы выдачи хлеба, 125 граммов детям, служащим и иждивенцам.

22 ноября — начало работы Дороги жизни.

17 декабря — создание Волховского фронта первого формирования.

1942 год

7 января — 30 апреля — Любаньская наступательная операция, завершилась окружением 2-й ударной армии генерала А. А. Власова.

8 марта — после блокадной зимы в городе пущен первый грузовой трамвай.

4—30 апреля — немецкая операция «Айсштосс» (военно-воздушная операция люфтваффе с целью уничтожения основных сил Балтийского флота в Ленинграде). Закончилась безрезультатно.

21 апреля — расформирован Волховский фронт. На его основе была создана Волховская группа войск Ленинградского фронта.

25 апреля — Л. А. Говоров назначен командующим Ленинградской группой войск Ленинградского фронта.

13 мая — 10 июля — операция по выводу из окружения 2-й ударной армии. Завершилась провалом и полным разгромом 2-й ударной армии, окружением и пленением 32 тысяч советских солдат и офицеров.

8 июня — образование Волховского фронта (второе формирование); командующий — генерал армии К. А. Мерецков.

19 августа — 10 октября — Синявинская наступательная операция. Срыв готовившейся силами

немецкой группы армий «Север» операции «Северное сияние».

19 августа — 8 сентября — Усть-Тосненская наступательная операция, составная часть Синявинской наступательной операции.

1943 год

12-30 января — операция «Искра», прорыв блокадного кольца, освобождение Шлиссельбурга.

19 января — 5 февраля — строительство «Дороги Победы» — железнодорожной линии Поляны — Шлиссельбург, действовавшей с 5 февраля 1943 года по 10 марта 1944 года и служившей эффективной заменой Дороги жизни для доставки грузов в блокадный Ленинград.

10-28 февраля и 19 марта — 2 апреля — Красноборская операция. Совместная операция Ленинградского и Волховского фронтов по окружению и уничтожению Мгинско-Синявинской группировки 18-й армии вермахта. Поставленная задача не выполнена.

22 июля — 22 августа — Мгинская наступательная операция. Задачами советских войск были разгром группировки противника в районе Мги, восстановление контроля над Кировской железной дорогой и обеспечение прочной железнодорожной связи Ленинграда со страной. Задача не выполнена.

15 сентября — взятие высоты 43.3 в районе Синявинских высот.

1944 год

14-30 января — операция «Январский гром», полное освобождение Ленинграда от фашистской блокады.

19 января — освобождение Красного Села.

26 января — освобождение Красногвардейска (Гатчины).

27 января — в Ленинграде был произведен салют в ознаменование окончательного освобождения города от блокады, которая продолжалась 872 дня.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Л. А. Говоров. 1950 г.

Братья Говоровы.

***Нижний ряд (слева направо): Михаил, Леонид,
Николай.***

***Верхний ряд: Владимир и жена Леонида Лидия.
Одесса, 1926 г.***

***Леонид Александрович и Лидия Ивановна
Говоровы.***

Одесса, 1923 г.

Л. А. Говоров (в центре).

51-я Перекопская дивизия, 1923-1924 гг.

Л. А. Говоров. 1923-1924 гг.

Командующий 5-й армией генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров (справа) и член Военного Совета армии бригадный комиссар П. Ф. Иванов. Зима 1941/42 г.

Л. А. Говоров осматривает трофейные орудия.

Ленинград, 1943 г.

***Первый заместитель председателя Верховного
Совета СССР Н. М. Шверник вручает маршалу
Л. А. Горову особый знак отличия —
«маршальскую звезду». Москва, Кремль. 1944 г.***

Маршал Л. А. Говоров во главе сводных войск Ленинградского фронта на Параде Победы. 24 июня 1945 г.

Николай Павлович Симоняк.

Около 1943 г. (не позднее февраля 1944 г.)

Советские солдаты в атаке под Ленинградом во время начала прорыва блокады.

Январь 1943 г.

Встреча бойцов Ленинградского и Волховского фронтов во время операции «Искра».

18 января 1943 г.

Генерал С. И. Кабанов и полковник Н. П. Симоняк во время оперативной работы на острове Ханко. 1941 г.

Генерал-лейтенант Н. П. Симоняк с командным составом на наблюдательном пункте у Пулковских высот. 1944 г.

***Немецкие солдаты и офицеры, захваченные в плен
во время операции по прорыву блокады
Ленинграда***

***Командующий Ленинградским фронтом
Л. А. Говоров вручает боевое знамя 63-й
гвардейской стрелковой дивизии генерал-майору
Н. П. Симоняку***

***Сводный полк Ленинградского фронта на Параде
Победы; крайний слева — генерал Н. П. Симоняк.
24 июня 1945 г.***

***Штурман 29-го гвардейского истребительного
авиационного полка П. А. Пилутов на фоне
самолета Curtiss P-40***

П. А. Пилутов и В. С. Молоков. Май 1934 г.

***Герой Советского Союза гвардии подполковник
П. А. Пилутов. Около 1944 г.***

***Транспортный самолет с продовольствием для
блокадного Ленинграда***

«Мессершмитт» Bf. 109. 1941-1945 гг.

***Аэростаты заграждения в блокадном Ленинграде.
1941 г.***

***Последствия авианалета в блокадном Ленинграде.
1941 г.***

Спасение экипажа парохода «Челюскин». 1934 г.

В. Е. Ломакин, командир 77-го истребительного батальона.

Около 1970-х гг.

***П. Э. Гедройц, начальник штаба 77-го
истребительного батальона.***

Около 1950-х гг.

Бои за город Пушкин в январе 1944 года

Т. М. Музыченко, командир 76-го истребительного батальона

Белая башня в Александровском парке города Пушкина. С этого места наблюдатели в течение всей блокады корректировали огонь немецкой артиллерии.

Фото Ф. Г. Чертова. 25 января 1944 г.

***На открытии памятника 76-му и 77-му
истребительным батальонам в городе Пушкине.
1969 г.***

***Памятник «Цветок жизни» в память о погибших
детях блокадного Ленинграда***

Таня Савичева. 1936 г.

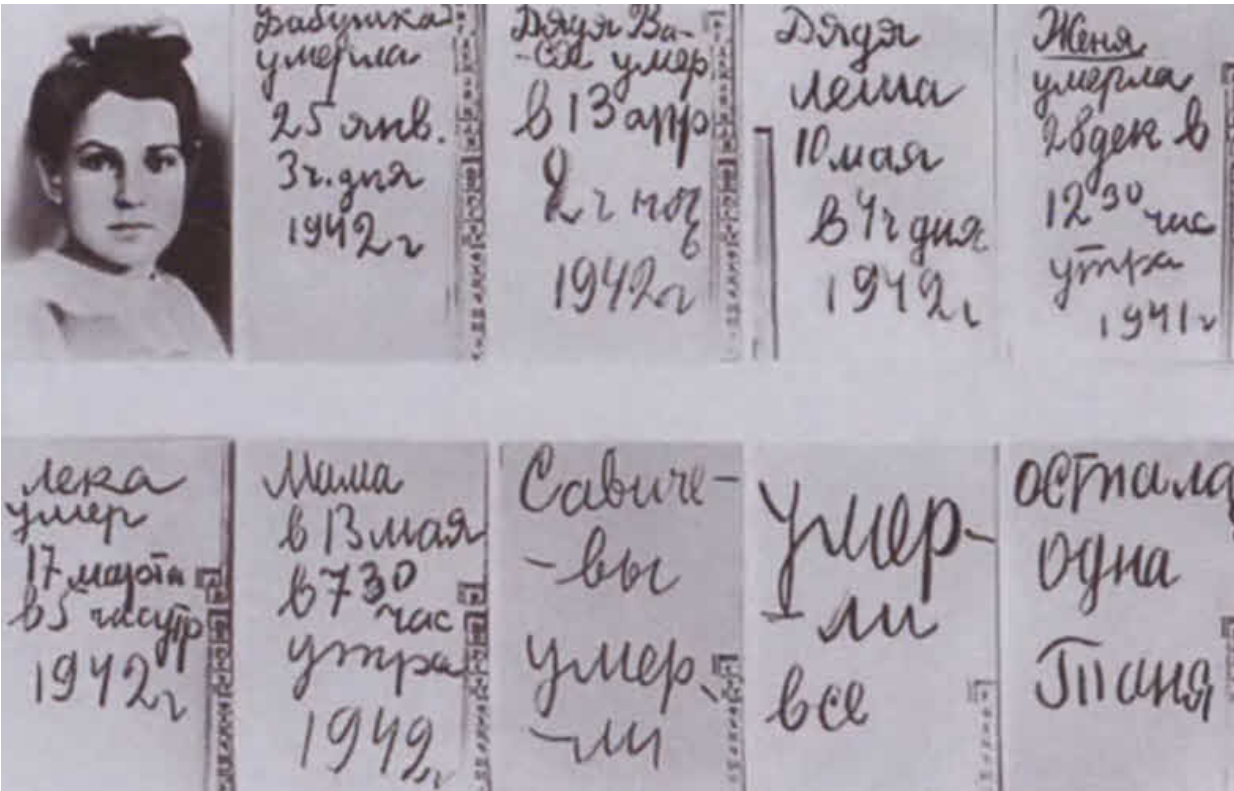

***Мария Игнатъевна Савичева, мать Тани. Около
1940 г.***

***Слева направо: Леонид (Лёка), Нина, Михаил
Савичевы. 1934 г.***

Страницы из дневника Тани Савичевой

Елка в палате детской больницы в блокадном Ленинграде. Январь 1942 г.

Школьный урок в блокадном Ленинграде.

Зима 1942 г.

Дети в бомбоубежище во время артобстрела.

Около 1942 г.

Дети дежурят на крышах блокадного Ленинграда, оберегая дома от зажигательных бомб.

Около 1941 г.

***Ольга Берггольц с сотрудниками редакции газеты
«Советская степь» в Казахстане. 1930 г.***

Ольга Берггольц и Борис Корнилов. 1929 г.

**Фотография из уголовного дела О. Ф. Берггольц.
1938 г.**

***В редакции Радиокomitета. Слева направо:
Я. Л. Бабушкин, О. Ф. Берггольц, В. В. Вишневский.
1942 или 1943 г.***

***В редакции Радиокомитета. Справа от
О. Ф. Берггольц — Г. П. Макогоненко.***

Приблизительно начало 1943 г.

Ольга Берггольц. 1946 г.

Анна Ахматова и Ольга Берггольц. 1947 г.

Ольга Берггольц на встрече с читателями.

Конец 1950-х гг.

М. А. Нефедов с отцом и братом. Около 1922 г.

***М. А. Нефедов с руководством тыла
Ленинградского фронта в Осиновецком порту. В
центре — генерал-майор А. М. Шилов. 1942 г.***

**Во время объезда Дороги жизни. Слева направо:
начальник ВАД-101 капитан 2-го ранга
М. А. Нефедов, командир 64-го ОДЭБа майор
А. С. Мажаев. Зима 1941/42 г.**

М. А. Нефедов

Во время погрузки в Осиновецком порту. 1942 г.

М. А. Нефедов. 1942 г.

***Руководство тыла Ленинградского фронта в
Осиновецком порту. Слева направо: неизвестный,
М. А. Нефедов, генерал-майор А. М. Шилов,
генерал-лейтенант Ф. Н. Лагунов. 1942 г.***

Регулировщики на Дороге жизни

Дорога жизни

***Подъем провалившегося под лед танка КВ. Около
1942 г.***

Прокладка деревянных настилов через полынью на льду Ладожского озера

***Работа ледовой трассы Дороги жизни в апреле
1942 года***

***Железнодорожный причал в Осиновце. Около
1942 г.***

Строительство моста через Неву в районе Шлиссельбургской губы. 7 февраля 1943 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

col1_0, Муратов П. П. Русские кампании германского вермахта. 1941–1945. М.» 2005.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.; СПб., 2005.

Берггольц О. Ф. Собрание сочинений: В 3 т. Л., 1990.

Берггольц О. Ф. Никто не забыт, и ничто не забыто. СПб., 2016.

Берггольц О. Ф. Поэмы. Л., 1974.

Бешанов В. В. Ленинградская оборона. М.; Минск, 2005.

Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945. М., 2006.

Буров А. В. Блокада день за днем. Л., 1979.

Бычевский Б. В. Город-фронт. Л., 1967.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров. М., 1970.

Великая Отечественная война. 1941–1945. М., 1999.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Словарь-справочник. М., 1985.

Великая победа советских войск под Ленинградом. Л., 1945.

Войскунский Е. Баллада о Финском заливе // Дружба народов. 2005. № 3.

Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979.

Гаврилов Б. И. «Долина смерти». Трагедия и подвиг 2-й ударной армии. М., 1999.

Газиева Л. Л. Организация эвакуации ленинградских детей в 1941 г. (по материалам государственных архивов) // Клио. 2013.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М., 1968–1971.

Гланц Д. М. Битва за Ленинград. М., 2008.

Говоров Л. А. В боях за город Ленина: Статьи, 1941–1945 гг. Л., 1945.

Город, овеянный Славой. СПб.: Пушкин, 2009.

Гот Г. Операция Барбаросса: 3-я танковая группа в России 1941 год. Рига, 1997.

Грабин В. Г. Оружие победы. М., 1989.

Гранин Д. Причуды моей памяти. СПб., 2011.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993.

Громова Н. А. Ольга Берггольц: Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы. М., 2017.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1999.

Динабургский В. Д. В полях почернели ромашки: очерки, рассказы, стихи. Брянск, 2005.

Дворкин С., Сегаль А. Трагедия на Ладоге // Нева. 2003. № 8.

Дудин М. Стихи. Россия — Родина моя. М., 1967.

Егоров Д. Н. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта. М., 2008.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 2002.

Исаев А. В. Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1961.

Кабанов С. И. На дальних подступах. М., 1971.

Кирносова. Ни дня без победы! Повесть о маршале Говорове. Л., 1978.

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971.

Кондратьев Н. Д. Маршал Блюхер. М., 1965.

Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. Л., 1975.

Ковалев Б. Н. Добровольцы на чужой войне: очерки истории «Голубой дивизии». Великий Новгород, 2014.

Корнилов Б. П. Стихотворения. Поэмы. М., 1991.

Кузнецов Н. Г. Осажденный Ленинград и Балтийский флот // Вопросы истории. 1965. № 8.

Лебедев Ю. М. Уходящие в вечность. СПб., 2015.

Лебедев Ю. По обе стороны блокадного кольца. СПб., 2005.

Ломагин Н. Неизвестная блокада. СПб., 2004.

Любецкий И. Г. Цитадель под Ленинградом. Л., 1992.

Манштейн Э. Утерянные победы. М.; СПб., 1999.

Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999.

Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997.

Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968.

Миксон И. Л. Жила, была. Л., 1991.

Мильчаков Е. Грозы и травы. Жизнь и творчество Алексея Ивановича Мильчакова. Киров, 2001.

Минеев Н. Ф. Часовой ленинградского неба. Л., 1961.

Мосунов В. А. Красноборская операция. Февраль 1943 // Петербургский исторический журнал. 2015.

Мосунов В. А. Битва за Синявинские высоты. М., 2018.

Мощанский И. Б. Танки, вперед! Курьезы танковой войны в битве за Ленинград. М., 2009.

На Дороге жизни. Л., 1975.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

Никулин Н. Воспоминания о войне. СПб., 2015.

Новиков А. А. В небе Ленинграда (Записки командующего авиацией). М., 1970.

Оборона Ленинграда, 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968.

Очерки истории Ленинграда: В 7 т. Л., 1955.

Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. Л., 1985.

Победа. Поэты о подвиге Ленинграда в Великой Отечественной войне. Л., 1970.

Пятьдесят первая Перекопская дивизия: История боевой и мирной жизни за 5 лет, 1919–1924. М., 1925.

Раков Д. Ф. В застенках Колчака. Голос из Сибири. Париж, 1920.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1988.

Рубцов Ю. В. Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л. З. Мехлиса. М., 1999.

Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель. М., 1979.

Сандалов Л. М. Трудные рубежи. М., 1965.

Сараева-Бондарь А. М. Радуга памяти. Л., 1988.

Соколов Б. В. Рокоссовский. М., 2010.

Стахов Х. Г. Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде Ленинграда. 1941–1944. М., 2011.

Стрейшнский М. И., Франтишев И. М. Генерал Симоняк. Л., 1971.

Сякое Ю. А. Первая Синявинская наступательная операция // Вопросы истории. 2007. № 2.

«...Уничтожить Россию весной 1941 г.». Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М., 2008.

Телицын В. Л. Маршал Говоров. М., 2013.

Трибуц В. Ф. Балтийцы сражаются. М., 1985.

Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004.

Успенский В. Д. Тайный советник вождя. СПб., 2000.

Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. М., 1961.

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941–1945. М., 2005.

Хозин М. Об одной малоисследованной операции // Военноисторический журнал. 1966. № 2.

Худякова Н. За жизнь ленинградцев. Л., 1958.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968.

Эренбург И. Можайск взят // Красная звезда. 1942. 24 января.

Ярхунов В. М. Через Неву. М., 1960.

900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся

Ленинграда в 1941-1944 гг. Л., 1966.

INFO

Филиппов Д. С.
Ф 53 Битва за Ленинград / Дмитрий
Филиппов. — М.: Молодая гвардия, 2020. —
424[8] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей:
сер. биогр.; вып. 1853).

ISBN 978-5-235-04399-2

УДК 355/359

ББК 68(49)2

знак информационной продукции 16+

Филиппов Дмитрий Сергеевич
БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД

Редактор *К. А. Залесский*
Художественный редактор *К. В. Забусик*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 10.03.2020. Подписано в
печать 17.03.2020. Формат 84*108/32. Бумага
офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура
«Newton». Усл. печ. л. 22,68+1,68 вкл. Тираж
3000 экз. Заказ № 2005070.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес
издательства: 127055, Москва, Суцевская ул.,

21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail:
dscl@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного электронного
оригинал-макета в ООО «Ярославский
полиграфический комбинат»

150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

С. Е. Михеенков
МОСКВА-41

Эта книга трагична, потому что иной быть и не могла. 1941 год. После летних боев, тяжелых потерь — личного состава, вооружения и территорий — Красная армия остановилась на ближних подступах к Москве. Все. Дальше отступить было уже некуда. Историки, отечественные и зарубежные, до сих пор спорят и не могут прийти к общему согласию в понимании того, что же произошло на Московском рубеже, откуда появилась такая энергия у дивизий и бригад Западного и соседних с ним фронтов. Какое чудо произошло? Почему группа армий «Центр» не смела защитников Москвы в октябре, когда у вермахта, казалось, все складывалось как нельзя лучше? Почему недожала в ноябре, когда тонкая ниточка советской обороны стала утолщаться, обрастать стрелковыми и танковыми бригадами, дивизионами «Катюш», но все же по-прежнему была еще слаба? Почему не удержала удара наших армий в декабре? И почему так жестко Красная армия была остановлена в начале 1942 года на исходе контрнаступления? На все эти вопросы автор книги «Москва-41» отвечает, исследуя судьбы действующих лиц и героев одной из самых масштабных и грандиозных битв Великой Отечественной/Второй мировой войны. В книге впервые публикуются многие документы из различных архивов,

фондов и частных коллекций, ставших доступными только в последние годы.

С. Е. Михеенков

БЕРЛИН-45

Книга «Берлин-45» необычная. Дни и ночи последнего штурма показаны в ней через судьбы его участников — солдат и генералов, командиров корпусов и рядовых разведчиков, танкистов, пехотинцев. Некоторые герои книги прошли войну от западных границ Советского Союза до Москвы, а затем через Смоленщину, Белгородчину, Донбасс, Белоруссию и Польшу до Берлина. Судьбы героев показаны на фоне сложного времени. Автор вводит в оборот многие малоизвестные и неизвестные широкому читателю документы, которые во многом по-новому позволяют взглянуть на нашу историю, загроможденную в прежние годы завалами идеологием, мифов и откровенной лжи. Среди героев — генерал Иван Рослый, танкист полковник Амазасп Бабаджанян, разведчик Григорий Булатов, гвардии певица Лидия Русланова, которая в мае сорок пятого дала свой знаменитый победный концерт на ступеньках поверженного Рейхстага. Впервые развернуто показана картина тыла и обеспечения войск 1-го Белорусского фронта — через судьбу генерала Н. А. Антипенко, талантливого организатора и бесстрашного воина.

А. Ю. Бондаренко

ГЕРОИ «СМЕРШ»

Эта книга — о войне и о тех людях, которые обеспечивали безопасность сражающейся Красной армии. Автор не отделяет работу сотрудников легендарного Смерша, военных контрразведчиков, от того, что происходило на фронтах, и это помогает читателю самому сделать вывод о нужности и важности

их деятельности. Герои книги — сотрудники Смерша различных рангов, от начальника Главного управления контрразведки Наркомата обороны до зафронтового агента. Особое внимание уделено судьбам оперативных работников, находившихся непосредственно в боевых порядках войск, в том числе — павших в сражениях. Здесь помещены биографии сотрудников Смерша, впоследствии занявших высшие должности в органах безопасности, и тех, уйдя в запас, достиг вершин в совершенно иных областях, а также рассказано обо всех «смершевцах» — Героях Советского Союза. Книга «Герои «Смерш» развенчивает многие «легенды» и исправляет заблуждения, зачастую общепризнанные. Она открывает малоизвестные страницы Великой Отечественной войны и помогает понять и осмыслить ту роль, которую сыграла военная контрразведка в деле достижения Великой Победы.

А. Ю. Бондаренко

ВОЕННЫЕ КОНТРРАЗВЕДЧИКИ

Настоящая книга — это рассказ о столетней истории и славных боевых делах военной контрразведки ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ — ФСБ России, а также — о ее людях. Но это не биография одной конкретной личности и не сборник очерков. Говоря об истории службы, автор постарался рассказать о многих ее сотрудниках, что позволит читателю получить достаточно полное представление о людях, в различное время осуществлявших контрразведывательную деятельность в войсках, и о той работе, которую они выполняли.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

З. Прилепин «ЕСЕНИН»

В. Молодяков «ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ»

В. Бондаренко «СВЯТЫЕ СТАРЦЫ»

Н. Борисов «ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ»

Н. Петрова «НАХИМОВ»

А. Карпов «ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»

Л. Млечин «ВОЖДИ СССР»

В. Антонов «ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ»

Л. Никифорова, М. Кизилев «АЙН РЭНД»

Е. Погорелая «ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК»

К. Ковалев-Случевский «НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ»

А. Горбунов «ОЛЕГ БОРИСОВ»

Дмитрий Филиппов

Дмитрий Филиппов окончил ЛГУ им. А. С. Пушкина. Писатель и историк из Санкт-Петербурга.

Лауреат русско-итальянской литературной премии «Радуга» (2015 год).

Данная книга — его первый опыт сотрудничества со знаменитой серией «Жизнь замечательных людей».

.....

Битва за Ленинград — самое продолжительное сражение Второй мировой войны, длившееся с 10 июля 1941 года по 9 августа 1944 года. Через призму биографий как прославленных полководцев, так и неизвестных героев автор вырисовывает масштабную картину обороны Ленинграда.

Основываясь на архивных выписках, журналах боевых действий полков и дивизий, автор показывает, в каких условиях полководцам приходилось планировать операции, а солдатам — атаковать хорошо укрепленные немецкие позиции.

На Пискаревское мемориальное кладбище от Вечного огня к главной стеле мемориала ведет аллея протяженностью 480 метров — братские могилы, череда холмиков, уходящих вглубь. И надо пройти полкилометра, чтобы миновать братские захоронения умерших в блокаду ленинградцев и погибших бойцов

Ленинградского фронта. Полкилометра ям с телами.
Вдумайтесь в эту цифру. Полкилометра...

Дмитрий Филиппов

*Дмитрий Филиппов
окончил ЛГУ им. А. С. Пушкина.
Писатель и историк
из Санкт-Петербурга.
Лауреат русско-итальянской
литературной премии
«Радуга» (2015 год).
Данная книга — его первый
опыт сотрудничества
со знаменитой серией
«Жизнь замечательных
людей».*

ISBN 978-5-235-04399-2

9 785235 043992 >

Битва за Ленинград — самое продолжительное сражение Второй мировой войны, длившееся с 10 июля 1941 года по 9 августа 1944 года. Через призму биографий как прославленных полководцев, так и неизвестных героев автор вырисовывает масштабную картину обороны Ленинграда.

Основываясь на архивных выписках, журналах боевых действий полков и дивизий, автор показывает, в каких условиях полководцам приходилось планировать операции, а солдатам — атаковать хорошо укрепленные немецкие позиции.

На Пискаревское мемориальное кладбище от Вечного огня к главной стеле мемориала ведет аллея протяженностью 480 метров — братские могилы, череда холмиков, уходящих вглубь. И надо пройти полкилометра, чтобы миновать братские захоронения умерших в блокаду ленинградцев и погибших бойцов Ленинградского фронта. Полкилометра ям с телами. Вдумайтесь в эту цифру. Полкилометра...

М О Л О Д А Я   Г В А Р Д И Я

---

notes

Примечания

1

С 1992 года стадион «Петровский» на Петровском острове Малой Невы.

2

Ныне — Российский государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина (Александринский).

3

На самом деле переданный в группу армий «Север» XXXIX моторизованный корпус состоял из 12-й танковой и 20-й мотопехотной дивизий.

4

Впрочем, расплавленный сахар не пропал безвозвратно: его бóльшая часть была собрана и переработана на патоку.

Л. А. Говоров жил в так называемом Доме Бенуа по адресу: Каменоостровский проспект, дом 26-28.

6

Это звание Л. А. Говорову присвоили в Белой армии 13 июля 1919 года.

7

Политотдела дивизии.

С 14 сентября 1921 года приказом РВСР № 2000 она получила почетное наименование и стала официально называться 51-я стрелковая Перекопская Краснознаменная им. Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов дивизия.

9

Назначен на эту должность в октябре 1924 года.

10

Назначен на эту должность в начале 1925 года.

11

Приказ от 5 февраля 1936 года.

Георгий Федотович Одинцов (1900–1972) — маршал артиллерии (1968). В войну командующий Лужской артгруппой Северного фронта, начальник штаба артиллерии 54-й армии, с января 1942 года — Ленинградского фронта. С мая 1942 года по 1945 год — командующий артиллерией Ленинградского фронта.

Петр Петрович Евстигнеев (1901-1970) — генерал-лейтенант (1944). С 1938 года — начальник разведотдела штаба Ленинградского военного округа, с июля 1941 года — Северного, с августа 1941-го по 1945 год — Ленинградского фронтов.

Михаил Дмитриевич Папченко (1901-1970) — генерал-майор (1944). Служил в войсках НКВД, в пограничных войсках. С июня 1941 года — командир 21-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР. Затем командовал 109-й стрелковой дивизией (1942), 56-й стрелковой бригадой (1942-1943), 124-й стрелковой дивизией (1943-1945).

Павел Филатович Иванов (1905–1976) — генерал-майор (1942); член Военного совета 5-й (1941–1943) и 10-й гвардейской (1943–1945) армий.

Филипп Никанорович Стариков (1896-1980) — генерал-лейтенант (1942). В августе — сентябре 1941 года командовал 19-м стрелковым корпусом, затем Восточным сектором Лужской опергруппы (с ноября), Синявинской и Волховской опергруппами (с декабря), 8-й армией (с апреля 1942-го по 1945-й).

Иван Федорович Никитин (1893–1957) — генерал-майор (1940). С августа 1941 года командовал 251-й, с сентября — 128-й стрелковыми дивизиями, затем заместитель командующего 42-й армией (1942, 1943–1944), в апреле — октябре — командующий Невской оперативной группой войск. Затем командовал 124-м стрелковым корпусом (1944) и 45-й учебной стрелковой дивизией (1944–1945).

Дмитрий Николаевич Гусев (1894-1957) — Герой Советского Союза (1945), генерал-полковник (1944). С сентября 1941 года — начальник Оперотдела и заместитель начальника штаба, с октября — начальник штаба Ленинградского фронта. В 1944-1945 годах — командующий 21-й армией.

Анатолий Андреевич Краснов (1906–1967) — Герой Советского Союза (1940), генерал-майор (1942). С июня 1941 года командовал 68-м стрелковым полком, с сентября — 10-й, с октября — 3-й гвардейской, с апреля 1942-го по февраль 1943 года — 70-й (с октября 1942 года 45-я гвардейская) стрелковыми дивизиями.

Семен Николаевич Борщев (1905-1975) — генерал-лейтенант (1955). С мая 1942 года — командир 5-й отдельной стрелковой бригады моряков (с августа — 71-я отдельная морская стрелковая бригада), с ноября — 268-й стрелковой дивизии, с апреля 1943 года — 169-го стрелкового полка, с июля — 46-й стрелковой дивизии.

Михаил Павлович Духанов (1896–1969) — генерал-лейтенант (1943). С августа 1941 года — помощник командующего войсками Северного фронта, с сентября командовал 10-й стрелковой дивизией, с ноября — начальник штаба 2-й Невской опергруппы, затем помощник командующего Ленинградским фронтом, командующий Невской опергруппой. С октября 1942-го по декабрь 1943 года — командующий 67-й армией.

Василий Алексеевич Трубачев (1902-1964) — Герой Советского Союза (1941), генерал-майор (1943). С августа 1940 года командовал 461-м стрелковым полком, в сентябре 1941 года — 2-й гвардейской стрелковой дивизией народного ополчения, с октября — 1-й стрелковой дивизией внутренних войск НКВД СССР. С апреля 1942 года — начальник штаба Невской опергруппы, с октября — командир 86-й, с августа 1943 года — 64-й гвардейской стрелковых дивизий, с декабря — 117-го стрелкового корпуса.

Иван Иванович Федюнинский (1900-1977) — Герой Советского Союза (1939), генерал армии (1955). С июня 1941 года командовал 15-м стрелковым корпусом, с августа — 32-й, с сентября — 42-й, с октября — 54-й, с апреля 1942 года — 5-й армиями. В октябре 1941 года недолго командовал Ленинградским фронтом. С октября 1942 года заместитель командующего Волховским, с мая 1943 года — Брянским фронтами. С июля 1943 года командовал 11-й, с декабря — 2-й ударной армиями.

Александр Васильевич Сухомлин (1900-1970) — генерал-лейтенант (1942). С июля 1941 года — заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта, с сентября — и.д. начальник штаба 54-й армии. С января 1942 года командовал 8-й, с апреля — 54-й армиями. С марта 1943 года — помощник командующего войсками Волховского фронта, с июня — начальник штаба 5-й армии, с августа — начальник штаба, с сентября 1943-го по январь 1944 года — командующий 10-й гвардейской армией.

Иван Васильевич Лазов (1895-1944) — генерал-лейтенант (1944). С января 1942 года командовал 304-й, в августе-декабре — 315-й, с марта 1943 года — 369-й стрелковыми дивизиями, с ноября — 25-м, с декабря — 110-м стрелковыми корпусами. Погиб в бою.

Иван Прокопьевич Алфёров (1897-1979) — Герой Советского Союза (1944), генерал-лейтенант (1944). С мая 1942 года командовал 288-й стрелковой дивизией, с октября — 6-м гвардейским, с января 1944 года — 109-м стрелковыми корпусами.

Иван Терентьевич Коровников (1902-1976) — генерал-полковник (1955). С июля 1941 года командовал 12-м мехкорпусом, с августа — заместитель командира опергруппы Двинского направления и командир Новгородской армейской группы. В январе — марте 1942 года командовал опергруппой 2-й ударной армии, с апреля — 59-й армией.

Финский город Лаппеэнранта.

Александр Иванович Черепанов (1895-1984) — генерал-лейтенант (1943). С сентября 1941-го по июль 1944 года командовал 23-й армией. С ноября 1944 года — заместитель, помощник председателя, в мае — ноябре 1947 года — председатель Союзной контрольной комиссии в Болгарии.

Красногвардейск — название города Гатчины в 1929–1944 годах.

Ныне польские города Познань, Пила, Валч, Хощно.

Ныне польские города Реч, Колобжег, Голеньов.

Сейчас это санаторий «Пушкинский»,
расположенный на окраине Екатерининского парка.

Это Шатковский район Горьковской (Нижегородской) области.

Александр Иванович Маханов — в 1942 году секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде и агитации, один из инициаторов увольнения Макогоненко.

36

ЛГ и ЛГ-5, скорее всего, опечатка; имелась в виду полупанель ЯГ и ЯГ-5, выпущенная на Ярославском государственном автозаводе.

---

comments

Комментарии

1

Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. СПб., 2015. С. 9.

Гальдер Ф. Военный дневник. 1941-1942. М., 2010. С. 125.

З

Бычевский Б. В. Город-фронт. Л., 1967. С. 30.

Динабургский В. Д. В полях почернели ромашки...
Брянск, 2005.

Цит. по: *Ковальчук В, М.* Ленинград и Большая Земля.
Л., 1975. С. 25.

6

Буров А. В. Блокада день за днем. Л., 1979. С. 30-31.

7

Там же. С. 31.

8

Там же. С. 32.

9

Там же. С. 34.

Буров А. В. Указ. соч. С. 37.

Бычевский Б, В. Указ. соч. С. 69.

Гот Г Операция Барбаросса: 3-я танковая группа в России 1941 год. Рига, 1997. С. 143.

Исаев А, В. Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005.

Рубцов Ю. В. Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л. З. Мехлиса. М., 1999.

Исаев А. В. Пять кругов ада. Красная Армия в «котлах» 41-го года. М., 2019.

Буров А. В. Указ. соч. С. 46.

Там же. С. 50.

18

Там же.

Манаков Н. А. В кольце блокады. Л., 1961. С. 46.

ЦГА СПб. Ф. 8357. Оп. 6. Д. 1108. Л. 46-47.

21

Weisung Nr. Ia 1601/41 vom 22. September 1941.

История одного документа — «директивы 1601/41» О планах по уничтожению жителей блокадного Ленинграда. URL: <https://langohrigel.livejournal.com/44406.html>; дата обращения 7.12.2019.

NARA (T311 Roll 51, Roll 53, Roll 54). URL: <https://topwar.ru/39074-igor-petrov-po-krayney-mere-ne-priamo-na-nashih-glazah-vypiski-iz-zhumala-boevyh-deystviy-ga-sever-.html>;
дата обращения 7.12.2019.

Говоров Л. А. В боях за город Ленина. Статьи. 1941-1945 гг. Л., 1945. С. 5.

Цит. по: Город Елабуга. Исторический очерк [электронный ресурс]. URL: <http://elabugatat.narod.ru/37.htm>; дата обращения 7.12.2019.

Телицын В. Л. Маршал Говоров. М., 2013. С. 7.

Юность, опаленная войной // Говоров Леонид Александрович [электронный ресурс]. URL: <http://marshal-govorov.ru/biography/biography/> I/; дата обращения 7.12.2019.

Раков Д. Ф. В застенках Колчака. Голос из Сибири.
Париж, 1920. С. 17.

Лазарев С. Е. Неизвестные страницы жизни маршала Л. А. Говорова // Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. Орел, 2010. С. 93-94.

Пятьдесят первая Перекопская дивизия: История боевой и мирной жизни за 5 лет, 1919-1924. М., 1925. С. 52.

От колчаковского офицера до красного командира // Говоров Леонид Александрович [электронный ресурс]. URL: http://marshal-govorov.ru/biography/biography_2/; дата обращения 12.12.2019.

Кондратьев Н. Д. Маршал Блюхер. М., 1965. С. 128.

Пятьдесят первая Перекопская дивизия... С. 172.

Там же. С. 240.

Орлов А. Лео Делиб. Опера «Лакме» // Погружение в классику [электронный ресурс]. URL: <http://www.intoclassics.net/news/2012-1-23-10320>; дата обращения 14.12.2019.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 17.

Телицын В. Л. Указ. соч. С. 4.

Там же. С. 4-5.

Под особым контролем // Говоров Леонид Александрович [электронный ресурс]. URL: http://marshal-govorov.ru/biography/biography_3/; дата обращения 14.12.2019.

40

Там же.

41

Чему учили в школе «Леонидас»? URL: <https://otvet.mail.ru/question/11280188>; дата обращения 14.12.2019.

Под особым контролем...

Бычевский Б. В. Маршал Говоров... С. 18-19.

Под особым контролем...

45

Там же.

Сандалов Л. М. Пережитое. М., 1961. С. 7-8.

Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма // Говоров Леонид Александрович [электронный ресурс]. URL: http://marshal-govorov.ru/biography/biography_4/; дата обращения 14.12.2019.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров... С. 21.

Егоров Д. Н. Июнь 41-го. Разгром Западного фронта.
М., 2008. С. 375-376.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 1.
М., 2002. С. 354–355.

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 196-197.

Там же. С. 197.

Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945. М., 2006. С. 130.

Винницкий Л. Указ. соч. С. 204.

Гальдер Ф. Военный дневник 1941-1942. М., 2010. С. 352.

Военно-исторический журнал. 1966. № 8. С. 54.

Алексей Исаев о битве за Москву. Ч. 1 // Хорошие лекции [электронный ресурс]. URL: <https://goodlec.com/>; дата обращения 15.12.2019.

58 Подвиг подольских курсантов // Благотворительный фонд подольских курсантов [электронный ресурс]. URL: [http:// podolkursant. info / подольские%20курсанты/](http://podolkursant.info/); дата обращения 15.12.2019.

Битва под Москвой. На можайском направлении // Говоров Леонид Александрович [электронный ресурс]. URL: [http:// marshal-govorov. ru/biography/biography_4/](http://marshal-govorov.ru/biography/biography_4/); дата обращения 15.12.2019.

Цит. по: *Киселев А.* На службе народу. (К 70-летию со дня рождения Л. А. Говорова) // Военно-исторический журнал. 1967. № 2. С. 39.

Цит. по: *Минц И. И.* Вызов к Сталину// Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 303-305.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров. М., 1970. URL: http://militera.lib.ru/bio/bychevsky_bv01/bychevsky_bv01.html;
дата обращения 15.12.2019.

Битва под Москвой. На можайском направлении...

Жуков Г. К Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 1.
М., 2002. С. 393–394.

Рокоссовский К К. Солдатский долг. М., 2002. С. 137-138.

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Вып. 1. М., 1971.

Минц И. И. Указ. соч. С.307.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1999.
С. 353.

05.12.41 — Начало контрнаступления РККА под Москвой // Всё о Второй мировой [электронный ресурс]. URL: <http://wwii.space/05-12-41>; дата обращения 15.12.2019.

Итоги // Оборона Москвы [электронный ресурс]. URL: [http://xn7sbcg3blegbaest61.xn -- plai/?page_id=2679](http://xn7sbcg3blegbaest61.xn--plai/?page_id=2679); дата обращения 15.12.2019.

Киселев А. Указ. соч.

Битва под Москвой. На можайском направлении...

Правда. 1942. 17 января. Цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. М., 2001. С. 370.

Бычевский Б. В. Город-фронт... С. 164-165.

Хозин М. Об одной малоисследованной операции // Военно-исторический журнал. 1966. № 2. С. 39-40.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров... С. 54-56.

Там же. С. 57.

Говоров против Кюхлера // Говоров Леонид Александрович [электронный ресурс]. URL: http://marshal-govorov.ru/facts/facts_Govorov_protiv_Kuhlera/; дата обращения 15.12.2019.

Цит. по: *Лебедев Ю. М. Уходящие в вечность. СПб., 2015. С. 32-33.*

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941-1945. М., 2005. С. 123.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.; СПб., 2005.

Широкорад А. Б. Бог войны Третьего рейха. М., 2003.
URL: <https://www.litmir.me/br/?b=175065&p=64>; дата обращения 15.12.2019.

Там же.

Бычевский Б. В. Город-фронт... С. 171.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров... С. 68.

Там же. С. 69.

Телицын В. Л. Указ. соч. URL: <https://biography.wikireading.ru/224113>; дата обращения 16.12.2019.

Оборона Ленинграда, 1941-1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 114.

Воспоминания Б. В. Бычевского. Цит. по:
Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в
блокаде. Кн. 2: Июнь 1942 — январь 1943. СПб., 2017.

Бешанов В. В. Ленинградская оборона. М.; Минск, 2005. С. 315-360.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров...

Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968. С. 302.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.; СПб., 2005. С. 117.

Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М.; СПб., 1999.
С. 300.

Гальдер Ф. Указ. соч. С. 671.

Там же. С. 683.

Там же. С. 684.

Мерецков К. А. Указ. соч. С. 312.

Иванова Е. В. Сенявинская наступательная операция в августе-сентябре 1942 г. // Наследие предков — молодым [электронный ресурс]. URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1035-sinyavinskaya-nastupatel'naya-operatsiya-v-avguste-sentyabrya-1942-goda>; дата обращения 18.12.2019.

Манштейн Э. фон. Указ. соч. С. 302-303.

Бычевский Б. В. Город-фронт... С. 191.

Ходаренок М., Владимиров О. Трагедия в Сиявинских болотах // Независимое военное обозрение. 5 апреля 2004. [Интернет-версия]. URL: http://nvo.ng.ru/history/2002-04-05/5_tragedy.html; дата обращения 18.12.2019.

9 ноя[бря] 1942 г. — Отрывки из фронтовой газеты
[электронный ресурс]. URL:
<https://time.graphics/ru/event/862581>; дата обращения
18.12.2019.

Летопись деревни Савково Меленковского района
Владимирской области. 2006. URL:
[https://lib.melenky.ru/wp-content/
uploads/2019/1
l/letopis_sovkovo.pdf](https://lib.melenky.ru/wp-content/uploads/2019/11/letopis_sovkovo.pdf); дата обращения 18.12.2019.

105

Там же.

Там же.

Манштейн Э. фон. Указ. соч. С. 302.

Лисичкин И. Молчун с золотым сердцем. К 110-летию со дня рождения маршала Л. А. Говорова// Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 22 февраля.

Великая Отечественная война. 1941-1945. Т. 2. М., 1999. С. 202.

110

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 301, 302.

Бычевский Б. В. Город-фронт... С. 202.

112

Там же.

К мужу по Дороге жизни // Говоров Леонид Александрович [электронный ресурс]. URL: http://marshal-govorov.ru/marshal_govorov_polkovodets_i_chelovek/K_muzhu_po_Doroge_zhizni/; дата обращения 7.12.2019.

Оборона Ленинграда, 1941-1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 533.

115

Там же.

Бычевский Б. В. Командующий фронтом (О Маршале Советского Союза Л. А. Говорове). М., 1974. URL: <http://blokada.otrok.ru/library/govorov/5.htm>; дата обращения 21.12.2019.

Телицын В. Л. Указ. соч. URL: <https://biography.wikireading.ru/224114>; дата обращения 21.12.2019.

118

Там же.

Цит. по: *Ярхунов В. М.* Через Неву. М., 1960. С. 50-51.

Цит. по: Великая Отечественная война. 1941-1945. Т. 2. М., 1999. С. 203.

Бычевский Б. В. Город-фронт... С. 221.

Телицын В. Л. Указ. соч.

123

Бычевский Б. В. Город-фронт...

Операция «Искра». Прорыв блокады Ленинграда.
URL: <https://coollib.nct/b/412356/read>; дата обращения
21.12.2019.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. 3. М., 1961. С. 137.

Успешное наступление наших войск... // Тамбовская
права. 19 января 1943. Президентская библиотека
[электронный ресурс]. URL:
<https://www.prlib.ru/item/388853>; дата обращения
20.12.2019.

Буров А. В. Блокада день за днем. Л., 1979.

Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2001. С. 282-283.

129

http://www.soldat.ru/doc/archive_usa/09_01_43.html;
дата обращения 8.03.2020.

130

ЦА МО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2186. Л. 28-32.

Мерецков К. А. На службе народу... С. 345.

Мясоедов Николай Сергеевич // Я помню
[электронный ресурс]. URL:
<https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/myasoedov-nikolay-sergeevich/>; дата обращения 21.12.2019.

Бычевский Б. В. Город-фронт... С. 290.

Цит. по: *Глезеров С. Е.* Вокруг Петербурга. Заметки наблюдателя. М., 2013. URL: <https://history.wikireading.ru/175292>; дата обращения 21.12.2019.

Мосунов В. Пашендаль под Ленинградом: саперы атакуют //Warspot [электронный ресурс]. URL: <https://warspot.ru/7097-pashendal-pod-leningradom-sapery-atakuuyut>; дата обращения 21.12.2019.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров...

Непокоренный Ленинград...

Трибуц В. Ф. Балтийцы сражаются. М.: Воениздат, 1985.

Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. М., 1961. С. 171.

Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004.

Сталинский танк // Говоров Леонид Александрович
[электронный ресурс]. URL: http://marshal-govorov.ru/marshal_govorov_polkovodec_i_chelovek/Stalinskii_tank/; дата
обращения 7.12.2019.

Бычевский Б. В. Город-фронт... С. 329.

Телицын В. Л. Указ. соч.

144

Там же.

145

Там же.

Кулинченко В. Гора Воронья // Независимое военное обозрение. [Интернет-версия]. 23.01.2004. URL: http://nvo.ng.ru/history/2004-01-23/5_mountain.html; дата обращения 22.12.2019.

147

Там же.

Телицын В. Л. Указ. соч.

149

Там же.

150

Там же.

Мосунов В. Освобождение Гатчины...

Великая победа советских войск под Ленинградом.
Л., 1945. С. 107-108.

Очерки истории Ленинграда. В 7 т. Т. 5. Л., 1955. С. 434.

Федюнинский И. И. Указ. соч. С. 188.

Исаев А. Вся правда о Нарвском сражении 1944-го // Informing [электронный ресурс]. URL: http://www.inforing.net/publications/infopress/vabariiginews.php?ELEMENT_ID=38193; дата обращения 22.12.2019.

Там же.

Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941-1944. СПб.; Хельсинки, 2002. URL: <http://v-n-baryshnikov.narod.ru/blokada.html>; дата обращения 27.01.2020.

Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999. С. 121.

Выборгская наступательная операция 1944 года //
Офицерское собрание 30-го гвардейского армейского
корпуса. URL: <http://officers30gak.ru/node/234>; дата
обращения 27.01.2020.

Вербовой А., Горелов И. Вставай, страна огромная!
Великая Отечественная война 1941-1945 гг. М., 2017.

162

Там же.

Выборгская наступательная операция 1944 года...

Бычевский Б. В. Маршал Говоров... URL:
<https://military.wi-kireading.ru/48239>; дата обращения
27.01.2020.

Сандалов Л. М. Трудные рубежи. М., 1965. С. 140-141.

166

Там же.

Телицын В. Л. Маршал Говоров. М., 2013. С. 191.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров...

Цит. по: *Кирносов А.* Ни дня без победы! Повесть о маршале Говорове. Л., 1978.

Телицын В. Л. Маршал Говоров...

Как собирались сдаваться немецкие генералы // Исторический документ. URL: <http://history-doc.ru/kak-sobiralis-sdavatsya-nemeckie-generalny/>; дата обращения 27.01.2020.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров...

173

Там же.

174

Там же.

Золототрубов А. Дело четырех адмиралов // Николай Герасимович Кузнецов [электронный ресурс]. URL: http://patriotsite.ru/publ/stati_o_n_g_kuznecove/a_zolototrubov_delo_chetyreh_admiralov/2-1-0-1; дата обращения 27.01.2020.

Рубцов Ю. В. Генеральская правда. 1941-1945. М., 2017. URL: <https://history.wikireading.ru/145694>; дата обращения 27.01.2020.

Бычевский Б. В. Маршал Говоров... С. 217.

Успенский В. Д. Тайный советник вождя. СПб., 2000.

Соколов Б. В. Рокоссовский. М., 2010.

Цит. по: *Стрешинский М. П., Франтишев И. М.*
Генерал Симоняк. Л, 1971. С. 7-15. URL:
http://militera.lib.ru/bio/streshinsky_frantishev/Ol.html; дата
обращения 28.01.2020.

181

Там же.

182

Там же.

183

Там же.

184

Там же.

185

Там же.

186

Там же.

Кабанов С. И. На дальних подступах. М., 1971. С. 189.

Июльский Р. «Ханко смеется над вами, барон!» // Комсомольская правда. 1941. 14 ноября. В «Комсомольской правде» пропустили всего одну строку: после слов «до встречи, барон» в оригинальном обращении было добавлено: «Долизывай, пока цел, щетинистую жопу фюрера».

Стрешинский М. П., Франтишев И. М. Указ. соч. С. 88.

190

Случайная встреча в блокадном Ленинграде зимой
41 года. URL:
https://pikabu.ru/story/sluchaynaya_vstrecha_v_blokadnom_leningrade_zimoy_41_goda_6512666; дата обращения
28.01.2020.

Чернышев А. Оборона полуострова Ханко. М., 2011.

Стрешинский М. П., Франтишев И. М. Указ. соч.

193

Обобщенный банк данных «Мемориал». URL:
[https://obd-memorial.ru/html/info.htm?
id=50005596&page=1](https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50005596&page=1); дата обращения 28.1.2020.

Стрешинский М. П., Франтишев И. М. Указ. соч. С. 114.

Бычевский Б. В. Город-фронт... С. 209.

196

Журнал боевых действий 136-й стрелковой дивизии
// Рабочий поселок № 5 [электронный ресурс]. URL: ИПр://
рабочий-поселок-5.рф/wp-
content/uploads/jbd_136_sd_121242-040243.pdf;   дата
обращения 28.01.2020.

Там же.

198

ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 427. № 16230328

Стрешинский М. П., Франтишев И. М. Указ. соч. С. 171.

200

Журнал боевых действий 18-й стрелковой дивизии // Рабочий поселок № 5 [электронный ресурс]...

201

ЦА МО РФ. Ф. 217. Оп. 229576. Д. 20. Л. 8.

202

Рабочий поселок № 5 [электронный ресурс]... URL:
http://рабочий-поселок-5.рф/wp-
content/uploads/jbd_136_sd_121242-040243.pdf; дата
обращения 30.01.2020.

*Стрешинский М. П., Франтишев И. М. Указ. соч.
С. 192-193.*

Там же. С. 200.

205

ЦА МО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 142. Л. 24, 25.

Бычевский Б. В. Город-фронт... С. 243.

Мосунов В. А. Красноборская операция. Февраль 1943 г. // Петербургский исторический журнал. 2015.
URL: <https://cyberle-ninka.ru/article/n/krasnoborskaya-operatsiya-fevral-1943-g/viewer>; дата обращения 30.01.2020.

208

Там же.

209

Там же.

210

Там же.

Стрешинский М. П., Франтишев И. М. Указ. соч. С. 225.

212

Боброва И. Ю. Историческая справка о Мгинской операции. URL: <https://похоронка.ru/forum/kirovskij/28312-karer-na-kostyakh-v-kirovskom-rajone>; дата обращения 30.01.2020.

Душевский Иосиф Михайлович // ЯПОМНЮ
[электронный ресурс]. U RL:
[https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/
mikhaylovich/?sphrase_id=4656;](https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/mikhaylovich/?sphrase_id=4656) дата обращения
30.01.2020.

214

ЦАМО РФ. Ф. 1192. Оп. 1. Д. 25. Л. 81, 82.

Журавлев Д. А. Лечебно-эвакуационное обеспечение боевой операции 30-го гвардейского стрелкового корпуса. 15-19 сентября 1943 г. URL: http://www.ahleague.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=530&Itemid=204&lang=ru; дата обращения 30.01.2020.

*Стрешинский М. П., Франтишев И. М. Указ. соч.
С. 232-233.*

217

Душевский Иосиф Михайлович...

Стрешинский М. П., Франтишев И. М. Указ. соч. С. 228.

219

Глазами сержанта-танкиста// Новый Красносел.
№ 221/1. 2012. URL: <http://krasnosel.com/2012/423-2011-11-12-13-54-38>; дата обращения 30.01.2020.

*Стрешинский М. П., Франтишев И. М. Указ. соч.
С. 267-268.*

221

Там же.

Стрешинский М. П., Франтишев И. М. Указ. соч. С. 267-268.

Выборгская наступательная операция 1944 года...

Василевский В. Ночь в Выборге // На страже Родины.
1944. № 154 (7692) (2 июня). С. 3.

Успенский В. Д. Тайный советник вождя. СПб., 2000.
С. 437.

226

Там же. С. 438.

Дудин М. Стихи. Россия — Родина моя. М., 1967.

Минеев Н. Ф. Часовой ленинградского неба. Л., 1961.
С. 9.

229

Там же. С. 14.

230

Там же.

231

Цит. по: *Старцева Е.* Защитник ленинградского неба// Красное село [электронный ресурс]. URL: http://krasnoeselo.su/publ/istoriia_krasnogo_sela_i_dudergofa/zashhitnik_leningradskogo_neba_petr_andreevich_piljutov/l-l-0-176; дата обращения 31.01.2020.

232

Там же.

233

ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 682523. Ед. хр. 3. № 2002972.

234

Там же. Ед. хр. 12. № 2011020.

235

Там же. Оп. 682524. Ед. хр. 72. № 10160136.

Новиков А. А. В небе Ленинграда (Записки командующего авиацией). М., 1970. С. 243-247.

237

ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Ед. хр. 37.
№ 150025377.

НОВИКОВ А. А. Указ. соч. С. 250-251.

Там же. С. 251-252.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Словарь-справочник. М., 1985. С. 195.

Воспоминания командира Пушкинского 77-го истребительного батальона НКВД В. Е. Ломакина и его начальника штаба П. Э. Гедройца о боевых действиях батальона в сентябре 1941 г. Рукопись. Из личного архива автора. С. 13-14.

242

Там же. С. 24.

243

За сельскохозяйственные кадры. № 7. 1971. 19
февраля.

244

Там же.

245

Там же. С. 44.

246

Архив музея Санкт-Петербургского государственного аграрного университета.

Город, овеянный Славой: Краткий историко-краеведческий очерк. СПб.: Пушкин, 2009. С. 290.

Воспоминания командира Пушкинского 77-го
истребительного батальона НКВД... С. 58-59.

249

Там же. С. 61.

Сараева-Бондарь А. М. Радуга памяти. Л., 1988. С. 69.

Воспоминания командира Пушкинского 77-го
истребительного батальона НКВД... С. 70-71.

Лебедев Ю. По обе стороны блокадного кольца. СПб., 2005.

Любецкий И. Г. Цитадель под Ленинградом. Л., 1992.
С. 70-71.

Воспоминания командира Пушкинского 77-го
истребительного батальона НКВД... С. 87-88.

255

Там же. С. 93.

256

Там же.

257

Там же.

258

Там же.

259

ЦА МО РФ. Ф. 249. Оп. 1544. Д. 112. Л. 144.

Маркова Л. Н. Блокадная хроника Тани Савичевой // Петербургская семья [электронный ресурс]. URL: http://old.spb-family.ru/history/history_15.html; дата обращения 1.02.2020.

261

Там же.

Миксон И. Л. Жила, была. Историческое повествование. Л., 1991. URL: http://militera.lib.ru/bio/mikson_il_savicheva/index.html; дата обращения 1.02.2020.

263

Там же.

264

Там же.

265

Маркова Л. Я. Указ. соч.

266

Там же.

267

Там же.

268

Отчет отдела народного образования // ЦГА СПб. Ф.
2076. Оп. 4.Д. 54. Л. 170 об.

269

Блокада Ленинграда. Эвакуация [электронный ресурс]. URL: <https://evacuation.spbarchives.ru/history>; дата обращения 1.02.2020.

Газиева Л. Л. Организация эвакуации ленинградских детей в 1941 г. (по материалам государственных архивов) // Клио. 2013. № 8(80). С. 63-66.

271

ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 546 (1941-1941. Годовые финансовые отчеты Выборгского РОНО на содержание детских садов и детских домов за 1941 год). Л. 6 об.

272

Сводный финансовый отчет Ленгороно. Об исполнении сметы по внебюджетным централизованным учреждениям за 1941 Ц ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 545. (1941-1941). Л. 5. Отчет подписан инспектором 30 июня 1942 г.

Эта память — наша совесть... СПб., 2007. С. 343.

Газиева Л. Л. Указ. соч.

275

Блокада Ленинграда. Эвакуация...

Миксон Я. Л. Указ. соч.

277

Там же.

278

Там же.

Новый год в блокадном Ленинграде в период Великой Отечественной войны // Архивы Санкт-Петербурга [электронный ресурс]. URL: https://spbarchives.ru/newyear_4; дата обращения 1.02.2020.

Миксон Я. Л. Указ. соч.

281

Там же.

Маркова Л. Н. Указ. соч.

283

Миксон И. Л. Указ. соч.

Маркова Л. Н. Указ. соч.

285

Миксон И. Л. Указ. соч.

286

Маркова Л. Я. Указ. соч.

Миксон И. Л. Указ. соч.

Маркова Л. Н. Указ. соч.

289

Там же.

290

Музей обороны Ленинграда // Краеведь
[электронный ресурс]. URL:
<https://fotosergs.livejournal.com/103389.html>;
обращения 1.02.2020. дата

291

Маркова Л. Н. Указ. соч.

Громова Н. А. Ольга Берггольц: Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы. М., 2017. С. 11-12.

293

Там же.

294

Там же. С. 14.

295

Там же.

Берггольц О. Ф. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Л., 1990. С. 220.

Там же. С. 308-312.

Русские советские писатели. Поэты:
Библиографический указатель. М., 1979. Т. 3. Ч. 1.
С. 197-258.

299

Три года (о литгруппе «Смена») // Юный пролетарий.
1928. Декабрь. № 1.

300

Громова Н. А. Указ. соч. С. 25.

301

Там же.

302

Там же. С. 26.

Корнилов Б. П. Стихотворения. Поэмы. М., 1991.

Громова Н. А., Указ. соч. С. 32.

305

Там же. С. 36.

306

Там же. С. 48.

307

Там же. С. 56.

308

Там же. С. 61.

Мильчаков Е. Грозы и травы. Жизнь и творчество Алексея Ивановича Мильчакова — поэта, издателя, библиофила (1900–1966). Киров, 2001. С. 66–67.

Берггольц О. Ф. Никто не забыт, и ничто не забыто.
СПб., 2016. С. 397.

311

Там же. С. 11.

312

Там же. С. 399.

313

Там же. С. 403.

314

Там же. С. 12-13.

315

Там же. С. 25.

316

Там же. С. 29.

317

Там же. С. 39.

Громова Н. А. Указ. соч. С. 89.

Берггольц О. Ф. Никто не забыт, и ничто не забыто...
С. 90.

320

Там же.

321

Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 212.

322

Громова Н. А. Указ. соч. С. 90-91.

323

Там же. С. 92.

324

Там же. С. 95.

Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб., 2004.

326

Там же. С. 150.

327

Громова Н. А. Указ. соч. С. 96.

Берггольц О. Ф. Поэмы. Л., 1974. С. 72-73.

Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 126-127.

Берггольц О. Ф. Никто не забыт, и ничто не забыто...
С. 55.

Вспоминая Ольгу Берггольц... С. 137.

Там же. С. 139.

Берггольц О. Ф. Никто не забыт, и ничто не забыто...
С. 68-69.

334

Там же. С. 70.

335

Там же.

Вспоминая Ольгу Берггольц... С. 140.

Там же. С. 143-144.

338

Там же. С. 144.

339

Там же. С. 146.

340

Там же. С. 148-149.

341

Берггольц О. Ф. Никто не забыт, и ничто не забыто...
С. 81.

342

Там же. С. 87.

343

Там же. С. 97.

344

Победа. Поэты о подвиге Ленинграда в Великой Отечественной войне. Л., 1970.

345

Берггольц О. Ф. Поэмы... С. 81.

346

Берггольц О. Ф. Никто не забыт, и ничто не забыто...
С. 128.

Вспоминая Ольгу Берггольц... С. 161.

348

Громова Н. А. Указ. соч. С. 107.

Берггольц О. Ф. Говорит Ленинград. М., 2019. URL: [https:// public.wikireading.ru/10609](https://public.wikireading.ru/10609); дата обращения 2.02.2020.

Вспоминая Ольгу Берггольц... С. 254.

Берггольц О. Ф. Поэмы... С. 105-106.

352

Там же. С. 114-115.

353

Громова Н. А. Указ. соч. С. 114.

354

Там же.

Берггольц О. Ф. Собрание сочинений. Т. 3. С. 494-496.

356

Вспоминая Ольгу Берггольц... С. 176-177.

357

Громова Н. А. Указ. соч. С. 127.

358

Там же. С. 130.

359

Там же. С. 135.

360

Там же. С. 139.

361

Там же.

362

Там же. С. 140.

363

Вспоминая Ольгу Берггольц... С. 90-91.

364

75 лет Дороге жизни... // ТАСС [электронный ресурс].
22 ноября 2016. URL: [https://tass.ru/obschestvo/3801036?
partner=sl_wozon](https://tass.ru/obschestvo/3801036?partner=sl_wozon); дата обращения 2.02.2020.

Дворкин С., Сегаль А. Трагедия на Ладоге // Нева.
2003. № 8.

366

Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. Л., 1975. С. 54.

367

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 59, 61.

368

Там же. С. 62.

369

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 69.

370

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 69.

371

Там же. С. 70.

372

Там же

373

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

374

Там же.

375

Там же.

376

Там же.

Чернышев А. А. Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941 г. М., 2014. URL: <https://www.rulit.me/books/baltijskij-flot-v-bitve-za-leningrad-1941-g-read-355169-28.html>; дата обращения 2.02.2020.

378

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

379

Там же.

380

Там же.

381

Там же.

382

Там же.

383

Там же.

384

Чернышев А. А. Указ. соч.

385

Там же.

386

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

387

Там же.

388

Там же.

Креницын Ф. Оборона Моонзундских островов в 1941 году // Военно-исторический журнал. 1966. № 9.

Войскунский Е. Баллада о Финском заливе // Дружба народов. 2005. № 3.

391

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 97.

392

ЦА МО РФ. Ф. 217. Оп. 33419. Д. 3. Л. 134-138.

393

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

394

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 101.

395

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

396

Непокоренный Ленинград. Л., 1940. С. 201.

397

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

398

Там же.

399

Там же.

400

Там же.

401

На Дороге жизни... С. 309.

Начальник ледовой «Дороги жизни» 1941-1943 гг.
Михаил Александрович Нефедов // Подвиг Ленинграда
бессмертен. СПб., 2004. URL: <http://www.llg-hist.narod.ru/nephedofpricot.htm>;
дата обращения
3.02.2020.

403

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

404

900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. Л., 1966. С. 298.

405

ЦА МО РФ. ВАД-102 ЛФ. Оп. 7769. Д. 9. Л. 18.

406

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

407

Там же.

408

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 136.

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391. НАТИ (Научный автотракторный институт) — это СХТЗ-НАТИ (СТЗ-3) — марка гусеничного трактора, выпускавшегося с 1937 по 1952 год на тракторостроительных заводах СССР; ЧТЗ — трактор Челябинского тракторного завода, скорее всего — С-65 «Сталинец», тр. — трактор.

410

Штаб ЛВФ. Переписка по ледовой дороге ЛВФ 1941-1942 гг. // ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 47. Кор. 376.

411

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 138.

412

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

413

Там же.

414

Там же.

415

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 169.

416

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

417

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 143.

418

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

419

Там же.

420

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 47. Кор. 376. Л. 16.

421

Там же. Д. 46. Кор. 391.

422

Там же.

423

ЦА МО РФ. Ф. 217. Оп. 1289. Д. 13. Л. 19.

Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. Л., 1985. С. 247.

425

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

426

Там же.

427

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 182.

428

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

429

ЦВМА РФ. Ф. 13. Д. 6309. Л. 41. Цит. по:
Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 182.

430

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

431

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 183.

432

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

433

Там же.

434

Там же.

435

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 184.

436

Там же. С. 185.

437

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

438

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 198.

439

Худякова Н. За жизнь ленинградцев. Л., 1958. С. 68.

440

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

441

Гришина Л. И., Файнштейн Л. А., Великанова Г Я.
Памятные Места Ленинградской Области. Л., 1973. URL:
<http://blokada.otrok.ru/towns.php?t=26>; дата обращения
3.02.2020.

442

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

443

Там же.

444

Там же.

445

Там же.

446

Начальник ледовой «Дороги жизни»...

447

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

Левин Л. А. Курс — Большая земля // Ладога Родная.
Л., 1969. С. 262.

449

ЦВМА РФ. Ф. 505. Оп. 8. Д. 46. Кор. 391.

450

Там же.

451

Ковальчук В. М. Указ. соч. С. 80.